

WE SHOULD ALL BE ZIONISTS

Essays on the Jewish State and the path to peace

Einat Wilf

Edited by
Samuel Hyde

WE SHOULD ALL BE ZIONISTS

Essays on the Jewish State and the path to peace

Einat Wilf

Edited by
Samuel Hyde

WE SHOULD ALL BE ZIONISTS

Essays on the Jewish State and the Path to
Peace

Dr. Einat Wilf

Editor: Samuel Hyde

МЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ СИОНИСТАМИ

Очерки о еврейском государстве и пути к миру

Доктор Эйнат Вильф

Редактор: Сэмюэл Хайд

Copyright © 2022 Dr. Einat Wilf

All rights reserved

The characters and events portrayed in this book are fictitious. Any similarity to real persons, living or dead, is coincidental and not intended by the author.

ISBN-13: 9781234567890

ISBN-10: 1477123456

Cover design by: Art Painter

Library of Congress Control Number: 2018675309

Printed in the United States of America

Авторские права © 2022 Доктор Эйнат Вильф

Все права защищены

Персонажи и события, описанные в этой книге, являются вымышленными. Любое сходство с реальными людьми, живых или мертвых, является случайным и не преднамеренным автором.

ISBN-13: 9781234567890

ISBN-10: 1477123456

Дизайн обложки: Art Painter

Контрольный номер Библиотеки Конгресса: 2018675309

Напечатано в Соединенных Штатах Америки.

INTRODUCTION

This is a transcript of a speech given on April 10, 2022

Transcribed by Jaime Kardontchik

I want to share with you how I began to think about the conflict, my journey, and how I came to the conclusions that I am going to present here. I grew up in Jerusalem. I was part of the Israeli Left - Israel's Peace Camp, and a member of the Israeli Labor Party. As a young adult, I voted for Prime Minister Itzhak Rabin, and later for Prime Minister Ehud Barak. I very much supported the main idea associated with the Israeli Peace Camp; a straightforward idea known as "Land for Peace." This simple equation was that Israel has a path to peace, and the path to peace is based on "Land for Peace" as a formula.

But which land? The land that Israel captured as a result of the 1967 Six-Day war: the Sinai Peninsula in the South, the Golan Heights in the North, and the West Bank and the Gaza Strip in the center. Why was it necessary to come up with this formula? As I am sure you know, after Israel was established, none of Israel's neighbors were willing to make peace with it. All that Israel's neighbors were willing to do was sign ceasefire agreements. So, when people speak of the pre-1967 borders, those were actually ceasefire lines, not borders. The Arab countries surrounding Israel – Lebanon, Syria, Jordan, and Egypt – made it clear that these were ceasefire lines in an ongoing war. The message was that the battle of 1948-1949 was only temporarily over.

After the impressive victory in 1967 and the capture of all these lands, the "land for peace" idea seemed to be a very successful formula. This was the basis for the peace agreement with Egypt, Israel's most prominent foe. Israel signed a peace agreement with Egypt and, in exchange, gave Egypt the Sinai Peninsula, which was more than twice the size of Israel. We can have a

ВВЕДЕНИЕ

Это стенограмма речи, произнесенной 10 апреля 2022 года.

Транскрибировано Хайме Кардончиком.

Я хочу рассказать вам, как я начал размышлять об этом конфликте, о своём пути и о том, как пришёл к выводам, которые собираюсь здесь представить. Я вырос в Иерусалиме. Я был членом израильского левого лагеря «Мир Израиля» и членом Израильской партии труда. В молодости я голосовал за премьер-министра Ицхака Рабина, а позже – за премьер-министра Эхуда Барака. Я горячо поддерживал главную идею, связанную с «Лагерем мира Израиля», – простую идею, известную как «Земля в обмен на мир». Эта простая формула заключалась в том, что у Израиля есть путь к миру, и этот путь основан на формуле «Земля в обмен на мир».

Но какие именно земли? Земли, захваченные Израилем в результате Шестидневной войны 1967 года: Синайский полуостров на юге, Голанские высоты на севере и Западный берег реки Иордан и сектор Газа в центре. Зачем было придумывать эту формулу? Как вы, несомненно, знаете, после создания Израиля ни один из его соседей не хотел заключать с ним мир. Всё, что были готовы сделать соседи Израиля, – это подписать соглашения о прекращении огня. Поэтому, когда говорят о границах до 1967 года, на самом деле это были линии прекращения огня, а не границы. Арабские страны, окружавшие Израиль – Ливан, Сирия, Иордания и Египет – ясно дали понять, что это линии прекращения огня в продолжающейся войне. Посыл заключался в том, что битва 1948-1949 годов закончилась лишь временно.

После впечатляющей победы в 1967 году и захвата всех этих территорий идея «земля в обмен на мир» казалась весьма успешной формулой. Она легла в основу мирного соглашения с Египтом, главным врагом Израиля. Израиль подписал мирное соглашение с Египтом и в обмен на него передал Египту Синайский полуостров, который более чем в два раза превышал территорию Израиля. Мы можем иметь...

fascinating discussion about whether what we have had with Egypt is peace. Still, we officially signed a peace agreement with Egypt and handed over the entirety of the territory of the Sinai Peninsula.

The 1990's were the decade of the "land for peace" formula. This was also the decade of the Rabin and Barak governments. We negotiated with Syria over the Golan Heights, we signed a peace agreement with Jordan, once Jordan gave up its territorial claims to the West Bank, and, of course, the highlight of the 1990's was the Oslo Accords, when Israel negotiated directly with the Palestinian Liberation Organization, with Yasser Arafat, over the future of the West Bank and Gaza.

The 1990's came to a pinnacle in 2000 when Ehud Barak – the head of the Labor party, the head of the Israeli Peace Camp – went to Camp David. Camp David is symbolic: this is where Israel negotiated the peace agreement with Egypt. He goes to Camp David to meet with Arafat and negotiate a final peace agreement over the future of the West Bank and Gaza. When Ehud Barak – who was elected on a platform of making peace based on the "land for peace" formula – went to Camp David, he put forward a far-reaching proposal, something that was not on the table before, certainly not directly with the Palestinians. His proposal addressed everything that Israelis were told are the obstacles to peace and the things the Palestinians wanted.

Israelis were told that the obstacle to peace was the occupation: Palestinians wanted to end the military presence of Israel in the West Bank and Gaza. The proposal was that the Palestinians would have a fully sovereign independent state in the West Bank and Gaza, thereby ending the occupation. Israel was going to retreat; there would not be a military presence. So, ending the occupation was part of the proposal.

What was the other obstacle to peace we were told? Settlements. So, the State of Palestine, the sovereign independent State of Palestine, would have no settlements. Settlements were either to be dismantled or exchanged for equivalent land. The independent sovereign State of Palestine would end the occupation and have no settlements. So, two obstacles were removed.

Then, what were we told? Jerusalem. Jerusalem was going to be divided: the Jewish neighborhoods for Israel, the Arab, secular neighbors for Palestine, and, then, the question of the Old City: the one square kilometer, which I

Увлекательная дискуссия о том, можно ли считать миром то, что у нас было с Египтом. Тем не менее, мы официально подписали мирное соглашение с Египтом и передали ему всю территорию Синайского полуострова.

1990-е годы были десятилетием формулы «земля в обмен на мир». Это было также десятилетие правительств Рабина и Барака. Мы вели переговоры с Сирией о Голанских высотах, подписали мирное соглашение с Иорданией после того, как Иордания отказалась от территориальных претензий на Западный берег, и, конечно же, кульминацией 1990-х годов стали соглашения в Осло, когда Израиль напрямую вёл переговоры с Организацией освобождения Палестины (ООП) и Ясиром Арафатом о будущем Западного берега и сектора Газа.

1990-е годы достигли своего апогея в 2000 году, когда Эхуд Барак, глава партии «Авода» и израильского «Лагеря мира», отправился в Кэмп-Дэвид. Кэмп-Дэвид символичен: именно здесь Израиль вёл мирные переговоры с Египтом. Он отправляется в Кэмп-Дэвид, чтобы встретиться с Арафатом и обсудить окончательное мирное соглашение о будущем Западного берега и сектора Газа. Когда Эхуд Барак, избранный на платформе заключения мира по формуле «земля в обмен на мир», отправился в Кэмп-Дэвид, он выдвинул далеко идущее предложение, которое ранее не обсуждалось, и уж точно не обсуждалось напрямую с палестинцами. Его предложение касалось всего того, что израильтянам говорили о препятствиях на пути к миру и о том, чего хотят палестинцы.

Израильтянам говорили, что препятствием к миру является оккупация: палестинцы хотели положить конец военному присутствию Израиля на Западном берегу и в секторе Газа. Предложение заключалось в том, что палестинцы получают полностью суверенное независимое государство на Западном берегу и в секторе Газа, что положит конец оккупации. Израиль собирался отступить; военного присутствия не будет. Таким образом, прекращение оккупации было частью предложения.

Какое ещё препятствие к миру нам сказали? Поселения. Таким образом, в Государстве Палестина, суверенном независимом Государстве Палестина, не будет поселений. Поселения должны были быть либо снесены, либо обменены на равноценные земли. Независимое суверенное Государство Палестина прекратит оккупацию и не будет иметь поселений. Таким образом, были устранены два препятствия.

Что же нам сказали потом? Иерусалим. Иерусалим будет разделён: еврейские кварталы – для Израиля, арабские, светские соседи – для Палестины, а затем встанет вопрос о Старом городе: один квадратный километр, который я...

fondly refer to as “insanity central”. That one square kilometer was also going to be divided. We sometimes forget how far-reaching the proposal was: the Holy sites within the Old City were going to be divided between Israel and Palestine. We were told Jerusalem is the problem, an obstacle to peace, but that was also taken care of in the proposal. So, check, check, check. All the Palestinians had to do was say “yes”, and they would have had an end to the occupation, a sovereign state, no settlements, a capital in East Jerusalem, including Holy sites. What do they do?

They walk away.

OK. You might say walking away is a negotiating tactic. You know, that happens. Fair enough. But Arafat walks away, and eight years later, in 2008, Abu Mazen [Mahmoud Abbas], the heir of Arafat, steps away from a similar proposal by Prime Minister Ehud Olmert. Arafat walks away, and Abu Mazen later walks away to no criticism from their people. If this is the Palestinian aspiration, you would expect, at least, someone to write an op-ed, a small NGO to be established, something saying: “Are you crazy? We could have had everything we wanted. Go back there into the negotiating room and get us our state”.

But there were no such voices. I know that sometimes people say: “It’s because you cannot criticize in this society, Palestinian society is not democratic.” Look at Russia today. People are holding signs and protesting, and the stakes there are much higher. Palestinian society has never been as oppressive as Russia, yet you see protests in Russia. You did not see protests against Arafat walking away among the Palestinians. Arafat and Abu-Mazen walk away with no criticism from their people, meaning they fulfill what their people want by walking away.

What follows is bloody murder. What follows, especially after Arafat walks away, is a three-year campaign named “the second Intifada,” a movement of butchery, massacre, and terrorism. Some of you might remember the incinerated buses, entire families blown to bits for having a Seder in a hotel, or from getting pizza in Haifa. And this butchery is taking place in Israel’s cities: Tel-Aviv, Haifa, in Be’er Sheva. Not in the settlements. They say: “the problem is the settlements and the occupation in the West Bank.” That is not where this campaign of butchery was taking place.

Этот квадратный километр, который с любовью называют «центром безумия», тоже собирались разделить. Мы иногда забываем, насколько далеко идущим было это предложение: святые места в Старом городе должны были быть разделены между Израилем и Палестиной. Нам говорили, что Иерусалим — проблема, препятствие к миру, но это тоже было учтено в предложении. Так что, проверяйте, проверяйте, проверяйте. Палестинцам оставалось лишь сказать «да», и они бы получили конец оккупации, суверенное государство, никаких поселений, столицу в Восточном Иерусалиме, включая святые места. Что же они делают?

Они уходят.

Ладно. Можно сказать, что уход – это тактика переговоров. Знаете, такое случается. Справедливо. Но Арафат уходит, и восемь лет спустя, в 2008 году, Абу Мазен [Махмуд Аббас], преемник Арафата, отступает от аналогичного предложения премьер-министра Эхуда Ольмерта. Арафат уходит, и Абу Мазен позже уходит без какой-либо критики со стороны своего народа. Если палестинцы стремятся к этому, то можно было бы ожидать, что кто-то напишет статью, создаст небольшую НПО, что-то вроде: «Вы с ума сошли? Мы могли бы получить всё, что хотели. Возвращайтесь в зал переговоров и создайте для нас наше государство».

Но таких голосов не было. Знаю, иногда люди говорят: «Это потому, что в этом обществе нельзя критиковать, палестинское общество недемократично». Взгляните на сегодняшнюю Россию. Люди держат плакаты и протестуют, и ставки там гораздо выше. Палестинское общество никогда не было таким репрессивным, как российское, и тем не менее, вы видите протесты в России. Вы не видели протестов против ухода Арафата среди палестинцев. Арафат и Абу-Мазен уходят, не оставляя критики от своего народа, а значит, уходя, они выполняют то, чего хочет их народ.

А дальше – кровавое убийство. А затем, особенно после ухода Арафата, – трёхлетняя кампания под названием «вторая интифада» – движение резни, кровопролития и терроризма. Некоторые из вас, возможно, помнят сожжённые автобусы, целые семьи, разорванные на куски за то, что они провели семер в отеле или заказали пиццу в Хайфе. И эта бойня происходит в израильских городах: Тель-Авиве, Хайфе, Беэр-Шеве. А не в поселениях. Они говорят: «Проблема в поселениях и оккупации Западного берега». Эта кампания бойни разворачивалась не там.

And many Israelis going through that – myself included – are asking a straightforward question. What do the Palestinians want? Because a Palestinian State that ends the occupation, with no settlements and a capital in East Jerusalem, is not what they want. Or, you could say that they want that, but there is something that they want much, much more. There is something they want so much more than they are willing to walk away from that – for that other thing. What is that other thing?

It turns out that the answer was staring us in the face. Palestinians told us all along what they wanted. We did not listen. Or when we did listen, we explained it away. We did not take it seriously. What did the Palestinians want more than a state, more than ending the occupation, more than no settlements, more than Jerusalem? They told us: "From the river to the sea, that is from the Jordan River to the Mediterranean Sea, Palestine will be free."

The absolute Palestinian top priority, as they themselves claimed, was the establishment of an Arab Palestinian State with no state for the Jewish people within any borders whatsoever. The goal, which to the credit of the Palestinians, they have been pursuing consistently for a century, has not changed. Unfortunately, there has not been a moment when that goal has changed. The means of pursuing that goal have been different.

In our book "The war of return," my co-writer Adi Schwartz and myself focus on one of these means, the so-called "Right of Return," which, if you read the book, is neither a "right" nor by now "return". It is a mechanism established by the Palestinians, following the war of 1948, to ensure that the war never ends and that the concept of a sovereign Jewish state in even part of the land remains unacceptable and, hopefully in their view, something that can be undone. This has been the goal.

When Adi and I were doing our research for the book, we came across a remarkable analysis of the conflict by the British Foreign Minister after World War II, Ernest Bevin. If you know anything about Ernest Bevin, he was no friend to the Jewish people and Zionism. But Ernest Bevin, in explaining to the British Parliament in 1947 why Britain was reneging on the mandate that they received from the League of Nations to establish a Jewish State, basically giving back the mandate to the heir of the League of Nations,

И многие израильтяне, проходящие через это, включая меня, задают прямой вопрос: Чего хотят палестинцы? Потому что палестинское государство, которое положит конец оккупации, без поселений и со столицей в Восточном Иерусалиме, — это не то, чего они хотят. Или, можно сказать, они хотят этого, но есть кое-что, чего они хотят гораздо, гораздо больше. Есть нечто, чего они хотят гораздо больше, чем готовы от этого отказаться, — ради чего-то другого. Что это за другое?

Оказалось, что ответ был у нас перед глазами. Палестинцы всё время говорили нам, чего они хотят. Мы не слушали. А когда слушали, то оправдывались. Мы не воспринимали это всерьёз. Чего палестинцы хотели больше, чем государство, больше, чем прекращение оккупации, больше, чем отсутствие поселений, больше, чем Иерусалим? Они говорили нам: «От реки до моря, то есть от реки Иордан до Средиземного моря, Палестина будет свободна».

Абсолютным приоритетом палестинцев, как они сами заявляли, было создание арабского палестинского государства без какого-либо отдельного государства для еврейского народа в каких-либо границах. Цель, к которой, надо отдать должное палестинцам, они неуклонно стремились на протяжении столетия, не изменилась. К сожалению, эта цель ни разу не менялась. Средства её достижения были иными.

В нашей книге «Война за возвращение» мы с моим соавтором Ади Шварцем фокусируемся на одном из таких средств – так называемом «Праве на возвращение», которое, если вы прочтёте книгу, не является ни «правом», ни уже «возвращением». Это механизм, созданный палестинцами после войны 1948 года, чтобы гарантировать, что война никогда не закончится, а концепция суверенного еврейского государства хотя бы на части территории останется неприемлемой и, надеюсь, с их точки зрения, может быть отменена. В этом и заключалась наша цель.

Когда мы с Ади готовили книгу, мы наткнулись на замечательный анализ конфликта, проведённый британским министром иностранных дел после Второй мировой войны Эрнестом Бевинем. Если вы хоть что-то знаете об Эрнесте Бевине, то знаете, что он не был другом еврейского народа и сионизма. Но Эрнест Бевин, объясняя британскому парламенту в 1947 году, почему Великобритания отказывается от мандата, полученного от Лиги Наций на создание еврейского государства, фактически возвращая этот мандат наследнику Лиги Наций,

the United Nations, he said the following: "His Majesty's government has concluded that the conflict in the land is irreconcilable". He calls it irreconcilable. He goes on to detail, saying that there were two people on the ground, Jews and Arabs. There was no question that two peoples, two nations exist in the land, and they are not religions. Jews and Arabs are two distinct collectives. And he goes on to detail what the top priority is for each of these collectives, for the Jews and the Arabs. He calls this top priority "a point of principle". He says, for the Jews, the point of principle, the top priority, is to establish a State. The Jews want a State. He says, for the Arabs, the top priority, the point of principle, is to prevent the Jews from establishing a state in any part of the land.

Notice how he defines the conflict. This is the best definition of the conflict to the present day and remains the best predictor for the behavior of the two sides from 1947 to the present. He says: 'Look: the Jews want a State. Period. The Arabs want the Jews not to have a State'. Notice that he is not saying that the conflict is 'the Jews want a State, the Arabs want a State, and they cannot agree on the borders, and it is difficult to figure out how to divide the land'. No. He zeroes in on why the conflict is irreconcilable: the Jews want a State, and the Arabs want the Jews not to have a State. This, by definition, is irreconcilable. Everything else you can divide. You can divide the land, divide the resources, and have all kinds of economic and security arrangements. But the one thing that you cannot divide, the one difference that you cannot split, is between the idea that the Jews want a State and the Arabs want the Jews not to have a State. It is as simple as that.

Now, how do we move from here? If this is the essence of the conflict, how does it end?

It ends in one of two ways. Quite simple. Either those who want a Jewish State will forgo that top priority, or those who believe that there should not be a Jewish state within any borders will forgo their top priority. That's it. That is how we get to lasting peace. Either the Jews forgo their desire for a sovereign State, in essence, they say, 'you know, it is not worth it, there are other places to live, we are outta here,' or the Arabs decide that they are willing to let a Jewish State exist, in some borders. Only in one of those two ways does the conflict end. Truly resolved.

В Организации Объединенных Наций он заявил следующее: «Правительство Его Величества пришло к выводу, что конфликт на этой земле непримирим». Он называет его непримиримым. Он продолжает детализировать, говоря, что на этой земле жили два народа – евреи и арабы. Не было никаких сомнений в том, что на этой земле существуют два народа, две нации, и они не являются религиями. Евреи и арабы – это два разных сообщества. И он подробно описывает, что является главным приоритетом для каждого из этих сообществ, для евреев и арабов. Он называет этот главный приоритет «принципиальным». Он говорит, что для евреев главным принципом, главным приоритетом является создание государства. Евреи хотят государства. Он говорит, что для арабов главным приоритетом, главным принципом является недопущение создания евреями государства в какой-либо части страны.

Обратите внимание, как он определяет конфликт. Это лучшее определение конфликта на сегодняшний день и остаётся лучшим предсказателем поведения обеих сторон с 1947 года по настоящее время. Он говорит: «Смотрите: евреи хотят государство. Точка. Арабы хотят, чтобы у евреев не было государства». Обратите внимание, он не говорит, что конфликт заключается в том, что «евреи хотят государство, арабы хотят государство, и они не могут договориться о границах, и трудно решить, как разделить территорию». Нет. Он сосредотачивается на том, почему конфликт непримирим: евреи хотят государство, а арабы хотят, чтобы у евреев не было государства. Это, по определению, непримиримо. Всё остальное можно разделить. Можно разделить землю, разделить ресурсы и иметь всевозможные экономические и военные соглашения. Но единственное, что невозможно разделить, единственное различие, которое невозможно разделить, — это между идеей, что евреи хотят государство, и идеей, что арабы хотят, чтобы у евреев не было государства. Всё очень просто.

Итак, как нам действовать дальше? Если в этом суть конфликта, то как он разрешится?

Это заканчивается одним из двух способов. Довольно просто. Либо те, кто хочет еврейского государства, откажутся от этого первостепенного приоритета, либо те, кто считает, что еврейского государства не должно быть ни в каких границах, откажутся от своего первостепенного приоритета. Вот и всё. Так мы достигнем прочного мира. Либо евреи откажутся от своего стремления к суверенному государству, по сути, они скажут: «Знаете, это того не стоит, есть другие места для жизни, мы...»

«Убирайтесь отсюда», или арабы решат, что они готовы позволить еврейскому государству существовать в определённых границах. Только в одном из этих двух случаев конфликт разрешится. По-настоящему разрешится.

Sometimes I say that the conflict is between Jewish Zionism and Arab anti-Zionism. For the conflict to end, either Jews forgo their Zionism, forgo their desire for a sovereign State, or Arabs forgo their anti-Zionism, forgo their belief that a Jewish State should not exist within any borders whatsoever. That's it. In the absence of one of these two outcomes, the conflict continues. One could argue that the conflict has been a century-long battle of mutual exhaustion, where the Arabs are trying to exhaust the Jews into giving up on their aspirations for a State and for maintaining that State and the Jews are trying to get the Arabs to forgo their aspiration for them not to be a Jewish State. That's it. And we have been engaged for more than a century in this battle of mutual exhaustion.

The reason that this has been going on for a century is that both sides see indications they are winning: Jews look at their achievements, the establishment of their State, their various military victories, the prosperity of the State, the peace agreements, the Abraham Accords (and we will talk about them in a few minutes), and they say: The Arab world is finally coming to terms with the existence of the Jewish State. Hence, we can see the end of the conflict. But the Arabs on the other side see it differently: No, the Jewish State is weak, Jews are arguing, young Jews abroad are renouncing Zionism, more and more Jews are forgoing their aspirations for a Jewish State. The world is calling the Jewish State apartheid. The world is mobilizing to end the Jewish State. We are winning. We only have to exhaust the other side.

This is where we are. This is what brings the conflict to an end. As I said, both sides believe time is on their side. Someone tweeted recently "The Zionist experiment will not last for more than twenty years; it shows its weaknesses and contradictions. It is not going to last." From their perspective, it is an entirely rational worldview. After we published the book, initially in Hebrew, Adi and I had many meetings with Western journalists and diplomats, especially those from countries funding UNRWA. This agency constantly fuels the Palestinian worldview that Israel is temporary. We keep on telling them: "Look, you think that you are funding social services, but from the Palestinian perspective, every dollar you are giving to UNWRA is a dollar Palestinians believe is a vote of support on behalf of the West, to their belief that Israel is a temporary experiment destined to end in the near future." The Westerners say: "Oh, that can't be. The Palestinians know this is a delusion; they understand that there will not be a return inside

Иногда я говорю, что конфликт идёт между еврейским сионизмом и арабским антисионизмом. Чтобы конфликт прекратился, либо евреи откажутся от своего сионизма, от своего стремления к суверенному государству, либо арабы откажутся от своего антисионизма, от своей веры в то, что еврейское государство не должно существовать ни в каких границах. Вот и всё. При отсутствии одного из этих двух исходов конфликт продолжается. Можно утверждать, что этот конфликт — вековая битва на взаимное истощение, в которой арабы пытаются измотать евреев, чтобы те отказались от своих стремлений к государству и его сохранению, а евреи пытаются заставить арабов отказаться от стремления к тому, чтобы они не были еврейским государством. Вот и всё. И мы ввязались в эту битву на взаимное истощение уже более века.

Причина, по которой это продолжается уже столетие, заключается в том, что обе стороны видят признаки своей победы: евреи смотрят на свои достижения, создание своего государства, свои многочисленные военные победы, процветание государства, мирные соглашения, Соглашения Авраама (и мы поговорим о них через несколько минут), и говорят: Арабский мир наконец-то смиряется с существованием еврейского государства. Следовательно, мы видим конец конфликта. Но арабы с другой стороны видят это иначе: Нет, еврейское государство слабо, евреи спорят, молодые евреи за рубежом отрекаются от сионизма, всё больше евреев отказываются от своих стремлений к еврейскому государству. Мир называет еврейское государство апартеидом. Мир мобилизуется, чтобы положить конец еврейскому государству. Мы побеждаем. Нам нужно только измотать другую сторону.

Вот где мы находимся. Именно это и приводит к прекращению конфликта. Как я уже говорил, обе стороны считают, что время на их стороне. Недавно кто-то написал в Твиттере: «Сионистский эксперимент не продлится больше двадцати лет; он показывает свои слабости и противоречия. Он не продлится долго». С их точки зрения, это совершенно рациональное мировоззрение. После публикации книги, первоначально на иврите, мы с Ади много раз встречались с западными журналистами и дипломатами, особенно из стран, финансирующих БАПОР. Это агентство постоянно подпитывает палестинское представление о том, что Израиль – это временное явление. Мы постоянно говорим им: «Послушайте, вы думаете, что финансируете социальные службы, но с точки зрения палестинцев, каждый доллар, который вы даёте БАПОР, – это доллар, который палестинцы считают вотумом поддержки со стороны Запада, их убеждению, что Израиль – это временный эксперимент, который должен закончиться в ближайшем будущем». Западные люди говорят: «О, этого не может быть. Палестинцы знают, что это заблуждение; они понимают, что возврата не будет внутри».

the sovereign State of Israel – which is what the Palestinians demand – so, you know, it is not going to happen. It is a delusion".

We always tell them: Give the Palestinians the respect of taking them at their word. From their perspective and understanding of history, they are not delusional. They open a map. They see seven million Jews existing among half a billion Arabs, near one and a half billion Muslims, most of them still hostile to a Jewish State within any borders. They, not irrationally, conclude that time is on their side. This is why the traditional comparison Palestinians make is of Israelis to "colonizers". Israel is like the French in Algeria, like the Crusaders, a state that lasted eighty-eight years, or more if you do not include Jerusalem. Recently they compared us to the Americans in Afghanistan. From their perspective, we are a foreign people, colonizers who came to land to which we had no connection, no historical affinity or cultural reference. To them, we stole the land, took it from people to whom it belonged, and therefore, like all foreigners, we, the Jews in Israel, are destined to leave if we meet enough resistance and violence. This is the dominant narrative, not just among the Palestinians but in the Arab world.

What do we have on our side? Why, by and large, am I more optimistic these days than I have been for quite some time? Because I do see, for the first time ever, the emergence of an alternative worldview regarding Israel's presence in the region.

The peace agreements that Israel made with Egypt and Jordan did not fundamentally alter the Arab narrative regarding Israel by which Israel is a foreign, colonial, Western outpost in the region which will one day disappear. The so-called peace agreements with Egypt and Jordan were better understood as non-aggression pacts: there were barely any diplomatic relations, no tourism, no economic relations, and no warmth. Egypt and Jordan continued to promote anti-Israel resolutions in international bodies. Egypt remained the number one producer and promoter of Antisemitic content in Arabic. For decades, Israelis were told this is what peace looks like in the Arab world. As long as the conflict with the Palestinians continues, this is the best that Israelis could hope for.

And then came the Abraham Accords with the Gulf states and later with Morocco: the UAE, Bahrain, and Morocco. And those countries went all in.

суверенное государство Израиль – то, чего требуют палестинцы – так что, как вы знаете, этого не произойдёт. Это заблуждение».

Мы всегда говорим им: «Проявите к палестинцам уважение и поверьте им на слово». С их точки зрения и понимания истории, они не заблуждаются. Они открывают карту. Они видят семь миллионов евреев среди полумиллиарда арабов, около полутора миллиардов мусульман, большинство из которых по-прежнему враждебно относятся к еврейскому государству в любых границах. Они, и не без оснований, приходят к выводу, что время на их стороне. Именно поэтому палестинцы традиционно сравнивают израильтян с «колонизаторами». Израиль – это как французы в Алжире, как крестоносцы, государство, просуществовавшее восемьдесят восемь лет, а то и больше, если не считать Иерусалим. Недавно они сравнили нас с американцами в Афганистане. С их точки зрения, мы – чужой народ, колонизаторы, пришедшие на землю, с которой у нас нет никакой связи, никакой исторической близости или культурных традиций. Для них мы украли землю, отняли её у народа, которому она принадлежала, и поэтому, как и все иностранцы, мы, евреи в Израиле, обречены уйти, если столкнёмся с достаточным сопротивлением и насилием. Это доминирующая точка зрения не только среди палестинцев, но и в арабском мире.

Что у нас на стороне? Почему, в общем и целом, я сейчас настроен более оптимистично, чем когда-либо за последнее время? Потому что я впервые вижу появление альтернативного взгляда на присутствие Израиля в регионе.

Мирные соглашения, заключённые Израилем с Египтом и Иорданией, принципиально не изменили арабский нарратив об Израиле, согласно которому Израиль является иностранным, колониальным, западным форпостом в регионе, который однажды исчезнет. Так называемые мирные соглашения с Египтом и Иорданией можно было бы скорее рассматривать как пакты о ненападении: дипломатических отношений практически не было, не было туризма, экономических связей и никакого тёплого отношения. Египет и Иордания продолжали продвигать антиизраильские резолюции в международных организациях. Египет оставался главным производителем и распространителем антисемитского контента на арабском языке. Десятилетиями израильтянам твердили, что именно так выглядит мир в арабском мире. Пока продолжается конфликт с палестинцами, это лучшее, на что израильтяне могут надеяться.

Затем последовали Авраамовы соглашения со странами Персидского залива, а затем и с Марокко: ОАЭ, Бахрейном и Марокко. И эти страны пошли ва-банк.

Immediate warm diplomatic relations, tourism, and economic relations. My Twitter feed is full of daily news about new agreements signed between Gulf countries, Morocco and Israel in education, space, and agriculture. They went all in. Within days of signing the Abraham Accords, they also changed their books, which tells you that you change your books after you sign the peace agreement, not before.

And really, everything is in one word: Abraham.

You could not think of a better word to flip the narrative. The current dominant narrative in the Arab world remains still that Israel is a foreign, colonial implant in the region to which it has no connection and, therefore, is a temporary presence that will be ousted with enough resistance, patience, and violence. In that case, there is no better single word to flip this narrative than saying "Abraham". When you say "Abraham," you acknowledge the Jews as kin, you accept the Jews as people with a history in the region, not as foreigners, but as a people who belong, who have deep-seated historical and cultural roots in the region. Their very identity as a people is wrapped up in the Land of Israel. You can convey all of this by saying, "Abraham."

I am under no illusion that this has not become the dominant narrative in the Arab world. But when this becomes the dominant narrative in the Arab world, it does not have to be exclusive, this will be the day that we will have peace. Because that is what the fundamental conflict is about. The actual conflict is not about, and has never been, about occupation or settlements and not even Jerusalem. It has always been about the Arab, and even broadly the Islamic world view that a Jewish State in any borders in the region is an abomination, gross injustice, and something that, therefore, needs to be made to disappear by any means: wars, terrorism, international condemnations, violence, "return."

This is what the conflict is about. And for the first time in the history of the conflict, we finally have a confident Arab and Muslim narrative that says the opposite. After the Abraham Accords were signed, I became part of the Abraham Accords group, and I ended up talking about Zionism to young Emiratis, Bahrainis and Moroccans. In an almost mirror image of what you hear among some young Jews in the West, they said: "We feel we have been lied to about Israel and Zionism, and we want to understand." Following that,

Сразу же установились тёплые дипломатические отношения, туризм и экономические связи. Моя лента в Твиттере ежедневно заполнена новостями о новых соглашениях, подписанных между странами Персидского залива, Марокко и Израилем в сфере образования, космоса и сельского хозяйства. Они пошли ва-банк. Через несколько дней после подписания Авраамовых соглашений они также изменили свои бухгалтерские книги, что говорит о том, что менять бухгалтерские книги нужно после подписания мирного соглашения, а не до него.

И действительно, все заключается в одном слове: Авраам.

Лучшего слова для переворачивания этой истории не придумаешь. В арабском мире по-прежнему доминирует мнение, что Израиль — иностранный, колониальный имплантат в регионе, с которым он никак не связан, и, следовательно, временное присутствие, которое будет вытеснено при достаточном сопротивлении, терпении и насилии. В таком случае, нет лучшего слова для переворачивания этой истории, чем «Авраам». Произнося «Авраам», вы признаёте евреев своими родственниками, принимаете евреев как народ с историей в этом регионе, не как иностранцев, а как народ, который принадлежит этому региону, имеющий глубокие исторические и культурные корни. Сама их идентичность как народа неразрывно связана с Землёй Израиля. Всё это можно выразить, произнеся «Авраам».

Я не питаю иллюзий, что эта версия не стала доминирующей в арабском мире. Но когда она станет доминирующей в арабском мире, она не обязательно будет исключительной, именно в этот день у нас наступит мир. Потому что именно в этом и заключается суть фундаментального конфликта. Суть конфликта не в оккупации, поселениях и даже не в Иерусалиме, и никогда не была таковой. Речь всегда шла о взгляде арабов и даже в целом исламского мира на еврейское государство в регионе с любыми границами — это мерзость, вопиющая несправедливость и, следовательно, нечто такое, что необходимо уничтожить любыми средствами: войнами, терроризмом, международным осуждением, насилием, «возвращением».

В этом и заключается суть конфликта. И впервые за всю историю конфликта у нас наконец-то есть уверенная арабская и мусульманская позиция, которая говорит об обратном. После подписания Авраамовых соглашений я присоединился к группе, которая их поддерживает, и в итоге стал рассказывать о сионизме молодым эмиратцам, бахрейнцам и марокканцам. Почти зеркальное отражение того, что можно услышать от некоторых молодых евреев на Западе, они сказали: «Мы чувствуем, что нам лгали об Израиле и сионизме, и мы хотим разобраться». После этого

I published an op-ed with two young Emiratis, a man, and a woman, that opens with the following line: “We are a proud Muslim, a proud Arab, and we see no contradiction between that and also being Zionist.” They said: “We are Zionists,” they did not try to avoid that word. They said: “We see no contradiction between the proud Muslim and Arab identity and support for the Jewish people's right to a sovereign state in at least part of their ancient homeland.” For the first time, we have a pro-Zionist, pro-Israel, Arab position that recognizes Israel as a country that reflects an indigenous people, a people with a deep historical and cultural connection to the land.

One of the most impressive developments, which helps me make a powerful point, is that as soon as the Gulf countries and Morocco became favorable towards Israel, they also became favorable toward Jews. You know that as a result of the ethnic cleansing of Jews from the Arab world, there are not many Jews in Arab countries, but the UAE, Bahrain, and Morocco are now going out of their way to show how much they want to celebrate Jewish life in their country. And they are not celebrating dead Jews. They are celebrating living Jews. My twitter feed is full of Bahrainis and Emiratis and Moroccans holding celebrations of Jewish holidays with local Jews or Jewish expats. It helps me make the following point:

In the West today, quite a few are trying to claim that anti-Zionism is not against the Jews. As long as the Jews are against Zionism, we love Jews. Anti-Zionism is just an ideology about Israel. Now, I can split those hairs: anti-Zionism does not necessarily have to be anti-Jewish. This is true in theory. Except that in practice, it always is. In short order, every country, society, party, and campus that turned virulently anti-Zionist became hostile to Jewish life. When the Arab world made anti-Zionism a central tenet, it had no Jews within short order. And those are Jews that pre-existed the Arab and Islamic conquest of the 7th century. The Soviet Union, as soon as it became anti-Zionist and made anti-Zionism a central tenet, became a place that was hostile to Jews, and where Jews left as soon as they could. I could go on: Corbyn's Labor Party [in the UK], certainly American campuses.

When you make anti-Zionism a central tenet of who you are as a country, a society, whatever the theory is, you are not a welcoming place for Jews. And now, we are seeing the opposite: we are seeing that when Arab countries are embracing Israel, are embracing Zionism, understanding the historical

Я опубликовал статью с двумя молодыми эмиратцами, мужчиной и женщиной, которая начинается со следующих строк: «Мы — гордые мусульмане, гордые арабы, и мы не видим противоречия между этим и тем, что мы сионисты». Они сказали: «Мы — сионисты», они не пытались избежать этого слова. Они сказали: «Мы не видим противоречия между гордой мусульманской и арабской идентичностью и поддержкой права еврейского народа на суверенное государство хотя бы на части своей древней родины». Впервые у нас есть просионистская, произраильская, арабская позиция, которая признает Израиль как страну, отражающую коренной народ, народ с глубокой исторической и культурной связью с этой землей.

Одно из самых впечатляющих событий, которое помогает мне убедительно доказать свою точку зрения, заключается в том, что как только страны Персидского залива и Марокко стали благосклонно относиться к Израилю, они также стали благосклонно относиться к евреям. Вы знаете, что в результате этнических чисток евреев в арабских странах осталось не так много евреев, но ОАЭ, Бахрейн и Марокко теперь изо всех сил стараются показать, как сильно они хотят чтить память евреев в своих странах. И они чтят не мёртвых евреев. Они чтят память живых евреев. Моя лента в Твиттере полна сообщений от бахрейнцев, эмиратцев и марокканцев, отмечающих еврейские праздники вместе с местными евреями или еврейскими экспатами. Это помогает мне подчеркнуть следующее:

Сегодня на Западе немало людей пытаются утверждать, что антисионизм не направлен против евреев. Пока евреи против сионизма, мы любим евреев. Антисионизм — это всего лишь идеология, направленная против Израиля. Теперь я могу внести ясность: антисионизм не обязательно должен быть антиеврейским. Теоретически это верно. За исключением того, что на практике он всегда им является. Вскоре каждая страна, общество, партия и университет, которые стали яростно антисионистскими, стали враждебными к еврейской жизни. Когда арабский мир сделал антисионизм своим центральным догматом, в нём вскоре не осталось ни одного еврея. А ведь эти евреи существовали до арабского и исламского завоевания VII века. Советский Союз, как только он стал антисионистским и сделал антисионизм своим центральным догматом, стал местом, враждебным к евреям, и евреи уехали оттуда, как только смогли. Я мог бы продолжить: Лейбористская партия Корбина [в Великобритании], и, конечно же, американские университеты.

Когда вы делаете антисионизм центральным принципом вашей страны, общества, какой бы ни была теория, вы не являетесь гостеприимным местом для евреев. А теперь мы видим обратное: мы видим, как арабские страны принимают Израиль, принимают сионизм, понимая историческую

connections between the Jewish people, the people of Israel, and the Land of Israel, they also become welcoming and warm places for Jewish life. This is a very instructive example of the profound connection between being warm towards Israel and Zionism and welcoming and being warm towards a prosperous Jewish life.

We are still stuck in the middle of this conflict. Fundamentally, it is a straightforward conflict between Jewish Zionism and Arab anti-Zionism. I want this conflict to end not by Jews forgoing their State but by the Arabs forgoing their mobilization against the Jewish State. When that happens, I believe it will be the most straightforward negotiation. We will have a Jewish State living next to an Arab Palestinian State, but not before much of the Arab world, certainly the Palestinians, forgo the notion that having a Jewish State within any borders is some abomination to which they must dedicate their lives to erase. To bring about that eventuality, sooner rather than later, we must make it clear to Palestinians and the Arab world at large that if their goal is "from the River to the Sea," if their goal is no Jewish State in any borders whatsoever, they will not have our sympathy and support. Not that of the West. But, if they finally adopt a path of having an Arab Palestinian State next to Israel rather than instead of Israel, they will find everyone rushing to support them in that constructive cause.

Благодаря связям между еврейским народом, народом Израиля и Землёй Израиля, они также становятся гостеприимными и тёплыми местами для еврейской жизни. Это весьма поучительный пример глубокой связи между тёплым отношением к Израилю и сионизму и гостеприимством и тёплым отношением к процветающей еврейской жизни.

Мы всё ещё застряли в этом конфликте. По сути, это прямой конфликт между еврейским сионизмом и арабским антисионизмом. Я хочу, чтобы этот конфликт закончился не отказом евреев от своего государства, а отказом арабов от мобилизации против еврейского государства. Когда это произойдёт, я уверен, переговоры пройдут самым простым путём. У нас будет еврейское государство, соседствующее с арабским палестинским государством, но не раньше, чем значительная часть арабского мира, и, конечно же, палестинцы, откажутся от мысли, что существование еврейского государства в каких бы то ни было границах – это мерзость, искоренению которой они должны посвятить всю свою жизнь. Чтобы добиться этого, как можно скорее, мы должны ясно дать понять палестинцам и арабскому миру в целом, что если их цель – «от реки до моря», если их цель – отсутствие еврейского государства в каких бы то ни было границах, они не получат ни нашей поддержки, ни сочувствия. И сочувствия, ни поддержки Запада. Но если они, наконец, выберут путь создания арабского палестинского государства рядом с Израилем, а не вместо него, то все поспешат поддержать их в этом конструктивном деле.

TABLE OF CONTENTS

We Should All Be Zionists

The BDS Pound of Flesh and Anti-Zionism
Arguing Israel Contra BDS
The Antisemitism Mechanism
Durban: A Legacy of Destruction
Anti-Zionism: The New Innocent Sounding Antisemitism How Not to Think About The Conflict
Jewish Power and Powerlessness
Zionism and Feminism
Confident Zionism
Introducing Muslim Zionism

What is A Jewish State?

What Is The Jewish State?
Democracy Against All Odds
A Day For Atheist Rebels Taking Charge
Israel Doesn't Need Liberal Judaism - It Needs Liberalism
Israel Doesn't Need Conservative or Reform Judaism
Here Is Why So Many Are Outraged By Israel's Nation State Law We Are Still A Minority In The Region
Israeli Arab MK Mansour Abbas Is What Zionism Intended

What Do Palestinians Really Want?

The Fatal Flaw That Doomed The Oslo Accords
The Gaza Protests Are About Ending Israel
How UNRWA Prevents Gaza From Thriving
Let's Lay The Myth To Rest: Rabin Would Not Have Brought Peace The Real Killer Of The Two State Solution

There Is No Silence To Be Broken On The Occupation
Palestinian Refugee 'Return': A Critique

There Is A Path To Peace, It Is Not Short

Constructive Ambiguity Has Not Worked - Peace Needs Constructive Specificity Western States Fail To Understand Palestinian 'Right of Return'
Trump's Peace Plan Could Strengthen Arab-Israeli Relations
Why Even The Israeli Left Embraced Trump's Peace Plan
Biden Just Threw Israeli-Palestinian Peace Under The Bus
An American Consulate In East Jerusalem Could Preserve A Two-State Solution Israel's Final Border
UAE's Olive Branch
Arab Success And Normalization

ОГЛАВЛЕНИЕ

Мы все должны быть сионистами

Фунт плоти BDS и антисиионизм
Аргументация Израиля против BDS.
Механизм антисемитизма. Дурбан:
наследие разрушения.
Антисиионизм: новый невинно звучащий антисемитизм. Как не думать о
конфликте
Сила и бессилие евреев.
Сионизм и феминизм.
Уверенный сионизм
Знакомство с мусульманским сионизмом

Что такое еврейское государство?

Что такое еврейское государство?
Демократия вопреки всему
День, когда атеисты-бунтари берут на себя ответственность
Израилю не нужен либеральный иудаизм — ему нужен либерализм.
Израилю не нужен консервативный или реформистский иудаизм.
Вот почему так много людей возмущены законом Израиля о национальном государстве. Мы все еще являемся меньшинством в
регионе.
Израильский араб, депутат Кнессета Мансур Аббас – это то, чего хотел сионизм

Чего на самом деле хотят палестинцы?

Роковая ошибка, обрекавшая соглашения Осло на провал.
Протесты в Газе направлены на прекращение существования
Израиля. Как БАПОР препятствует процветанию Газы.
Давайте развеем миф: Рабин не принес бы мира. Настоящий убийца решения о двух
государствах
Нет места молчанию по поводу «возвращения» палестинских
беженцев из оккупационных территорий: критика

Есть путь к миру, и он не короткий

Конструктивная двусмысленность не сработала — миру нужна конструктивная конкретность. Западные государства
не понимают палестинского «права на возвращение».
Мирный план Трампа может укрепить арабо-израильские отношения.
Почему даже левые в Израиле поддержали мирный план Трампа. Байден
просто бросил израильско-палестинский мир под автобус.
Американское консульство в Восточном Иерусалиме может сохранить принцип двух государств. Последняя граница
Израиля.
Оливковая ветвь ОАЭ
Арабский успех и нормализация

**We Should All Be
Zionists**

**Мы все должны быть
сионисты**

THE BDS POUND OF FLESH AND ANTI-ZIONISM

An edited version was published in Tablet Magazine on May 2022

Several years ago, as I was speaking at an AIPAC conference about Israel, Zionism, and the slow rise (at the time) of Anti-Zionism in the West, a couple of concerned parents approached me. They said, “look Einat, we’re here, inside the conference, we get what you’re talking about, but our kids, who are the ones who should be hearing you, are outside, protesting with ‘If Not Now’”. This was the first that I heard of the organization, self-described as “a movement of Jews to end Israel’s occupation”. I saw nothing special about its appeal to young people. I assumed it was merely the way of the world for young people to rebel against their parents, reflecting changing values and circumstances.

These youngsters grew up into a world where the idea that Jewish life is threatened appeared distant, even ridiculous. They only ever knew Jews with real power, such as political power, state power, and military power. They could therefore see no reason why Israel was necessary or relevant to their lives. They could comfortably believe that Jews could thrive by trusting in the kindness of others. It seemed reasonable to them to believe that Jewish priorities should be to care for others and that concern for Jews by Jews as Jews is a cringe inducing sentiment.

Yet, over the years I found that attributing this anti-Israel activism to the vastly different conditions under which the younger generation of Jews, certainly in the US, has come of age, failed to account for the growing virulence of this activism and the ever-growing demands that were made on Jews to join its ranks. Parents were no longer complaining as much that their kids are active in anti-Israel organizations. Perhaps they have come to accept that as a generational reality. Rather they were expressing growing alarm that their kids were being pressured into such positions. They mentioned even that their kids were beginning to select colleges based on whether they would

ФУНТ ПЛОТИ BDS И АНТИСИОНИЗМ

Отредактированная версия была опубликована в журнале Tablet Magazine в мае 2022 года.

Несколько лет назад, когда я выступал на конференции AIPAC, посвящённой Израилю, сионизму и медленному (в то время) росту антисиионизма на Западе, ко мне подошли двое обеспокоенных родителей. Они сказали: «Эйнат, мы здесь, на конференции, и мы понимаем, о чём ты говоришь, но наши дети, которые должны тебя слышать, стоят снаружи и протестуют с лозунгом «Если не сейчас». Тогда я впервые услышал об этой организации, которая сама себя называла «движением евреев за прекращение израильской оккупации». Я не увидел ничего особенного в её привлекательности для молодёжи. Я полагал, что это просто норма, когда молодёжь бунтует против родителей, отражая меняющиеся ценности и обстоятельства.

Эти молодые люди выросли в мире, где сама мысль о том, что жизнь евреев находится под угрозой, казалась им далекой и даже нелепой. Они знали только евреев, обладающих реальной властью, такой как политическая, государственная и военная. Поэтому они не видели причин, по которым Израиль был необходим или важен для их жизни. Они могли спокойно верить, что евреи могут процветать, полагаясь на доброту других. Им казалось разумным полагать, что приоритетом для евреев должна быть забота о других, и что забота евреев о евреях как таковых — это чувство, вызывающее содрогание.

Однако с годами я обнаружил, что объяснение этой антиизраильской активности совершенно иными условиями, в которых вырастает молодое поколение евреев, особенно в США, не учитывает растущую злобность этой активности и постоянно растущие требования к евреям, чтобы они вступали в её ряды. Родители больше не жаловались так сильно на то, что их дети участвуют в антиизраильских организациях. Возможно, они приняли это как данность поколения. Напротив, они выражали растущую тревогу по поводу того, что их детей принуждают занимать такие позиции. Они даже упомянули, что их дети начали выбирать колледжи, исходя из того, будут ли они...

likely be subject to this kind of pressure.

With the signs of distress multiplying, I realized that something far more sinister was at work. Young Jews were once again subjected to the most recent guise of the ancient bullying of Jews to be “less Jewish” - less visibly Jewish, less confidently Jewish - so that they could be accepted, or at least tolerated, by their host society. It is a phenomenon that I have come to name “The Pound of Flesh”. Shakespeare had it backwards. Throughout history, it is not the Jews who have demanded to be handed over a gentile pound of flesh. Rather it has been the Jews who were bullied to hand over a pound of flesh, most times metaphorically, but all too often, literally.

When the demand made to Jews to hand over a Pound of Flesh is metaphorical it constitutes a demand to mutilate Jewish identity so that it becomes somewhat more acceptable to those making the demand. Sometimes the mutilation is visual, demanding that Jews be less visibly Jewish in the public sphere from removing Kippas to pendants to IDF t-shirts. Sometimes it involves severing elements of Jewish identity such as denying Jewish solidarity or the interconnection between Judaism and the Land of Israel. Sometimes nothing less than a public ceremony of exorcism and renunciation, where Jews mutilate their identity vocally and in public, is sufficient so that those around them could be assured that the pound of flesh has indeed been paid.

Tom Holland, in his excellent book “Dominion” on how Christianity had made the West, described the ancient underlying vector of this dynamic as the “program for civic self-improvement that aimed at transforming the very essence of Judaism”. Holland describes how the Western ideas of enlightenment and human rights still had at their core the now secularized and universalized ancient Christian “dream that Jewish distinctiveness might be subsumed into an identity that the whole world could share – one in which the laws given by God to mark the Jews out from other peoples would cease to matter”. This is a dream, that despite it becoming “garlanded with the high-flown rhetoric of the Enlightenment” Holland explains, “reached all the way back to Paul.”

вероятно, подвергнется такому давлению.

По мере того, как признаки бедствия множились, я осознал, что дело было в чём-то гораздо более зловещем. Молодые евреи снова подверглись новейшей форме древнего принуждения, призванного стать «менее еврейскими» – менее заметными евреями, менее уверенными в себе евреями – чтобы общество, в котором они жили, приняло их или, по крайней мере, терпело. Это явление я называл «Фунтом плоти». Шекспир всё перевернул с ног на голову. На протяжении всей истории не евреи требовали, чтобы им отдали фунт плоти нееврейского происхождения. Скорее, именно евреев запугивали, чтобы они отдали фунт плоти, чаще всего метафорически, но слишком часто – буквально.

Когда требование к евреям отдать фунт плоти носит метафорический характер, оно представляет собой требование искалечить еврейскую идентичность, чтобы она стала более приемлемой для тех, кто это требование выдвигает. Иногда изуродование носит визуальный характер, требуя, чтобы евреи менее заметно проявляли свою еврейскую идентичность в публичной сфере – от снятия кипы до кулонов и футболок с символикой ЦАХАЛа. Иногда оно подразумевает разрушение элементов еврейской идентичности, таких как отрицание еврейской солидарности или взаимосвязи между иудаизмом и Землей Израиля. Иногда достаточно лишь публичной церемонии экзорцизма и отречения, когда евреи публично и громко издеваются над своей идентичностью, чтобы убедить окружающих в том, что фунт плоти действительно заплачен.

Том Холланд в своей превосходной книге «Доминион» о том, как христианство сформировало Запад, описал древний основополагающий вектор этой динамики как «программу гражданского самосовершенствования, направленную на преобразование самой сути иудаизма». Холланд описывает, как западные идеи просвещения и прав человека по-прежнему имели в своей основе ныне секуляризированную и универсализированную древнехристианскую «мечту о том, что еврейская самобытность может быть поглощена идентичностью, которую мог бы разделить весь мир, – мечту, в которой законы, данные Богом для отделения евреев от других народов, перестанут иметь значение». Эта мечта, несмотря на то, что она была «украшена высокопарной риторикой Просвещения», как объясняет Холланд, «прослеживалась вплоть до апостола Павла».

According to Holland, in introducing the idea of the Enlightenment and universal human rights the West “claimed an authority for itself more universal than that of Christianity”, but in doing so “only emphasized the degree to which, in the scale of its ambitions and the scope of its pretensions, it was profoundly Christian”. Faced with this all-encompassing new-old vision of universal human rights “Jews could either sign up to this radiant vision, or else be banished into storm-swept darkness”. Holland adds that “if this seemed to some Jews a very familiar kind of ultimatum, then that was because it was”.

The ancient roots of the Pound of Flesh dynamic mean that it is relentless. It always wants more, and more, and more, until there are no more pounds of flesh remaining to hand over. Either Jews are no longer Jews, or they are no longer alive. Throughout history, and especially since the Enlightenment had secularized and universalized the Christian impulse, what Jews have discovered again and again that there was no number of pounds of flesh that is ever sufficient, that would just let them be, other than perhaps the number of pounds that would spell their annihilation. Almost all Jews have been subjected to this relentless “Pound of Flesh” dynamic and will recognize it viscerally. Those who recognize it most, are those who at one point, facing a T intersection, decided to stand firm and reject handing over that one additional pound of flesh.

I experienced that dynamic myself. 25 years ago, as a young adult, I had the confidence that my opinions granted me access to what David Hirsh, in his important book “Contemporary Left Antisemitism”, calls “The Community of the Good”. I was an Israeli of the political left. I was a member of the Israeli Labor Party. I worked with left’s leaders such as Yossi Beilin, the architect of the Oslo Accords, and Nobel Peace Prize Recipient Shimon Peres. I supported a Palestinian state, vehemently opposed the settlements, sought a rapid end to Israel’s military occupation of the West Bank and Gaza, and was thrilled when Israel disengaged from the Gaza strip taking out all settlers and soldiers for good.

But... I was still very much a Zionist. ***My support for a two-state solution***

По словам Холланда, выдвигая идеи Просвещения и всеобщих прав человека, Запад «претендовал на более всеобщий авторитет, чем христианство», но тем самым «лишь подчеркивал, насколько глубоко он был христианским по масштабу своих амбиций и масштабу своих притязаний». Столкнувшись с этим всеобъемлющим новым-старым видением всеобщих прав человека, «евреи могли либо принять это светлое видение, либо быть изгнанными во тьму, охваченную бурей». Холланд добавляет, что «если некоторым евреям это казалось очень знакомым ультиматумом, то потому, что так оно и было».

Древние корни динамики «фунта плоти» означают, что она неумолима. Она всегда требует всё больше, больше и больше, пока не останется больше фунтов плоти, которые можно было бы отдать. Либо евреи больше не евреи, либо их больше нет в живых. На протяжении всей истории, и особенно с тех пор, как Просвещение секуляризировало и универсализировало христианский импульс, евреи снова и снова обнаруживали, что не существует такого количества фунтов плоти, которое было бы достаточным, чтобы просто оставить их в покое, за исключением, пожалуй, того количества фунтов, которое означало бы их уничтожение. Почти все евреи подвергались этой неумолимой динамике «фунта плоти» и знают её наизусть. Те, кто знает это лучше всего, – это те, кто в какой-то момент, оказавшись на Т-образном перекрёстке, решил твёрдо стоять на своём и отказаться от уступки ещё одного фунта плоти.

Я сам испытал эту динамику. 25 лет назад, будучи молодым человеком, я был уверен, что мои взгляды открывают мне доступ к тому, что Дэвид Хирш в своей важной книге «Современный левый антисемитизм» называет «Общиной добра». Я был израильтянином левого толка. Я был членом Израильской партии труда. Я работал с лидерами левых, такими как Йосси Бейлин, архитектор Ослоских соглашений, и лауреат Нобелевской премии мира Шимон Перес. Я поддерживал палестинское государство, яростно выступал против поселений, стремился к скорейшему прекращению израильской военной оккупации Западного берега и сектора Газа и был в восторге, когда Израиль окончательно вывел свои войска из сектора Газа, полностью удалив всех поселенцев и солдат.

Но... я все еще был убежденным сионистом. ***Моя поддержка решения о создании двух государств***

and a Palestinian state emanated from my desire that the other state in the “two-state solution” be the Jewish state of Israel. Yet, several encounters led me to realize that despite my left-wing badges of distinction, the fact that I was an unapologetic Zionist banished me in the eyes of the so called “Community of the Good” to the “storm-swept darkness” known as the fringes of the lunatic right. I faced a T intersection. I could either hand over another pound of flesh and engage in an exorcism ceremony of renouncing Zionism, or I could step back and refuse to participate. I realized that the demands to comply with the right thinking of the “Community of the Good” would never end, that whatever I gave, there would always be a demand for more.

And so, I stepped back.

In stepping back, I did not change my opinions about the conflict. I continued to support the equal right of the Jewish and Arab collectives to self-determination each in part of the land. Yet, I accepted that these opinions were no longer sufficient to grant me access to the “Community of the Good”. So long as I was determined to remain a Zionist (and I was) I would never be considered a “good enough Jew”. I would remain on the outside. In the T intersection between renouncing my Zionism or my “good Jew” status, I renounced my status as a “good Jew”. I figured, better to be a confident Jew than a good one.

Based on my own experience, I was able to recognize the Pound of Flesh dynamic as it was playing itself out for Jews in American colleges. When I attended college in the US in the mid 1990’s, liberal left-wing Jews could comfortably be pro-Israel and even active in AIPAC. With the emergence of J-Street such Jews found it necessary to move there and then to J-Street U. Then I learnt that many of these young Jews found their new home in the newly established “If Not Now” and then in “Jewish Voices for Peace”. Finally, I learnt that if a Jewish student did now show herself to be the militant co-chair of “Students for Justice in Palestine” or wrote an op-ed in the Harvard Crimson proudly supporting the Crimson’s editorial endorsing the boycott movement against Israel, she was simply not a good enough Jew.

И палестинское государство возникло из моего желания, чтобы вторым государством в «двухгосударственном решении» было еврейское государство Израиль. Однако несколько встреч привели меня к осознанию того, что, несмотря на мои отличительные знаки левого толка, тот факт, что я был убеждённым сионистом, изгнал меня в глазах так называемого «Сообщества Добра» в «бурную тьму», известную как окраины безумных правых.. Я оказался на перекрёстке Т. Я мог либо отдать ещё один фунт плоти и принять участие в церемонии изгнания нечистой силы, отрекаясь от сионизма, либо отступить и отказаться от участия. Я осознал, что требования следовать правильному мышлению «Сообщества Добра» никогда не закончатся, что, сколько бы я ни дал, всегда будет спрос на большее.

И поэтому я отступил.

Отступив, я не изменил своего мнения о конфликте. Я продолжал поддерживать равное право еврейского и арабского сообществ на самоопределение каждого на своей территории. Тем не менее, я признал, что этих взглядов уже недостаточно для моего доступа в «Общину Добра». Пока я твёрдо решил оставаться сионистом (а я им был), меня никогда не сочтут «достаточно хорошим евреем». Я останусь в стороне. На пересечении «Т» между отказом от сионизма и статусом «хорошего еврея» я отказался от статуса «хорошего еврея». Я решил, что лучше быть уверенным в себе евреем, чем хорошим.

Основываясь на собственном опыте, я смог распознать динамику движения «Фунт плоти», которая разворачивалась для евреев в американских колледжах. Когда я учился в колледже в США в середине 1990-х, либеральные левые евреи могли спокойно поддерживать Израиль и даже быть активными членами AIPAC. С появлением университета J-Street такие евреи сочли необходимым переехать в университет J-Street. Затем я узнал, что многие из этих молодых евреев нашли свой новый дом в недавно созданной организации «If Not Now», а затем в «Jewish Voices for Peace». Наконец, я узнал, что если еврейская студентка теперь проявляет себя как воинствующий сопредседатель организации «Студенты за справедливость в Палестине» или пишет статью в газете Harvard Crimson, гордо поддерживая редакционную статью Crimson, одобряющую бойкот Израиля, она просто не была достаточно хорошей еврейкой.

The “Pound of Flesh” dynamic is also expressed in the demand to repeat with enthusiastic Amens any claims made about Israel, regardless of how outlandish. This was the Placard Strategy at work, equating Israel, Zionism and sometimes just the Star of David drawn on placards, with the greatest evil du jure. Zionism equals Racism. Amen. Zionism equals Apartheid. Amen. Zionism equals Nazism. Of-course. Zionism equals genocide. What else? Oh, Zionism now equals White Supremacism. That’s a new one, but sure. This progression of anti-Israel activism by young Jews no longer felt like a natural and understandable choice shaped by different generational circumstances, but the outcome of a relentless dynamic of bullying at work.

These past few months as a Visiting Professor at Georgetown University I taught a course titled “Zionism and Anti-Zionism”. In the many office-hours spent discussing student life it became apparent that the “Pound of Flesh” dynamic of anti-Zionist activism operated very much like bullying. Like bullying, it preys on weakness and shame – shame in one’s full Jewish identity with its calls to Jewish solidarity and connections to a faraway Land of Israel and the state of Israel. The more one feels shame, the more the anti-Zionist bully can extract more pounds of flesh.

The BDS movement has been one of the most effective users of this “Pound of Flesh” dynamic, inviting young Jews to the cause of “Justice” only to ultimately demand the mutilation of their Jewish identity. BDS has demanded that Jews not only criticize Israeli actions but sever their relations with Israel completely. Not only students on campus, but Jewish organizations have begun to feel this dynamic at work. Just these past few months, the DC chapter of Sunrise, an organization “mobilizing young people to make climate change an urgent priority across America” pulled out of a DC rally to support voting rights because Jewish organizations which were also participating also dared to incidentally support Israel. The organizations they mentioned, the National Council of Jewish Women, the Reform movement’s Religious Action Center, and the Jewish Council for Public Affairs, are some of the most progressive organizations of the Jewish community, devoted to numerous causes of justice and equality. That was still not enough. These organizations, by their mere presence were “sullyng”

Динамика «фунта плоти» также выражается в требовании повторять с восторженным «аминь» любые заявления об Израиле, какими бы нелепыми они ни были. Это была стратегия плакатов в действии, приравнивающая Израиль, сионизм, а иногда и просто нарисованную на плакатах звезду Давида к величайшему злу *du jure*. Сионизм равен расизму. Аминь. Сионизм равен апартеиду. Аминь. Сионизм равен нацизму. Конечно. Сионизм равен геноциду. Что ещё? О, сионизм теперь равен превосходству белой расы. Это что-то новое, но, конечно. Этот прогресс антиизраильского активизма молодых евреев больше не казался естественным и понятным выбором, сформированным обстоятельствами разных поколений, а результатом неустанной динамики травли на работе.

Последние несколько месяцев, будучи приглашенным профессором в Джорджтаунском университете, я читал курс под названием «Сионизм и антисионизм». За многочисленные часы, проведенные за обсуждением студенческой жизни, стало очевидно, что динамика антисионистского активизма, подобная «фунту плоти», во многом напоминает травлю. Как и травля, она использует слабость и стыд – стыд за свою полноценную еврейскую идентичность, призывая к еврейской солидарности и связи с далёкой Эрец-Исраэль и Государством Израиль. Чем больше стыда испытываешь, тем больше фунтов плоти может выжать из тебя антисионистский хулиган.

Движение BDS стало одним из наиболее эффективных участников этой динамики «фунта плоти», приглашая молодых евреев к борьбе за «справедливость», а затем, в конечном итоге, требуя уничтожения их еврейской идентичности. BDS потребовало от евреев не только критиковать действия Израиля, но и полностью разорвать отношения с ним. Не только студенты кампуса, но и еврейские организации начали ощущать эту динамику в действии. Буквально несколько месяцев вашингтонское отделение организации «Sunrise», «мобилизующей молодёжь для того, чтобы сделать проблему изменения климата первоочередной задачей по всей Америке», отказалось от участия в митинге в поддержку избирательного права, поскольку еврейские организации, также участвовавшие в нём, осмелились, между прочим, поддержать Израиль. Упомянутые ими организации – Национальный совет еврейских женщин, Центр религиозных действий реформистского движения и Еврейский совет по общественным вопросам – являются одними из самых прогрессивных организаций еврейской общины, преданных делу справедливости и равенства. Но этого было недостаточно. Эти организации одним своим присутствием «запятнали»

a noble cause. Jews were expected to hand over more pounds of flesh as the price of participation.

More recently, Big Duck, a company that helps non-profits with their communications, declined to work with the Hartman Institute over its connection to Israel. This led the Hartman Institute to issue a statement that identified the precise nature and goal of the “Pound of Flesh” dynamic as “a moving of the goalposts on BDS from Israel to North American Jewish organizations”. Hartman correctly noted that this “applies a standard on North American Jewish commitments that would exclude the vast majority of the members of our community”. A moving of the goalposts is literally how the “Pound of Flesh” dynamic works. Creating standards that make it nearly impossible for Jews to be fully Jewish is the ancient goal.

My choice to step back from the “Pound of Flesh” dynamic of bullying was a personal one. But I have since met many Jews, older and younger, who shared with me their “Pound of Flesh” moments. They told me of their T-intersection moments when they realized that it would never be enough, that the one additional pound of flesh they were demanded to hand over is not going to be the last. They would never be left alone. They told me how they decided to take a step back, realizing they were turning their backs on the “Community of the Good”. But they were clear that the price of their release from their bullies was worth it.

Extracting oneself from the “Pound of Flesh” dynamic is not only the right thing to do, but also the key to mental health. One of the best responses from a student to my “Zionism and Anti-Zionism” course was that it was “better than dozens of hours of therapy”. Anti-Zionist bullying takes an emotional toll. It is not a matter of intellectual discourse. It operates at the deepest levels of our Jewish being. The only effective response then is to resist it with confidence and pride and thus rob it of its power to prey. It is difficult to bully confident and proud people. If Anti-Zionists are met with Jews who are proud Zionists, who embrace their Jewish identity fully, it is nearly impossible to shame them into handing over another pound of flesh. Faced with pride and confidence, bullies seek other easier targets.

благородное дело. От евреев ожидалось, что они отдадут больше фунтов мяса в качестве платы за участие.

Совсем недавно компания Big Duck, помогающая некоммерческим организациям в коммуникациях, отказалась сотрудничать с Институтом Хартмана по вопросу связи с Израилем. Это побудило Институт Хартмана выступить с заявлением, в котором точная природа и цель движения «Фунт плоти» были определены как «перенос ворот в BDS из Израиля в североамериканские еврейские организации». Хартман справедливо отметил, что это «применяет стандарт к обязательствам североамериканских евреев, который исключает подавляющее большинство членов нашей общины». Именно перемещение ворот и работает движение «Фунт плоти». Создание стандартов, делающих для евреев практически невозможным быть полностью иудеями, – это исконная цель.

Мой выбор отступить от динамики травли в стиле «фунта плоти» был личным. Но с тех пор я встречал многих евреев, как пожилых, так и молодых, которые делились со мной своими моментами «фунта плоти». Они рассказывали мне о моментах на перекрёстке, когда осознавали, что этого никогда не будет достаточно, что ещё один фунт плоти, который от них требовали, не будет последним. Их никогда не оставят в покое. Они рассказали мне, как решили отступить, осознав, что отворачиваются от «Общины Добра». Но они ясно дали понять, что цена освобождения от своих издевательств того стоила.

Вырваться из этой ситуации «фунта плоти» – не только правильное решение, но и ключ к психическому здоровью. Один из лучших отзывов студента на мой курс «Сионизм и антисиионизм» был таким: «Это лучше, чем десятки часов терапии». Антисиионистская травля наносит эмоциональный урон. Это не вопрос интеллектуального дискурса. Она действует на самых глубинных уровнях нашего еврейского существа. Единственный эффективный ответ – противостоять ей с уверенностью и гордостью, тем самым лишая её возможности быть добычей. Трудно запугивать уверенных в себе и гордых людей. Если антисиионисты сталкиваются с евреями, которые гордятся своей еврейской идентичностью и полностью принимают свою еврейскую идентичность, их практически невозможно пристыдить и заставить отдать ещё один фунт плоти. Столкнувшись с гордостью и уверенностью, задиры ищут другие, более лёгкие цели.

Indeed, as the “Pound of Flesh” dynamic revealed itself to more Jews as the ancient bullying that it was, some Jews responded by openly and proudly declaring themselves Zionist, especially on campus, and especially in progressive spaces. Whether it is Club Z, World Zionist Congress, or Zioness, Zionism has re-emerged in the West, not as a movement to build a state - happily that has already been accomplished - but as a form of confident Judaism. And so today my response to concerned parents and exhausted students is short and simple. The most effective response to bullies is resistance. The best way to extract oneself from “Pound of Flesh” predators is confidence and pride. The best response to Anti-Zionism, in other words, is Zionism.

Действительно, когда динамика «фунта плоти» стала для большего числа евреев очевидной как древняя травля, некоторые евреи отреагировали, открыто и гордо объявив себя сионистами, особенно в кампусах и особенно в прогрессивных местах. Будь то «Клуб Z», Всемирный сионистский конгресс или «Сионесса», сионизм возродился на Западе, но не как движение за создание государства (к счастью, это уже произошло), а как форма уверенного иудаизма. Поэтому сегодня мой ответ обеспокоенным родителям и измученным ученикам краток и прост. Самый эффективный ответ тиранам — это сопротивление. Лучший способ спастись от хищников из «Фунта плоти» — это уверенность и гордость. Другими словами, лучший ответ антисионизму — это сионизм.

ARGUING ISRAEL CONTRA BDS

Transcript of a Lecture given to the Academic Engagement Network on May 2017

I want to share with you my reflections on the larger issues of the BDS movement and Israel, and then move to some of the more specific conceptions of how I believe it is best to tell Israel's story, to analyze the conflict, and to argue our case.

For quite some time now, I've asked myself: what is going on? And the question of what is going on has to do with the fact that, as an Israeli who considers herself very much a liberal and comes from the Israeli left, I was trying to understand how it is that those who are supposedly my colleagues, those with whom I supposedly share values, seem to be turning more and more against an idea that I hold dear, which is Zionism. Why is this becoming so much more virulent? In that question also lies the possibility of beginning to ask whether I or anyone else is right in thinking of themselves as a Zionist. If so many people who supposedly think like us on other issues that we care about turn against this issue, then we might begin to wonder, "So, maybe we should turn against this issue as well." ***We are also used to thinking that Jews in general are aligned with liberalism, that a liberal order is the best protector of Jewish existence, both individually and collectively. So when those who are considered liberal turn against something that is very Jewish, such as Zionism, questions arise, and we begin to wonder what is going on.***

This also has to do with a bigger kind of observation that I've made for some time: is hatred of the Jews ever about Jews and what they do? When greater and greater segments of society turn against Jews, does this mean that Jews are doing something wrong? There are times we'd like to believe that this is the case, so we say that it is because of the occupation or because we said this or because we did that, because there is a very comforting underlying premise

СПОР ИЗРАИЛЯ ПРОТИВ BDS

Стенограмма лекции, прочитанной в рамках Academic Engagement Network в мае 2017 г.

Я хочу поделиться с вами своими размышлениями по поводу более масштабных проблем движения BDS и Израиля, а затем перейти к некоторым более конкретным концепциям относительно того, как, по моему мнению, лучше всего рассказать историю Израиля, проанализировать конфликт и аргументировать нашу позицию.

Уже довольно давно я задаюсь вопросом: что происходит? И вопрос о том, что происходит, связан с тем, что, будучи израильтянином, считающим себя убеждённым либералом и пришедшим из израильских левых, я пытался понять, как так получается, что те, кто якобы мои коллеги, те, с кем я якобы разделяю ценности, всё больше и больше выступают против идеи, которая мне дорога – сионизма. Почему это становится всё более ожесточённым? В этом вопросе также кроется возможность начать задаваться вопросом, прав ли я или кто-либо ещё, считая себя сионистом. Если так много людей, которые якобы думают так же, как мы, по другим волнующим нас вопросам, выступают против этого вопроса, то мы можем начать задаваться вопросом: «Так, может быть, и нам стоит выступить против этого вопроса?» ***Мы также привыкли думать, что евреи в целом разделяют либерализм, что либеральный порядок — лучшая защита еврейского существования, как индивидуального, так и коллективного. Поэтому, когда те, кого считают либералами, выступают против чего-то истинно еврейского, например, сионизма, возникают вопросы, и мы начинаем задаваться вопросом, что происходит.***

Это также связано с более масштабным наблюдением, которое я делаю уже некоторое время: связана ли ненависть к евреям с самими евреями и их действиями? Когда всё больше и больше слоёв общества восстают против евреев, означает ли это, что евреи делают что-то не так? Иногда нам хочется верить, что это так, и мы говорим, что это из-за оккупации, или потому что мы сказали то, или потому что мы сделали то, потому что есть очень утешительная предпосылка.

about it. It means that if we change what we do – we end the occupation, we do not enact these laws – then all of this will go away. But I think the answer to whether or not hatred of the Jews has ever been about the Jews is a simple “no.”

If we look to history, if we look to the ebb and the fall of hatred of Jews, the hatred has always been there, but sometimes it peaks and sometimes less so. When does it rise? It rises when there is a crisis in the society that is engaged in hating, not when something has changed with those that are being hated.

When I began to see this rising tide of hatred, of virulence, especially the emotion and the violence that came with it, I did not turn my questions to the problem with Israel’s policies; we can discuss that, but this is not the issue. Then what is the crisis that is taking place in the larger society and causing it to engage in this obsessive hatred? What is becoming clear is that there is a long-term crisis of liberal or left-wing thought, and maybe also in academia. And ***when there is a crisis of certainty, a crisis of identity, when societies don’t know who they are, what they stand for, or why they exist, there is no greater comforting certainty than that the Jews are responsible.*** When people began to discuss the rise of intolerant liberalism recently, suddenly I said, “Bingo!” because we began to feel, even though, at first, we didn’t understand what was going on. Now it’s becoming more evident, and more and more people are discussing the larger trends. The battle that we are waging is not specifically on the issue of the legitimacy of Zionism and Israel; it is a far bigger battle.

As much as we as we might all be interested in correcting the world and changing the situation, it is my belief that we should be interested first and foremost in making sure that, as this battle rages on, we are safe. If there is anything that has changed for Jews in the last few decades since the establishment of the State of Israel – which prompted the growing comfort of Jews in the United States and around the world with the idea of Jewish power – it is that, ***even though we recognize that growing hatred means that societies are in crisis, we are now less inclined to allow these societies to resolve their issues on our backs***

об этом. Это значит, что если мы изменим свои действия — прекратим оккупацию, не примем эти законы, — то всё это исчезнет. Но я думаю, что ответ на вопрос, была ли ненависть к евреям когда-либо связана с евреями, — это простое «нет».

Если обратиться к истории, к периоду упадка и спада ненависти к евреям, то она всегда была, но иногда достигает пика, а иногда ослабевает. Когда же она усиливается? Она усиливается, когда в обществе, охваченном ненавистью, наступает кризис, а не когда что-то меняется в отношении тех, кого ненавидят.

Когда я начал замечать эту растущую волну ненависти, злобы, особенно эмоции и сопутствующее ей насилие, я не стал задавать вопросы о проблемах политики Израиля; мы можем обсуждать это, но это не главное. Тогда в чём же заключается кризис, происходящий в обществе в целом и побуждающий его к этой навязчивой ненависти? Становится очевидным, что существует долгосрочный кризис либеральной или левой мысли, а возможно, и в академической среде.

когда наступает кризис определенности, кризис идентичности, когда общество не знает, кто оно, за что выступает или почему существует, нет большей утешительной уверенности, чем то, что ответственность несут евреи. Когда недавно люди начали обсуждать рост нетерпимого либерализма, я вдруг воскликнул: «Бинго!», потому что мы начали чувствовать, хотя поначалу и не понимали, что происходит. Теперь это становится всё более очевидным, и всё больше людей обсуждают более масштабные тенденции. Борьба, которую мы ведём, не ограничивается вопросом легитимности сионизма и Израиля; это гораздо более масштабная борьба.

Как бы мы ни были заинтересованы в исправлении мира и изменении ситуации, я убеждён, что мы должны быть прежде всего заинтересованы в обеспечении нашей безопасности, пока эта битва продолжается. Если что-то и изменилось для евреев за последние несколько десятилетий с момента создания Государства Израиль, что привело к растущему у евреев в Соединённых Штатах и во всём мире убеждению в еврейской власти, так это то, что...**Хотя мы и признаем, что растущая ненависть означает, что общество находится в кризисе, мы теперь менее склонны позволять этим обществам решать свои проблемы за наш счет.**

And we plan either not to be around when they do that or to fight back, and to make sure that, as they resolve their issues, we do not get hurt in the process, first and foremost, physically, but also in all other ways: intellectually, of course, but also in our ability to thrive, to have the jobs we want, to say the things we want, and to prosper. We will defend that as societies are in crisis and we see the corresponding rise in hatred against Jews and Israel.

We need to acknowledge that this crisis is placing tremendous societal pressure, first and foremost, on young people, on students on American campuses, and it is societal pressure to hand over more and more pounds of flesh, to more and more renounce their association with Zionism and with Israel and with almost any notion of proud, powerful Jewish existence. But what these young people are going to discover one day, as all Jews always have, is that it does not matter how many pounds of flesh you give over, or how powerfully you renounce your Zionism by saying, “Look, I’m a good Jew, I’m not like these other Zionists, I hate Israel, I’m fighting against it, Israel is awful.” No matter how much you hand over, you will one day discover that it’s not enough.

What we need to be fighting for is to change the environment that creates that pressure. What we have heard about [at this conference] are the first battles, and the victories that represent the initial repelling of the attack are critical. We’re getting better and better at saying “Stop! No longer, you don’t get to invade.” But ultimately, that will not be enough.

The oppositional tactics that were described [at this conference] are good, such as going to the academic associations and asking them, “What does this have to do with anthropology or history or languages?” But over time, what we need to do is change the story, change the narrative, because, while those are specific tactics that are very good for winning specific battles, we need something greater.

Here, I will transition to what I think we need to discuss and to argue. We have two key elements. The first, the one that is on the attack or on the offensive, is the one that has to expose the other side, their motivations, their story. And the other element, which I don’t want to call defense because it’s much more than that, it’s a different line of offense, is to tell Israel’s story.

И мы планируем либо не присутствовать при этом, либо дать отпор, и сделать так, чтобы, когда они решат свои проблемы, мы не пострадали, прежде всего физически, но и во всех других отношениях: интеллектуально, конечно, но и в плане нашей способности преуспевать, иметь желаемую работу, говорить то, что хотим, и преуспевать. Мы будем отстаивать это, поскольку общества находятся в кризисе и мы видим соответствующий рост ненависти к евреям и Израилю.

Нам нужно признать, что этот кризис оказывает колоссальное общественное давление, прежде всего, на молодёжь, на студентов в американских кампусах, и это общественное давление заставляет их отдавать всё больше и больше фунтов плоти, всё больше и больше отказываться от своей связи с сионизмом, с Израилем и практически от любого представления о гордом, сильном еврейском существовании. Но однажды эти молодые люди, как всегда, поймут все евреи, что неважно, сколько фунтов плоти вы отдаёте или насколько сильно вы отрекаетесь от своего сионизма, говоря: «Послушайте, я хороший еврей, я не такой, как эти другие сионисты, я ненавижу Израиль, я борюсь с ним, Израиль ужасен». Неважно, сколько вы отдаёте, однажды вы обнаружите, что этого недостаточно.

Нам нужно бороться за изменение условий, создающих это давление. То, о чём мы слышали [на этой конференции], — это первые сражения, и победы, которые представляют собой первоначальное отражение атаки, имеют решающее значение. Мы всё лучше и лучше умеем говорить: «Стойте! Хватит, ты больше не можешь вторгаться». Но в конечном счёте этого будет недостаточно.

Оппозиционные тактики, описанные [на этой конференции], хороши, например, обратиться к академическим ассоциациям и спросить их: «Какое отношение это имеет к антропологии, истории или языкам?» Но со временем нам нужно изменить историю, изменить повествование, потому что, хотя это и конкретные тактики, которые очень хороши для победы в конкретных битвах, нам нужно нечто большее.

Здесь я перейду к тому, что, по моему мнению, нам следует обсудить и обсудить. У нас есть два ключевых элемента. Первый, тот, который находится в нападении или наступлении, — это тот, который должен разоблачить другую сторону, её мотивы, её историю. А второй элемент, который я не хочу называть защитой, потому что это гораздо больше, это другая линия нападения, — это рассказать историю Израиля.

First, on the issue of the attack, of exposing the motivations of those who seek to distinguish Israel's Zionism as a unique form of current evil, I want to offer a new idea, a new definition of what it means to be progressive in this context. I propose that being progressive means actually treating Arabs as equals. That means respecting what they say and taking them at their word. I know that there are neologisms now, like "mansplaining," so maybe I'll coin one called "Westsplaining," when the West seeks to explain what Muslims or Arabs are saying to explain it away. If someone Arab or Muslim will say "I want to kill Jews," their interlocutors will say that they are merely expressing pent up rage for years of colonialism. But they're saying "I want to kill you," so let's start by taking them at their word.

I want to offer the idea that being progressive, first and foremost, means looking at individuals, civilizations, and cultures as equals by giving them the respect of actually taking them at their word and not "Westsplaining" away their motivations. What does that mean? It means that when we see across the Arab and Islamic world that fighting words against Zionism – placing blame on all-powerful Jews, or promoting the idea that the Jews do not have equal rights of self-determination – are all acceptable in that society, we need to conclude that this is what those individuals or governments mean. And we must accept that it doesn't mean that doing so somehow paints them as evil or immoral. I genuinely believe that in this conflict there are no good guys and bad guys, moral guys and immoral guys. There are just small guys and big guys, and I'll explain.

Let's imagine for a moment what the conflict looks like from the perspective of the Arab world. The first part of it is that the Arab world is being asked to accept that the Jewish people have come home after 2000 years. Now who does that? Who comes home after 2000 years, rings the doorbell, knocks at the door and says, "Honey, I'm home after 2000 years?" Can we genuinely agree that this would have been a conflict-making situation anywhere in the world? That's the first thing we're asking them to accept.

Now, I certainly believe that Zionism is one of the world's most inspiring stories of a people who rose up to change their destiny of being victims, to

Во-первых, касательно атаки, разоблачения мотивов тех, кто стремится представить израильский сионизм как уникальную форму современного зла, я хочу предложить новую идею, новое определение того, что значит быть прогрессивным в этом контексте. Я полагаю, что быть прогрессивным означает относиться к арабам как к равным. Это значит уважать то, что они говорят, и верить им на слово. Я знаю, что сейчас появились неологизмы, например, «мэнсплейнинг», поэтому, возможно, я придумал один под названием «вестсплейнинг», когда Запад пытается объяснить, что говорят мусульмане или арабы, чтобы оправдать это. Если араб или мусульманин скажет: «Я хочу убивать евреев», его собеседники скажут, что он просто выражает накопившуюся за годы колониального господства ярость. Но они говорят: «Я хочу убить тебя», так что давайте начнём с того, что поверим им на слово.

Я хочу предложить идею о том, что быть прогрессивным, прежде всего, означает смотреть на людей, цивилизации и культуры как на равных, проявляя к ним уважение и принимая их слова за истину, а не «разоблачая» их мотивы. Что это значит? Это означает, что когда мы видим, что в арабском и исламском мире любые слова, направленные против сионизма, – возложение вины на всемогущих евреев или продвижение идеи об отсутствии у евреев равных прав на самоопределение – приемлемы в этом обществе, нам следует сделать вывод, что именно это имеют в виду эти люди или правительства. И мы должны признать, что это не означает, что они каким-то образом представляют себя злыми или безнравственными. Я искренне верю, что в этом конфликте нет хороших и плохих, моральных и безнравственных. Есть только маленькие и большие, и я объясню.

Давайте на мгновение представим, как выглядит этот конфликт с точки зрения арабского мира. Первая часть заключается в том, что арабскому миру предлагают признать, что еврейский народ вернулся домой спустя 2000 лет. Кто это делает? Кто возвращается домой спустя 2000 лет, звонит в дверь, стучит в неё и говорит: «Дорогая, я дома спустя 2000 лет?» Можем ли мы искренне согласиться с тем, что подобная ситуация могла бы стать причиной конфликта в любой точке мира? Это первое, что мы просим их принять.

Теперь я, конечно, верю, что сионизм — это одна из самых вдохновляющих историй о людях, которые восстали, чтобы изменить свою судьбу жертв, чтобы

change their future, to pick themselves up and do something different, truly inspiring. But I've also learned that in this life there is a very fine line between inspiring and insane. Truly, this is an insane story. Theodore Herzl [the father of modern Zionism] could have told you that this is how Zionism in his time was received. One of my favorite refrains is from when he published his first book, *Der Judenstaat* [The Jewish State]. It was the talk of Vienna, which was a very Jewish city at the time, kind of like New York today. In all the cafes of Vienna they talked about this crazy new book, and the common refrain was: for 2000 years the Jews waited to have their state and it had to happen to me?

So let's start by accepting that it was an insane idea and we're asking the Arab and Muslim world to accept it. By the way it's not just any people who are saying that they are coming home after 2000 years: it's the Jews, and that matters because this is where we need the new kind of progressivism I'm talking about.

Why does it matter that it's the Jews that have come back? We forget that now, in the 21st century, we live in an era when all ideas, ways of living, forms of faith, and lifestyles are equally respected. But if we are to understand what drives this conflict – and this is what I've learned to say to students, this is how I manage to get through to them – I tell them to please leave the 21st century for a moment and put yourself in the mindset of *Game of Thrones*, as the seventh season is about to begin. What is the mantra of *Game of Thrones*? When it's not "Winter is coming," it's "You win or die." It's brutal, but in such a landscape you either win or you don't. Put yourself in that mindset, that there is a new truth, that Christ is the Messiah, or Mohammed is the Final Prophet. And with that truth, which you and your followers claim to be the final, the only truth, you are out there conquering the world.

Now, how tolerant are you going to be of the tiny pesky little people who say, "No, Christ is not the Messiah, he might be a lovely Rabbi, he's not the Messiah. And Mohammed, he's not a prophet, prophecy has been gone from the earth for centuries." If you think that you win or you die and that you

изменить своё будущее, собраться с силами и сделать что-то новое, по-настоящему вдохновляющее. Но я также узнал, что в этой жизни существует очень тонкая грань между вдохновением и безумием. Поистине, это безумная история. Теодор Герцль [отец современного сионизма] мог бы сказать вам, как именно воспринимался сионизм в его время. Один из моих любимых рефренов относится к моменту публикации его первой книги: *Der Judenstaat* [Еврейское государство] Об этом говорили в Вене, которая в то время была очень еврейским городом, чем-то вроде современного Нью-Йорка. Во всех венских кафе обсуждали эту безумную новую книгу, и общим рефреном было: 2000 лет евреи ждали своего государства, и это должно было случиться со мной?

Итак, давайте начнём с признания того, что это была безумная идея, и попросим арабский и мусульманский мир принять её. Кстати, не кто-нибудь там говорит о возвращении домой спустя 2000 лет: это евреи, и это важно, потому что именно здесь нам нужен тот новый тип прогрессивизма, о котором я говорю.

Почему так важно, что именно евреи вернулись? Мы забываем, что сейчас, в XXI веке, мы живём в эпоху, когда все идеи, образы жизни, формы веры и образы жизни пользуются равным уважением. Но если мы хотим понять, что движет этим конфликтом – а именно это я научился говорить студентам, именно так мне удаётся до них достучаться, – я прошу их на мгновение оставить XXI век и представить себя на месте... *Игра престолов*, поскольку седьмой сезон вот-вот начнётся. Какова мантра *Игра престолов*? Когда речь идёт не о «Зиме близко», а о «Либо победишь, либо умрёшь». Это жестоко, но в таких условиях ты либо побеждаешь, либо нет. Погрузись в эту атмосферу, в то, что есть новая истина, что Христос — Мессия, а Мухаммед — Последний Пророк. И с этой истиной, которую ты и твои последователи считаете окончательной, единственной, ты покоряешь мир.

Насколько же вы будете терпимы к этим мелким надоедливym людишкам, которые говорят: «Нет, Христос не Мессия, он может быть прекрасным раввином, он не Мессия. А Мухаммед не пророк, пророчества исчезли с лица земли уже много веков назад». Если вы думаете, что либо победите, либо умрёте, и что вы

have the final truth, how tolerant are you going to be of that kind of attitude? Obviously not a lot. Thus, in both Christian and Islamic civilizations, as you know very well, Jews were accorded, at best, an inferior status. And the inferior status evolved over time to be part of the culture and theology of these civilizations, so that the Jews could only be tolerated as a miserable marginalized minority. Their misery, in fact, became testimony to what happens to people who fight, who don't accept the final truth.

This is, in my belief, a short primer for all of human history. I know it's very non-academic what I'm saying, but these problems began when those who you were used to thinking of as your inferiors suddenly come and have the gall, or the chutzpah, to say they are equal. How well does that go over? In contrast, today, we are somehow conditioned to believe that, yes, when people claim their equality it's just "Come on in!"

I had a short political career, not a very long one, but it was long enough for me to learn one lesson, the only important lesson of politics, I think: it is in the very nature of power that no one, and that means no one, ever gives it up willingly. ***If you want power, you claim equality, or you want a different sharing of power structures, then you have to grab it, you have to fight for it, and you will face backlash. That is in the nature of power. And this is what Zionism did to the Arab and Islamic world: it challenged a power structure that had existed for centuries, where Jews had a place, an inferior place.*** They were headed to the dustbin of history. Then, suddenly, not only were they appearing with this crazy story that they were coming home after 2000 years, they were also saying they were equal, they were a nation no less proud, no less important, than the great Arab nation, and they were laying claim to land in the midst of the Arab and Muslim world. And they were taking these two things, the crazy story of coming home after 2000 years, a people who were considered inferior, and the claim of equality, and they were doing all of that when they didn't have high population numbers.

When Israel was born, the ratio of Arabs to Jews in the region was 50- to-1. Now it is 60-to-1, so all of Israel's investments in *aliyah* [Jewish emigration to Israel] and fertility and having lots of babies has really not made much of a

Если у вас есть окончательная истина, насколько вы будете терпимы к такому отношению? Очевидно, не очень. Таким образом, как в христианской, так и в исламской цивилизациях, как вы прекрасно знаете, евреям в лучшем случае предоставлялся низший статус. И этот низший статус со временем эволюционировал, став частью культуры и теологии этих цивилизаций, так что евреев можно было терпеть лишь как жалкое маргинализированное меньшинство. Их страдания, по сути, стали свидетельством того, что происходит с людьми, которые борются, которые не принимают окончательную истину.

На мой взгляд, это краткий экскурс в историю человечества. Знаю, что мои слова прозвучат совсем неакадемично, но эти проблемы начались, когда те, кого вы привыкли считать нижестоящими, внезапно появились и набрались наглости или дерзости заявить о своём равенстве. Насколько это приемлемо? В отличие от этого, сегодня мы каким-то образом приучены верить, что да, когда люди заявляют о своём равенстве, это просто: «Заходите!»

У меня была короткая политическая карьера, не очень долгая, но ее хватило, чтобы усвоить один урок, единственный важный урок политики, как я думаю: сама природа власти такова, что никто, а это значит, никто, никогда не отказывается от нее добровольно. ***Если вы хотите власти, требуете равенства или хотите иного распределения властных структур, то вам придётся её захватить, вам придётся за неё бороться, и вы столкнётесь с ответным ударом. Такова природа власти. Именно это и сделал сионизм в арабском и исламском мире: он бросил вызов существовавшей веками системе власти, в которой евреи занимали своё место, пусть и второсортное.*** Их отправляли на свалку истории. И вдруг они не только появились с этой безумной историей о возвращении домой спустя 2000 лет, но и заявили о своём равенстве, о своей нации, не менее гордой и важной, чем великая арабская нация, и о своих претензиях на земли посреди арабского и мусульманского мира. И они взяли эти две вещи: безумную историю о возвращении домой спустя 2000 лет, о народе, который считался неполноценным, и о притязаниях на равенство, и всё это, несмотря на то, что их население было невелико.

Когда Израиль только зарождался, соотношение арабов и евреев в регионе составляло 50:1. Сейчас это соотношение составляет 60:1, поэтому все инвестиции Израиля *валия*[[Еврейская эмиграция в Израиль] и рождаемость, а также рождение большого количества детей на самом деле не имели большого значения

dent. We would probably have done much better to invest in female education in the Arab world; that would have improved the ratio much more than all our investments in *aliyah* and making babies. There was never a way that Jews could reproduce themselves out of those proportions; they don't have the numbers and they have this crazy story. In that context, ***of course the Arab world is going to say no to Israel. It is entirely rational, it's not about Arabs being evil and Israel being good, it's about Israel being small and the Arab world being big.***

This is the context we need to bring back. The Palestinians are part of the Arab world; they are also part, broadly speaking, of Islamic civilization. Their engagement in the conflict is not that of some helpless victims who are just at the mercy of outside forces. Can we bring back the progressive idea that they are agents that are making conscious decisions with consequences? That they are informed by their understanding of history and power from the Arab and Palestinian telling of the conflict: that the Jewish power and the sovereign equal Jews in their midst are a temporary aberration? If so, then, the occupation is not the cause of what we are witnessing; it is the outcome. Because at any given moment the Arab Palestinians had a chance to have the dignity of liberty, of sovereignty in a state of their own. But the price of that liberty, the price of that sovereignty would have been to say "yes" to the Jewish presence, to accept it as permanent and legitimate.

At least to date, the choice has been not to say yes, and this is a conscious choice. ***If people can make a conscious choice to say, "Better to suffer the daily humiliations of a military occupation than to suffer the far greater humiliation of accepting that aberration, that presence, as legitimate and final," that is a conscious choice of a people who are masters of their narrative, who in their mind are resisting and suffering for something that is honorable.***

Have you ever wondered why the emphasis in the Palestinian narrative is on the word "justice"? Never on the word "peace," never on the word "sovereignty," never on the word "self-determination." It is justice that they seek because, in their minds, the greatest injustice that has been committed is

дент. Мы, вероятно, добились бы гораздо большего успеха, инвестируя в женское образование в арабском мире; это улучшило бы соотношение гораздо больше, чем все наши инвестиции валии рождение детей. У евреев никогда не было возможности размножаться сверх таких пропорций; у них нет численности, и у них есть эта безумная история. В этом контексте, ***Конечно, арабский мир скажет Израилю «нет». Это совершенно рационально: дело не в том, что арабы злые, а Израиль хороший, а в том, что Израиль маленький, а арабский мир большой.***

Именно этот контекст нам необходимо вернуть. Палестинцы – часть арабского мира; они также, в широком смысле, часть исламской цивилизации. Их участие в конфликте – это не участие каких-то беспомощных жертв, находящихся во власти внешних сил. Можем ли мы вернуть прогрессивную идею о том, что они – агенты, принимающие осознанные решения, имеющие последствия? Что они черпают информацию из своего понимания истории и власти, основанного на арабском и палестинском подходе к конфликту: что еврейская власть и суверенное равноправие евреев среди них – это временное отклонение? Если это так, то оккупация – не причина того, что мы наблюдаем, а следствие. Потому что в любой момент у арабских палестинцев был шанс обрести достоинство свободы, суверенитета в собственном государстве. Но ценой этой свободы, ценой этого суверенитета было бы сказать «да» еврейскому присутствию, признать его постоянным и законным.

По крайней мере, на сегодняшний день выбор заключался в том, чтобы не говорить «да», и это осознанный выбор. ***Если люди могут сделать осознанный выбор и сказать: «Лучше терпеть ежедневные унижения военной оккупации, чем терпеть гораздо большее унижение, принимая это отклонение, это присутствие как законное и окончательное», это осознанный выбор людей, которые являются хозяевами своего повествования, которые в своих мыслях сопротивляются и страдают за что-то достойное.***

Вы когда-нибудь задумывались, почему в палестинской риторике акцент делается на слове «справедливость»? Никогда не упоминается слово «мир», никогда не упоминается слово «суверенитет», никогда не упоминается слово «самоопределение». Они ищут именно справедливости, потому что, по их мнению, величайшая несправедливость, совершённая ими, — это...

this undoing of an order where the Jews knew their place. That is the injustice; that is what needs to be corrected.

So, when many people hear “justice for Palestine,” what does it sound like? It sounds like we want justice for the downtrodden, right? Who doesn’t want justice for the downtrodden? But no: ***justice for Palestine is a very clear Arab conception that literally means injustice for the Jewish people, and that needs to be exposed.*** I believe that it could be easily exposed by using the tools and the language of equality and of equal rights that are supposedly tools only to be used by the other side.

In my engagement with Arabs, with Palestinians, with progressive crowds, I always ask a simple question: ***do you accept that the Jewish people, as a people, as a nation, have the equal right, no more or no less, to sovereignty in their land? I have yet to find large numbers of people who will respond with a resounding “yes.”*** I have found one such person, a Palestinian who literally paid a very high price for his positions. But in Israel, if I argue for the idea that Arab Palestinians have an equal right to sovereignty and self-determination in part of the land, I don’t need courage to hold these views; they are shared by many in Israel.

Again, this is not because Israelis are good or moral people, I want to erase that from the record; we’re a small country, so we take what we can get, and that’s why we say “yes.” But from the Palestinian perspective they don’t see why they need to say “yes.” For someone actually and clearly to say, “yes, I accept that the Jewish people have come home, that they are not foreigners, that they are not colonialists, that they are not the second Crusader states,” (which are all various synonyms for saying they are temporary) is a brave act. To say that “the Jews have a right to this land, just as we have a right to this land and therefore, we each need to have less than what we believe is our full right,” takes fortitude. A Palestinian who says such things needs to have so much courage he literally risks his life. Nevertheless, ***I believe this is the most effective way for us to argue: the idea of the equal right of both collectives as indigenous people to the land.*** I am even willing to say, “let’s acknowledge the equal right of both peoples to claim all of the land,” but then

Это разрушение порядка, в котором евреи знали своё место. Вот в чём несправедливость, вот что нужно исправить.

Итак, когда многие слышат «справедливость для Палестины», как это звучит? Похоже на то, что мы хотим справедливости для угнетённых, верно? Кто не хочет справедливости для угнетённых? Но нет: ***Справедливость для Палестины — это совершенно ясная арабская концепция, которая буквально означает несправедливость по отношению к еврейскому народу, и это необходимо разоблачить.*** Я считаю, что это можно легко разоблачить, используя инструменты и язык равенства и равных прав, которые якобы являются инструментами, предназначенными только для использования другой стороной.

Общаясь с арабами, палестинцами, прогрессивными людьми, я всегда задаю простой вопрос: ***Признаете ли вы, что еврейский народ как народ, как нация, имеет равное право, не больше и не меньше, на суверенитет на своей земле? Мне пока не удалось найти много людей, которые бы ответили утвердительно.*** Я нашёл одного такого человека, палестинца, который буквально заплатил очень высокую цену за свою позицию. Но в Израиле, если я отстаиваю идею о том, что палестинские арабы имеют равное право на суверенитет и самоопределение на части своей территории, мне не нужно мужества, чтобы придерживаться этих взглядов; их разделяют многие в Израиле.

Опять же, дело не в том, что израильтяне хорошие или высокоморальные люди, я хочу стереть это из памяти; мы маленькая страна, поэтому берем то, что можем, и поэтому говорим «да». Но с точки зрения палестинцев, они не видят смысла говорить «да». Когда кто-то прямо и ясно говорит: «Да, я признаю, что еврейский народ вернулся домой, что они не иностранцы, что они не колонизаторы, что они не государства вторых крестоносцев» (что всё это лишь синонимы к утверждению о том, что они временны), — это смелый поступок. Заявить, что «евреи имеют право на эту землю, так же как и мы имеем право на эту землю, и поэтому каждый из нас должен иметь меньше, чем то, что, по нашему мнению, является нашим полным правом», — это требует мужества. Палестинцу, говорящему такие вещи, нужно обладать таким мужеством, что он буквально рискует жизнью. Тем не менее, ***Я считаю, что это наиболее эффективный способ аргументации: идея равного права обоих коллективов как коренных народов на землю.*** Я даже готов сказать: «Давайте признаем равное право обоих народов претендовать на всю землю», но тогда

contend that if both sides insist that all of it is theirs, we will be at war forever.

My Palestinian friend once said, “I don’t get it, I don’t get it, what do you want?” And I remember telling him, “What do you mean, it’s very simple: we want you to disappear, and you want us to disappear. Now, instead of discussing what we want, let’s discuss what we can have.” So this is what we need to ultimately acknowledge: yes, there are big dreams here on both sides, but there has to be an acknowledgment of the equal right of both indigenous collectives to the land and then an agreement about how to share and divide it.

They want you to think of Martin Luther King, Jr. or Mahatma Gandhi, and they want you to put their movement in that box. But there is no necessary connection between whether a cause is honorable and how it is waged. You can have an honorable cause for which a lot of blood is shed and that is fought for violently; many honorable causes have used violence. And you can have a dishonorable cause that is fought for non-violently. Indeed, the choice to engage in nonviolent battle is not because BDS supporters found religion, and not because they converted en masse to pacifism. The movement made this choice merely because all violent ways have failed. ***Wars failed and terrorism failed and the Arab boycott failed, so now we have come to a kind of intellectual warfare. The fact that it is waged by non-violent means should not blind anyone for a moment, because the end goal – the eradication of Israel – is very violent.***

How could a goal be violent, but waged by non-violent means? This means that words have consequences. When Israel and Zionism are repeatedly described as all that is evil in our world, I call this the “placard strategy,” because you see it in anti-Israel placards in those demonstrations. You’ve seen those placards, right? What do they say Israel, Zionism, and the Star of David, equal?

On the other side of the equation, it never says Zionism equals the political movement for the liberation of the Jewish people in their ancient homeland. You have yet to see such a placard. Even though the people at this conference

утверждают, что если обе стороны будут настаивать на том, что все это принадлежит им, мы будем находиться в состоянии вечной войны.

Мой палестинский друг однажды сказал: «Не понимаю, не понимаю, чего ты хочешь?» И я помню, как ответил ему: «Что ты имеешь в виду? Всё очень просто: мы хотим, чтобы ты исчез, а ты хочешь, чтобы исчезли мы. Так что вместо того, чтобы обсуждать, чего мы хотим, давайте обсудим, что мы можем иметь». Вот что нам нужно в конечном итоге признать: да, у обеих сторон есть большие мечты, но необходимо признать равные права обоих коренных народов на землю, а затем договориться о том, как её делить и делить.

Они хотят, чтобы вы вспомнили Мартина Лютера Кинга-младшего или Махатму Ганди, и чтобы вы поместили их движение в этот же ряд. Но нет обязательной связи между тем, является ли дело благородным, и тем, как оно отстаивается. Может быть благородное дело, за которое проливается много крови и которое отстаивается жестоко; многие благородные дела прибегали к насилию. И может быть бесчестное дело, за которое борются ненасильственно. Действительно, выбор в пользу ненасильственной борьбы обусловлен не тем, что сторонники BDS нашли религию, и не тем, что они массово обратились в пацифизм. Движение сделало этот выбор лишь потому, что все насильственные методы потерпели неудачу. ***Армия потерпела неудачу, терроризм потерпел неудачу, арабский бойкот потерпел неудачу, и теперь мы подошли к своего рода интеллектуальной войне. Тот факт, что она ведётся ненасильственными методами, не должен ни на секунду ослеплять кого-либо, поскольку конечная цель – уничтожение Израиля – весьма жестока.***

Как цель может быть насильственной, но достигаться ненасильственными средствами? Это означает, что слова имеют последствия. Когда Израиль и сионизм постоянно описываются как всё зло в нашем мире, я называю это «стратегией плакатов», потому что вы видите её на антиизраильских плакатах на демонстрациях. Вы видели эти плакаты, да? Что там написано: Израиль, сионизм и звезда Давида равны?

С другой стороны, здесь никогда не говорится, что сионизм – это политическое движение за освобождение еврейского народа на его древней родине. Вы ещё не видели такого плаката. Хотя участники этой конференции...

are here to fight for Israel, Zionism, and the right of Jews to support Israel, the placard strategy has been so effective that you all know the litany of charges that have been placed against Israel and Zionism: apartheid and racism and colonialism and imperialism and Nazism and genocide. And these words are chosen not because they reflect reality, but because they all share the fact that they are synonyms for evil.

When you create a global intellectual mindset that says there is a specific evil out there, this is an invitation to violence. Because what we know about human beings is that, unless they are psychopaths, and that's happily the minority, human beings do not engage in violence unless they believe it's for the good. And there is no greater good on this earth than the eradication of evil. So, ***in order to prepare the most extreme form of violence, you need to get people to believe that what they are about to accomplish is the most noble cause of all: the eradication of evil. And this is how a non-violent struggle can have a very violent goal. In this way, the story of Zionism has been hijacked, disfigured, trampled upon, and made into something that no serious Zionist would recognize.***

Now, I want to argue why that happened from the intersectional perspective. I want to argue that Zionism is and has the most powerful intersectional message, which is this: Zionism is not just about the Jews and not only for Jews. What, then, does Zionism really say?

First, we must acknowledge that its message is influenced because it is a daughter of the enlightenment, a daughter of modernity. If, in a non-academic sense, you want to divide all of the premodern era from the modern era, it boils down to this element: in pre-modernity, how you were born determined how you would die, and you could not challenge that because it was preordained. This was how society functioned.

But what is modernity? Modernity means that we can challenge that premise, that how we are born is not how we necessarily die. We can change anything, including gender or our financial position, because our destinies are not preordained. This is a modern idea, and Zionism is a daughter of modernity. Zionism is about people, the Jews, acknowledging that they might have been

Мы здесь, чтобы бороться за Израиль, сионизм и право евреев поддерживать Израиль. Стратегия плакатов оказалась настолько эффективной, что вы все знаете список обвинений, выдвинутых против Израиля и сионизма: апартеид, расизм, колониализм, империализм, нацизм и геноцид. И эти слова выбраны не потому, что они отражают реальность, а потому, что все они являются синонимами зла.

Когда вы создаете глобальное интеллектуальное мышление, утверждающее, что существует некое конкретное зло, это приглашение к насилию. Потому что мы знаем о людях, что, если только они не психопаты (а таких, к счастью, меньшинство), они не прибегают к насилию, если не верят, что это во благо. И нет большего блага на земле, чем искоренение зла. Итак, ***Чтобы подготовить самую крайнюю форму насилия, нужно заставить людей поверить, что то, чего они собираются достичь, — это самое благородное дело из всех: искоренение зла. Именно так ненасильственная борьба может иметь весьма жестокую цель. Таким образом, история сионизма была похищена, изуродована, растоптана и превращена в нечто, что ни один серьёзный сионист не признал бы.***

Теперь я хочу объяснить, почему это произошло, с точки зрения интерсекционизма. Я хочу утверждать, что сионизм является и несёт в себе самое мощное интерсекциональное послание, которое заключается в следующем: сионизм — это не только о евреях и не только для евреев. Что же тогда на самом деле говорит сионизм?

Во-первых, мы должны признать, что её послание подвержено влиянию, поскольку она – дочь Просвещения, дочь современности. Если, не в академическом смысле, вы хотите отделить всю досовременную эпоху от современной, то всё сводится к следующему: в досовременную эпоху то, как вы родились, определяло то, как вы умрёте, и вы не могли это оспорить, потому что это было предопределено. Так функционировало общество.

Но что такое современность? Современность означает, что мы можем оспорить эту предпосылку: то, как мы рождаемся, не обязательно означает, что мы умираем. Мы можем изменить всё, включая пол или наше финансовое положение, потому что наша судьба не предопределена. Это современная идея, и сионизм – дитя современности. Сионизм – это признание людьми, евреями, того, что они могли бы быть...

dealt some of the worst cards in history, but that didn't have to be who they were. That didn't have to be the end of the story. Victimhood does not need to be the Jewish destiny, and Jews do not need to passively wait for God or the Messiah to fix things for them. This is why Zionism was a very secular, even militantly atheist, movement at birth. What did it say to the Jewish people? It said: don't wait for the Messiah, don't wait for God, you be your own Messiah, you be the vehicle of your own redemption.

The story of Zionism is about people being the vehicles of their own redemption. It's a remarkably inspiring idea. It's about the fact that Jews could be oppressed, persecuted, marginalized, even much worse, and then could change that destiny.

This is an intersectional story that Jews must share with all marginalized, oppressed people everywhere - that it can be done. But can it be done by relying on the American individualist model, which says, "Stop whining, go and succeed in life because you're facing no barriers"? No, success is about acknowledging the barriers, the biases, the problems, and then taking collective action. Zionism is about saying that it is collective action that changes history. If you want to break down those barriers, you will not do it alone; instead, you can do it as a group.

That is powerful and that is inspiring, so why is Zionism so defamed? Precisely because of that. If people get the idea that they can succeed in changing long established power structures, what will happen in this world? People might get ideas, and that is dangerous.

It is better for powerful people to make sure that Zionism is separated from blacks and feminists and gays because they don't need to see that it's possible, that they can challenge those power structures and change them. And Zionism even has a sequel to share, an intersectional sequel, because what we have to show is that even once we begin to change our destiny, it's not the end of the story. We are constantly facing backlash, because, when you challenge long established power structures, you will have to defend your gains every day. You will never be able to take them for granted. The Herzlian idea that the Jews will have a state and this will cure the world of its

Им раздали одни из худших карт в истории, но они не обязательно должны были быть такими. Это не должно было стать концом истории. Жертва не обязательно должна быть предназначением евреев, и евреям не нужно пассивно ждать, пока Бог или Мессия всё исправят. Вот почему сионизм был очень светским, даже воинствующе атеистическим движением с самого начала. Что он говорил еврейскому народу? Он говорил: не ждите Мессию, не ждите Бога, будьте сами себе Мессией, будьте средством своего собственного искупления.

История сионизма — это история о том, как люди становятся инструментами своего собственного искупления. Это удивительно вдохновляющая идея. Она о том, что евреи могут подвергаться угнетению, преследованиям, маргинализации и даже чему-то гораздо более серьёзному, а затем изменить свою судьбу.

Это интерсекциональная история, которой евреи должны поделиться со всеми маргинализированными и угнетёнными людьми по всему миру: это возможно. Но можно ли этого добиться, полагаясь на американскую индивидуалистическую модель, которая гласит: «Перестаньте ныть, идите и добивайтесь успеха в жизни, потому что перед вами нет никаких препятствий»? Нет, успех — это признание препятствий, предубеждений, проблем, а затем коллективные действия. Сионизм — это утверждение, что именно коллективные действия меняют историю. Если вы хотите разрушить эти препятствия, вы не сделаете это в одиночку; вы можете сделать это как группа.

Это мощно и вдохновляюще, так почему же сионизм так порочат? Именно поэтому. Если люди возомнят, что смогут добиться успеха в изменении устоявшихся структур власти, что произойдёт в этом мире? У людей могут появиться идеи, и это опасно.

Власть имущим лучше убедиться, что сионизм отделен от чернокожих, феминисток и геев, потому что им не нужно видеть, что это возможно, что они могут бросить вызов этим структурам власти и изменить их. И у сионизма даже есть продолжение, которым можно поделиться, интерсекциональное продолжение, потому что мы должны показать, что даже как только мы начнём менять свою судьбу, это ещё не конец истории. Мы постоянно сталкиваемся с ответным ударом, потому что, бросая вызов устоявшимся структурам власти, вам придётся каждый день защищать свои достижения. Вы никогда не сможете принимать их как должное. Герцлианская идея о том, что у евреев будет государство, и это излечит мир от...

anti- Semitism – well, that didn't work out so well. But that is part of the lesson, that, yes, you can change your fate, you can change history, but you will need to defend your gains, and you will face backlash, and the backlash will have many forms, some of them trying to defame the ideology, the revolution, to the point that maybe no one will want to identify with it and thereby it will be rolled back.

That's the story that we need to bring back. And it's a story that allows us to create amazing coalitions and hopefully to break through to those who are saying that we cannot enter the room and, in many ways, perhaps unbeknownst to them, are playing into that backlash.

And I think those are the key elements. They might sound fanciful at this moment, but I believe that, as we move from making small, effective, reactive victories, we need to move to change the story. Because our ability and especially the ability of our young people to thrive, to feel confident, to know that they can live comfortably in an era of Jewish power and not be challenged, depends on the fact that they will understand that we have a different story to tell and that they, even though they live in the 21st century, are subject still to very powerful forces who want the Jews to know what their place in the world should be.

Антисемитизм... ну, это не очень хорошо получилось. Но это часть урока: да, можно изменить свою судьбу, можно изменить историю, но нужно будет защищать свои достижения, и вы столкнётесь с ответным ударом, и этот ответ будет иметь множество форм, некоторые из которых будут направлены на дискредитацию идеологии, революции, до такой степени, что, возможно, никто не захочет с ней ассоциировать себя, и таким образом она будет отброшена назад.

Именно эту историю нам нужно вернуть. И это история, которая позволит нам создавать потрясающие коалиции и, надеюсь, пробиться к тем, кто говорит, что мы не можем войти в эту комнату, и во многом, возможно, неосознанно для них, подыгрывает этой негативной реакции.

И я думаю, что это ключевые элементы. Сейчас они могут показаться фантастическими, но я убеждён, что, отходя от небольших, эффективных, реактивных побед, нам необходимо двигаться к изменению истории. Потому что наша способность, и особенно способность нашей молодёжи, процветать, чувствовать себя уверенно, знать, что они могут комфортно жить в эпоху еврейского могущества, не сталкиваясь с вызовами, зависит от того, поймут ли они, что у нас есть другая история, и что они, даже живя в XXI веке, всё ещё подвержены влиянию очень мощных сил, которые хотят, чтобы евреи знали, каково их место в мире.

THE ANTISEMITISM MECHANISM

Opening Statement for the Motion Anti-Zionism is Antisemitism at the Intelligence Squared Debate, London July 2019

Reasonable people would probably all agree that antisemitism is bad. They are unlikely to be seduced by it because they know all too well where it can lead: to Auschwitz, the gas chambers and the descent of entire societies into barbaric violence and madness. But this simple observation about reasonable people is true only with respect to antisemitism in its past forms, which are now easily recognizable as such. ***The problem is that antisemitism morphs and changes the way it presents itself so that when new forms appear, at the outset, they look nothing like where they ultimately lead.*** As a result, most people are capable of acknowledging these new forms as bad only in retrospect and when it is too late to act. But it is possible to recognize new forms of antisemitism in advance, if the mechanism by which antisemitism implants itself into a society is better known.

This is how the mechanism of antisemitism works: it begins by creating a new collective designation for the Jewish people, which distinguishes them from the general population and sets them apart as different in a way which is relevant to each age in which the mechanism occurs. In Christian Europe this group was simply known as Jews. In secular 19th and 20th century Europe, when religious doctrine was mostly left behind, the same group of people became known as Semites (and that designation was never intended for anyone but Jews). In the Soviet Union, which claimed to not notice differences between peoples and religions, and, having just defeated the Nazis, could not afford to be associated with the Nazi version of antisemitism, the same group became designated at once as Zionists and “Rootless Cosmopolitans”. And today, in the West, the same group is designated by reference to the Jewish state – as pro-Israel Jews and Zionists. But regardless of how the labels change with the era, the designated group is

МЕХАНИЗМ АНТИСЕМИТИЗМА

Вступительное заявление по предложению «Антисионизм — это антисемитизм» на дебатах Intelligence Squared в Лондоне, июль 2019 г.

Разумные люди, вероятно, согласятся, что антисемитизм — это плохо. Вряд ли они поддадутся соблазну, поскольку прекрасно знают, к чему он может привести: к Освенциму, газовым камерам и погружению целых обществ в пучину варварского насилия и безумия. Но это простое замечание о разумных людях справедливо только в отношении антисемитизма в его прошлых формах, которые теперь легко узнаваемы. ***Проблема в том, что антисемитизм трансформируется и меняет свои формы проявления, так что когда появляются новые формы, они поначалу совсем не похожи на то, к чему они в конечном итоге приведут.*** В результате большинство людей способны осознать эти новые формы как нечто плохое лишь задним числом, когда уже слишком поздно что-либо предпринимать. Однако распознать новые формы антисемитизма можно заранее, если лучше понять механизм его внедрения в общество.

Вот как работает механизм антисемитизма: он начинается с создания нового коллективного обозначения для еврейского народа, которое отличает его от остального населения и делает его особенным таким образом, который уместен в каждой эпохе, в которой этот механизм действует. В христианской Европе эта группа была известна просто как евреи. В светской Европе 19й и 20й В Европе XIX века, когда религиозные учения в основном остались позади, ту же группу людей стали называть семитами (и это обозначение никогда не предназначалось никому, кроме евреев). В Советском Союзе, который утверждал, что не замечает различий между народами и религиями, и, только что победив нацистов, не мог позволить себе ассоциировать себя с нацистской версией антисемитизма, ту же группу сразу стали называть сионистами и «безродными космополитами». И сегодня на Западе ту же группу, в зависимости от еврейского государства, называют израильскими евреями и сионистами. Но как бы ни менялись названия с течением времени, обозначенная группа остаётся

always the Jews.

The mechanism then operates by projecting onto this designated group the qualities that society finds most loathsome at the specific age and time.

These loathsome qualities are described as immutable characteristics essential to the group. Thus, each member of the group is guilty by its very membership in the group and has no way of escaping its collective iniquity – as long as it is in the group. In Christian Europe Jews were all Christ killers and collectively bore that sin. To the Nazis in secular 20th century Europe, the Semites were an impure race. To the Soviets, Zionists were inherent capitalists and imperialists. And today? Israel is described as “born in sin” and Zionists and the State of Israel are the ultimate violators of human rights.

The vilification and resulting subsequent persecution of the designated group is then justified by appealing to the most highly regarded and respected source of authority of the given era.

In Christian Europe it was the authority of the religious doctrine of the Church. For secular 19th and 20th century Europe, and ultimately the Nazis, the claimed authority switched to science as the focus on Jews morphed from their religion to their race. Yet continuity with previous Jew hatred was maintained as German theologians claimed that Jesus was an Aryan descended from Galilean gentiles. For the Soviets, the authority was the Communist Party and its doctrine. In our own era, it is international law and human rights. And again, preserving continuity with previous forms of antisemitism, the fact that Jesus was a Jew is again denied and replaced with the a-historical idea of Jesus as a retroactive Palestinian.

The appeal to the power of the highest authority of the era is necessary for the mechanism to work. It bestows the aura of rationality and respectability on the presentation of the Jews or Semites or Zionists as uniquely evil. Without this appeal to authority, which enables the distortion and perversion of observable reality, the vilification of Jews is far harder to justify, and cannot gain broad support, certainly not among the elite of society whose endorsement is necessary.

Thus, it was only by appealing to the authority of Christian religious doctrine

всегда евреи.

Затем механизм работает, проецируя на эту обозначенную группу те качества, которые общество считает наиболее отвратительными в конкретном возрасте и времени. Эти отвратительные качества описываются как непреложные характеристики, неотъемлемые от группы. Таким образом, каждый член группы виновен в силу своей принадлежности к ней и не имеет возможности избежать коллективного греха – пока он находится в группе. В христианской Европе все евреи были христубийцами и коллективно несли этот грех. Нацистам в светском 20-м году В Европе XIX века семиты считались нечистой расой. В глазах Советов сионисты были прирождёнными капиталистами и империалистами. А сегодня? Израиль называют «рождённым во грехе», а сионисты и Государство Израиль — грубейшими нарушителями прав человека.

Затем очернение и последующее преследование указанной группы оправдываются ссылкой на наиболее уважаемый и почитаемый источник авторитета данной эпохи. В христианской Европе это был авторитет религиозной доктрины Церкви. Для светских 19-й и 20-й В Европе XIX века, и в конечном итоге, у нацистов, претендующий авторитет переключился на науку, поскольку внимание к евреям переключилось с религии на расу. Тем не менее, преемственность с прежней ненавистью к евреям сохранялась: немецкие теологи утверждали, что Иисус был арийцем, потомком галилейских язычников. Для Советов авторитетом были Коммунистическая партия и её доктрина. В нашу эпоху – это международное право и права человека. И снова, сохраняя преемственность с предыдущими формами антисемитизма, тот факт, что Иисус был евреем, отрицается и заменяется аисторической идеей об Иисусе как палестинце, действующем ретроспективно.

Для работы этого механизма необходима апелляция к высшей власти данной эпохи. Она придаёт ореол рациональности и респектабельности представлению евреев, семитов или сионистов как однозначно злодеев. Без этой апелляции к авторитету, способствующей искажению и извращению наблюдаемой реальности, очернение евреев гораздо труднее оправдать, и оно не может получить широкой поддержки, особенно среди элиты общества, чьё одобрение необходимо.

Таким образом, только путем обращения к авторитету христианской религиозной доктрины

that people could be convinced that Jews living in the 12th century were all somehow collectively responsible for the crucifixion of the son of God over a thousand years earlier and were inherently all guilty of that sin. It was only by appealing to the authority of a warped science that the very Jews who had successfully contributed to European society could suddenly be deemed an inherent threat to it due to racial impurity. It was only by appealing to the high authority of Communist doctrine, that the Soviets could convince people that Jews, many of whom were actually the first to support socialism and Communism, could be capitalists set on destroying the system.

And today, nearly eight decades after the Holocaust, when it is socially unacceptable to be overtly or obviously antisemitic, it is by appealing to the authority of human rights that so many in the West have become deeply convinced that Israel, pro-Israel Jews, and Zionists are the greatest violators of the sacred values of human rights. To that end, the context of the Jewish people's existence as a tiny ethnic minority in a region beset by violent inter-religious, ethnic and tribal conflicts is entirely ignored. Israel is placed under an unparalleled microscope, with its every move, especially moves taken for the purpose of self-defense, obsessively analyzed and held to a standard designed to be impossible to attain. In this manner, the Jews again are cast as uniquely evil and a threat to the well-being of humankind.

But why go to all that effort, age after age, society after society, to single out one group of people and project upon it the greatest sin of the day?

The reason is that human beings have a primal need for scapegoats. According to French anthropologist Rene Girard, when societies are in crisis, a psychosocial mechanism of directing communal anger at a single individual or group is activated. This enables the society undergoing the crisis to unite its efforts as people communally project their anger onto a specified enemy, thus avoiding conflict with one another. Girard called this process 'scapegoating', referring to the ancient ritual where communal sins were metaphorically imposed upon a sacrificial goat.

For whatever reason, throughout history and across nations, religions and cultures, the Jewish people have repeatedly been designated scapegoats.

чтобы люди могли быть убеждены, что евреи, живущие в 12 веке. Все они, так или иначе, коллективно ответственны за распятие Сына Божьего более тысячи лет назад и изначально виновны в этом грехе. Только апеллируя к авторитету извращённой науки, те самые евреи, которые успешно способствовали развитию европейского общества, могли внезапно стать для него угрозой из-за расовой нечистоты. Только апеллируя к высокому авторитету коммунистической доктрины, Советы смогли убедить людей в том, что евреи, многие из которых, по сути, первыми поддержали социализм и коммунизм, могли быть капиталистами, стремящимися разрушить систему.

И сегодня, спустя почти восемьдесят лет после Холокоста, когда открытое или явное проявление антисемитизма социально неприемлемо, именно благодаря апеллированию к авторитету прав человека многие на Западе глубоко уверились в том, что Израиль, израильские евреи и сионисты являются главными нарушителями священных ценностей прав человека. В этих целях полностью игнорируется контекст существования еврейского народа как крошечного этнического меньшинства в регионе, охваченном жестокими межрелигиозными, этническими и племенными конфликтами. Израиль находится под беспрецедентным микроскопом, каждый его шаг, особенно предпринятый в целях самообороны, подвергается одержимому анализу и подгоняется под некий стандарт, который невозможно достичь. Таким образом, евреи вновь предстают как уникальное зло и угроза благополучию человечества.

Но зачем прилагать все эти усилия, век за веком, общество за обществом, чтобы выделить одну группу людей и спроецировать на нее величайший грех современности?

Причина в том, что люди испытывают первобытную потребность в козлах отпущения. По мнению французского антрополога Рене Жирара, в кризисных обществах активируется психосоциальный механизм направления коллективного гнева на отдельного человека или группу. Это позволяет обществу, переживающему кризис, объединить усилия, поскольку люди сообща проецируют свой гнев на конкретного врага, тем самым избегая конфликтов друг с другом. Жирар называл этот процесс «козлом отпущения», имея в виду древний ритуал, в котором общие грехи метафорически возлагались на жертвенного козла.

По какой-то причине на протяжении всей истории и в разных странах, религиях и культурах еврейский народ неоднократно становился козлом отпущения.

While the process of scapegoating might initially help a society maintain its cohesion through crisis, it becomes dangerous and deadly when the scapegoat is identified as the sole obstacle to society's ability to emerge from the crisis – an obstacle which therefore must be removed by whatever means necessary. This is what justifies the persecution, and ultimately even the annihilation, of the Jews – because the process of scapegoating of the Jews creates the false hope that by removing them the crisis would end and a better, safer, more perfect world would be realized.

In this manner, for medieval Christianity, the very continued existence of Jews stood as the obstacle to personal and collective salvation through Christ. For Germans and other Europeans, those of the Semitic race stood between them and the true glory which belonged to the Aryan Race by right. For Stalin, Zionists stood in the way of a Communist utopia. And today, Israel and Zionists somehow stand as the obstacle to justice and peaceful coexistence in the Middle East and even as the sole obstacle to a better world anchored in full respect for human rights.

But unlike ancient animal scapegoats, human scapegoats vigorously resist their sacrifice, and try to organize their fellow humans in that resistance. So the society in need of the human scapegoat must take action to reduce the capacity of their designated human scapegoats to resist. This is accomplished insidiously, as society slowly strips Jews of their defenses. This is most effectively done gradually – nearly imperceptibly, so as to mask the coming danger and prevent Jews from organizing effectively against it.

Antisemitism in Nazi Germany did not start by taking citizenship away from Jews or confiscating their assets and forcing them into ghettos and concentration camps. It started slowly by easing Jews out of the coveted professional positions they had worked so hard to attain, and which gave them a sense of security achieved through several decades of European emancipation. The persecution and oppression of the Jews in the Soviet Union began by removing Jewish scholars from the sciences and other positions of influence. These small, initial steps are easy to downplay, if not ignore entirely, with the assumption that they are temporary, coincidental,

Хотя процесс поиска козла отпущения изначально может помочь обществу сохранить свою сплоченность во время кризиса, он становится опасным и смертельным, когда козел отпущения определяется как единственное препятствие, мешающее обществу выйти из кризиса, — препятствие, которое, следовательно, должно быть устранено любыми необходимыми средствами. Именно это оправдывает преследование и, в конечном счете, даже уничтожение евреев, — потому что процесс превращения евреев в козлов отпущения создает ложную надежду на то, что с их устранением кризис закончится и будет создан лучший, более безопасный, более совершенный мир.

Таким образом, для средневекового христианства само существование евреев служило препятствием к личному и коллективному спасению через Христа. Для немцев и других европейцев представители семитской расы стояли между ними и истинной славой, по праву принадлежавшей арийской расе. Для Сталина сионисты препятствовали коммунистической утопии. И сегодня Израиль и сионисты, так или иначе, являются препятствием к справедливости и мирному сосуществованию на Ближнем Востоке и даже единственным препятствием к лучшему миру, основанному на полном уважении прав человека.

Но в отличие от древних животных, ставших козлами отпущения, люди, ставшие козлами отпущения, яростно сопротивляются своей жертве и пытаются организовать своих собратьев в этом сопротивлении. Поэтому общество, нуждающееся в козле отпущения, должно принять меры, чтобы снизить способность выбранных им людей к сопротивлению. Это достигается скрытно, поскольку общество постепенно лишает евреев их защиты. Наиболее эффективно это делается постепенно – почти незаметно, чтобы замаскировать надвигающуюся опасность и помешать евреям эффективно организовать против неё.

Антисемитизм в нацистской Германии начался не с лишения евреев гражданства, конфискации их имущества и принудительного заселения их в гетто и концентрационные лагеря. Он начался постепенно, с того, что евреи лишились желанного профессионального положения, которого они с таким трудом добились и которое давало им чувство безопасности, достигнутое за несколько десятилетий европейской эмансипации. Преследования и притеснения евреев в Советском Союзе начались с отстранения еврейских учёных от научных исследований и других влиятельных должностей. Эти небольшие, первоначальные шаги легко преуменьшить, а то и вовсе проигнорировать, предположив, что они временны, случайны,

and unlikely to have any significant impact on the future of Jews in the society.

Today, American and other Western Jews, now designated as pro-Israel or Zionists, are similarly increasingly finding themselves unwelcome and pushed out of the very spaces they value most in society, the spaces which for decades have given them the greatest sense of security and belonging. For example, Jewish students in the US are beginning to feel unwelcome in elite colleges and universities, which are increasingly known for their virulent anti-Zionism. Liberal and progressive Jews are finding they are not welcome in the progressive circles which have long been their political and social homes. Jews in Britain are finding they can no longer be in the Labor Party, also their traditional political home.

But even when Jews begin to sense the looming danger, the antisemitic mechanism lures them into dropping their own defenses by convincing them that by “opting out” of the collective group designation they will, as individuals, be spared. In Nazi Germany Jews were told initially that if they were the “good kind” of Jew – for example, those who fought for Germany in WWI – they would be spared.

They were not.

Today, in the United States and the West, Jews are being convinced and are convincing themselves that they would be spared if they join in the anti-Israel and anti-Zionist accusations. Even in Israel itself, the mechanism is finding more than a few Jewish adherents advocating that Israeli Jews give up their own defenses, which is the state of Israel itself, in favor of a binational state, which in short order would become an Arab state where Jews are the minority. So called human rights advocates demand to know why Jews cannot simply “co-exist” with the Arabs in a single state where both will supposedly be guaranteed full human rights. They insist on that even in the face of the simple fact that binational states, everywhere and certainly in the Middle East, ultimately inevitably descend into bloody mayhem. They insist on that even though the historic reality is that nowhere in the Arab world have Jews ever been given equal rights as a minority and were in fact

и вряд ли окажет какое-либо существенное влияние на будущее евреев в обществе.

Сегодня американские и другие западные евреи, которых теперь называют произраильскими или сионистами, всё чаще оказываются нежеланными и вытесняются из тех самых пространств, которые они больше всего ценят в обществе, пространств, которые десятилетиями давали им чувство безопасности и принадлежности. Например, еврейские студенты в США начинают чувствовать себя нежеланными в элитных колледжах и университетах, которые всё больше известны своим яростным антисиионизмом. Либеральные и прогрессивные евреи обнаруживают, что им не рады в прогрессивных кругах, которые долгое время были их политическим и социальным домом. Евреи в Великобритании обнаруживают, что больше не могут состоять в Лейбористской партии, которая также является их традиционным политическим домом.

Но даже когда евреи начинают ощущать надвигающуюся опасность, антисемитский механизм побуждает их отказаться от собственной защиты, убеждая их, что, «отказавшись» от коллективного группового обозначения, они, как личности, будут спасены. В нацистской Германии евреям изначально говорили, что если они будут «хорошими» евреями — например, теми, кто сражался за Германию в Первой мировой войне, — их пощадят.

Они не были такими.

Сегодня в Соединённых Штатах и на Западе евреев убеждают, и они сами убеждают себя, что их пощадят, если они присоединятся к антиизраильским и антисиионистским обвинениям. Даже в самом Израиле этот механизм находит немало еврейских сторонников, выступающих за отказ израильских евреев от собственной защиты, то есть от государства Израиль, в пользу двунационального государства, которое в скором времени станет арабским, где евреи будут меньшинством. Так называемые защитники прав человека требуют объяснений, почему евреи не могут просто «сосуществовать» с арабами в одном государстве, где обоим якобы будут гарантированы все права человека. Они настаивают на этом, несмотря на тот простой факт, что двунациональные государства, повсюду и, конечно же, на Ближнем Востоке, в конечном итоге неизбежно скатываются к кровавому хаосу. Они настаивают на этом, несмотря на то, что историческая реальность такова, что нигде в арабском мире евреи никогда не получали равных прав как меньшинство и фактически...

violently ethnically cleansed from the entire Arab world when they dared express their expectation of political and collective equality with Arabs. Yet those human rights advocates assure Jews in Israel and pro-Israel Jews in the diaspora that somehow, magically, of all places, this one-state will somehow work in the Middle East. All that is needed for this beautiful utopia to be realized is for the Jews to forgo their bizarre insistence on having their own state where they control their destiny and defenses.

It is therefore no accident that two of the primary targets of the campaign to scapegoat Jews are the two places where Jews have organized most effectively for their defense: The State of Israel, and the pro-Israel lobby in the US.

Those who engage in the scapegoating of Israel and Zionists claim this is all a coincidence. They try to convince the world that the fact that the targets of this latest form of virulent hatred – Jews - bear a striking resemblance to those who were targets in previous times – also Jews - is sheer coincidence. They will insist that their only complaint against Jews is Israel's alleged human rights violations. They will claim that the fact that the charges against Zionist Jews appear strikingly like variations on the ancient themes of antisemitism – cosmic evil, bloodthirst, conspiracies of money operating behind the scenes - is sheer coincidence. Even as they actively and relentlessly campaign against Israel, many of these scapegoaters will actually claim that they themselves are fighting antisemitism, but it will always be the old, easy to identify kind, that comes from neo-Nazis and right-wing nationalists, which is already commonly acknowledged as bad.

But the truth is that Anti-Zionism is no different than any of the previous iterations of Jew hatred and antisemitism. It is merely the new, shiny, innocent-looking, incarnation.

But if so, why is this scapegoating mechanism activated now?

Historically, rising tides of antisemitism were triggered not by any marked change in the actions of those who were targeted and hated – the Jews, but rather by crises in the societies doing the targeting and hating. It is always in

Жёстко этнически чистили весь арабский мир, когда они осмелились заявить о своих ожиданиях политического и коллективного равенства с арабами. И всё же эти защитники прав человека уверяют евреев в Израиле и произраильски настроенных евреев в диаспоре, что каким-то волшебным образом, из всех мест, это единое государство каким-то образом сработает на Ближнем Востоке. Всё, что нужно для воплощения этой прекрасной утопии, — это чтобы евреи отказались от своего странного стремления к собственному государству, где они сами будут контролировать свою судьбу и оборону.

Поэтому не случайно, что двумя основными целями кампании по поиску козлов отпущения для евреев стали два места, где евреи наиболее эффективно организовались для своей защиты: Государство Израиль и произраильское лобби в США.

Те, кто обвиняет Израиль и сионистов в козлах отпущения, утверждают, что всё это – простое совпадение. Они пытаются убедить мир, что тот факт, что жертвы этой последней формы яростной ненависти – евреи – поразительно похожи на тех, кто был жертвами в прежние времена – тоже евреев, – является чистой случайностью. Они будут настаивать, что их единственная претензия к евреям – это якобы нарушения Израилем прав человека. Они будут утверждать, что тот факт, что обвинения против евреев-сионистов поразительно напоминают вариации на старые темы антисемитизма – вселенское зло, кровожадность, закулисные финансовые заговоры – является чистым совпадением. Даже активно и неустанно выступая против Израиля, многие из этих козлов отпущения будут заявлять, что сами борются с антисемитизмом, но это всегда будет старый, легко узнаваемый антисемитизм, исходящий от неонацистов и правых националистов, который уже общепризнанно плох.

Но правда в том, что антисиионизм ничем не отличается от любого из предыдущих проявлений ненависти к евреям и антисемитизма. Это всего лишь новое, блестящее, невинное на вид воплощение.

Но если так, почему этот механизм поиска козла отпущения активируется именно сейчас?

Исторически рост антисемитизма был вызван не какими-либо заметными изменениями в действиях тех, кто подвергался нападкам и ненависти – евреев, а скорее кризисами в обществах, которые сами нападали и ненавидели. Это всегда

times of crisis that the scapegoating mechanism is activated, and with it the rise of antisemitism.

Thus, it was the threat to the Church hierarchy from the split between Roman Catholicism and Greek Orthodoxy in the 11th century and the successive waves of Muslim conquest which triggered the rise of the virulent antisemitism of medieval Christianity. Another peak was triggered by the [Black Death](#) plague which swept across Europe in the mid-14th century annihilating more than third of the population, and for which the Jews were blamed. The depth and extent of the economic, financial and social crises of [1920's Germany](#) facilitated the rise of Nazism, and the post war Soviet Union had to contend with the devastation of the Second World War and the stalling of Soviet industrialization.

And humanity today, especially in the West, is yet again in a time of crisis. There is a profound crisis of identity and control, as people are gripped by an anxiety of no longer knowing who they are or what they stand for. Technology questions the very notion of human intelligence and the very idea of humanity. Extreme and changing climate undermines confidence in the future of our species on the planet. Immigration questions group belonging and identity. The persistence of racial and gender inequality undermines notions of progress and our most fundamental values. Politics are polarized, debate has become unhinged and the center can no longer hold. The leaders, or lack thereof leave many feeling there is no steady hand at the helm. Few still look to the future with a sense of hope or security. Old certainties are failing, and none have emerged yet to replace them. And there are few greater certainties in this world than that the Jews are to blame. To alleviate the crisis then, Jews are expected to assume, once again, their role as scapegoats.

And so, the antisemitic mechanism is activated. The Jews are given a collective designation onto which the most loathsome and immutable characteristics, as deemed by the highest and most respected authority, are imputed, and the effort to marginalize them and strip them of their defenses is set in motion. This is done so that when the process is complete, and the scapegoat sacrificed, a better, more humane, more perfect world will emerge. It never does. ***Instead, if the antisemitic mechanism is allowed to reach its full scope, what will happen is that which has happened repeatedly in the past. If Israel is somehow eliminated, and Jews rendered defenseless, the world will look back once more on its actions in horror, hang its head and wring its hands and ask itself how this could have happened, and will vow Never Again. Again.***

Во времена кризиса активируется механизм поиска козла отпущения, а вместе с ним и рост антисемитизма.

Таким образом, именно угроза церковной иерархии, возникшая из-за раскола между римским католицизмом и греческим православием в XI веке, а также последующие волны мусульманских завоеваний, привели к росту яростного антисемитизма в средневековом христианстве. Ещё один пик был вызван **Чёрная смерть** Чума, охватившая Европу в середине XIV века и уничтожившая более трети населения, в которой обвиняли евреев. Глубина и масштабы экономического, финансового и социального кризиса в Германии 1920-х годов способствовали росту нацизма, а послевоенному Советскому Союзу пришлось бороться с разрушительными последствиями Второй мировой войны и торможением советской индустриализации.

Человечество сегодня, особенно на Западе, вновь переживает кризис. Налицо глубокий кризис идентичности и контроля, поскольку люди охвачены тревогой, что больше не знают, кто они и за что борются. Технологии ставят под сомнение само понятие человеческого интеллекта и саму идею человечества. Экстремальные и меняющиеся климатические условия подрывают уверенность в будущем нашего вида на планете. Иммиграция ставит под сомнение групповую принадлежность и идентичность. Сохранение расового и гендерного неравенства подрывает представления о прогрессе и наших самых фундаментальных ценностях. Политика поляризована, дебаты разваливаются, и центр больше не может быть удержан. Лидеры, или их отсутствие, оставляют многих чувствовать, что у руля нет твёрдой руки. Мало кто смотрит в будущее с надеждой или уверенностью. Старые убеждения рушатся, и ничего, что могло бы заменить их, пока не появилось. И мало что в этом мире более несомненно, чем то, что во всём виноваты евреи. Чтобы смягчить кризис, от евреев ожидают, что они снова возьмут на себя роль козлов отпущения.

Итак, запускается антисемитский механизм. Евреям присваивается коллективное обозначение, которому приписываются самые отвратительные и непреложные характеристики, с точки зрения высшей и наиболее уважаемой власти, и запускается процесс их маргинализации и лишения защиты. Это делается для того, чтобы, когда процесс завершится,

Если принести в жертву козла отпущения, возникнет лучший, более гуманный, более совершенный мир. Но этого никогда не происходит. *Вместо этого, если позволить антисемитскому механизму достичь своего предела,*

В полном объёме произойдёт то, что уже неоднократно случалось в прошлом.

Если Израиль каким-то образом будет уничтожен, а евреи останутся незащитными, мир снова с ужасом оглянется на свои действия, повесит голову, заломит руки и спросит себя, как такое могло произойти, и поклянется: «Никогда больше». Снова.

DURBAN: A LEGACY OF DESTRUCTION

Essay for The International Legal Forum on the 20th Anniversary of Durban IV, September 2021

In 1991 UN General Assembly Resolution 3379, famously, or infamously, known as Zionism is Racism resolution, was revoked by the United Nations. Whereas the initial resolution was passed by a vote of 72 to 35 with 32 abstentions, the resolution revoking the determination clause that “Zionism is a form of racism and racial discrimination” was passed by a vote of 111 nations, of which 90 sponsored the resolution, to 25 against with 13 abstentions. This overwhelming revocation was considered a long-overdue correction for a resolution that marked a low point in the UN’s history and “mocked the pledge and principles upon which the UN was founded”, as stated by then US President. But this moment proved fleeting.

When the World Conference Against Racism convened in 2001 under the UN auspices in Durban, South Africa, it found it expedient to revive this equation of Zionism to Racism. Convening in a South Africa where the effects of Apartheid were still very much prevalent and where the system of racist inequality continued to persist in all but name, the members of the conference found it more urgent to fight a non-existent form of racism, rather than the ones that were evident all around them. In doing so, the Durban conference was at once operating against the very principle on which the entire global political system, including the UN, was based, running away from its mandate to fight racism, and making a major contribution to preventing peace.

To equate the movement for the liberation and self-determination of the Jewish people in their homeland to racism and racial discrimination was to undermine the very principle upon which the entire global political system rested since the fall of empires. Throughout the 20th century as nation after nation, peoples after peoples, released themselves from the yoke of empire,

ДУРБАН: НАСЛЕДИЕ РАЗРУШЕНИЯ

Эссе для Международного юридического форума 20-го века Годовщина Дурбана IV, сентябрь 2021 г.

В 1991 году резолюция 3379 Генеральной Ассамблеи ООН, известная как резолюция «Сионизм есть расизм», была отменена Организацией Объединённых Наций. Первоначальная резолюция была принята 72 голосами против 35 при 32 воздержавшихся, а резолюция, отменяющая положение о том, что «сионизм является формой расизма и расовой дискриминации», была принята 111 голосами, из которых 90 были авторами резолюции, против 25 при 13 воздержавшихся. Эта подавляющая отмена была воспринята как давно назревшая необходимость исправить резолюцию, которая ознаменовала собой низшую точку в истории ООН и «высмеивала обязательства и принципы, на которых была основана ООН», как заявил тогдашний президент США. Но этот момент оказался мимолётным.

Когда в 2001 году под эгидой ООН в Дурбане (Южная Африка) прошла Всемирная конференция по борьбе с расизмом, она сочла целесообразным возродить это отождествление сионизма с расизмом. Собравшись в Южной Африке, где последствия апартеида всё ещё были весьма сильны, а система расового неравенства сохранялась лишь формально, участники конференции сочли более важной борьбу с несуществующей формой расизма, чем с теми, которые были очевидны повсюду. Тем самым Дурбанская конференция одновременно противоречила самому принципу, на котором зиждется вся мировая политическая система, включая ООН, уклоняясь от своего мандата по борьбе с расизмом и внося значительный вклад в препятствование миру.

Приравнивать движение за освобождение и самоопределение еврейского народа на своей родине к расизму и расовой дискриминации означало бы подорвать сам принцип, на котором зиждилась вся мировая политическая система после падения империй. На протяжении всего XX века, когда одна нация за другой, один народ за другим освобождались от гнета империи,

establishing their own nation-states, they did so in the name of self-determination of peoples. This became the organizing principle of the global political system, including the UN itself, a body that brings together the sovereign nation-states of self-determining peoples.

To argue that for the Jewish people to pursue self-determination, a respected principle that underpinned the other nation-state members of the UN, is racism, was at best to question the entire principle of self-determination for peoples, or at the very worst, to single out the Jewish people, and only the Jewish people, from ever pursuing this right. In doing so, those who participated in reviving this equation of Zionism to Racism betrayed the very mandate they were given to fight racism by perverting the very notion of racism and engaging in the age-old practice of finding a Jewish scapegoat to avoid dealing with deep and abiding problems at home.

Not content with undermining UN principles and betraying its mandate to fight racism, the Durban conference also made a major contribution to preventing peace. The decade between revoking and reviving “Zionism is Racism” demonstrated the role of vilification of Israel and Zionism in preventing peace. The revocation was part of the Madrid Conference, emphasizing the link between making peace and accepting Israel as a legitimate and even indigenous presence in the region, rather than a foreign implant that must be ousted with violence. This message was heard in Israel and brought about the revival of the Israeli peace camp, the election of a Labor government led by Prime Minister Rabin, the launching of the Oslo Accords, and a series of Israeli retreats from Gaza and the West Bank.

In stark contrast, the revival of the equation at Durban came only a few short months after Yasser Arafat and the Palestinian people violently rejected the boldest and most far-reaching proposal for ending the conflict by establishing a Palestinian state in the West Bank and Gaza, free of settlements, with Jerusalem as its capital, put forth by Ehud Barak, a successor to Rabin.

Rather than sending a message to Palestinians that Jews are a people with a deep connection to the land and that competing claims for the same piece of land are best settled by agreeing that while each side could have some of the

Создавая свои национальные государства, они делали это во имя самоопределения народов. Это стало организующим принципом мировой политической системы, включая саму ООН – организацию, объединяющую суверенные национальные государства самоопределяющихся народов.

Утверждать, что стремление еврейского народа к самоопределению, уважаемый принцип, лежащий в основе других национальных государств-членов ООН, является расизмом, означало бы в лучшем случае поставить под сомнение сам принцип самоопределения народов, а в худшем – лишить еврейский народ, и только его, возможности когда-либо добиваться этого права. Поступая таким образом, те, кто участвовал в возрождении этого приравнивания сионизма к расизму, предали сам мандат, данный им на борьбу с расизмом, извратив само понятие расизма и прибегнув к извечной практике поиска еврейского козла отпущения, чтобы избежать решения глубоких и непреходящих проблем внутри страны.

Не довольствуясь подрывом принципов ООН и предательством её мандата по борьбе с расизмом, Дурбанская конференция также внесла значительный вклад в предотвращение мира. Десятилетие, прошедшее между отменой и возрождением лозунга «Сионизм — это расизм», продемонстрировало роль клеветы на Израиль и сионизм в предотвращении мира. Отмена лозунга стала частью Мадридской конференции, подчёркивая связь между установлением мира и признанием Израиля как законного и даже самобытного присутствия в регионе, а не иностранного насаждения, которое необходимо вытеснить силой. Это послание было услышано в Израиле и привело к возрождению израильского лагеря мира, избранию правительства Лейбористской партии во главе с премьер-министром Рабином, подписанию соглашений в Осло и серии отступлений Израиля из Газы и с Западного берега.

В резком контрасте с этим возрождение уравнивания в Дурбане произошло всего через несколько месяцев после того, как Ясир Арафат и палестинский народ яростно отвергли самое смелое и далеко идущее предложение о прекращении конфликта путем создания палестинского государства на Западном берегу и в секторе Газа, свободного от поселений, со столицей в Иерусалиме, выдвинутое Эхудом Бараком, преемником Рабина.

Вместо того, чтобы донести до палестинцев, что евреи – это народ, имеющий глубокую связь с землей, и что конкурирующие претензии на один и тот же участок земли лучше всего урегулировать, согласившись, что, хотя каждая сторона может иметь часть

land, neither will have it all, in vilifying Zionism the Durban conference turned the conflict into one between good and evil.

Evil must be defeated and eradicated. One does negotiate border and security arrangements with evil. This message was heard in Israel loud and clear. Rather than encouraging Israeli peace-making, many in the international community preferred to sustain Palestinian violence and rejectionism.

Twenty years after convening, the Durban conference could look back on two decades of a successful policy of utter destruction. By vilifying Zionism as racism, the conference succeeded in undermining UN foundational principles, betraying its mandate to fight real racism by engaging in the ancient practice of scapegoating Jews and ensuring that peace is all but impossible. Quite a legacy.

земля, никто не получит все, Дурбанская конференция, очерняя сионизм, превратила конфликт в конфликт между добром и злом.

Зло должно быть побеждено и искоренено. Со злом действительно нужно вести переговоры о границах и безопасности. Это послание было услышано в Израиле громко и ясно. Вместо того чтобы поощрять израильские миротворческие усилия, многие в международном сообществе предпочли поддерживать палестинское насилие и неприятие.

Спустя двадцать лет после своего созыва конференция в Дурбане могла бы оглянуться на два десятилетия успешной политики тотального разрушения. Очерняя сионизм как расизм, конференция преуспела в подрыве основополагающих принципов ООН, предав свой мандат на борьбу с реальным расизмом, прибегнув к давней практике возложения вины на евреев и обеспечив практически невозможный мир. Впечатляющее наследие.

ANTIZIONISM THE INNOCENT SOUNDING ANTISEMITISM

Op-Ed for the British Telegraph, May 2021

All reasonable people agree that [anti-Semitism is bad](#), but when they say this they usually refer to anti-Semitism in its past forms, particularly of the 1930s. Anti-Semitism, however, is always evolving: it adopts new language and imagery, often to disguise its real meaning. If one understands the mechanism by which it subtly implants itself into a society, we can identify and expose anti-Semitic meaning even where it has been expertly disguised.

It begins, always, by creating a collective designation for the Jewish people, which distinguishes them from the general population. In Christian Europe, the group was simply known as Jews. In secular 19th and 20th century Europe, the same group became known as Semites (and that designation was never intended for anyone but Jews). In the Soviet Union, which could not afford to be associated with the Nazi version of anti-Semitism, the group became designated at once as Zionists and “rootless cosmopolitans”. Today, in the West, the same group is designated as [pro-Israel Jews and Zionists](#).

The mechanism then projects onto this designated group the qualities that society finds most loathsome at the specific time. In Christian Europe, Jews collectively bore the sin of killing Christ. For Nazis, the Semites were an impure race. For Soviets, Zionists were capitalists and imperialists. And today, Israel is described as “born in sin” and Zionists and the State of Israel as the ultimate violators of human rights.

The vilification and subsequent persecution is justified by appealing to the respected authority of the given era. In Christian Europe it was the Church. For secular Europe it was “science”. For the Soviets it was the Communist Party, and in our own era it is human rights.

АНТИСИОНИЗМ — НЕВИННЫЙ, ЗВУЧАЩИЙ АНТИСЕМИТИЗМ

Редакционная статья для British Telegraph, май 2021 г.

Все разумные люди согласны с тем, что [антисемитизм - это плохо](#) , но, говоря так, они обычно имеют в виду антисемитизм в его прошлых формах, особенно в 1930-х годах. Однако антисемитизм постоянно развивается: он осваивает новый язык и образы, часто чтобы скрыть свой истинный смысл. Поняв механизм, посредством которого он незаметно внедряется в общество, мы можем распознать и разоблачить антисемитский подтекст даже там, где он был искусно замаскирован.

Всё начинается, как всегда, с создания коллективного обозначения еврейского народа, отличающего его от остального населения. В христианской Европе эта группа была известна просто как евреи. В светской Европе XIX и XX веков та же группа стала называться семитами (и это обозначение никогда не предназначалось ни для кого, кроме евреев). В Советском Союзе, который не мог позволить себе ассоциировать себя с нацистской версией антисемитизма, эта группа сразу же стала называться сионистами и «безродными космополитами». Сегодня на Западе та же группа называется [Произраильские евреи и сионисты](#) .

Затем этот механизм проецирует на эту обозначенную группу те качества, которые общество считает наиболее отвратительными в данный момент. В христианской Европе евреи коллективно несли грех убийства Христа. Для нацистов семиты были нечистой расой. Для советских людей сионисты были капиталистами и империалистами. А сегодня Израиль называют «рождённым во грехе», а сионистов и Государство Израиль — грубейшими нарушителями прав человека.

Очернение и последующие преследования оправдываются ссылкой на уважаемый авторитет данной эпохи. В христианской Европе это была Церковь. В светской Европе это была «наука». В Советском Союзе это была Коммунистическая партия, а в наше время – права человека.

The appeal to the power of the highest authority bestows an aura of rationality and respectability on the presentation of Jews or Semites or Zionists as uniquely evil. Today, while it is socially unacceptable to be overtly or obviously anti-Semitic, many in the West are deeply convinced that Israel, pro-Israel Jews, and Zionists are the greatest violators of the sacred values of human rights. Jews again are cast as uniquely evil and a threat to the well-being of humankind.

Yet, when Jews sense the looming danger, the anti-Semitic mechanism lures them into dropping their own defences by convincing them that, by “opting out” of the collective, they will be spared. In Nazi Germany, Jews were told initially that if they were the “good kind” of Jew – for example, those who fought for Germany in World War One – they would be spared. They were not.

Today, in the West, Jews are being told that they will be spared if they join the anti-Zionist accusations. Jews are lured into giving up their own defences, which includes [the state of Israel itself](#), in favour of a binational state, which in short order would become a Palestine “From the River to the Sea” where Jews are the minority.

So-called human rights advocates demand to know why Jews cannot simply “co-exist” with the Arabs even in the face of the simple fact that binational states, everywhere and certainly in the Middle East, ultimately and inevitably descend into bloody mayhem. All that is needed for this beautiful utopia to be realised is for the Jews to forgo their bizarre insistence on having their own state where they control their destiny and defences.

Anti-Zionists try to convince the world that the fact that the targets of this latest form of virulent hatred – Jews – bear a striking resemblance to those who were targets in previous times – also Jews – is sheer coincidence. Also sheer coincidence is that the charges against Zionist Jews appear strikingly like variations on the ancient themes of anti-Semitism – cosmic evil, bloodthirst, conspiracies of money operating behind the scenes.

Even as anti-Zionists relentlessly [campaign against Israel](#), they will claim

Обращение к высшей власти придаёт ореол рациональности и респектабельности представлению евреев, семитов или сионистов как исключительно злодеев. Сегодня, хотя открытое или явное проявление антисемитизма социально неприемлемо, многие на Западе глубоко убеждены, что Израиль, произраильские евреи и сионисты — главные нарушители священных ценностей прав человека. Евреи снова предстают как исключительно злодеи и угроза благополучию человечества.

Однако, когда евреи чувствуют надвигающуюся опасность, антисемитский механизм побуждает их отказаться от собственной защиты, убеждая их, что, «выйдя» из коллектива, они будут спасены. В нацистской Германии евреям изначально говорили, что если они будут «хорошими» евреями – например, теми, кто сражался за Германию в Первой мировой войне – их пощадят. Но этого не произошло.

Сегодня на Западе евреям говорят, что их пощадят, если они присоединятся к антисионистским обвинениям. Евреев заманивают отказаться от собственной защиты, которая включает в себя [само государство Израиль](#), в пользу двунационального государства, которое в скором времени станет Палестиной «От реки до моря», где евреи будут меньшинством.

Так называемые защитники прав человека требуют объяснений, почему евреи не могут просто «сосуществовать» с арабами, даже несмотря на тот простой факт, что двунациональные государства, повсюду, и уж точно на Ближнем Востоке, в конечном итоге неизбежно скатываются к кровавому хаосу. Всё, что нужно для воплощения этой прекрасной утопии, – это чтобы евреи отказались от своего странного стремления к собственному государству, где они сами контролируют свою судьбу и оборону.

Антисионисты пытаются убедить мир, что тот факт, что жертвы этой новейшей формы яростной ненависти – евреи – поразительно похожи на тех, кто был объектом нападков в прежние времена – тоже евреев – является чистым совпадением. Также чистым совпадением является и то, что обвинения против евреев-сионистов поразительно напоминают вариации на извечные темы антисемитизма – вселенское зло, кровожадность, закулисные финансовые заговоры.

Даже когда антисионисты неустанно [кампания против Израиля](#), они будут утверждать

to fight anti-Semitism. But it will be the old, easy to identify kind, that comes from neo-Nazis and Right-wing nationalists, which is already commonly acknowledged as bad. Anti-Zionism is merely the new, shiny, innocent-looking, incarnation of the ancient Jew hatred, anti-Semitism. And if the anti-Semitic mechanism is allowed to reach its full scope, what will happen is that which has happened repeatedly in the past.

If Israel is somehow eliminated in favour of a “Palestine from the River to the Sea”, and Jews rendered defenceless, the world will look back once more on its actions in horror, hang its head and wring its hands and ask itself how this could have happened, and will vow Never Again. Again.

для борьбы с антисемитизмом. Но это будет старый, легко узнаваемый вид, исходящий от неонацистов и правых националистов, который уже общепризнанно плох. Антисионизм — это всего лишь новое, блестящее, невинное на вид воплощение древней ненависти к евреям, антисемитизма.

. И если позволить антисемитскому механизму развернуться в полную силу, то произойдет то, что уже неоднократно происходило в прошлом.

Если Израиль каким-то образом будет уничтожен в пользу «Палестины от реки до моря», а евреи останутся беззащитными, мир снова с ужасом оглянется на свои действия, опустит голову, заломит руки и спросит себя, как такое могло произойти, и поклянется: «Никогда больше». Снова.

HOW NOT TO THINK ABOUT THE CONFLICT

Essay for Sapir Journal, April 2021

Over a year ago, pre-COVID, when delegations of students were still coming to Israel on planes, I met with a group to discuss Israel, Zionism, and the conflict. During the Q&A session, I was asked by one student to comment on how “colorism” affects the conflict between Jews and Arabs, Israelis and Palestinians. While I had often heard this question framed in the context of racism, it was the first time I was asked about the conflict as one of “colorism.” Reflecting on this question, I thought that perhaps it had finally dawned on those studying the conflict that, to the extent race means anything, Jews and Arabs definitely do not constitute two separate “races,” so perhaps someone thought variations of skin tone — “color” — would make sense of the conflict in a way that Americans could understand.

Since analyzing the conflict in terms of skin tones made about as much sense as race, and since the talk took place in a hotel meeting room in Jaffa, I simply challenged the young student to go out into the city, where the population is a mix of Arabs and Jews, and, upon her return, tell me whether she could tell Jews apart from Arabs based only on their “color.” Even without going outside, she admitted she was not likely to be able to do so. Marshaling all my patience gained from years of having to address false parallels and analogies, I explained that Jews and Arabs, Israelis and Palestinians are engaged in a century-old conflict that rests on issues of nation, religion, theology, tribes, receding empires, carved-out states, history, and geography — all great and relevant lenses from which to analyze it. Race and color are not.

Normally, we expect people to try to understand things that are foreign to them by placing them in familiar frameworks and by drawing parallels with their own situations. Having discussed the conflict over the years with groups from India, China, Japan, Europe, Africa, and Latin America, I was always

КАК НЕ ДУМАТЬ О КОНФЛИКТЕ

Эссе для журнала Sapir, апрель 2021 г.

Более года назад, ещё до пандемии COVID, когда студенческие делегации ещё прилетали в Израиль на самолётах, я встретился с группой, чтобы обсудить Израиль, сионизм и конфликт. Во время сессии вопросов и ответов один студент попросил меня прокомментировать, как «колоризм» влияет на конфликт между евреями и арабами, израильтянами и палестинцами. Хотя я часто слышал этот вопрос в контексте расизма, мне впервые задали вопрос о конфликте как о конфликте, связанном с «колоризмом». Размышляя над этим вопросом, я подумал, что, возможно, до тех, кто изучает этот конфликт, наконец-то дошло, что, насколько раса вообще что-то значит, евреи и арабы определённо не представляют собой две отдельные «расы», поэтому, возможно, кто-то решил, что различия в оттенке кожи — «цвете кожи» — прояснят этот конфликт так, чтобы его могли понять американцы.

Поскольку анализ конфликта с точки зрения цвета кожи имел примерно столько же смысла, сколько и расы, и поскольку беседа проходила в конференц-зале отеля в Яффо, я просто предложил молодой студентке выйти в город, где население представляет собой смесь арабов и евреев, и по возвращении сказать мне, может ли она отличить евреев от арабов только по их «цвету кожи». Она признала, что, даже не выходя на улицу, вряд ли сможет это сделать. Собрав всё своё терпение, накопленное за годы борьбы с ложными параллелями и аналогиями, я объяснил, что евреи и арабы, израильтяне и палестинцы вовлечены в вековой конфликт, основанный на вопросах нации, религии, теологии, племён, распадающихся империй, отдельных государств, истории и географии — всё это прекрасные и уместные призмы для его анализа. Раса и цвет кожи — нет.

Обычно мы ожидаем, что люди попытаются понять незнакомые им вещи, помещая их в привычные рамки и проводя параллели со своей собственной ситуацией. Обсуждая конфликт на протяжении многих лет с группами из Индии, Китая, Японии, Европы, Африки и Латинской Америки, я всегда был...

struck by the parallels they found between, on one hand, the history of the Jews, Zionism, and the conflict and, on the other, their own countries and peoples' histories. Those were always interesting for me to hear, and I considered them an honest effort by people to grapple with a place and a people that were not their own. But unlike these earnest attempts to understand a foreign place and people, some parallels are more ill-intentioned, drawn for the express purpose of intervening in the conflict on behalf of one side, or for reasons that are more about the domestic issues of the people drawing the comparisons than about the conflict itself.

Drawing parallels to cast one side in the conflict as evil and the other as good might have the effect of marshaling support and resources for the side that one favors, but such a strategy is counter-productive, and even just plain stupid, if the goal is actually to engage with the real issues at hand, to solve the conflict and attain peace. “Evil” must always be fought and defeated—so to cast the conflict as a fight between good and evil is effectively to argue that no compromise can be made until the other side disappears or signs an unconditional surrender.

For decades, critics have cast Jews, Israel, and Zionism as the evil side in the conflict through their consistent and persistent employment of the “Placard Strategy”: utilizing simple equations such as those that might appear on a placard in an anti-Israel demonstration. On one side of the equation are Israel, Zionism, and images such as the Star of David. The evil *du jour* is the other side, whether it is Imperialism, Colonialism, Racism, Apartheid or — for the truly determined — Genocide and Nazism. Most recently, White Supremacy was added to the list.

The Placard Strategy is so effective that it is employed everywhere and anywhere, from the UN (Zionism = Racism), to the International Criminal Court (Israel = Crimes Against Humanity), to various media and social media, where anti-Israel speakers invariably manage to respond to any question regarding Israel with the words “Apartheid,” “Racist,” and “Colonialist,” regardless of the question or topic discussed. These words are considered a standard reply to Israelis posting photos of themselves eating ice cream in Tel Aviv.

Меня поразили параллели, которые они нашли, с одной стороны, между историей евреев, сионизма и конфликта, а с другой – между историей своих стран и народов. Мне всегда было интересно это слышать, и я считал их искренней попыткой людей разобраться с местом и народом, которые им не были родными. Но в отличие от этих искренних попыток понять чужую страну и народ, некоторые параллели более злонамеренны, проводятся с явной целью вмешаться в конфликт на стороне одной из сторон или по причинам, которые больше связаны с внутренними проблемами людей, проводящих сравнения, чем с самим конфликтом.

Проведение параллелей, представляющих одну сторону конфликта как зло, а другую как добро, может привести к мобилизации поддержки и ресурсов в пользу той стороны, которой она благоволит. Однако такая стратегия контрпродуктивна и даже просто глупа, если цель — действительно разобраться с реальными проблемами, разрешить конфликт и достичь мира. Со «злом» всегда нужно бороться и побеждать, поэтому представлять конфликт как борьбу добра со злом — это фактически утверждение, что компромисс невозможен, пока другая сторона не исчезнет или не подпишет безоговорочную капитуляцию.

На протяжении десятилетий критики выставляли евреев, Израиль и сионизм злой стороной в конфликте, последовательно и настойчиво применяя «стратегию плакатов»: используя простые уравнения, подобные тем, что могут быть изображены на плакате во время антиизраильской демонстрации. На одной стороне уравнения находятся Израиль, сионизм и такие символы, как Звезда Давида. *Зло du jour* Это другая сторона, будь то империализм, колониализм, расизм, апартеид или — для действительно решительных — геноцид и нацизм. Совсем недавно к этому списку добавилось превосходство белой расы.

Стратегия плакатов настолько эффективна, что применяется везде и всюду: от ООН (сионизм = расизм) до Международного уголовного суда (Израиль = преступления против человечности), различных СМИ и социальных сетей, где антиизраильские ораторы неизменно умудряются ответить на любой вопрос об Израиле словами «апартеид», «расист» и «колониалист», независимо от обсуждаемого вопроса или темы. Эти слова считаются стандартным ответом израильтянам, публикующим фотографии, на которых они едят мороженое в Тель-Авиве.

The Placard Strategy has never been about actual facts and policies. If there was ever a time when it was at least used for purposes that had to do with the conflict itself, that time has passed. Nowadays, the equations and parallels reflect more on the domestic concerns of the protesters than they illuminate any real issues in Israel and the Middle East.

I first saw this phenomenon when visiting Ireland and Northern Ireland several years ago. As I traveled around and met with officials, the analogy emerged: Israel = Protestants / Northern Irish / Britain, and the Palestinians = Irish Catholics. As I visited sites throughout Belfast, the Protestant areas were flying Israeli flags, and the Catholic areas had Palestinian flags, creating an eerie feeling that the Northern Irish conflict, supposedly ended by the Good Friday Agreement of 1998, was still simmering.

It wasn't just the flags: Catholics and Protestants alike described the Israeli–Palestinian conflict with intense emotion, usually coupled with remarkable ignorance. One Sinn Féin member of Parliament even went so far as to accuse Israel of committing genocide — which is when I realized that these emotions had nothing to do with our conflict and everything to do with their own. It was as if, with their struggle officially resolved, the Catholics and Protestants couldn't let go — they needed a new way to channel, experience, and display the full range of intense emotions that had fueled them during their own struggle. But this time, of course, they bore none of the consequences of these feelings and opinions. My colleague Igal Ram once termed this *a “Disneyland of Hate”: For those outside the actual Israeli–Palestinian conflict, it was a safe — Disneyland — way of experiencing a roller coaster of intense emotions missing from their dull post-peace lives.* In a world that is actually more peaceful than ever, and where negative, violence-related emotions, such as hatred — and especially hatred of groups and collectives — are less legitimate than ever, the continuing acceptance of hatred for Israel endures. Couching it in terms of the Israeli–Palestinian conflict enabled some Irish Catholics a rare and safe outlet for the open expression of the least legitimate emotion of all, hate, in a world where their own official peace agreement had failed to eliminate intense negative emotions built over decades of conflict.

Стратегия «Плакард» никогда не была основана на реальных фактах и политике. Если когда-либо её хотя бы использовали в целях, связанных с самим конфликтом, то эти времена давно прошли. Сегодня сравнения и параллели скорее отражают внутренние проблемы протестующих, чем проливают свет на реальные проблемы в Израиле и на Ближнем Востоке.

Впервые я столкнулся с этим явлением несколько лет назад, когда посетил Ирландию и Северную Ирландию. Путешествуя по стране и встречаясь с официальными лицами, я провёл аналогию: Израиль = протестанты / Северная Ирландия / Британия, а палестинцы = ирландские католики. Когда я посещал Белфаст, в протестантских районах развевались израильские флаги, а в католических – палестинские, что создавало жуткое ощущение, будто североирландский конфликт, якобы завершённый Соглашением Страстной пятницы 1998 года, всё ещё тлеет.

Дело было не только в флагах: католики и протестанты одинаково эмоционально описывали израильско-палестинский конфликт, обычно в сочетании с поразительным невежеством. Один депутат парламента от партии «Шинн Фейн» даже дошёл до того, что обвинил Израиль в совершении геноцида, и именно тогда я понял, что эти эмоции не имеют никакого отношения к нашему конфликту, а связаны исключительно с их собственным. Как будто после официального завершения борьбы католики и протестанты не могли отпустить ситуацию — им нужен был новый способ выразить, пережить и продемонстрировать весь спектр сильных эмоций, которые питали их во время их собственной борьбы. Но на этот раз, конечно, они не понесли никаких последствий этих чувств и мнений. Мой коллега Игал Рам однажды назвал это...

«Диснейленд ненависти»: для тех, кто находился за пределами реального израильско-палестинского конфликта, это был безопасный — Диснейленд — способ испытать американские горки сильных эмоций, которых не хватало в их скучной жизни после наступления мира. В мире, который стал более мирным, чем когда-либо, и где негативные, связанные с насилием эмоции, такие как ненависть, и особенно ненависть к группам и коллективам, менее легитимны, чем когда-либо, продолжается принятие ненависти к Израилю. Облекая её в рамки израильско-палестинского конфликта, некоторые ирландские католики получили редкую и безопасную возможность открыто выразить наименее легитимную из всех эмоций – ненависть – в мире, где их собственное официальное мирное соглашение не смогло искоренить сильные негативные эмоции, накопившиеся за десятилетия конфликта.

A visit to South Africa provided me with a similar experience. Especially after the 2010 World Cup, South Africa had successfully rebranded itself as the post-apartheid Rainbow Nation. But the situation on the ground was one where apartheid and its effects continued to exist in practice, if not in name. Challenges of rampant poverty, inequality, illiteracy, and corruption plagued the country. Yet, many of the young people I met seemed possessed by what they viewed as the urgent need to fight “Apartheid Israel.”

Noticing once again the intensity of their emotions, I realized that they, too, had bought a ticket to this “Disneyland of Hate.” Their parents and grandparents had actually fought apartheid in South Africa, paying a hard price but also experiencing the glory not only of common struggle, but of victory. Life for their children was not so dramatic — their job, instead, was the dull and exhausting work of solving the deep-seated problems that apartheid had created. Continuing the glorious battle — just transposing it onto a faraway land with no regard for the actual situation there — meant they could tap into the glory without experiencing any of the pain.

In the United States, the discussion of the Israeli–Palestinian conflict increasingly resembles this “Disneyland of Hate.” If American discussions of the conflict were once focused on the conflict itself and on specific policy proposals designed to advance its resolution, this is clearly no longer the case. Like in Ireland and South Africa, the conflict has become a stand-in for American positions, where self-styled social justice warriors substitute the hard and tedious work of addressing domestic challenges with the vicarious heroism of fighting for the grand ideal of “Palestinian Rights.”

America is increasingly removed from its years of glorious global victories and celebrated domestic battles. The last war it won was Cold, and its recent “hot” wars have been a string of sorry messes; even the military-industrial complex has realized that it can sell more weapons by promoting peace. The grand battles for civil rights and liberation have attained so much that the current battles for equity and equality now require a consistent focus on far more tedious issues like infrastructure, health, and education. In the absence of these exciting opportunities to defeat real Nazis in actual wars, or to attain

Поездка в Южную Африку подарила мне похожий опыт. Особенно после чемпионата мира по футболу 2010 года Южная Африка успешно переименовала себя в «Радужную нацию постапартеида». Но ситуация на местах была такова, что апартеид и его последствия продолжали существовать на практике, если не номинально. Страну терзали такие проблемы, как вопиющая нищета, неравенство, неграмотность и коррупция. Тем не менее, многие из молодых людей, с которыми я встречался, были одержимы тем, что они считали насущной необходимостью бороться с «Израилем апартеида».

Вновь отметив накал их эмоций, я понял, что они тоже купили билет в этот «Диснейленд ненависти». Их родители и бабушки с дедушками действительно боролись с апартеидом в Южной Африке, платя высокую цену, но и наслаждаясь не только общей борьбой, но и победой. Жизнь их детей была не столь драматичной — вместо этого их работа заключалась в унылом и изнурительном решении глубоко укоренившихся проблем, созданных апартеидом. Продолжение славной битвы — просто перенос её в далёкую страну, без оглядки на реальную ситуацию — означало, что они могли наслаждаться славой, не испытывая боли.

В Соединённых Штатах обсуждение израильско-палестинского конфликта всё больше напоминает этот «Диснейленд ненависти». Если раньше обсуждение конфликта в Америке было сосредоточено на самом конфликте и конкретных политических предложениях, направленных на его разрешение, то сейчас это явно не так. Как и в Ирландии и Южной Африке, конфликт стал символом американской позиции, где самопровозглашённые борцы за социальную справедливость подменяют тяжёлую и утомительную работу по решению внутренних проблем героизмом борьбы за великий идеал «палестинских прав».

Америка всё больше отдаляется от своих славных мировых побед и славных внутренних битв. Последняя война, которую она выиграла, была Холодной, а её недавние «горячие» войны превратились в череду жалких провалов; даже военно-промышленный комплекс осознал, что может продавать больше оружия, продвигая мир. Грандиозные битвы за гражданские права и освобождение достигли столь многого, что нынешние битвы за справедливость и равенство теперь требуют постоянного внимания к гораздо более насущным вопросам, таким как инфраструктура, здравоохранение и образование. В отсутствие этих захватывающих возможностей победить настоящих нацистов в реальных войнах или добиться...

decisive gains for civil rights, those who claim to promote social justice have latched on to the conflict in Israel in a desperate effort to appear, if only to their own in-group, as heroic warriors for “justice.” It is as if the conflict serves as a hallucinatory drug for those seeking to escape a dull reality and tedious long-term challenges, allowing them to imagine themselves engaged in a heroic struggle between good and evil, where victories are swift and definitive — to be Captain America and save the day.

And so, in an act of blatant neocolonialism, the American story is viewed as the universal prism through which all societies should be understood and analyzed. Blithely ignorant of the specificity of their own experience, the neocolonialists fit the square peg of the conflict into the round hole of American history. Jews are bizarrely cast as “white,” and Zionism as a movement of “white supremacy,” while Arabs, who look exactly like Jews (Fauda, anyone?), are cast as “people of color.” The Israeli–Palestinian conflict is cast as a mirror of race relations in America, but without the relevant local context of slavery, Jim Crow, or any of the specificities of Jewish, Arab, or Middle Eastern history.

Since these analogies have nothing to do with Israel and everything to do with projections of domestic issues and animosities, the best response is simply to refuse to give them the respect of treating them as honest arguments and dismiss the pretension that these issues have anything to do with Israel or Zionism. At most, the response should acknowledge and address the underlying domestic issues rather than their anti-Zionist mask.

The irony is that the Israeli–Palestinian conflict doesn’t provide much in the way of heroism anymore either. It is one of the least violent conflicts in the world, leading to far fewer violent deaths than most American cities experience each year. The contours of the slow separation between the State of Israel and an emerging Palestinian state are becoming more defined, and Israelis and Palestinians continue their close security cooperation. The growing normalization between Israel and many Arab states points to a regional exhaustion with “the conflict,” and a sense that Israel is part and parcel of the Middle East. A dull gray envelops a region that once seemed to

Добившись решающих успехов в борьбе за гражданские права, те, кто утверждает, что выступает за социальную справедливость, ухватились за конфликт в Израиле в отчаянной попытке показаться, пусть даже только своим, героическими борцами за «справедливость». Как будто этот конфликт служит галлюциногенным наркотиком для тех, кто стремится уйти от унылой реальности и утомительных долгосрочных испытаний, позволяя им вообразить себя вовлечёнными в героическую борьбу добра со злом, где победы быстры и окончательны – стать Капитаном Америкой и спасти положение.

Итак, в акте откровенного неокOLONиализма, американская история рассматривается как универсальная призма, через которую следует понимать и анализировать все общества. Совершенно не осознавая специфики собственного опыта, неокOLONиалисты вставляют квадратный колышек конфликта в круглую дыру американской истории. Евреи странным образом представляются как «белые», сионизм — как движение за «превосходство белой расы», в то время как арабы, которые выглядят точь-в-точь как евреи (кто-нибудь из «Фауды»?), представляются как «цветные». Израильско-палестинский конфликт представляется как зеркало расовых отношений в Америке, но без учета местного контекста рабства, законов Джима Кроу или каких-либо особенностей еврейской, арабской или ближневосточной истории.

Поскольку эти аналогии не имеют никакого отношения к Израилю, а целиком и полностью связаны с проекцией внутренних проблем и враждебности, лучший ответ — просто не считать их честными аргументами и отвергнуть любые претензии о том, что эти проблемы как-то связаны с Израилем или сионизмом. В лучшем случае ответ должен признать и рассмотреть основополагающие внутренние проблемы, а не их антиссионистскую маску.

Ирония в том, что израильско-палестинский конфликт тоже больше не является источником героизма. Это один из наименее жестоких конфликтов в мире, приводящий к гораздо меньшему числу насильственных смертей, чем ежегодное число смертей в большинстве американских городов. Контурь постепенного разделения между Государством Израиль и формирующимся Палестинским государством становятся всё более чёткими, и израильтяне и палестинцы продолжают тесное сотрудничество в сфере безопасности. Растущая нормализация отношений между Израилем и многими арабскими государствами указывает на региональное истощение «конфликта» и ощущение того, что Израиль является неотъемлемой частью Ближнего Востока. Тусклая серость окутывает регион, который когда-то казался...

promise grand battles between good and evil, black and white, Armageddon and salvation. Yet, in a world where so much is colored in dull gray, the market for black and white is as strong as ever. If actual, real-life Israelis, Arabs, and Palestinians are not going to supply the grand battle for right and wrong, then those who are addicted to this hallucinatory drug will have to invent it.

Yes, there are serious, complicated, and appropriate ways to understand the conflict between Israel, its Arab neighbors, and the Palestinians. None of them includes a grand battle between good and evil. But I can testify that when I sit with audiences and talk about the history of Ottoman decline, or the rise of nation-states to replace receding empires, or the interplay of various imperial and Cold War interests with those of various ethnic and religious groups, the eyes of most people glaze over. They want to know: Who are the good guys? Who are the bad? Which side should I root for — who is my team?

But Israelis and Palestinians, Jews and Arabs, are not sports teams. They are not stand-ins for good and evil, symbols for the struggles in one's own group much closer to home — they are not a drug for generating intense feelings in a dull reality. Israelis and Palestinians, Jews and Arabs, are real people. They are struggling to resolve centuries-long conflicts, which they are slowly doing. That is a far better use of their time than serving as props and collateral damage in the domestic morality tales of other countries, giving an outlet for people to channel negative emotions with which they should be dealing on their own. Which is why, increasingly, Israelis and even Palestinians watch the intense debates taking place halfway across the world in their name and are left wondering: What does all of this have to do with us?

обещают грандиозные битвы между добром и злом, чёрным и белым, Армагеддон и спасение. Однако в мире, где так много всего окрашено в унылый серый цвет, спрос на чёрно-белое как никогда высок. Если настоящие израильтяне, арабы и палестинцы не собираются участвовать в грандиозной битве добра и зла, то тем, кто подсел на этот галлюциногенный наркотик, придётся его изобрести.

Да, существуют серьёзные, сложные и уместные способы понять конфликт между Израилем, его арабскими соседями и палестинцами. Ни один из них не подразумевает грандиозной битвы добра со злом. Но могу засвидетельствовать, что, когда я сижу с аудиторией и говорю об истории упадка Османской империи, или о становлении национальных государств на месте угасающих империй, или о взаимодействии различных имперских интересов и интересов времён холодной войны с интересами различных этнических и религиозных групп, глаза большинства людей стекленеют. Они хотят знать: кто хорошие парни? Кто плохие? За какую сторону мне болеть? Кто моя команда?

Но израильтяне и палестинцы, евреи и арабы — это не спортивные команды. Они не символ добра и зла, не символы борьбы в собственной группе, гораздо ближе к дому, — они не наркотик, вызывающий сильные эмоции в серой реальности. Израильтяне и палестинцы, евреи и арабы — это реальные люди.

Они из всех сил пытаются разрешить многовековые конфликты, и им это постепенно удаётся. Это гораздо более полезное использование времени, чем служить реквизитом и сопутствующим ущербом в чужих моральных сказках, давая людям возможность выплеснуть негативные эмоции, с которыми им следовало бы справиться самостоятельно. Именно поэтому израильтяне и даже палестинцы всё чаще наблюдают за напряжёнными дебатами, ведущимися от их имени на другом конце света, и задаются вопросом: какое отношение всё это имеет к нам?

JEWISH POWER AND POWERLESSNESS

Essay for Jewish Insider, October 2018

Power corrupts. That is an ancient insight. Shared by biblical writers, no less than Greek, Roman, Hindu and Chinese ones. ***But the insight of Zionism, which perhaps only the Jews, as a literate and continuously powerless people, could contribute, was that powerlessness corrupts no less. Zionism emerged, in no small measure, due to the observation that a people, whose very survival depended on the good will of others (which was generally lacking), is corrupted by the need to ingratiate itself with those in power.*** Zionist thinkers observed that the constant need to appease those in power in an effort to prevent them unleashing their wrath against the Jews, has taken a heavy toll on the Jewish soul. Zionism sought to correct this corruption of Jewish existence by making Jews masters of their fate, powerful once again, normalized political actors among the nations.

It has taken several generations, but in that sense, Zionism has been a complete triumph. The current generation growing up in Israel appears entirely disconnected from the experience of powerlessness. It conducts itself with the kind of confidence that would have probably made early Zionist leaders kvetch with pride.

Yet, herein lies the problem. After centuries and nearly millennia of being isolated from the corrupting effects of power, by their forced powerlessness, Jews are now experiencing it in full force. In that sense, Jews have indeed become politically normalized.

For Jews living outside of Israel, and even for many in Israel, this might be too much too soon. Many experience and express deep unease with the speed with which Jews have become normalized. In many ways, this is one of the greatest challenges that present-day Zionism and Israel to Jews. One could even describe it as ***the theological challenge of Zionism to Judaism: it***

ЕВРЕЙСКАЯ СИЛА И БЕССИЛА

Эссе для Jewish Insider, октябрь 2018 г.

Власть развращает. Это древнее понимание. Его разделяли библейские авторы, не меньше, чем греческие, римские, индуистские и китайские. ***Но прозрение сионизма, которое, пожалуй, могли внести только евреи, как народ грамотный и постоянно бесправный, заключалось в том, что бесправие развращает не меньше. Сионизм возник, в немалой степени, благодаря наблюдению, что народ, само выживание которого зависит от доброй воли других (которой, как правило, не хватало), развращается потребностью снискать расположение власть имущих.*** Сионистские мыслители отмечали, что постоянная необходимость умиротворять власть имущих, чтобы не дать им обрушить свой гнев на евреев, тяжело отразилась на еврейской душе. Сионизм стремился исправить эту порочность еврейского существования, сделав евреев хозяевами своей судьбы, вернув им власть и сделав их нормальными политическими деятелями в разных странах.

Потребовалось несколько поколений, но в этом смысле сионизм одержал полную победу. Нынешнее поколение, выросшее в Израиле, похоже, совершенно не знакомо с ощущением бессилия. Оно ведёт себя с такой уверенностью, которая, вероятно, заставила бы ранних лидеров сионизма ныть от гордости.

Однако именно в этом и заключается проблема. После столетий и почти тысячелетий изоляции от развращающего воздействия власти, вызванной вынужденным бессилием, евреи теперь испытывают его в полной мере. В этом смысле евреи действительно стали политически нормализованными.

Для евреев, живущих за пределами Израиля, и даже для многих в Израиле, это может оказаться слишком много и слишком рано. Многие испытывают и выражают глубокую обеспокоенность скоростью, с которой евреи стали нормальными. Во многих отношениях это один из самых серьёзных вызовов, которые современный сионизм и Израиль бросают евреям. Можно даже сказать, что это ***теологический вызов сионизма иудаизму: он***

demonstrates that when possessing power, Jews are no better (and no worse, it should be emphasized) than all other people with power.

The idea that Jews are somehow a uniquely moral people, capable of managing power differently than all other members of the human species, should have been summarily dismissed by even a cursory reading of the Hebrew bible. After all, if there is one overarching theme of the Hebrew bible it is that of a people constantly corrupted, despite repeated exhortations by a series of prophets.

Yet, for Jews living outside of Israel, it has been a comforting thought to consider themselves heirs to a uniquely moral tradition. Many have conflated powerlessness with morality, forgetting that the supposed moral behavior of Jews over the centuries was the simple outcome of facing none of the moral dilemmas faced by those exercising power.

This has led some to mistakenly believe that it is Israel that is “ruining” the moral standing of the Jews. Worse, this has led some Jews, still at the margins, to promote Jewish powerlessness once again, in an effort to restore the apparent moral purity of a Jewish powerless existence. A generation that has never known what it is to be truly powerless, a generation that has come to believe that the last, truly unprecedented, five decades of Jewish existence in the US and Canada, during which there was always a sovereign state of Israel, seems to believe it has reached a Jewish “end of history.” Some Jews, especially younger ones, have come to take it so much for granted, that they consider the tradeoff of power for moral purity a worthwhile one.

But neither the confidence of Israeli Jews that they have reached an “end of history” of Jewish power nor the American Jewish notion that Jews in America have reached an “end of history” of Jewish integration, equality and comfort don’t stand up to scrutiny.

The one incontrovertible fact of Jewish existence, one that has remained unchanged, is size. Jews are, and always have been, a miniscule people. This has remained unchanged despite substantial procreation efforts. The relative size of the Jewish people is such, that even in the absence of a premediated industrial genocide, we cannot procreate our way out of it.

показывает, что, обладая властью, евреи ничем не лучше (и не хуже, это следует подчеркнуть), чем все другие люди, обладающие властью.

Идея о том, что евреи каким-то образом являются уникально моральным народом, способным распоряжаться властью иначе, чем все остальные представители человеческого рода, должна была быть сразу же отвергнута даже при поверхностном прочтении еврейской Библии. В конце концов, если и есть одна главная тема еврейской Библии, то это тема народа, который постоянно развращается, несмотря на неоднократные увещания ряда пророков.

Тем не менее, ***Для евреев, живущих за пределами Израиля, утешительной была мысль о том, что они являются наследниками уникальной моральной традиции. Многие путали бессилие с моралью, забывая, что предполагаемое нравственное поведение евреев на протяжении веков было простым следствием отсутствия моральных дилемм, с которыми сталкивались те, кто обладал властью.***

Это привело некоторых к ошибочному убеждению, что именно Израиль «разрушает» моральный облик евреев. Хуже того, это привело к тому, что некоторые евреи, всё ещё находящиеся на обочине, вновь начали пропагандировать еврейское бессилие, пытаясь восстановить кажущуюся моральную чистоту еврейского бесправного существования. Поколение, которое никогда не знало, что значит быть по-настоящему бессильным, поколение, которое пришло к убеждению, что последние, поистине беспрецедентные, пять десятилетий существования евреев в США и Канаде, в течение которых всегда существовало суверенное государство Израиль, похоже, считает, что оно достигло еврейского «конца истории». Некоторые евреи, особенно молодые, стали воспринимать это настолько как должное, что считают компромисс между властью и моральной чистотой оправданным.

Но ни уверенность израильских евреев в том, что они достигли «конца истории» еврейского могущества, ни представление американских евреев о том, что евреи в Америке достигли «конца истории» еврейской интеграции, равенства и комфорта, не выдерживают критики.

Единственный неоспоримый факт существования евреев, который остался неизменным, — это их численность. Евреи всегда были и остаются крошечным народом. Это остаётся неизменным, несмотря на значительные усилия по воспроизводству. Относительная численность еврейского народа такова, что даже без преднамеренного промышленного геноцида мы не сможем избежать его посредством размножения.

As a result, the Jewish doctrine, certainly in the modern era, whether in Israel or outside it, has been essentially the same, that of a blowfish. Whether through Nobel prizes, Hollywood movies, technology start-ups and a nuclear arsenal, the Jewish people have been engaged in a sustained effort to make sure that no-one in the world be clued in to the fact that the actual number of Jews in the world is a meager 15 million, give or take. It is the reason that we speak of a Judeo-Christian civilization when we are among Christians, or of a fellow proud ancient civilization when we meet with Hindu and Chinese leaders. We cannot afford to be alone. We must, as a matter of survival, punch way, way above our weight.

The unfortunate reality, as we repeatedly experience in the United Nations, where the nations seem to only be united when it is against Israel, is that our size makes us all too easy to gang up on. Despite decades of Jewish achievement and relative power, our miniscule size means that always lurking underneath is the very distinct possibility that the current realities of relative Jewish power and equality would be reversed.

The current leadership of the Jewish people whether in Israel or in the United States, having still experienced the price of Jewish powerlessness and inequality, while effectively engaging in the blowfish strategy, and enjoying the fruits of the current era of Jewish power, is still very much keenly aware of the actual size of the Jewish people and of how reversible the current reality is.

Unfortunately, this awareness is becoming less typical of the confident generation of young Jews in Israel or of the comfortable generation of young Jews in America. Young Jews in Israel and young Jews in America are both under the illusion that they have been luckily disconnected from Jewish history. This is at the source of their so-called distancing. Young Jews in Israel increasingly seem oblivious to the limits of their power, and young Jews in America seem to question the need for power at all. Both are wrong.

No matter how much actual power Jews in Israel amass, their miniscule size, in the region and otherwise, means that they would be wise to recognize its limits and refrain from pursuing the corrupting territorial and other ambitions that ignore that basic insight. For Jews in America, no matter how comfortable the current reality appears, it would be wise to resist the temptations of moral purity that comes from powerlessness. Power corrupts, but powerlessness corrupts no less. Our survival as a minuscule Jewish people depends on Jews, both in Israel and outside it, heeding both insights of Jewish history, which has very much not come to an end.

В результате еврейская доктрина, безусловно, в современную эпоху, будь то в Израиле или за его пределами, по сути, осталась прежней – доктриной рыбы-иглы. Будь то Нобелевские премии, голливудские фильмы, технологические стартапы и ядерный арсенал, еврейский народ прилагал постоянные усилия к тому, чтобы никто в мире не узнал о том, что реальное число евреев в мире составляет всего лишь жалкие 15 миллионов, плюс-минус. Именно поэтому мы говорим об иудео-христианской цивилизации, когда находимся среди христиан, или о гордой древней цивилизации, когда встречаемся с индуистскими и китайскими лидерами. Мы не можем позволить себе быть одни. Мы должны, ради выживания, прыгнуть выше своей головы.

Печальная реальность, с которой мы постоянно сталкиваемся в ООН, где страны, похоже, едины только в борьбе против Израиля, заключается в том, что наши размеры делают нас слишком лёгкой целью для сговора. Несмотря на десятилетия еврейских достижений и относительного могущества, наша ничтожность означает, что под ними всегда таится весьма реальная возможность того, что нынешние реалии относительного могущества и равенства евреев могут быть полностью изменены.

Нынешнее руководство еврейского народа, будь то в Израиле или в Соединенных Штатах, все еще ощущая цену еврейского бессилия и неравенства, и при этом эффективно применяя стратегию «рыбы-иглы» и наслаждаясь плодами нынешней эпохи еврейского могущества, все еще очень хорошо осознает реальную численность еврейского народа и то, насколько обратима нынешняя реальность.

К сожалению, это осознание становится всё менее типичным для уверенного в себе поколения молодых евреев в Израиле или для поколения молодых евреев, чувствующих себя комфортно, в Америке. И молодые евреи в Израиле, и молодые евреи в Америке пребывают в иллюзии, что им повезло оторваться от еврейской истории. В этом и кроется причина их так называемого дистанцирования. Молодые евреи в Израиле всё чаще, похоже, не осознают ограниченности своей власти, а молодые евреи в Америке, похоже, вообще сомневаются в необходимости власти. И то, и другое ошибочно.

Независимо от того, насколько велика реальная власть, которой обладают евреи в Израиле, их незначительный размер, как в регионе, так и за его пределами, означает, что им следует осознать ее пределы и воздержаться от преследования коррумпированных территориальных и другие амбиции, игнорирующие это базовое понимание. Для евреев в Америке, какой бы комфортной ни казалась нынешняя реальность, было бы разумно сопротивляться искушениям моральной чистоты, порождаемым бессилием. Власть развращает, но бессилие развращает не меньше. Наше выживание как крошечного еврейского народа зависит от евреев, как в Израиле, так и за его пределами, учитывая оба эти аспекта еврейской истории, которая, по сути, ещё не закончена.

ZIONISM AND FEMINISM

Essay for The Journal of Contemporary Antisemitism co-authored with Shany Mor, January 2018

Feminism and Zionism are cut from the same cloth. Both movements emerged from the same intellectual and political origins, they both exhibited similar growth trajectories, becoming two of the most successful revolutions to sweep and survive through the twentieth century, both continue to face ferocious backlash, and both remain vibrant and necessary in the twenty-first century. ***Feminism and Zionism are daughters of the Enlightenment. They were born of that intellectual revolution against the inevitability of the human condition as one subject to a hierarchical, divinely ordained order, underpinned by a religious system and elaborate theology. Feminism and Zionism are rebellions against that order.*** They are both part of the modern overthrowing of a premodern order in which each living creature, born into a station and role in the superstructure of society, remains in that role, carries it out dutifully, and does not challenge it. Feminism and Zionism are infused with resistance against the pre-Enlightenment idea that how you are born should determine how you die.

Feminism and Zionism are ongoing rebellions against millennia-long power structures that assigned women and Jews a “proper place” in society.

For women, it was an order dating back to the beginnings of the agricultural era, that simultaneously enabled and necessitated their contrabearing properties. For Jews, it was a theological, and by extension social, assignation of their inferior role by the two civilizations that emerged and Islam. Having made the claim to be the bearer of a new truth in the form of a new testament or a new uncorrupted prophecy, the two civilizations could not but develop an adverse attitude toward

СИОНИЗМ И ФЕМИНИЗМ

Эссе для журнала «The Journal of Contemporary Antisemitism» в соавторстве с Шани Мор, январь 2018 г.

Феминизм и сионизм – одно целое. Оба движения имеют схожие интеллектуальные и политические корни, оба развивались по схожим траекториям, став двумя самыми успешными революциями, охватившими и пережившими XX век. Оба продолжают сталкиваться с яростным сопротивлением, и оба остаются актуальными и востребованными в XXI веке.

Феминизм и сионизм – порождения Просвещения. Они родились в результате этой интеллектуальной революции, направленной против неизбежности человеческого существования как существа, подчинённого иерархическому, божественно предопределённому порядку, подкреплённому религиозной системой и сложной теологией. Феминизм и сионизм – это бунты против этого порядка. Они оба являются частью современного свержения досовременного порядка, при котором каждое живое существо, рождённое в определённом положении и роли в надстройке общества, остаётся в этой роли, добросовестно исполняет её и не оспаривает. Феминизм и сионизм проникнуты сопротивлением допросвещённой идее о том, что то, как человек рождается, определяет то, как он умирает.

Феминизм и сионизм – это продолжающиеся восстания против многовековых властных структур, которые отвели женщинам и евреям «надлежащее место» в

общество.

Для женщин это был порядок, восходящий к началу аграрной эпохи, который одновременно позволял и обуславливал их контроль над имуществом. Для евреев это было теологическое, а в более широком смысле и социальное, признание их подчиненной роли двумя цивилизациями – христианством и исламом. Претендуя на роль носительницы новой истины в форме Нового Завета или нового, неискажённого пророчества, эти две цивилизации не могли не выработать враждебного отношения к

those Jews who refused conversion and rejected the claims of both these civilizations to be the better and truer interpretations of the original scriptures. Naturally, Christianity—the more direct descendant of Judaism—was more ferocious in its theological and social loathing to those remaining Jews who still would not accept Christ. But Islam, too, was clear in its theology—as well as legal, social, and symbolic structures—that Jews, even when tolerated, were certainly not, and could not be, the equals of Muslims.

Entire cultural structures—civilizations—were built on the edifice of female and Jewish inferiority—so much so that these themes in their multitude of expressions were transparent to those who were raised into those structures. Themes that emphasized female submission and exalted the limited role assigned to women were reinforced in a myriad of ways from the most minute social norm of cultural output from poetry to painting to children's stories. It was the near endless replication of only one possible model of female human life that created a sense of inevitability to do one thing—bear children to her master, then one inevitably lives her life and dies a woman having done only this one thing (if she is lucky), and it is by this thing alone that her entire value is judged.

Themes that emphasized the moral failure of the Jew were the staple of Christian and some Muslim cultural creations—from Scriptures to paintings to children's tales to linguistic idioms. Since the continued existence of the Jews implied a rejection of Christianity and Islam, the Jew could not be conceived of as a moral being choosing wisely between good and evil. At best, Jews could be tolerated as relics, headed for the dustbin of history, against the inevitable progress of Christianity and Islam. At worst, their continued existence was an intolerable offense, necessitating the exaction of a price. Most commonly, their inferior status, vulnerability, and persecution served as evidence to the fate that awaits those who persist in their rejection of the true path.

тех евреев, которые отказались от обращения и отвергли претензии обеих этих цивилизаций на лучшее и более истинное толкование изначальных Священных Писаний. Естественно, христианство – более прямой потомок иудаизма – было более яростным в своём теологическом и социальном отвращении к тем оставшимся евреям, которые всё ещё не принимали Христа. Но и ислам ясно давал понять – и в своей теологии, и в правовой, социальной и символической структуре – что евреи, даже будучи терпимыми, определённо не были и не могли быть равны мусульманам.

Весь

культурный

структуры—цивилизации—

были построены на здании женской и еврейской неполноценности — настолько, что эти темы во всем многообразии своих проявлений были прозрачны для тех, кто был воспитан в этих структурах. Темы, которые

подчеркивали женское подчинение и превозносили ограниченную роль, отведенную

К

женщины

Они подкреплялись множеством способов, от мельчайших социальных норм, определяющих культурные продукты – от поэзии и живописи до детских сказок. Именно почти бесконечное тиражирование единственно возможной модели жизни женщины создавало ощущение неизбежности делать что-то одно – рожать детей своему господину, а затем неизбежно проживать свою жизнь и умирать женщиной, сделавшей только это одно дело (если повезёт), и именно по этому единственному делу оценивается её ценность.

Темы, подчёркивающие моральную падшесть евреев, были основой христианских и некоторых мусульманских культурных творений — от Священных Писаний и картин до детских сказок и языковых идиом. Поскольку дальнейшее существование евреев подразумевало отвержение христианства и ислама, еврея нельзя было воспринимать как нравственное существо, мудро выбирающее между добром и злом. В лучшем случае евреев можно было терпеть как пережиток, отправляемый на свалку истории, наперекор неизбежному прогрессу христианства и ислама. В худшем — их дальнейшее существование было невыносимым оскорблением, требующим взыскания платы. Чаще всего их низшее положение, уязвимость и преследования служили свидетельством той участи, которая ждёт тех, кто упорствует в своём отрицании истинного пути.

Feminism and Zionism challenged all that. They were both forms of refusal to accept the role that others have assigned to women and Jews. They were forms of self-assertion that cried out: ***I refuse to be seen how you wish to see me, I refuse to be that which you want me to be, I am not your inferior, I can be so much more than I am allowed to be, and I insist on being free to explore and make the most of my humanity.***

In that, feminism and Zionism were built on self-definition and human agency. Both these movements could emerge only once the secular and radical idea that human beings, individually and collectively, are masters of their fate was introduced. Once human beings could be conceived of as active agents of historical change rather than passive receivers of divine fate, women and Jews could begin to formulate the notion that even if one might be dealt some of the worst cards in history, and by a whole lot of dealers, it does not mean that there is nothing to be done.

Something could be done, but for feminism and Zionism to challenge power structures that have existed for millennia and have been predicated on women and Jews “knowing their place,” they could only do so on the footsteps of the modern political revolutions embodying the ideals of liberty, equality, and group solidarity. True, neither women nor Jews were to be included initially in the ideals of equality, but once the ideal of liberating human beings from submission, the essential equality of human life, and the necessity of group solidarity and mobilization for achieving these goals were introduced, it was impossible to prevent these ideas from being adopted, even by those whom the revolution did not initially expect to include.

Feminism and Zionism arose from anger at this kind of hypocrisy. Feminism and Zionism developed as those claiming to espouse the ideals of equality and liberty and solidarity twisted themselves into ideological and religious knots to justify keeping women and Jews out of this new world. Feminism and Zionism came into their own as the logical trajectory of equality among human beings could not but be extended to those who could also lay legitimate claim to being human beings, even if somewhat different from the mold.

Феминизм и сионизм бросили вызов всему этому. Оба они были формами неприятия роли, которую другие предписали женщинам и евреям. Это были формы самоутверждения, которые кричали: ***Я отказываюсь быть такой, какой вы хотите меня видеть, я отказываюсь быть той, какой вы хотите меня видеть, я не ниже вас, я могу быть гораздо больше, чем мне позволено быть, и я настаиваю на том, чтобы иметь возможность свободно исследовать и максимально использовать свою человечность.***

В этом смысле феминизм и сионизм были построены на самоопределении и человеческой активности. Оба эти движения смогли возникнуть только после того, как была принята светская и радикальная идея о том, что люди, индивидуально и коллективно, являются хозяевами своей судьбы. Как только люди стали восприниматься как активные агенты исторических изменений, а не как пассивные получатели божественной судьбы, женщины и евреи смогли начать формулировать идею о том, что даже если кому-то и выпали худшие карты в истории, да ещё и от целой кучи маклеров, это не значит, что ничего нельзя сделать.

Что-то можно было сделать, но феминизм и сионизм могли бросить вызов властным структурам, существовавшим тысячелетиями и основанным на том, что женщины и евреи «знают своё место», только вслед за современными политическими революциями, воплощающими идеалы свободы, равенства и групповой солидарности. Конечно, изначально ни женщины, ни евреи не должны были быть включены в идеалы равенства, но как только были выдвинуты идеалы освобождения человека от подчинения, сущностного равенства в человеческой жизни и необходимости групповой солидарности и мобилизации для достижения этих целей, стало невозможно предотвратить принятие этих идей, даже теми, кого революция изначально не ожидала.

Феминизм и сионизм возникли из гнева на подобное лицемерие. Феминизм и сионизм развивались, когда те, кто заявлял о своей приверженности идеалам равенства, свободы и солидарности, запутались в идеологических и религиозных сетях, чтобы оправдать невмешательство женщин и евреев в этот новый мир. Феминизм и сионизм обрели своё истинное лицо, поскольку логическая траектория равенства между людьми не могла не быть распространена на тех, кто также мог законно претендовать на звание человека, пусть даже и несколько отличаясь от общепринятых норм.

It was the growing ability of women and Jews to lay claim to being human beings worthy of equality and liberty, as well as their ability to mobilize their respective groups to make that claim, that made the success of their revolutions possible. As women became more literate and educated, with direct access to knowledge, it became harder to justify their exclusion from that which was considered worthy only of the formerly exclusively literate—such as the right to vote or to attain higher education. Once women had the right to vote and they became highly educated, it became increasingly harder to exclude them from other areas of life.

For Jews, as the promise of integration and emancipation into European society led them to greater achievements from science to art to literature, their continued exclusion under the guise of the new “scientific” ideology of antisemitism, rather than plain old Christian or Islamic theology, became ever less tolerable. As Theodor Herzl and other Jews who initially believed that they were lucky enough to live in an age of progress, equality, and tolerance—a time in which they would no longer be excluded from full participation in the dominant society by virtue of being Jews—came to realize that while Europe spoke of equality it failed to practice it, they realized that their true emancipation and liberation from dependency on others would only be possible when they are truly masters of their fate, collectively governing themselves in a state of their own.

Alas, feminist women and Zionist Jews proved themselves ingrates. The more they attained, the more they wanted. Unable to celebrate what they were given, they exhibited an annoying tendency to not just care about being somewhat better off than before but to actually want true equality. It was a tendency that was often resisted by women and Jews themselves, who feared that the fragile achievements they already had would be endangered by movements that insisted on pressing ever forward. The “problem” with feminism and Zionism was that no matter how successful they were, what achievements they brought about for women and Jews, it never seemed to be enough.

This was especially exasperating to some, given that feminism and Zionism

Именно растущая способность женщин и евреев заявлять о своей принадлежности к человечеству, достойному равенства и свободы, а также их способность мобилизовать свои группы для реализации этого требования, сделали возможным успех их революций. По мере того, как женщины становились более грамотными и образованными, получая прямой доступ к знаниям, становилось всё труднее оправдать их исключение из того, что считалось достойным только ранее исключительно грамотных, например, права голоса или получения высшего образования. Как только женщины получили право голоса и стали высокообразованными, стало всё труднее исключать их из других сфер жизни.

Для евреев, поскольку обещание интеграции и эмансипации в европейское общество привело их к большим достижениям от науки до искусства и литературы, их продолжающееся исключение под видом новой «научной» идеологии антисемитизма, а не просто старой доброй христианской или исламской теологии, становилось всё менее терпимым. По мере того как Теодор Герцль и другие евреи, изначально считавшие, что им повезло жить в эпоху прогресса, равенства и терпимости — время, когда они больше не будут исключены из полноценного участия в доминирующем обществе в силу того, что они евреи, — пришли к пониманию, что, хотя Европа и говорила о равенстве, она не практиковала его, они поняли, что их истинное освобождение и освобождение от зависимости от других будут возможны только тогда, когда они станут истинными хозяевами своей судьбы, коллективно управляя собой в собственном государстве.

Увы, феминистки и евреи-сионисты оказались неблагодарными. Чем большего они достигали, тем большего им хотелось. Неспособные радоваться тому, что им дано, они проявили раздражающую склонность не просто заботиться о том, чтобы жить немного лучше, чем раньше, но и желать подлинного равенства. Эта тенденция часто встречала сопротивление со стороны самих женщин и евреев, опасавшихся, что их хрупкие достижения могут быть поставлены под угрозу движениями, стремящимися к постоянному движению вперёд. «Проблема» феминизма и сионизма заключалась в том, что, какими бы успешными они ни были и какие бы достижения ни принесли женщинам и евреям, этого никогда не казалось достаточным.

Это было особенно раздражающим для некоторых, учитывая, что феминизм и сионизм

were two of the most successful revolutions to emerge from Enlightenment thinking. What began as insane ideas of a mad few became, over a breathtakingly short time, more broadly accepted. The achievements of both movements in each turn were remarkable and of a nature that only a short while earlier would have been considered unthinkable and impossible. Wherever and whenever feminism and Zionism swept through societies, they turned them upside down and inside out. By changing the very image of what it means to be a woman or what it means to be a Jew, it forced change on societies and civilizations that were predicated on a very specific and limited image of what it meant to be either of those things.

That change was not always welcome. In fact, it was resisted at every turn, often violently, even ferociously. The more power— of various kinds—that was amassed by women and Jews, the more their rise felt like an offense to the “proper order of things.” ***The challenge of feminism and Zionism to millennia-long power structures was never going to go over unchallenged. It is in the very nature of power that no one, ever, gives it up willingly and easily. If women and Jews seemed unable to know “their proper place” and intent on demanding more, then they must be placed back in “their proper place”—if needed, by force.*** Indeed, any Jewish or female aspiration to power was conceived as a “provocation.” Those supposed “provocations” became legitimate explanations and exculpations for resisting the liberation of both groups. It has been taken as a given that women and Jews who insist on their equality need to make more allowances for the ability of their opponents to restrain themselves, and if they fail to do so, they are berated.

It is, therefore, no coincidence that wherever and whenever women and Jews grew in prominence, their rise was met with increasing violence. The so-called Icelandic paradox of a country where women have the most rights and face the greatest incidents of domestic violence is no paradox at all. The fact that the greatest forms of violence against Jews came against the backdrop of their growing success and prominence is no accident either. Even in the lands of Islam, where Jews historically were better treated than in Christian lands (not a particularly high bar...), “trouble [to the Jews] arose when Jews were seen to be getting too much power,” writes Bernard Lewis in *The Jews of*

Были двумя самыми успешными революциями, рожденными философией Просвещения. То, что начиналось как безумные идеи горстки безумцев, за поразительно короткий срок получило более широкое признание. Достижения обоих движений на каждом этапе были поразительны и носили характер, который ещё совсем недавно считался бы немыслимым и невозможным. Где бы и когда бы феминизм и сионизм ни охватывали общество, они переворачивали его с ног на голову и выворачивали наизнанку. Изменив само представление о том, что значит быть женщиной или что значит быть евреем, он навязал перемены обществам и цивилизациям, которые основывались на весьма специфическом и ограниченном представлении о том, что значит быть тем или иным.

Эти перемены не всегда были желанными. Более того, они встречали сопротивление на каждом шагу, часто яростное, даже ожесточённое. Чем больше власти — разного рода — накапливали женщины и евреи, тем больше их возвышение ощущалось как нарушение «нормального порядка вещей». ***Вызов, брошенный феминизмом и сионизмом тысячелетним властным структурам, никогда не останется без ответа. Власть по самой своей природе не отдаётся добровольно и легко. Если женщины и евреи, казалось, не знали «своего места» и стремились к большему, их нужно было вернуть на «должное место» — при необходимости, силой.*** Действительно, любое стремление евреев или женщин к власти воспринималось как «провокация». Эти предполагаемые «провокации» стали законными оправданиями и оправданиями сопротивления освобождению обеих групп. Принято считать само собой разумеющимся, что женщины и евреи, настаивающие на своём равенстве, должны больше считаться со способностью своих оппонентов сдерживать себя, а если им это не удаётся, их ругают.

Поэтому не случайно, что где бы и когда бы ни росла значимость женщин и евреев, их рост сопровождался ростом насилия. Так называемый исландский парадокс страны, где женщины имеют больше всего прав и сталкиваются с наибольшими случаями домашнего насилия, вовсе не парадокс. Тот факт, что самые жестокие формы насилия в отношении евреев происходили на фоне их растущего успеха и известности, также не случаен. Даже в исламских странах, где к евреям исторически относились лучше, чем в христианских странах (не слишком высокая планка...), «проблемы [для евреев] возникали, когда становилось ясно, что евреи получают слишком много власти», — пишет Бернард Льюис в *Евреи*

*Islam.*¹ Lewis explains that “when a persecution occurred ... the usual argument was that the Jews had violated the pact by overstepping their proper place.” Therefore, it is no accident, he argues, that “it is during the 19th and 20th centuries, when the *dhimmis* [protected Jews] were no longer prepared to accept or respect the rules, that the most violent and bloody clashes have occurred.”²

Direct violence has not been the only method by which the backlash against the aspirations of women and Jews for equality has been implemented. Various insidious ways, mostly transparent to those who grew up under cultural expressions designed to signal the proper place for women and Jews, were employed. Despite the secularization of the Christian world, the moral failure of the Jew remained a central theme of discourse, with only the moral failures themselves changing. It could be capitalism or communism or socialism, colonialism, racism or fascism, but the Jewish challenge to the order of things was presented as something that is deeply immoral. For women, the old ideas about their proper place found new vehicles, whether in the form of “The Beauty Myth” or religious “modesty.” And so, entire cultures and civilizations were mobilized to drive a wedge between the “Good Woman” and the “Bad Feminist,” between the “Good Jew” and the “Bad Zionist.”

The difference between the Good and the Bad? Power. A “Good Woman” does not aspire to power; in fact, she feels uncomfortable with it and would be more than happy to forgo it. A “Good Jew” feels queasy with manifestations of Jewish power, and in the face of raw expressions of it rushes to declare his or her renunciation of Zionism. It is no accident that the forms of female and Jewish expressions that are most mocked, criticized, and denigrated are those that involve the expression of power. Indeed, women and Jews are also denied the right to define the terms of their liberation. Feminists constantly are required to bear the burden of proof that *feminism* is not a term for subjugating men, and Zionists struggle to reclaim the word *Zionism* from those who have tirelessly worked to equate it with all of the world’s evils. These means have been employed because if the revolutions of feminism and Zionism are ever to be stalled, and even rolled

ислам.¹ Льюис объясняет, что «когда начиналось преследование... обычным аргументом было то, что евреи нарушили договор, переступив свое законное место». Поэтому не случайно, утверждает он, что «именно в XIX и XX веках, когда ~~ими~~ [защищенные евреи] больше не были готовы принимать или уважать правила, что привело к самым жестоким и кровавым столкновениям». ²

Прямое насилие было не единственным методом, с помощью которого осуществлялся ответ на стремление женщин и евреев к равенству. Применялись различные коварные способы, в основном незаметные для тех, кто вырос в культурных традициях, призванных обозначить надлежащее место женщин и евреев. Несмотря на секуляризацию христианского мира, моральное падение евреев оставалось центральной темой дискурса, менялись лишь сами моральные падения. Это мог быть капитализм, коммунизм или социализм, колониализм, расизм или фашизм, но еврейский вызов порядку вещей представлялся как нечто глубоко безнравственное. Для женщин старые представления об их надлежащем месте нашли новые воплощения, будь то «Миф о красоте» или религиозная «скромность». Таким образом, целые культуры и цивилизации были мобилизованы, чтобы вбить клин между «хорошей женщиной» и «плохой феминисткой», между «хорошим евреем» и «плохим сионистом».

Разница между Добром и Злом? Власть. «Хорошая женщина» не стремится к власти; напротив, она чувствует себя некомфортно в ней и была бы более чем рада от неё отказаться. «Хороший еврей» испытывает тошноту от проявлений еврейской власти и, столкнувшись с её грубыми проявлениями, спешит заявить о своём отречении от сионизма. Неслучайно формы самовыражения женщин и евреев, которые чаще всего подвергаются насмешкам, критике и унижению, – это те, которые связаны с проявлением власти. Действительно, женщинам и евреям также отказывают в праве определять условия своего освобождения. Феминисткам постоянно приходится нести бремя доказательства того, что *феминизм* это не термин для подчинения людей, и сионисты изо всех сил пытаются вернуть себе это слово *сионизм* от тех, кто неустанно трудился, чтобы приравнять его ко всем мировым порокам. Эти средства были использованы, потому что, если революции феминизма и сионизма когда-либо будут остановлены или даже свернуты,

back, women and Jews must come to feel uneasy with power.

It might be baffling to a twenty-first-century reader as to why movements that sought nothing more than equality should continue to face such ferocious backlash. Equality has come to sound so benign, obvious, a taken-for-granted marker of modern society. But when one understands that true equality leads inexorably to a redistribution of power and resources, then it becomes quite understandable why it is that to “those accustomed to privilege, equality feels a whole lot like discrimination.” To those young enough to never have known a world where and when equality was not the norm, it is even more difficult to appreciate the hangover effect of historical power structures. Young men in the West might no longer individually think that women are their inferiors, but they would need to exhibit remarkable blindness to argue that they do not inhabit a world in which the social structures, norms, and cultural output were shaped by this assumption. Young people who have always known only a powerful state of Israel might fail to comprehend how the obsession of large parts of Western and Islamic civilization with Israel is an expression of their inability, still, to come to terms with Jewish power and are therefore prone to confusing cause and effect—thinking that the Western and Islamic obsession with Israel is about what Israel does rather than about what Israel is: an expression of Jewish self-mastery and power.

It is in the nature of feminism and Zionism that their proponents cannot rest until they have reached true equality: until the resources of power are redistributed so that women and Jews are no longer ever in danger of being put “back in their place.” This can only be achieved with the transformation of the civil national systems that have determined what that “proper place” is. This is why feminism does not stop with education, voting, reproductive rights, equal pay at work, and safety at work. The more it gains, the more it exposes how entrenched the assumption of female inferiority is in the structures of society and the more it presses onward to dismantle them. This is why Zionism has not ended with the establishment of a state for the Jewish people, because the idea of equal sovereign Jews, governing a share of the Earth’s land on their own, continues to be ferociously resisted by the large

назад, женщины и евреи, должно быть, начали чувствовать себя некомфортно из-за власти.

Читателю XXI века может быть непонятно, почему движения, которые стремились исключительно к равенству, продолжают сталкиваться с такой яростной реакцией. Равенство стало звучать таким безобидным, очевидным, само собой разумеющимся признаком современного общества. Но когда понимаешь, что истинное равенство неумолимо ведёт к перераспределению власти и ресурсов, то становится вполне понятно, почему «тем, кто привык к привилегиям, равенство ощущается как дискриминация». Тем, кто достаточно молод и никогда не знал мира, где и когда равенство не было нормой, ещё труднее оценить последствия исторических властных структур. Молодые люди на Западе, возможно, больше не считают женщин своими подчиненными, но им нужно было бы проявить поразительную слепоту, чтобы утверждать, что они не живут в мире, где социальные структуры, нормы и культурное наследие формировались под влиянием этого предположения. Молодые люди, которые всегда знали только могущественное государство Израиль, возможно, не в состоянии понять, как одержимость значительной части западной и исламской цивилизации Израилем является выражением их неспособности по-прежнему примиряться с еврейской властью, и поэтому склонны путать причину и следствие, думая, что одержимость Запада и ислама Израилем связана с тем, что Израиль делает, а не с тем, что Израиль собой представляет: это выражение еврейского самообладания и власти.

Природа феминизма и сионизма такова, что их сторонники не могут успокоиться, пока не достигнут настоящего равенства: пока ресурсы власти не будут перераспределены таким образом, чтобы женщинам и евреям больше не грозила опасность быть «поставленными на место».Этого можно достичь только путём трансформации гражданских национальных систем, которые определяют это «должное место». Именно поэтому феминизм не ограничивается образованием, правом голоса, репродуктивными правами, равной оплатой труда и безопасностью на рабочем месте. Чем больше он набирает обороты, тем яснее он обнажает, насколько укоренилось представление о женской неполноценности в общественных структурах, и тем активнее он стремится к их разрушению. Именно поэтому сионизм не закончился созданием государства для еврейского народа, поскольку идея равноправных суверенных евреев, самостоятельно управляющих частью земной суши, продолжает яростно сопротивляться широкими слоями населения.

swaths of the two civilizations that were built on the assumption of Jewish disappearance, often with the declared intention of rolling back that Jewish “transgression” in the form of the State of Israel.

These revolutions cannot stop because it quickly becomes apparent that the rewards for playing by the rules of the established power system, for succumbing to the pressure to be a “good Jew” or a “good woman” are fleeting at best. “Good Jews” and “good women” who publicly renounced their fellow “bad Zionists” and “bad feminists” ultimately never found protection in that position from the violence and backlash inflicted on their group. Women who have abjured liberation or certain aspects of it found themselves no more immune to violence against women than the ones who stood at the forefront of the liberation movement. “Good Jews” who have publicly renounced any group affinity with “bad Zionists” or any of the “bad Jews” of the moment ultimately found that they were no more protected from violence and hatred towards Jews than their fellow Jews. In the lands of Islam, the Jews who suffered most and were the immediate target of violence and persecution were precisely those “good Jews,” who should have been protected. Those who were not involved in Zionist undertakings were no more protected from violence, persecution, and expulsion than those who were.

Feminism and Zionism started out as revolutions for changing the fate of women and Jews, but as they grew in power and faced growing backlash, they became revolutions for civilizational transformation. Neither feminism nor Zionism will rest until new civilizations—entire cultural systems—emerge to replace those that were predicated on the assumption of female and Jewish otherness and inferiority. Not until almost all men feel completely at ease with the idea of powerful women and most Westerners and Muslims feel at ease with the idea of powerful Jews could these revolutions call it a day, and neither should they.

фрагменты двух цивилизаций, которые были построены на предположении об исчезновении евреев, часто с заявленным намерением положить конец этому еврейскому «преступлению» в форме государства Израиль.

Эти революции не могут прекратиться, потому что быстро становится очевидным, что награды за игру по правилам существующей системы власти, за поддающиеся давлению быть «хорошим евреем» или «хорошей женщиной», в лучшем случае преходящи. «Хорошие евреи» и «хорошие женщины», публично отрекшиеся от своих собратьев – «плохих сионистов» и «плохих феминисток», в конечном итоге так и не нашли защиты в этом положении от насилия и ответных действий, обрушившихся на их группу. Женщины, отрекшиеся от освобождения или некоторых его аспектов, оказались не более защищенными от насилия в отношении женщин, чем те, кто стоял в авангарде освободительного движения. «Хорошие евреи», публично отрекшиеся от любой групповой принадлежности к «плохим сионистам» или любым другим «плохим евреям» того времени, в конечном итоге обнаружили, что они не более защищены от насилия и ненависти к евреям, чем их собратья-евреи. В исламских странах евреи, которые страдали больше всего и стали непосредственной мишенью для насилия и преследований, были именно теми «хорошими евреями», которых следовало защищать. Те, кто не участвовал в сионистских начинаниях, были не более защищены от насилия, преследований и изгнания, чем те, кто участвовал.

Феминизм и сионизм начинались как революции, направленные на изменение судьбы женщин и евреев, но, набирая силу и сталкиваясь с растущим противодействием, они превратились в революции, направленные на преобразование цивилизации. Ни феминизм, ни сионизм не успокоятся, пока не возникнут новые цивилизации — целые культурные системы, которые заменят те, что были основаны на представлении о женской и еврейской инаковости и неполноценности. Только когда почти все мужчины полностью смиряются с идеей влиятельных женщин, а большинство западных людей и мусульман не смиряются с идеей влиятельных евреев, эти революции смогут завершиться, и им не следует этого делать.

CONFIDENT ZIONISM

Short Essay for The New Zionist Congress Journal, September 2021

One of the most encouraging developments of recent years has been the rise of a few distinct and courageous voices of Jews on American campuses openly reclaiming Zionism as their own personal identity. They proudly speak of themselves as Zionists and they use Zion in the names of their organizations. In doing so, they are resisting the pressures placed on many young Jews to make rejection of Zionism a key part of their Jewish identity. In reclaiming Zionism, these young Jews are doing so not as a political movement for the establishment of a state for the Jews – happily that is already taken care of - and not even as a label indicating support for Israel and for the idea of Zionism, even though they do. ***Their manner of reclaiming Zionism serves to project a confident and full Jewish identity within the US itself.***

This form of Zionism as confident Judaism reflects a growing understanding among these young Jews that the demand made of so many Jews to prove their bona fides as “good Jews” by demanding that they openly reject Zionism has not been earnest and has not been accompanied by any goodwill. What these young Jews have witnessed is that even when fellow Jews engaged in what are essentially public exorcism ceremonies to discard Zionism - proclaiming their hatred of Israel in anything from op-eds to speeches to ongoing activism – they remained essentially suspect. Something more was always demanded.

Moreover, as new peace agreements between Israel and Arab countries were not celebrated by those claiming to speak in the name of advancing peace in the Middle East, it has also become increasingly evident that the demand to reject Zionism was divorced from any real concern for forging a path to peace between Arabs and Jews in the Middle East, Palestinians and Israelis, if it ever was. This demand was exposed as but a new manifestation of the

УВЕРЕННЫЙ СИОНИЗМ

Краткое эссе для журнала «Новый сионистский конгресс», сентябрь 2021 г.

Одним из самых обнадеживающих событий последних лет стало появление нескольких отчетливых и смелых голосов евреев в американских кампусах, открыто заявляющих о сионизме как о своей собственной личной

идентичности. Они с гордостью называют себя сионистами и используют слово «Сион» в названиях своих организаций. Тем самым они сопротивляются давлению, оказываемому на многих молодых евреев, которое вынуждает их сделать отрицание сионизма ключевым элементом своей еврейской идентичности. Возвращая себе сионизм, эти молодые евреи делают это не как политическое движение за создание еврейского государства – к счастью, об этом уже позаботились – и даже не как символ поддержки Израиля и идеи сионизма, хотя они это делают. ***Их способ возрождения сионизма служит проецированию уверенной и полноценной еврейской идентичности в самих США.***

Эта форма сионизма как уверенного иудаизма отражает растущее понимание среди молодых евреев того, что требование ко многим евреям доказать свою добросовестность как «хороших евреев», открыто отвергнув сионизм, не было искренним и не сопровождалось никакой доброй волей. Эти молодые евреи стали свидетелями того, что даже когда их собратья-евреи участвовали в публичных церемониях экзорцизма, чтобы отречься от сионизма, провозглашая свою ненависть к Израилю в самых разных формах – от статей и речей до активной общественной деятельности, – они, по сути, оставались под подозрением. От них всегда требовали чего-то большего.

Более того, поскольку новые мирные соглашения между Израилем и арабскими странами не приветствовались теми, кто заявлял, что выступает за продвижение мира на Ближнем Востоке, становилось всё более очевидным, что требование отвергнуть сионизм было оторвано от какой-либо реальной заинтересованности в прокладывании пути к миру между арабами и евреями на Ближнем Востоке, палестинцами и израильтянами, если таковая вообще когда-либо существовала. Это требование было разоблачено как лишь новое проявление

old demand, made perennially of Jews, to prove themselves to the outside world by engaging in some form of mutilation of their full Jewish identity.

Observing this, a few young Jews realized that true courage lay in resisting this demand for endless self-denial, rather than succumbing to it. Realizing that no amount of ingratiation would ever suffice to the outside world, these young Jews have realized that the most powerful path to saying no is by openly declaring themselves as Zionists. They stand proudly as every possible contemporary synonym for evil is lobbed at them, mostly on social media, but also in person, and they know it for what it is – an ancient pathology incarnated into modern form.

The Jewish people have survived and thrived through individual Jews who knew that the future lay in standing up for their people, rather than selling them out. The new Zionists are the confident Jews we need right now.

старое требование, которое издавна предъявлялось к евреям, — доказать свою состоятельность внешнему миру посредством какой-либо формы искажения своей полной еврейской идентичности.

Наблюдая за этим, несколько молодых евреев осознали, что истинное мужество заключается в сопротивлении этому требованию бесконечного самоотречения, а не в поддаче ему. Понимая, что никакие заискивания перед внешним миром не помогут, эти молодые евреи осознали, что самый действенный способ сказать «нет» — открыто объявить себя сионистами. Они гордо стоят, когда им, в основном в социальных сетях, но и лично, бросают всевозможные современные синонимы зла, и они знают, что это такое — древняя патология, воплощённая в современной форме.

Еврейский народ выжил и процветал благодаря отдельным евреям, которые знали, что будущее — в защите своего народа, а не в его предательстве. Новые сионисты — это те самые уверенные в себе евреи, которые нам нужны сейчас.

INTRODUCING MUSLIM ZIONISM

Op-Ed for the Forward, co-authored with Maryam AlZaabi and Ibrahim Al Rashidi, November 2020

(At the time of publication Emirati Maryam AlZaabi was 19-year-old, a student at Sorbonne University in Abu Dhabi, majoring in History and International relations. Ibrahim Al Rashidi, of Emirati and Lebanese origins, was 20-year-old, living in Brazil and studying geography.)

We are a Jewish Zionist, an Arab Zionist and a Muslim Zionist. *It is time to dispense with the idea that to be a proud Arab and Muslim one must be an anti-Zionist. For too long, anti-Zionism was pursued as an essential element of the correct Arab and Muslim identity. This has not brought the Arab and Islamic world greatness. Quite the contrary: The inculcation and dissemination of anti-Zionism in the Arab and Islamic world has resulted in a massive waste of valuable resources.*

Whether it was in the waging of useless wars against Israel which have resulted in death, suffering and displacement, or in the expulsion of almost all of the nearly million Jews who have lived for over a millennium throughout the Arab and Islamic world, or in the economic boycotts of Israel, nothing good came to the Arab and Islamic world from turning anti-Zionism into a central tenet of the identity of hundreds of millions of people.

Even more than all the wasted human and financial resources and unnecessary suffering, it wasted time. We have all, as peoples and nations, been deprived of so much valuable time that could have otherwise been spent building our countries and societies through mutual respect and cooperation.

After all, what is Zionism? It is the political movement for the liberation and self-determination of the Jewish people in their ancient homeland. It is a movement that asks nothing more and nothing less than that the Jews, as a people, should be able to govern themselves as an equal nation in the only

ВВЕДЕНИЕ В МУСУЛЬМАНСКИЙ СИОНИЗМ

Редакционная статья для журнала Forward, написанная в соавторстве с Марьям Аль-Зааби и Ибрагимом Аль-Рашиди, ноябрь 2020 г.

(На момент публикации статьи гражданке Эмиратов Марьям Аль-Зааби было 19 лет, она была студенткой Сорбоннского университета в Абу-Даби, специализировавшейся на истории и международных отношениях. Ибрагиму Аль-Рашиди, выходцу из Эмиратов и Ливана, было 20 лет, он жил в Бразилии и изучал географию.)

Мы — еврейский сионист, арабский сионист и мусульманский сионист. ***Пора отказаться от идеи, что для того, чтобы быть гордым арабом и мусульманином, нужно быть антисиионистом. Слишком долго антисиионизм преподносился как неотъемлемый элемент истинной арабской и мусульманской идентичности. Это не принесло арабскому и исламскому миру величия. Напротив, насаждение и распространение антисиионизма в арабском и исламском мире привело к колоссальной трате ценных ресурсов.***

Будь то ведение бесполезных войн против Израиля, которые привели к гибели людей, страданиям и перемещению, или изгнание почти всего миллиона евреев, проживавших на протяжении более тысячелетия в арабском и исламском мире, или экономические бойкоты Израиля, — ничего хорошего арабскому и исламскому миру не принесло превращение антисиионизма в центральный принцип идентичности сотен миллионов людей.

Даже больше, чем все потраченные впустую человеческие и финансовые ресурсы и ненужные страдания, это была потеря времени. Мы все, как народы и нации, были лишены столь ценного времени, которое можно было бы потратить на развитие наших стран и обществ на основе взаимного уважения и сотрудничества.

В конце концов, что такое сионизм? Это политическое движение за освобождение и самоопределение еврейского народа на его древней родине. Это движение требует не больше и не меньше, чем того, чтобы евреи, как народ, имели возможность управлять собой как равноправная нация в единственном...

land which ever formed the consistent and core part of their identity as a people and a nation.

There is nothing in Arab history and in Islam that necessitates fierce opposition to this idea.

Arab history and culture have a strong and broad basis. Arab civilization at its height contributed to humanity in math, science, astronomy, philosophy, architecture, art, poetry and literature. ***Arab identity can and should stand on its own merits and has no real need to resort to the negation of Jews, their peoplehood and their history, to assert itself. There is simply no negative correlation between being a proud Arab and being a Zionist, believing in the Jewish state's right to exist, thrive and be able to defend itself.***

In fact, it was the choice of Arab leaders, most pronounced under Pan-Arabism, to demonize Zionism as a colonialist movement of foreigners who have come to land which belonged exclusively to Arabs, that led them to expend the valuable resources of their proud nations on trying to oust a people who were not at all foreigners and very much belonged in the region where they were forged as a people and a nation.

Long after the Ottomans, the British and the French Empires left the region, Arab leaders presented themselves as still fighting colonialism in the form of anti-Zionism, desperately denying the age-old connection between the people of Israel and the land of Israel, refusing to realize that Zionism was itself an anti-colonial movement that finally gave a long-suffering indigenous people their place in their ancient home. It only takes a person who studies and acknowledges the Middle East's history to rationally come to the conclusion that Jews, Arabs and other ethnic groups are part of this region and should be living and thriving together. Zionism was never about replacing Arabs but about living with them and next to them as an equal nation and people.

Islam, too, is a broad and varied civilization, that, like Judaism, has many schools and interpretations. Those who claim that Islam mandates the negation of Jews and their hatred as evil do not speak for Islam. There are other strong interpretations of Islam that lead in a different direction. Historically, the golden age of Islamic rule is also the one in which Jews

земля, которая всегда составляла неотъемлемую и основную часть их идентичности как народа и нации.

Ни в арабской истории, ни в исламе нет ничего, что требовало бы решительного сопротивления этой идее.

Арабская история и культура имеют прочную и обширную основу. Арабская цивилизация в период своего расцвета внесла огромный вклад в развитие человечества в области математики, науки, астрономии, философии, архитектуры, искусства, поэзии и литературы. ***Арабская идентичность может и должна существовать сама по себе и не нуждается в отрицании евреев, их народности и истории для самоутверждения. Между гордым арабом и сионистом, верящим в право еврейского государства на существование, процветание и способность защищать себя, просто нет никакой отрицательной корреляции.***

Фактически, именно стремление арабских лидеров, наиболее ярко выраженное в эпоху панарабизма, демонизировать сионизм как колонизаторское движение иностранцев, пришедших на земли, принадлежавшие исключительно арабам, привело к тому, что они стали тратить ценные ресурсы своих гордых наций на попытки вытеснить народ, который вовсе не был иностранцем и полностью соответствовал региону, где они формировались как народ и нация.

Спустя долгое время после ухода Османской, Британской и Французской империй из региона, арабские лидеры продолжали выступать в роли борцов с колониализмом, выступая в форме антисионизма, отчаянно отрицая вековую связь народа Израиля с землёй Израиля и отказываясь осознать, что сионизм сам по себе был антиколониальным движением, которое наконец-то дало многострадальному коренному народу место на его древней земле. Достаточно лишь человека, изучающего и признающего историю Ближнего Востока, чтобы прийти к рациональному выводу, что евреи, арабы и другие этнические группы являются частью этого региона и должны жить и процветать вместе. Сионизм никогда не ставил целью вытеснить арабов, а подразумевал жизнь с ними и рядом как равноправная нация и народ.

Ислам также представляет собой широкую и разнообразную цивилизацию, которая, как и иудаизм, имеет множество школ и толкований. Те, кто утверждает, что ислам предписывает отрицание евреев и ненависть к ним как к злу, не говорят от имени ислама. Существуют и другие, более сильные толкования ислама, ведущие в ином направлении. Исторически золотой век исламского правления также был временем, когда евреи

residing in the lands of Islam enjoyed a level of acceptance and tolerance that far surpassed that of Europe's at the time. As some spaces in the West today are being beset by virulent anti-Zionism, it is time again for the Arab and Islamic world to demonstrate that its path to greatness does not entail the negation of the Jews nor their equal right to govern themselves, by themselves as sovereigns in their own state.

The United Arab Emirates, with its high rises, vibrant technological economy, global university campuses, and space programs, symbolizes an Arab future powered by a moderate, tolerant Islam. Good relations with Israel, full normalization, and even open Arab and Islamic support for Zionism is part of that future.

Those who cling to the belief that to be a proud Arab and a proud Muslim one must be an anti-Zionist are depriving themselves of a future that could be bright for all. We have wasted too much time. No more.

Проживание на исламских землях пользовалось уровнем принятия и толерантности, значительно превосходившим европейский того времени. В то время как некоторые регионы Запада сегодня охвачены яростным антисоциализмом, арабскому и исламскому миру вновь пора продемонстрировать, что их путь к величию не подразумевает отрицания евреев или их равного права на самоуправление, как суверенов в своём собственном государстве.

Объединённые Арабские Эмираты с их высотными зданиями, динамично развивающейся технологической экономикой, глобальными университетскими кампусами и космическими программами символизируют арабское будущее, основанное на умеренном и толерантном исламе. Хорошие отношения с Израилем, полная нормализация и даже открытая поддержка социализма со стороны арабов и ислама – часть этого будущего.

Те, кто цепляется за веру в то, что быть гордым арабом и гордым мусульманином — значит быть антисоциалистом, лишают себя светлого будущего для всех. Мы потеряли слишком много времени. Больше не будет.

What Is A Jewish State?

Что такое еврейское государство?

WHAT IS THE JEWISH STATE AFTER 70 YEARS?

Short Essay for Jewish News UK, April 2018

Today we celebrate Israel's 70th birthday. Among all that has been written and said about Israel's myriad successes and future challenges, what has been forgotten is what exactly we should be celebrating and why? In other words, what is the Jewish state after 70 years?

There is no single, official all-encompassing definition of the 'right' way to be Jewish and the 'wrong' way to be Jewish. Herein lies the essence of the Jewish state: the ongoing debate about its very nature.

And this has been the case ever since the days of the First Zionist Congress. Zionism and the state of Israel have always been sites of an ongoing and fierce debate about the very fundamental question of what it means to be the Jewish state.

What makes Israel a democracy is necessity. Israel is a democracy not because it has a beautifully-written constitution that guarantees it. It doesn't. Israel is a democracy not because its founding parents read John Locke or John Stuart Mill. They may have, but they also read Karl Marx and Leon Trotsky.

Israel is a democracy because democracy was the only mechanism that was available to mediate and settle the fierce debates about what it meant to be the Jewish state. Having spent more than 50 years fiercely debating the Zionist project, it was logical, if not very natural, to extend the debate to those groups who became citizens of the state of Israel, regardless of their views.

The state of Israel became a fierce debate over what it means to be the Jewish state, with the debate conducted now not only among Zionist Jews, but expanded to include the views of anti-Zionist Arabs and anti-Zionist Charedi Jews.

The elected parliament of Israel became a place where those who argued

ЧТО ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО СПУСТЯ 70 ЛЕТ?

Краткое эссе для Jewish News UK, апрель 2018 г.

Сегодня мы отмечаем 70-летие Израиля. Среди всего написанного и сказанного о бесчисленных успехах и будущих задачах Израиля, забылось, что именно мы должны праздновать и почему? Другими словами, что представляет собой еврейское государство спустя 70 лет?

Не существует единого, официального и всеобъемлющего определения «правильного» и «неправильного» еврейского происхождения. В этом и заключается суть еврейского государства: в непрекращающихся спорах о самой его природе.

И так было со времён Первого Сионистского конгресса. Сионизм и государство Израиль всегда были предметом постоянных и ожесточённых споров по самому фундаментальному вопросу: что значит быть еврейским государством.

Израиль — демократия по необходимости. Израиль — демократия не потому, что у него есть прекрасно написанная конституция, которая её гарантирует. Нет. Израиль — демократия не потому, что его основатели читали Джона Локка или Джона Стюарта Милля. Возможно, они и читали, но они также читали Карла Маркса и Льва Троцкого.

Израиль — демократия, потому что демократия была единственным доступным механизмом для посредничества и урегулирования ожесточённых споров о том, что значит быть еврейским государством. Посвятив более 50 лет яростным дебатам о сионистском проекте, было логично, хотя и не совсем естественно, распространить эти дебаты на те группы, которые стали гражданами государства Израиль, независимо от их взглядов.

Государство Израиль стало предметом ожесточённых дебатов по поводу того, что значит быть еврейским государством, причем эти дебаты теперь ведутся не только среди евреев-сионистов, но и расширились, включив в себя взгляды арабов-антисионистов и евреев-харедим, настроенных против сионизма.

Избранный парламент Израиля стал местом, где спорили те,

against the very existence of the state, or at the very least made it clear that they could very well do without it, were represented: something which does not exist in any other parliament in the world.

Seventy years after declaring independence, Israel is (by one reckoning) the world's tenth oldest continuous democracy. It had universal suffrage from its first day – yes, Arab citizens too, and it has continued to operate without military coups, civil wars, or suspension of elections to this day, surviving even the assassination of a prime minister.

Its first Parliament sat in 1949 and was empowered by an electorate of all its adult citizens, counted equally. Israel is one of only 20 or so countries (out of 200) that has been rated free by Freedom House in each of its annual reports since the organization started keeping track of democracy around the world nearly half a century ago.

It is precisely this stunning achievement in such difficult conditions that makes Israel's quite imperfect – necessarily imperfect – democracy such a fascinating topic. Anyone interested in democracy as such should be very interested in studying Israel, even if they have no interest in the specific Israeli story, Judaism, Zionism, or the conflict.

Israel is a democracy, but not everyone who participates in the democratic system is a democrat. In fact, many have decidedly undemocratic and certainly illiberal visions for the state and the society.

But since none of the non-democratic and illiberal forces within Israel are capable of imposing their will – as much as they may be very loud – Israel's democracy remains vibrant.

Israel can boast of numerous other achievements in high-tech, agriculture and medicine, but perhaps none compares to sustaining 70 years of fierce debate. And as we look to the future, the fact each of us has the feeling that there are still 'not enough of me and way too much of them', means that we can all agree on one thing – given how each one of us fears that 'the others' might take over, it's far better the debate continues, rather than it be settled.

против самого существования государства или, по крайней мере, дали понять, что они вполне могли бы обойтись без него, были представлены: то, чего нет ни в одном другом парламенте мира.

Спустя семьдесят лет после провозглашения независимости Израиль (по некоторым оценкам) является десятой старейшей в мире непрерывно существующей демократией. С первого дня существования страны в ней существовало всеобщее избирательное право, в том числе и для арабских граждан, и страна продолжает существовать по сей день без военных переворотов, гражданских войн и приостановки выборов, пережив даже убийство премьер-министра.

Первый парламент страны собрался в 1949 году и был сформирован на основе равного подсчёта голосов всех совершеннолетних граждан. Израиль — одна из всего лишь около 20 стран (из 200), которые Freedom House ежегодно оценивала как свободные с тех пор, как организация начала отслеживать развитие демократии в мире почти полвека назад.

Именно это потрясающее достижение в столь сложных условиях делает весьма несовершенную – и неизбежно несовершенную – израильскую демократию столь увлекательной темой. Любой, кто интересуется демократией как таковой, должен быть очень заинтересован в изучении Израиля, даже если его не интересует конкретная израильская история, иудаизм, сионизм или конфликт.

Израиль — демократия, но не все, кто участвует в демократической системе, являются демократами. Более того, многие придерживаются явно недемократических и, безусловно, нелиберальных взглядов на государство и общество.

Но поскольку ни одна из недемократических и нелиберальных сил внутри Израиля не способна навязывать свою волю – как бы громко они ни кричали – демократия в Израиле продолжает функционировать.

Израиль может похвастаться многочисленными другими достижениями в области высоких технологий, сельского хозяйства и медицины, но, пожалуй, ни одно из них не сравнится с 70 годами ожесточенных споров. И когда мы смотрим в будущее, тот факт, что у каждого из нас есть ощущение, что «меня» по-прежнему недостаточно, а «их» слишком много, означает, что мы все можем согласиться в одном: учитывая, как каждый из нас боится, что «другие» могут взять верх, гораздо лучше, чтобы спор продолжался, а не был прекращен.

DEMOCRACY AGAINST ALL ODDS

Essay co-authored with Shany Mor for Horizons, The Center For International Relations and Sustainable Development, June 2018

Seventy years after declaring independence, Israel is (by one reckoning) the world's tenth oldest continuous democracy. It had universal suffrage from its first day – yes, Arab citizens too, and it has continued to operate without military coups, civil wars, or suspension of elections to this day, surviving even the assassination of a prime minister.

Its first Parliament sat in 1949 and was empowered by an electorate of all its adult citizens, counted equally. Israel is one of only 20 or so countries (out of 200) that has been rated free by Freedom House in each of its annual reports since the organization started keeping track of democracy around the world nearly half a century ago.

It is precisely this stunning achievement in such difficult conditions that makes Israel's quite imperfect – necessarily imperfect – democracy such a fascinating topic. Anyone interested in democracy as such should be very interested in studying Israel, even if they have no interest in the specific Israeli story, Judaism, Zionism, or the conflict.

Israel is a democracy, but not everyone who participates in the democratic system is a democrat. In fact, many have decidedly undemocratic and certainly illiberal visions for the state and the society. But since none of the non-democratic and illiberal forces within Israel are capable of imposing their will – as much as they may be very loud – Israel's democracy remains vibrant.

Israel can boast of numerous other achievements in high-tech, agriculture and medicine, but perhaps none compares to sustaining 70 years of fierce debate.

And as we look to the future, the fact each of us has the feeling that there are still 'not enough of me and way too much of them', means that we can all

ДЕМОКРАТИЯ ВОПРЕКИ ВСЕМ

Эссе, написанное в соавторстве с Шани Мор для журнала Horizons, Центр международных отношений и устойчивого развития, июнь 2018 г.

Спустя семьдесят лет после провозглашения независимости Израиль (по некоторым оценкам) является десятой старейшей в мире непрерывно существующей демократией. С первого дня существования страны в ней существовало всеобщее избирательное право, в том числе и для арабских граждан, и страна продолжает существовать по сей день без военных переворотов, гражданских войн и приостановки выборов, пережив даже убийство премьер-министра.

Первый парламент страны собрался в 1949 году и был сформирован на основе равного подсчёта голосов всех совершеннолетних граждан. Израиль — одна из всего лишь около 20 стран (из 200), которые Freedom House ежегодно оценивала как свободные с тех пор, как организация начала отслеживать развитие демократии в мире почти полвека назад.

Именно это потрясающее достижение в столь сложных условиях делает весьма несовершенную – и неизбежно несовершенную – израильскую демократию столь увлекательной темой. Любой, кто интересуется демократией как таковой, должен быть очень заинтересован в изучении Израиля, даже если его не интересует конкретная израильская история, иудаизм, сионизм или конфликт.

Израиль — демократия, но не все, кто участвует в демократической системе, являются демократами. Более того, многие придерживаются явно недемократических и, безусловно, нелиберальных взглядов на будущее государства и общества. Но поскольку ни одна из недемократических и нелиберальных сил внутри Израиля не способна навязать свою волю, как бы громко они ни кричали, израильская демократия продолжает процветать.

Израиль может похвастаться многочисленными другими достижениями в области высоких технологий, сельского хозяйства и медицины, но, пожалуй, ни одно из них не сравнится с 70 годами ожесточенных споров.

И когда мы смотрим в будущее, тот факт, что каждый из нас чувствует, что «меня все еще недостаточно, а их слишком много», означает, что мы все можем

agree on one thing – given how each one of us fears that ‘the others’ might take over, it’s far better the debate continues, rather than it be settled.

The intense debate that was the Zionist Congress became the Parliament of the State of Israel—the Knesset. But the Knesset had a unique mark, which the Zionist Congress did not possess, being a voluntary association: it brought into the debate two groups that became part of the State of Israel very much involuntarily: Arabs and Haredi Jews.

Arabs citizens of the State of Israel were understandably less than excited that they had lost the war against partition and had become citizens of a state they never wanted. Haredi Jews viewed the entire Zionist enterprise as a rebellion against God and Messiah—as indeed it was—and were, at best, deeply ambivalent that it was the godless communists of early Zionism who had brought about the establishment of the third sovereign state of the Jewish people. In fact, had it not been for the Holocaust, the vast majority of them would not have immigrated to the newly established state for the purpose of rebuilding their world of Eastern European Yeshivas, which had been annihilated by Nazi Germany.

Having spent more than 50 years fiercely debating the Zionist project, it was logical, if not very natural, to extend the debate to those groups who became citizens of the State of Israel, regardless of their views. From its onset, the State of Israel became a fierce debate over what it means to be the Jewish state, with the debate conducted now not only among Zionist Jews, but expanded to include the views of anti-Zionist Arabs and anti-Zionist Haredi Jews. The elected parliament of the State of Israel became a place where those who argued against the very existence of the State of Israel, or at the very least made it clear that they could very well do without it, were represented: something which does not exist in any other parliament in the world.

Democracy as Necessity

What makes Israel a democracy is necessity. Israel is a democracy not because it has a beautifully written constitution that guarantees democracy. It doesn’t. Israel is a democracy not because its founding parents read John Locke or John Stuart Mill. They may have, but they also read Karl Marx and Leon Trotsky. Israel is a democracy because democracy was the only

согласны в одном: учитывая, как каждый из нас боится, что «другие» могут взять верх, гораздо лучше, чтобы спор продолжался, а не был прекращен.

Ожесточённые дебаты, которые шли вокруг Сионистского конгресса, привели к созданию парламента Государства Израиль — Кнессета. Однако у Кнессета была уникальная особенность, которой не было у Сионистского конгресса, поскольку он был добровольным объединением: он вовлек в дебаты две группы, которые стали частью Государства Израиль во многом не по своей воле: арабов и евреев-харедим.

Арабы, граждане Государства Израиль, по понятным причинам были не в восторге от того, что проиграли войну против раздела и стали гражданами государства, которого никогда не хотели. Хареди считали всю сионистскую деятельность бунтом против Бога и Мессии – каковым оно и было – и, в лучшем случае, испытывали глубокое недоверие к тому, что именно безбожные коммунисты раннего сионизма создали третье суверенное государство еврейского народа. Более того, если бы не Холокост, подавляющее большинство из них не иммигрировало бы в новообразованное государство, чтобы возродить свой мир восточноевропейских иешив, уничтоженных нацистской Германией.

После более чем 50 лет ожесточённых дебатов о сионистском проекте было логично, хотя и не совсем естественно, распространить эти дебаты на те группы, которые стали гражданами Государства Израиль, независимо от их взглядов. С самого начала Государство Израиль стало предметом ожесточённых споров о том, что значит быть еврейским государством, причём эти споры теперь ведутся не только среди евреев-сионистов, но и включают взгляды арабов-антисионистов и евреев-харедим, настроенных против сионизма. Избранный парламент Государства Израиль стал местом, где были представлены те, кто выступал против самого существования Государства Израиль или, по крайней мере, давал понять, что вполне может обойтись без него: чего нет ни в одном другом парламенте мира.

Демократия как необходимость

Израиль — демократия, и это необходимость. Израиль — демократия не потому, что у него есть прекрасно написанная конституция, гарантирующая демократию. Этого нет. Израиль — демократия не потому, что его основатели читали Джона Локка или Джона Стюарта Милля. Возможно, они и читали, но они также читали Карла Маркса и Льва Троцкого. Израиль — демократия, потому что демократия была единственной...

available mechanism to mediate and settle the fierce debates about what it meant to be the Jewish state.

Perhaps the notion that Israel became a democracy out of necessity sounds less inspiring, as if somehow such a democracy is ‘less noble’ and ‘less worthy,’ but over time, ***just as having no choice in war has meant that Israel had to win, having no choice but to be a democracy has meant that, over time, Israel has become one of the world’s most successful and effective democracies.***

Seventy years after declaring independence, Israel is the world’s tenth oldest continuous democracy. It had universal suffrage from its first day—yes, Arab citizens too, and it has continued to operate without military coups, civil wars, emergency governments, suspensions of basic political or civil liberties (no opposition leaders in jail), or cancelling of elections to this day, surviving even the assassination of a prime minister.

Israel was not the only newly independent state to emerge in the aftermath of World War II and to begin its days as a democracy, but it has been the only one to never fall, even temporarily, into some kind of authoritarianism.

Even compared to more established and wealthier democracies, Israel can be proud of the stability and longevity of its democracy. Its first parliament sat in 1949 and was empowered by an electorate of all its adult citizens counted equally. The first Belgian Parliament to count women’s votes equally was only convened later that same year; the first British Parliament to be elected without the practice of ‘plural voting’ was elected the following year, in 1950. The final restrictions on women’s voting in Switzerland were revoked only in 1990. The vote was only guaranteed for African Americans in the United States in 1965; restrictions on the voting rights of aboriginals in Australia were lifted in 1962; restrictions on the voting rights of first peoples in Canada were definitively lifted in 1960.

Israel is one of only 20 or so countries (out of 200) that has been rated *free* by Freedom House in each of its annual reports since the organization started keeping track of democracy around the world nearly half a century ago. Of the very few countries that have been practicing democracy uninterrupted longer than Israel, most have only done so for slightly longer than Israel (Denmark, Netherlands, Norway, Sweden), and none have done so in conditions of ongoing conflict, repeated wars on multiple fronts, terrorism,

доступный механизм посредничества и урегулирования ожесточенных споров о том, что значит быть еврейским государством.

Возможно, идея о том, что Израиль стал демократией по необходимости, звучит менее вдохновляюще, как будто такая демократия каким-то образом «менее благородна» и «менее достойна», но со временем ***точно так же, как отсутствие выбора в войне означало, что Израиль должен был победить, отсутствие выбора, кроме как быть демократией, означало, что со временем Израиль стал одной из самых успешных и эффективных демократий в мире.***

Спустя семьдесят лет после провозглашения независимости Израиль стал десятой старейшей в мире непрерывно существующей демократией. С самого первого дня в стране существовало всеобщее избирательное право, в том числе и для арабских граждан, и страна продолжает существовать без военных переворотов, гражданских войн, чрезвычайных правительств, ограничений основных политических и гражданских свобод (ни один лидер оппозиции не оказался в тюрьме) или отмены выборов, пережив даже убийство премьер-министра.

Израиль был не единственным новым независимым государством, возникшим после Второй мировой войны и начинавшим свою историю как демократия, но он был единственным, кто никогда, даже временно, не скатывался к какой-либо форме авторитаризма.

Даже по сравнению с более устоявшимися и богатыми демократиями Израиль может гордиться стабильностью и долговечностью своей демократии. Его первый парламент собрался в 1949 году и был наделен полномочиями благодаря равному голосованию всех взрослых граждан. Первый бельгийский парламент, обеспечивший равный учет голосов женщин, был созван лишь позднее в том же году; первый британский парламент, избранный без практики «множественного голосования», был избран годом позже, в 1950.

Окончательные ограничения на голосование женщин в Швейцарии были отменены только в 1990 году. В Соединенных Штатах право голоса было гарантировано только афроамериканцам в 1965 году; ограничения на избирательные права коренных народов Австралии были сняты в 1962 году; ограничения на избирательные права коренных народов Канады были окончательно сняты в 1960 году.

Израиль — одна из примерно 20 стран (из 200), получивших рейтинг *бесплатно* Freedom House в каждом ежегодном докладе с тех пор, как организация начала отслеживать развитие демократии в мире почти полвека назад. Из очень немногих стран, которые непрерывно практиковали демократию дольше, чем Израиль, большинство делали это лишь немного дольше, чем Израиль (Дания, Нидерланды, Норвегия, Швеция), и ни одна из них не делала этого в условиях постоянных конфликтов, постоянных войн на нескольких фронтах, терроризма,

waves of immigration in unparalleled proportions, and a population of vast linguistic, national, religious, and ethnic diversity.

It is precisely this stunning achievement under such difficult conditions that makes Israel's quite imperfect—necessarily imperfect—democracy such a fascinating topic of study. In fact, anyone interested in democracy *per se* should be very interested in studying Israel, even if they have no interest in the specific Israeli story, Judaism, Zionism, or the conflict.

So, Israel is very much a democracy. But that does not mean that everyone who participates in the democratic system is a democrat. In fact, many have decidedly undemocratic and certainly illiberal visions for the state and society. But since none of the non-democratic and illiberal forces within Israel are capable of imposing their will—as loud as they may be—Israel's democracy remains vibrant. This is why the system should not be changed.

In Israel, the greater the debate, the stronger the democracy. As much as Israelis might crave consensus, it is in periods of greater consensus that Israeli democracy has been weakened, and in periods of great strife that Israeli democracy has shown itself to be vibrant. This is the paradox of Israeli democracy; it is more democratic, more open, more inclusive, and more liberal than at any point in its history, but there is greater voice and representation for illiberal, religious, and supremacist worldviews that were once suppressed in the debate.

Democracy and the Territories

All of this is true for the sovereign State of Israel, within what is known as the pre-1967 lines, or, more accurately, as the 1949 armistice lines. Those are the lines that separate the State of Israel from the territories acquired in the 1967 Six-Day War. Initially, all of these territories, tripling Israel's pre-1967 size, came under military occupation.

There is a common mistake and misperception that occupation of territory is illegal. One is often likely to hear that “the Israeli occupation is illegal.” Military occupation of territory acquired in war is actually legal, sanctioned by international law in both The Hague Convention of 1907 and the Fourth Geneva Convention of 1949. Both these documents specify the responsibility of occupying powers, but the occupation itself is legal.

волны иммиграции беспрецедентных масштабов и огромное языковое, национальное, религиозное и этническое разнообразие населения.

Именно это потрясающее достижение в столь сложных условиях делает весьма несовершенную — неизбежно несовершенную — демократию Израиля столь увлекательной темой для изучения. По сути, любой, кто интересуется демократией, *как таковой* должны быть очень заинтересованы в изучении Израиля, даже если их не интересует конкретная израильская история, иудаизм, сионизм или конфликт.

Итак, Израиль – это, по сути, демократия. Но это не означает, что все участники демократической системы – демократы. На самом деле, многие придерживаются явно недемократических и, безусловно, нелиберальных взглядов на государство и общество. Но поскольку ни одна из недемократических и нелиберальных сил внутри Израиля не способна навязать свою волю – как бы громко они ни кричали – израильская демократия продолжает процветать. Именно поэтому систему не следует менять.

В Израиле чем активнее споры, тем сильнее демократия. Как бы израильтяне ни жаждали консенсуса, именно в периоды наибольшего консенсуса израильская демократия ослабевает, а в периоды серьёзных потрясений она демонстрирует свою жизнеспособность. В этом парадокс израильской демократии: она более демократична, более открыта, более инклюзивна и более либеральна, чем когда-либо в своей истории, но теперь у нелиберальных, религиозных и супремасистских мировоззрений, которые когда-то подавлялись в дебатах, больше голоса и представительства.

Демократия и территории

Всё это справедливо для суверенного Государства Израиль в пределах так называемых границ, существовавших до 1967 года, или, точнее, линий перемирия 1949 года. Это линии, отделяющие Государство Израиль от территорий, приобретённых в ходе Шестидневной войны 1967 года. Изначально все эти территории, в три раза превышавшие территорию Израиля до 1967 года, находились под военной оккупацией.

Существует распространённое заблуждение и ошибочное представление о незаконности оккупации территории. Часто можно услышать, что «израильская оккупация незаконна». Военная оккупация территории, приобретённой в результате войны, на самом деле законна и санкционирована международным правом как Гаагской конвенцией 1907 года, так и Четвёртой Женевской конвенцией 1949 года. Оба этих документа определяют ответственность оккупирующих держав, но сама оккупация законна.

The underlying assumption of the legality of occupations, and the reason that, as such, they do not challenge the democratic nature of the occupying power—such that it is—is that they are temporary. That is, the occupying power holds on to the territory until conditions enable the attainment of peace or an end to hostility. For example, the American occupation of parts of Germany ended officially in 1990, and no one has ever challenged America’s democracy on those grounds.

Ever since 1967, Israel has indeed demonstrated that it views the occupation of the various post-1967 territories as temporary, and when it did have claims on the territory, it annexed in a way commensurate with its democracy as demonstrated in the following instances:

One, the Sinai Peninsula was handed over to Egypt as part of the 1979 peace agreement. Two, the sparsely populated Golan Heights has been annexed to Israel, with all residents wishing to do so becoming citizens of the State of Israel. With regard to the few who have chosen not to attain citizenship, the reason comes down to the fear that, should the Golan Heights be handed over to Syria, the fact that they have assumed Israeli citizenship will be viewed as a dangerous form of collaboration with the enemy. The possibility of trading the Golan Heights for peace with Syria has been repeatedly pursued by successive Israeli governments, but with the situation in Syria as it is, it is highly likely that the Golan Heights will remain part of Israel and its democracy for the foreseeable future.

Three, the Gaza Strip, under Egyptian military occupation until 1967, was under Israeli occupation between 1967 and 1994, when 80 percent of the Strip was handed over to Palestinian control, as part of an international agreement. In 2005, Israel disengaged from the remainder of the territory and made a full military and civilian retreat from every square kilometer of the area. Israel makes no territorial claims on Gaza, and, despite ongoing military hostilities, Gaza is not part of Israel. Israel is a democracy in an ongoing state of war with Gaza, but the war itself does not challenge Israel’s status as a democracy beyond the line that separates Gaza from Israel.

Four, within the West Bank, Israel has annexed some of the territory to form the greater city of Jerusalem. The residents in the annexed territories have the option of becoming citizens of Israel’s democracy—an option that the vast majority have rejected, with the view that it is a form of collaboration with

Основополагающее предположение о законности оккупаций и причина, по которой они как таковые не бросают вызов демократической природе оккупирующей власти — таковым является то, что они временны. То есть оккупирующая держава удерживает территорию до тех пор, пока не появятся условия, позволяющие достичь мира или прекратить военные действия. Например, американская оккупация частей Германии официально завершилась в 1990 году, и никто никогда не ставил под сомнение американскую демократию по этому поводу.

Начиная с 1967 года Израиль действительно продемонстрировал, что он рассматривает оккупацию различных территорий, образовавшихся после 1967 года, как временную меру, и когда у него возникали претензии на эти территории, он аннексировал их способом, соизмеримым со своей демократией, как это продемонстрировано в следующих случаях:

Во-первых, Синайский полуостров был передан Египту в рамках мирного соглашения 1979 года. Во-вторых, малонаселённые Голанские высоты были аннексированы Израилем, и все жители, желающие этого, стали гражданами Государства Израиль. Что касается тех немногих, кто решил не получать гражданство, причина кроется в опасении, что в случае передачи Голанских высот Сирии факт получения ими израильского гражданства будет рассматриваться как опасная форма сотрудничества с врагом. Возможность обмена Голанских высот на мир с Сирией неоднократно рассматривалась сменявшимися друг друга израильскими правительствами, но, учитывая нынешнюю ситуацию в Сирии, весьма вероятно, что Голанские высоты останутся частью Израиля и его демократии в обозримом будущем.

Во-вторых, сектор Газа, находившийся под египетской военной оккупацией до 1967 года, находился под израильской оккупацией с 1967 по 1994 год, когда 80% сектора было передано под контроль палестинцев в рамках международного соглашения. В 2005 году Израиль вывел войска с оставшейся территории и полностью вывел военные и гражданские силы с каждого квадратного километра этой территории. Израиль не предъявляет территориальных претензий к Газе, и, несмотря на продолжающиеся военные действия, Газа не является частью Израиля. Израиль — демократическое государство, находящееся в состоянии войны с Газой, но сама эта война не ставит под сомнение статус Израиля как демократического государства за пределами линии, разделяющей Газу и Израиль.

В-четвертых, Израиль аннексировал часть территории Западного берега, чтобы сформировать Большой город Иерусалим. Жители аннексированных территорий имеют возможность стать гражданами израильской демократии – вариант, который подавляющее большинство отвергло, посчитав это формой сотрудничества с

the enemy.

Five, the remaining territory of the West Bank was not annexed to Israel. While Israel does argue that it has legitimate claims to at least part of the territory, and while there are those in Israel who demand that Israel annex large parts of it, the State of Israel has not annexed the West Bank. Moreover, Israel has, under successive governments, signalled its willingness to end the military occupation in a peace agreement with the Palestinians. This led to the Oslo Accords (1993), which today governs the lives of the vast majority of Palestinians, as a form of basic self-governance.

Getting to Finality?

In one form or another, Israel has divested itself from most of the territories it acquired by way of its stunning victory over three Arab armies in the Six-Day War. Israel has repeatedly demonstrated that it views the occupation of those territories as temporary and has acted in accordance with that assumption. When it did not, it annexed certain territories and brought their citizens into Israel's democracy. As a result, ***the status of most of the territories has been settled in a way that does not challenge Israeli democracy***, and as a result Israel is in a gradual process of settling its final borders, as more and more of its Arab enemies are coming to terms with its existence.

The last remaining debate rages over Israel's eastern border and the status of the West Bank. The reason this debate still rages is that, despite bold attempts by Israel in 2000 and 2008 to end the occupation of the West Bank in a full peace agreement with the Palestinians that would have settled all claims, a Palestinian 'yes' has not been forthcoming.

As a result, there are illiberal, messianic, and supremacist voices, represented in Israel's parliament, that propose a vision of Israeli permanent control over the territory, and one that would deny its Palestinian residents full rights. Should they succeed—which, contrary to the sharp debate, they are a long way from achieving—it would indeed mean that Israel is no longer a full democracy of all of its citizens.

The Israeli parliament is the most diverse workplace in Israel. Every one of the 120 members of the Knesset must contend daily with acknowledging that those whom he or she believes are leading the country on the road to hell have an equal vote and an equal say in shaping the future of the country.

враг.

В-пятых, остальная территория Западного берега не была аннексирована Израилем. Хотя Израиль и утверждает, что имеет законные претензии по крайней мере на часть этой территории, и хотя в Израиле есть те, кто требует аннексии значительной её части, Государство Израиль не аннексировало Западный берег. Более того, Израиль при каждом новом правительстве заявлял о своей готовности положить конец военной оккупации, заключив мирное соглашение с палестинцами. Это привело к заключению Соглашений в Осло (1993 г.), которые сегодня регулируют жизнь подавляющего большинства палестинцев, являясь формой базового самоуправления.

Достигаете финала?

В той или иной форме Израиль отказался от большей части территорий, приобретённых им в результате ошеломляющей победы над тремя арабскими армиями в Шестидневной войне. Израиль неоднократно демонстрировал, что считает оккупацию этих территорий временной, и действовал в соответствии с этим положением. В противном случае он аннексировал определённые территории и включил их граждан в израильскую демократию. В результате **статус большинства территорий был урегулирован таким образом, что не бросает вызов израильской демократии**, и в результате Израиль постепенно приходит к установлению своих окончательных границ, поскольку все больше его арабских врагов мирятся с его существованием.

Последние оставшиеся споры разгораются вокруг восточной границы Израиля и статуса Западного берега. Причина, по которой эти споры продолжаются, заключается в том, что, несмотря на смелые попытки Израиля в 2000 и 2008 годах положить конец оккупации Западного берега, заключив с палестинцами полное мирное соглашение, которое урегулировало бы все претензии, палестинское...да не было получено.

В результате в израильском парламенте представлены нелиберальные, мессианские и супремасистские голоса, предлагающие идею постоянного израильского контроля над территорией, которая лишит палестинских жителей всех прав. Если им это удастся – а, вопреки острым спорам, до этого им ещё далеко – это действительно будет означать, что Израиль больше не является полноценной демократией для всех своих граждан.

Израильский парламент — самое многообразное рабочее место в стране. Каждому из 120 депутатов Кнессета приходится ежедневно осознавать, что те, кого он или она считает ведущими страну по дороге в ад, имеют равное право голоса и равное право голоса в формировании будущего страны.

Israel's democracy forces us all to realize that the right of all participants to shape the future is equal to one's own—even though what we would really like is for them to disappear.

Israel can boast of numerous achievements, but perhaps none compares to sustaining 70 years of fierce debate. And, as we look to the future, the fact that each of us has the feeling that there are still “not enough of me and way too much of them” means that we can all agree on one thing—given how each one of us fears that ‘the others’ might take over, it is far better for the debate to continue than for it to be settled.

Демократия Израиля заставляет нас всех осознать, что право всех участников формировать будущее равнозначно праву каждого из них, даже если на самом деле мы хотели бы, чтобы они исчезли.

Израиль может похвастаться многочисленными достижениями, но, пожалуй, ни одно из них не сравнится с 70 годами ожесточённых споров. И, глядя в будущее, тот факт, что каждый из нас чувствует, что «меня всё ещё недостаточно, а их слишком много», означает, что мы все можем согласиться в одном: учитывая, как каждый из нас боится, что «другие» могут взять верх, гораздо лучше, чтобы спор продолжался, чем когда он будет завершён.

A DAY FOR ATHEIST REBELS TAKING CHARGE OF THEIR OWN DESTINY

Short Essay for Forward ahead of Israel's Independence Day, April 2018

Israel's Independence Day is the one day in the Hebrew calendar which truly belongs to the atheist rebels who founded Zionism and brought about the establishment of the State of Israel.

When the modern state of Israel was established, it set the Hebrew calendar as its official state calendar. Given that the Hebrew calendar was mostly the agricultural calendar of the Israelites, it made much more sense in the geographical climate of modern Israel than it ever did in Poland, where Jews kept it religiously as the calendar of a people in exile.

So, when that calendar was reinstated as the official calendar of the modern state of Israel, the ancient, religious holidays were given a new, secular interpretation. Either the national aspect was emphasized, as in the case of Hanukkah, Purim and Passover, or the holidays were reframed as agricultural celebrations of a people in their land, as in the case of [Rosh Hashanah](#) and Shavuot.

But one day needed no such reframing and reinterpretation, as it was the one day of celebration added to the calendar (the other two were of mourning): the modern Israel's Day of Independence, the day that it declared itself a state and the Jewish people became masters of their fate.

ДЕНЬ АТЕИСТОВ-БУНТОВ, ВЗЯВШИХ В СОБСТВЕННУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СВОЮ СУДЬБУ

Краткое эссе для журнала Forward в преддверии Дня независимости Израиля, апрель 2018 г.

День независимости Израиля — единственный день в еврейском календаре, который по-настоящему принадлежит атеистическим повстанцам, основавшим сионизм и обеспечившим создание государства Израиль.

Когда было основано современное государство Израиль, еврейский календарь был установлен в качестве официального государственного календаря. Учитывая, что еврейский календарь был преимущественно сельскохозяйственным календарём израильтян, в географическом климате современного Израиля он имел гораздо больше смысла, чем в Польше, где евреи свято соблюдали его как календарь народа, находящегося в изгнании.

Итак, когда этот календарь был восстановлен в качестве официального календаря современного государства Израиль, древние религиозные праздники получили новую, светскую интерпретацию. Либо подчёркивался национальный аспект, как в случае с Ханукой, Пуримом и Песахом, либо праздники трактовались как сельскохозяйственные праздники народа на своей земле, как в случае с [Рош ха-Шана](#) и Шавуот.

Но один день не нуждался в подобном переосмыслении и переосмыслении, поскольку это был единственный праздничный день, добавленный в календарь (два других были траурными): День независимости современного Израиля, день, когда он провозгласил себя государством, а еврейский народ стал хозяином своей судьбы.

ISRAEL DOESN'T NEED LIBERAL JUDAISM - IT NEEDS LIBERALISM

Op-Ed Co-Authored with Ram Vromen for Forward, October 2018

Several years ago, I (Einat) had the honor of speaking at a Conservative Synagogue in NYC. I was asked why, as a proud Israeli feminist, I am not mobilized for the cause of the Women of the Wall. I admitted that while I am a feminist I am also a devout Atheist, and the importance of praying to a god who does not exist next to the ruins of an outer support wall was entirely alien to me.

The members of the congregation were visibly shocked by my response. And I was shocked that they were shocked. But our mutual astonishment actually clarified something for me: [Liberal](#) seemed to have no idea that the people in [Israel](#) push for religious pluralism in Israel by focusing on religion — rather than on pluralism — they are actually shooting themselves in the foot. For in so doing, they are seeking a coalition with the very people — religious Israelis — who will never accept them.

In fact, these accusations are nothing new; for years, American Jews have argued that the “State of the Jews” is not truly a home to all Jews, lacking the religious pluralism they find in the Diaspora. And yet, most [Israeli Jews](#) have no idea what they’re talking about.

As far as Israelis are concerned, they have an incredibly pluralistic society reflecting multiple religious practices, sects, sub-sects and ethnicities. Israeli Jews are remarkably tolerant of a host of different modes of practical ritualistic expression. One can be a devout atheist-shrimp-eating-Shabbat-driving Jew or a fanatical, carry-out-all-the-Mitzvahs one, and all are citizens of the [Jewish](#) state.

As a society, Israelis really could care less how citizens express their religious identity, Jewish or otherwise. Of course, this is not what [liberal American Jews](#) want when they ask for more “pluralism.” What they mean is having equal standing in the public and political sphere for Conservative

ИЗРАИЛЮ НЕ НУЖЕН ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ИУДАИЗМ — ЕМУ НУЖЕН ЛИБЕРАЛИЗМ

Статья в соавторстве с Рэмом Вроменом для журнала Forward, октябрь 2018 г.

Несколько лет назад мне (Эйнат) выпала честь выступить в консервативной синагоге в Нью-Йорке. Меня спросили, почему я, как гордая израильская феминистка, не выступаю в поддержку движения «Женщины Стены». Я призналась, что, будучи феминисткой, я также убеждённая атеистка, и важность молитвы Богу, которого нет рядом с руинами внешней опорной стены, была мне совершенно чужда.

Прихожане были явно шокированы моим ответом. И я был шокирован тем, что они были шокированы. Но наше общее изумление на самом деле прояснило для меня кое-что: [Либеральный](#) казалось, не имели ни малейшего представления о том, что люди в [Израиль](#) Стремясь к религиозному плюрализму в Израиле, делая упор на религию, а не на плюрализм, они фактически сами себе навредят. Ведь, поступая так, они стремятся к коалиции с тем самым народом — религиозными израильтянами, — который никогда их не примет.

На самом деле, эти обвинения не новы: годами американские евреи утверждали, что «государство евреев» не является настоящим домом для всех евреев, поскольку в нём отсутствует религиозный плюрализм, который они находят в диаспоре. И всё же, большинство [Израильские евреи](#) понятия не имеют, о чем они говорят.

Что касается израильтян, то их общество невероятно плюралистично, отражая множество религиозных практик, сект, подсект и этнических групп. Израильские евреи удивительно терпимы к множеству различных способов практического ритуального самовыражения. Можно быть набожным атеистом, питающимся креветками и едущим на машине в Шаббат, или фанатичным, исполняющим все заповеди, и все они являются гражданами [еврейский](#) состояние.

Израильтяне, как общество, совершенно не заботятся о том, как граждане выражают свою религиозную идентичность, будь то иудейскую или нет. Конечно, либералы не считают это необходимым. [Американские евреи](#) хотят, когда просят большего «плюрализма». Они имеют в виду равное положение в общественной и политической сфере для консерваторов.

and Reform Judaism, which are all but foreign concepts to Israelis.

This distinction is based on a rather fundamental difference in the historical development of Judaism in the US and Israel. It was a colleague at the Jewish People Policy Institute, Prof. Shlomo Fisher, who elucidated this phenomenon for us in [his superb essay](#) “American Jews are Protestants, Israeli Jews are Catholics.”

There Fisher explains that the [liberal](#) Jewish American conception of religion developed in a uniquely American context, where religion is viewed as a personal choice and a form of individual self-expression, officially separate from the political sphere. For American Jews as for Americans more generally, religion is compatible with “pluralism, civil rights and democracy.”

Meanwhile, Israelis, following the European model, came to view democracy, civil liberties or pluralism as requiring the overthrow of religion. As opposed to [American Jews](#), for Israelis “religious identity is not really a matter of individual choice or conviction, rather, it goes along with one’s national, ethnic or political identity,” writes Fisher. In Israel, Jewishness is not an individual choice but part and parcel of the public, political sphere.

It wasn’t always so. In the early years of the state of Israel, the cultural elite was secular, even militantly atheist. Under the mistaken assumption that Zionism had completed the reform of Judaism, the question of religion in the public sphere was viewed as the purview of small marginal groups, which would quickly be swept by the forward march of history into secularism.

Unfortunately, Ben Gurion was wrong to think that religion would evaporate. These days, the secular Zionist labor party has ceded power to a coalition of religious nationalists, ultra-religious Haredim, and religious traditionalists. As a result, Judaism itself moved from the margin to the center, becoming a key factor, perhaps *the* key factor, in Israeli politics.

This was a key insight employed by [Netanyahu](#) in the 1996 elections — that attitudes towards Jewish religious practice were the single greatest determinant of one’s political leaning. He has ridden that insight to the polls again and again, allowing Jewish religion to become the means through which retrograde ideas, illiberal values and increasingly supremacist ideologies promote and cement inequality between Jews and non-Jews, and

и реформистский иудаизм, которые являются для израильтян чуждыми понятиями.

Это различие основано на довольно фундаментальном различии в историческом развитии иудаизма в США и Израиле. Именно наш коллега из Института еврейской народной политики, профессор Шломо Фишер, прояснил этот феномен для нас [в его превосходное эссе](#) «Американские евреи — протестанты, израильские евреи — католики».

Там Фишер объясняет, что [либеральный](#) Еврейско-американское понимание религии развивалось в уникальном американском контексте, где религия рассматривается как личный выбор и форма самовыражения личности, официально отделенная от политической сферы. Для американских евреев, как и для американцев в целом, религия совместима с «плюрализмом, гражданскими правами и демократией».

Между тем, израильтяне, следуя европейской модели, пришли к выводу, что демократия, гражданские свободы и плюрализм требуют свержения религии. В отличие от [Американские евреи](#) Для израильтян «религиозная идентичность — это не вопрос личного выбора или убеждений, а скорее следствие национальной, этнической или политической идентичности», — пишет Фишер. В Израиле еврейство — это не индивидуальный выбор, а неотъемлемая часть общественной, политической сферы.

Так было не всегда. В первые годы существования государства Израиль культурная элита была светской, даже воинствующей, атеистической. Исходя из ошибочного предположения, что сионизм завершил реформу иудаизма, вопрос религии в публичной сфере рассматривался как прерогатива небольших маргинальных групп, которые в ходе истории быстро скатились в секуляризм.

К сожалению, Бен-Гурион ошибался, полагая, что религия исчезнет. В наши дни светская Сионистская рабочая партия уступила власть коалиции религиозных националистов, ультрарелигиозных харедим и религиозных традиционалистов. В результате сам иудаизм переместился с периферии в центр, став, возможно, ключевым фактором. *то*ключевой фактор в израильской политике.

Это было ключевое понимание, использованное [Нетаньяху](#) на выборах 1996 года — что отношение к еврейской религиозной практике является важнейшим фактором, определяющим политические взгляды. Он снова и снова использовал это понимание на выборах, позволяя еврейской религии стать средством, с помощью которого ретроградные идеи, нелиберальные ценности и всё более превосходящие идеологии продвигают и укрепляют неравенство между евреями и неевреями, и

between men and women. The universal idea that religious “sensitivities” are somehow sacrosanct has led them to be used to impose increasingly stringent forms of segregation against women.

The [Jewish](#) religious male is posited as the superior being for whom all allowances must be made. Under the guise that religious men somehow are deeply offended by the presence of women in the public sphere, women have been pushed to the back of some buses that go through religious neighborhoods, prevented from serving in several roles in the military, and increasingly forced to follow “modesty codes” so as not to “offend” religious male soldiers. Religious arguments also underpin opposition to full LGBTQ equality, and in general oppose any kind of family form that is not Jewish male, Jewish female, Jewish children.

Liberal American Jews, accustomed to the American tradition of religion in the service of liberal values and progress, have observed these developments with dismay and incomprehension and perhaps even denial. They believe that the Jewish religion could play a different role in Israel. They are wrong.

An American philanthropist recently shared with Ram his frustration at the fact that whenever and wherever he sees something wrong in [Israel](#) — in the treatment of women, of non-Jews, and expressions of racism and hatred — he also sees a Rabbi. This is not a coincidence. This is not an aberration. This is the role of Jewish religion in Israel.

If [American Jews](#) are ever to find a home for their brand of Judaism in Israel, their goal cannot be support for a “kinder, gentler” type of [Jewish](#) religion in the public and political sphere, commensurate with their [liberal](#) values. Their goal should be no religion at all.

What American Jews Get Wrong About Israeli Liberalism

Liberal American Jews will only be effective in securing a home in [Israel](#) for their brand of Jewish practice if their goal is to secure the Zionist project of a national *secular* Jewish existence.

Unlike in America, in Israel, liberal values can *only* be promoted in the context of secularism. As a broad rule (there are individual exceptions of course), the more secular Israelis will uphold liberal values, and vice versa. Therefore, as secularism becomes politically stronger in Israel, so will liberal

Между мужчинами и женщинами. Общепринятая идея о том, что религиозные «чувства» неким образом неприкосновенны, привела к их использованию для введения всё более строгих форм сегрегации женщин.

Тогда еврейский Религиозный мужчина представляется как высшее существо, к которому необходимо относиться со всей снисходительностью. Под предлогом того, что религиозные мужчины каким-то образом глубоко оскорбляются присутствием женщин в публичной сфере, женщин запикивают в задние части некоторых автобусов, проезжающих через религиозные кварталы, не допускают к службе в ряде военных должностей и всё чаще заставляют соблюдать «кодексы скромности», чтобы не «оскорбить» религиозных солдат-мужчин. Религиозные аргументы также подкрепляют сопротивление полному равенству ЛГБТК и в целом выступают против любой формы семьи, которая не основана на принципе «еврейский мужчина, еврейская женщина, еврейские дети».

Либеральные американские евреи, привыкшие к американской традиции религиозного служения либеральным ценностям и прогрессу, наблюдают за этими событиями с тревогой и непониманием, а возможно, даже с отрицанием. Они считают, что еврейская религия могла бы играть в Израиле иную роль. Они ошибаются.

Недавно американский филантроп поделился с Рамом своим разочарованием по поводу того, что всякий раз, когда он видит что-то неправильное в Израиль — в отношении к женщинам, к неевреям, в проявлениях расизма и ненависти — он также видит раввина. Это не совпадение. Это не отклонение от нормы. Такова роль еврейской религии в Израиле.

Если Американские евреи когда-либо найдут пристанище для своего направления иудаизма в Израиле, их целью не может быть поддержка «более доброго, более мягкого» типа еврейский религии в общественной и политической сфере, соразмерно их либеральный Их целью должно быть полное отсутствие религии.

В чем ошибаются американские евреи относительно израильского либерализма

Либеральные американские евреи будут эффективны только в обеспечении дома в Израиль для их бренда еврейской практики, если их цель состоит в том, чтобы обеспечить сионистский проект национального светский Еврейское существование.

В отличие от Америки, в Израиле либеральные ценности могут *только* продвигаться в контексте секуляризма. Как правило (конечно, есть отдельные исключения), более светские израильтяне будут придерживаться либеральных ценностей, и наоборот. Поэтому по мере того, как секуляризм в Израиле становится политически сильнее, либеральные ценности будут укрепляться.

values. A more secular Israel is a more liberal Israel. A more religious Israel is a more illiberal one. It is as simple as that. This is the choice.

Having badly defined the goal towards a “kinder, gentler” Jewish religion in the public sphere in Israel, American Jews have also chosen the least effective strategy possible. They have sought recognition for their brand of Judaism whether in matters of conversion, marriage, or prayer at the Kotel, from the very same authorities that have been given monopoly power over these matters by the State, principally, the Chief Rabbinate.

The Rabbinate will never, ever cede its power. No monopoly in the history of monopolies has ever given up or shared power voluntarily. Just ask AT&T. American Jews have been behaving like the frustrated customers of a corrupt monopoly. You do not ask a monopoly to treat you nicely. You break up a monopoly, with force.

Above all, if American Jews are to effect change in [Israel](#) to make room for their brand of pluralism, they need numbers. No political change is ever possible without numbers. And there are no numbers in Israel for the kind of Judaism that Americans have in America.

To get the big numbers, [liberal](#) American Jews have to decide who their actual potential allies are. If they seek [Israeli Jews](#) who will have a positive attitude towards religion, then they are likely to be non-liberal [Orthodox](#) Jews who reject their form of practice completely. If they seek Israeli Jews who will share their values of pluralism, equality, tolerance, feminism and liberalism, they are, by and large, likely to be the shrimp-eating-Shabbat-driving Jews, whose attitudes to religion range from revulsion to apathy.

If Conservative, Reform and generally liberal American Jews seek partners in Israel who share *both* their liberal values and positive attitude towards religion, they will limit themselves to a pool of citizens that is barely likely to get one seat in the Knesset.

Liberal American Jews have wasted hundreds of millions of dollars trying to shore up [Reform](#) and Conservative Judaism in Israel, to no avail. They celebrate the increase in numbers from next to nothing to a little more than nothing. But fundamentally [Israel](#) is not the soil for that kind of Judaism, which appeals almost exclusively to Olim from the West, who over time, revert to the dominant Zionist ethos.

Ценности. Более светский Израиль — более либеральный Израиль. Более религиозный Израиль — более нелиберальный. Всё просто. Вот и всё. Это выбор.

Неправильно определив цель, направленную на «более добрую, более снисходительную» иудаистскую религию в публичной сфере Израиля, американские евреи также выбрали наименее эффективную стратегию. Они добивались признания своей версии иудаизма, будь то в вопросах обращения в иудаизм, брака или молитвы у Котеля, у тех же самых органов, которым государство предоставило монопольную власть в этих вопросах, прежде всего, у Главного раввината.

Раввинат никогда, никогда не откажется от своей власти. Ни одна монополия в истории монополий не отказывалась от власти и не делилась ею добровольно. Спросите хотя бы AT&T. Американские евреи ведут себя как разочарованные клиенты коррумпированной монополии. Вы не просите монополию относиться к вам хорошо. Монополии нужно разрушить силой.

Прежде всего, если американские евреи хотят добиться перемен в [Израиль](#) Чтобы освободить место для своего плюрализма, им нужны цифры. Никакие политические изменения невозможны без цифр. И в Израиле нет цифр для такого иудаизма, как у американцев в Америке.

Чтобы получить большие цифры, [либеральный](#) Американским евреям предстоит решить, кто их потенциальные союзники. Если они ищут [Израильские евреи](#) кто будет положительно относиться к религии, то они, скорее всего, будут нелиберальными [православный](#) Евреи, которые полностью отвергают свою форму практики. Если они ищут израильских евреев, разделяющих их ценности плюрализма, равенства, толерантности, феминизма и либерализма, то, скорее всего, это будут евреи, питающиеся креветками и едущие на машине в Шаббат, чьё отношение к религии варьируется от отвращения до апатии.

Если консервативные, реформистские и вообще либеральные американские евреи ищут партнеров в Израиле, которые разделяют их взгляды *об*своими либеральными ценностями и позитивным отношением к религии, они ограничат себя группой граждан, которая вряд ли получит хотя бы одно место в Кнессете.

Либеральные американские евреи потратили сотни миллионов долларов, пытаясь укрепить свои позиции. [Реформа](#) и консервативного иудаизма в Израиле, но безрезультатно. Они радуются росту численности с практически нулевого уровня до чуть более чем нулевого. Но по сути [Израиль](#) не является почвой для такого рода иудаизма, который привлекает почти исключительно репатриантов с Запада, которые со временем возвращаются к доминирующей сионистской этике.

As a result, American Jews have been financing micro-operations that will never be able to make a real impact on Israeli society. It is understandable that donors appreciate promoting the values they care for in the specific form they are accustomed to. But it has zero impact on Israeli society.

Worse, having long ago understood that they have no chance to convert religious [Orthodox](#) Israeli Jews to their kind of pluralistic Judaism, American Jews have instead pivoted to trying to convert Israeli secular Jews to their brand of religion. The tragedy is that in doing so, they have unwittingly contributed to strengthening their religious Orthodox illiberal enemies.

Consider a parallel in the Second Amendment in America. Imagine an international organization seeking to convince NRA members to limit the exercise of the Second Amendment to pistols. Now imagine that once it becomes clear that America's gun-owning community would never warm up to limiting their love of guns to pistols, the organization instead redirects its energy towards convincing the Americans who loathe and fear guns to warm up to the idea of carrying pistols.

American Jews might recoil at the parallel between Jewish religion and guns. But in the Israeli context, that is the proper parallel. In Israel, the [Jewish](#) religion has been weaponized in the service of illiberalism and supremacism. Any support for religion of any kind only provides fuel for such values. This is what American Jews have been unwittingly supporting in the past several decades.

Illiberal Religion vs. Liberal Secularism

A prime example of this dangerous process has been the American Jewish support for the introduction of “additional” Jewish studies into secular schools. The Israeli school system is divided into several systems, determined by the level of religiosity of their communities. The religious schools promote strict, Orthodox practices and place a strong emphasis on [Jewish](#) religious studies. American Jews have no chance of penetrating this system to promote liberal values.

But the secular system is naturally open and liberal. So it has been the long-standing desire of the right wing religious coalition in [Israel](#) to eliminate this open and liberal character — since they consider it a threat to their illiberal and supremacist politics. Their most effective weapon, to that end, is to

В результате американские евреи финансируют микрооперации, которые никогда не смогут оказать реального влияния на израильское общество. Понятно, что доноры ценят продвижение важных для них ценностей в привычной для них форме. Но это не оказывает никакого влияния на израильское общество.

Хуже того, они давно поняли, что у них нет никаких шансов обратить в свою веру [православный](#) В то время как израильские евреи придерживались своего плюралистического иудаизма, американские евреи вместо этого переключились на попытки обратить израильских светских евреев в свою религию. Трагедия в том, что, поступая так, они невольно способствовали укреплению своих религиозных ортодоксальных нелиберальных врагов.

Проведите параллель со Второй поправкой в Америке. Представьте себе международную организацию, пытающуюся убедить членов Национальной стрелковой ассоциации (NRA) ограничить применение Второй поправки пистолетами. А теперь представьте, что, как только становится ясно, что американское сообщество владельцев оружия никогда не согласится ограничить свою любовь к оружию пистолетами, организация вместо этого направляет свою энергию на то, чтобы убедить американцев, которые ненавидят и боятся оружия, с энтузиазмом отнестись к идее ношения пистолетов.

Американские евреи могут с отвращением воспринимать параллель между еврейской религией и оружием. Но в израильском контексте эта параллель уместна. В Израиле [еврейский](#) Религия превратилась в оружие, служащее антилиберализму и супремасизму. Любая поддержка религии любого рода лишь подпитывает подобные ценности. Именно это американские евреи невольно поддерживают последние несколько десятилетий.

Нелиберальная религия против либерального секуляризма

Ярким примером этого опасного процесса стала поддержка американскими евреями введения «дополнительных» предметов иудаики в светских школах. Израильская школьная система разделена на несколько систем, определяемых уровнем религиозности общин. Религиозные школы продвигают строгие ортодоксальные практики и уделяют особое внимание [еврейский](#) Религиоведение. У американских евреев нет никаких шансов проникнуть в эту систему и продвигать либеральные ценности.

Но светская система по своей природе открыта и либеральна. Поэтому праворадикальная религиозная коалиция давно стремится к этому. [Израиль](#) устранить этот открытый и либеральный характер, поскольку они считают его угрозой своей нелиберальной и супремасистской политике. Их самое эффективное оружие в этом отношении —

reduce as much as possible the study of general and universal humanities, in favor of an increased amount of Jewish studies.

In one of the greatest acts of self-defeating philanthropy, American Jews have underwritten numerous programs, both in schools and in informal education systems, intended to introduce “nice religious Judaism” into the curricula.

But there is no such thing in the Israeli context. Introducing religious studies to secular schools — even of the “nice” kind — contributes to a more religious Israel, and in Israel, [Jewish](#) religion cannot be dismantled from the Orthodox and illiberal manner in which it is practiced. This is the choice. If liberal American Jews want to be effective they need to understand the simple fact that in the Israeli Zionist context, the choice is between illiberal religion and liberal secularism. None other.

Instead of these self-defeating measures, ***liberal American Jews should support all of the various battles actual Israelis, living in Israel, wage on behalf of greater secularization and less religion in public sphere.*** This means resisting all efforts to introduce religion, of any kind, into Israel’s public secular schools. This means fighting for the teaching of evolution. It means supporting the numerous grassroots efforts of Israeli parents to keep religion out of their children’s schoolbooks, and to keep religious “volunteers” out of provision of extracurricular activities in school.

It also means supporting public transportation on Shabbat for those municipalities that seek it (imagine if in addition to having the names of donors on ambulances, they would be on buses providing services on Shabbat). It means supporting the promotion of full equality for LGBTQ citizens, especially on matters of family life. It means supporting the current legal battle against the prohibition on individuals bringing flour products into hospitals during Passover. It means especially standing firmly behind those who fight for the equality of women and men in the military and against any notion that “consideration for feelings” of religious soldiers should somehow come to mean discrimination against female soldiers.

American Jews need to also stop trying to get crumbs of recognition from the Chief Rabbinate. They should seek to sideline it completely. The goal should not be to get the state to allow Reform and Conservative Rabbis to perform marriages in Israel. The goal should not be an additional prayer

сократить, насколько это возможно, изучение общих и универсальных гуманитарных наук в пользу увеличения объема изучения иудаики.

В одном из величайших актов пагубной филантропии американские евреи спонсировали многочисленные программы, как в школах, так и в неформальных системах образования, направленные на внедрение «красивого религиозного иудаизма» в учебные программы.

Но в израильском контексте такого нет. Введение религиоведения в светские школы — даже «хорошего» типа — способствует более религиозному Израилю, и в Израиле [еврейский](#) Религию невозможно отделить от ортодоксального и нелиберального образа её практики. Это выбор. Если либеральные американские евреи хотят быть эффективными, им необходимо понять простой факт: в контексте израильского сионизма выбор стоит между нелиберальной религией и либеральным секуляризмом. Ничем иным.

Вместо этих пагубных мер, [либеральный](#) ***Американские евреи должны поддерживать все разнообразные битвы, которые ведут настоящие израильтяне, живущие в Израиле, за большую секуляризацию и уменьшение религиозности в общественной сфере.*** Это означает сопротивление любым попыткам внедрить религию в светские государственные школы Израиля. Это означает борьбу за преподавание теории эволюции. Это означает поддержку многочисленных инициатив израильских родителей, стремящихся не допустить упоминания религии в школьных учебниках своих детей и не допускать религиозных «волонтеров» к участию во внеклассных мероприятиях в школе.

Это также означает поддержку общественного транспорта в Шаббат для тех муниципалитетов, которые в этом нуждаются (представьте, если бы имена жертвователей были указаны не только на машинах скорой помощи, но и на автобусах, обслуживающих Шаббат). Это означает поддержку продвижения полного равенства для ЛГБТК-граждан, особенно в вопросах семейной жизни. Это означает поддержку текущей судебной тяжбы против запрета на пронос мучных изделий в больницы во время Песаха. Это означает, в частности, твердую поддержку тех, кто борется за равенство женщин и мужчин в армии, и против любых утверждений о том, что «уважение к чувствам» верующих солдат каким-то образом должно означать дискриминацию в отношении женщин-военнослужащих.

Американским евреям также необходимо прекратить попытки получить хоть каплю признания от Главного раввина. Им следует стремиться полностью отстранить его от дел. Цель не должна заключаться в том, чтобы государство разрешило реформистским и консервативным раввинам проводить браки в Израиле. Цель не должна заключаться в дополнительной молитве.

area next to the Kotel. The goal should be breaking up the Rabbinat's monopoly altogether, on matters of conversion, marriage, Kashrut, and yes — the Kotel.

Secular Israelis are never going to politically mobilize, in great numbers, for the specific goal of the state of Israel funding Conservative and Reformed rabbis, or Conservative and Reformed Mikvahs. Secular Israelis want the state to not fund rabbis and Mikvahs at all.

In a secular Israel, liberal American Jews will have no problem finding a home for their brand of [Jewish](#) practice. In an [Israel](#) of civil unions, their rabbis, just like anyone else, will be able to perform ceremonies for those who want them. In a national, secular Kotel, American Jews will be able to pray how they want and see fit, because there will be no Rabbi to regulate them. In an Israel that doesn't fund rabbis and Mikvahs, any community that wants to fund their kind of religious services and practice would be able to do so.

This is the only kind of Israel that would be a home to all Jews, from all around the world. It is high time that American liberal Jews join forces with secular Israelis for a secular Zionist Israel. The future of the relationship between liberal American Jews and [Israeli Jews](#) depends on American Jews understanding the toxic role of religion in Israel, and redefining the goal — ruthlessly — towards a secular Israel.

Район рядом с Котелем. Целью должно быть полное разрушение монополии раввината в вопросах гиюра, брака, кашрута и, конечно же, — Котел.

Светские израильтяне никогда не будут активно мобилизоваться ради достижения конкретной цели — финансирования государством консервативных и реформаторских раввинов или консервативных и реформаторских микв. Светские израильтяне хотят, чтобы государство вообще не финансировало раввинов и миквы.

В светском Израиле либеральные американские евреи без проблем найдут пристанище для своего бренда [еврейский](#) практика. В [Израиль](#) В гражданских союзах их раввины, как и все остальные, смогут проводить церемонии для тех, кто этого хочет. В общенациональном светском Котеле американские евреи смогут молиться так, как им хочется и как они считают нужным, потому что не будет раввина, который бы их контролировал. В Израиле, где не финансируются раввины и миквы, любая община, желающая финансировать свои религиозные службы и обряды, сможет это делать.

Только такой Израиль станет домом для всех евреев со всего мира. Настало время американским либеральным евреям объединить усилия со светскими израильтянами ради создания светского сионистского Израиля. Будущее отношений между либеральными американскими евреями и [Израильские евреи](#) зависит от того, поймут ли американские евреи пагубную роль религии в Израиле и переопределят ли они — безжалостно — цель в сторону светского Израиля.

ISRAEL DOESN'T NEED CONSERVATIVE OR REFORM JUDAISM

Response Op-Ed Co-Authored with Ram Vromen for Forward, August 2018

This summer, we [wrote an article](#) in these pages in which we argued that Reform and Conservative American Jews should stop importing their brand of Judaism to Israel on the grounds that we already have too much religion. What Israelis need is not softer versions of Judaism, but rather help strengthen our liberalism, which is under threat from the ultra-Orthodox Rabbinate and its enablers. There is no greater proof of the main thesis of our essay than [the four essays written](#) in [response](#).

The responses focused on the importance of the liberal streams of Judaism. And yet, contrary to what the response essays argue, we are not seeking to erase or eliminate Reform and Conservative Jewish life in Israel. Our claim is merely that the political and public impact of these movements is minimal, and that the only way all forms of Jewish religious practice, including Reform and Conservative Judaism, can thrive in the Israeli public sphere is through a more secular Israel. Essential to the core of our argument is the fundamental difference between how Americans view religion and how Israelis do.

Religion in America has historically developed as a matter of personal choice subject to the same kinds of competitive dynamics you find at work in a capitalist society. Think about a Jew in America who's not pleased with their Rabbi's High Holidays sermon. They have numerous other synagogues to go to, or they can start a new one, or not go at all. Most importantly, once they step out of the synagogue or community center, they live in a country that at least makes an ongoing effort to separate religion and state.

Israelis have no such choice. ***We have one Jewish state, which means that Judaism in Israel is not a matter of personal expression.*** As much as some Israelis would like to, the option of seceding or creating other Jewish states that are more specifically catered to their worldview of how Judaism should be interpreted is not really an option. If we are to secure our freedom to

ИЗРАИЛЮ НЕ НУЖЕН КОНСЕРВАТИВНЫЙ ИЛИ РЕФОРМИСТСКИЙ ИУДАИЗМ

Ответная статья, написанная в соавторстве с Рэмом Вроменом для журнала Forward, август 2018 г.

Этим летом мы [написал статью](#) На этих страницах мы утверждали, что реформистские и консервативные американские евреи должны прекратить импортировать свой вариант иудаизма в Израиль, поскольку у нас и так слишком много религии. Израильтянам нужны не более мягкие версии иудаизма, а, скорее, укрепление нашего либерализма, которому угрожает ультраортодоксальный раввинат и его пособники. Нет лучшего доказательства основного тезиса нашего эссе, чем [четыре эссе, написанные в ответ](#).

В ответах основное внимание уделялось важности либеральных течений иудаизма. И всё же, вопреки утверждениям авторов ответов, мы не стремимся искоренить или полностью искоренить реформистское и консервативное еврейство в Израиле. Мы лишь утверждаем, что политическое и общественное влияние этих движений минимально, и что единственный способ для всех форм еврейской религиозной практики, включая реформистский и консервативный иудаизм, процветать в израильском обществе — это более светский Израиль. В основе нашей аргументации лежит фундаментальное различие между взглядами на религию американцев и израильтян.

Религия в Америке исторически развивалась как дело личного выбора, подчинённое тем же конкурентным факторам, что и в капиталистическом обществе. Представьте себе еврея в Америке, который недоволен проповедью своего раввина в праздники. У него есть множество других синагог, куда он может пойти, он может открыть новую или вообще не ходить. Самое главное, что, как только он покидает синагогу или общинный центр, он живёт в стране, которая, по крайней мере, постоянно стремится отделить религию от государства.

У израильтян такого выбора нет. ***У нас есть единое еврейское государство, а это значит, что иудаизм в Израиле не является вопросом личного самовыражения.*** Как бы ни хотелось некоторым израильтянам, вариант отделения или создания других еврейских государств, более точно отвечающих их мировоззрению и толкованию иудаизма, на самом деле не рассматривается. Если мы хотим сохранить нашу свободу,

practice Judaism however we want, we need to act politically and in the public sphere to do so. It is not a matter of individual choice. In the Jewish state, Judaism is a public and political matter.

This is hardly an argument for or against liberal Judaism, as some of the responses seemed to take it. We are sufficiently aware that Judaism, like all religious and ideological systems, is in the hands of its interpreters, and that its interpretation changes over times and geographies. As a millennia-old civilization, Judaism has produced enough texts, sayings, events and traditions to underpin a near infinite range of possibilities of personal expression, opinions and worldviews.

What we did argue was that ***American Jews, thinking in American terms are pursuing the wrong strategy in seeking to make Israel more “pluralistic” in the very narrow sense of attaining official recognition for Reform and Conservative Judaism in Israeli political public sphere. It would be far more effective, we argued, to join hands with secular Israelis to secure an Israeli Zionist secular public sphere. In such an Israel, we wrote, liberal American Jews will have no problem finding a home for their brand of Jewish practice:***

“In an Israel of civil unions, their rabbis, just like anyone else, will be able to perform ceremonies for those who want them. In a national, secular Kotel, American Jews will be able to pray how they want and see fit, because there will be no Rabbi to regulate them. In an Israel that doesn’t fund rabbis and Mikvehs, any community that wants to fund their kind of religious services and practice would be able to do so. This is the only kind of Israel that would be a home to all Jews, from all around the world.”

Perhaps American Jews balk at the idea of going all in and backing secular Israeli struggles. Maybe they’re afraid to take on the Rabbinate directly and to call for its downfall, or feel uneasy supporting public transportation on Shabbat in Israel or fighting against religious edicts in the Israeli military. Maybe they don’t understand why it matters whether flour products may be brought into hospitals during Passover by individual patients.

And yet, even if our American Jewish brothers and sisters don’t understand the importance of these secular measures, at the minimum, we ask that American Jews refrain from trying to import more religion — of whatever

Независимо от того, как мы исповедуем иудаизм, нам необходимо действовать политически и публично. Это не вопрос личного выбора. В еврейском государстве иудаизм — дело общественное и политическое.

Это вряд ли можно назвать аргументом за или против либерального иудаизма, как это, по-видимому, трактовалось в некоторых ответах. Мы прекрасно понимаем, что иудаизм, как и все религиозные и идеологические системы, находится в руках своих толкователей, и что его интерпретация меняется со временем и в зависимости от географии. Будучи тысячелетней цивилизацией, иудаизм создал достаточно текстов, изречений, событий и традиций, чтобы создать практически бесконечное множество возможностей для самовыражения, мнений и мировоззрений.

Мы утверждали, что ***Американские евреи, мыслящие по-американски, придерживаются ошибочной стратегии, стремясь сделать Израиль более «плюралистичным» в очень узком смысле, добиваясь официального признания реформистского и консервативного иудаизма в израильской политической публичной сфере. Мы утверждали, что гораздо эффективнее было бы объединить усилия со светскими израильтянами для обеспечения израильского сионистского светского публичного пространства. В таком Израиле, писали мы, либеральные американские евреи без проблем найдут пристанище для своего вида иудаизма.***

В Израиле гражданских союзов их раввины, как и все остальные, смогут проводить церемонии для тех, кто этого хочет. В общенациональном, светском Котеле американские евреи смогут молиться так, как им хочется и как они считают нужным, потому что не будет раввина, который бы их контролировал. В Израиле, где не финансируются раввины и миквы, любая община, желающая финансировать свои религиозные службы и обряды, сможет это сделать. Только такой Израиль станет домом для всех евреев со всего мира.

Возможно, американские евреи противятся идее всецело поддержать борьбу светского Израиля. Возможно, они боятся открыто выступать против раввината и призывать к его падению, или испытывают неловкость, поддерживая общественный транспорт в Шаббат в Израиле или борясь с религиозными указами в израильской армии. Возможно, они не понимают, почему так важно, разрешено ли отдельным пациентам приносить мучные изделия в больницы во время Песаха.

И все же, даже если наши американские еврейские братья и сестры не понимают важности этих светских мер, мы, как минимум, просим американских евреев воздержаться от попыток импортировать больше религии — какой бы она ни была

kind — into Israel.

There is no greater disservice that American liberal Jews can do for Israeli liberal Jews than import their brand of religion into Israel. This is a clear case of good intentions leading to bad outcomes, and this is what we seek to point out. For the truth of the matter is, in the Israeli context, more religion — of whatever kind — translates into greater illiberalism. Perhaps it is necessary to point out that Israeli Jews, even the most secular and militantly atheist among them, are not in need of more Judaism of any kind. And yet, it's hard not to notice the missionary tone of some of the essays responding to ours, which lamented that we are “cultivating ignorance and disconnect as an answer to religious fanaticism.” Indeed, this is an argument that is no different than the one made by the most fanatic ultra-Orthodox about Zionist secularism. And the truth is, this is again to use an American paradigm to willfully misunderstand the Israeli context.

Ignorance and disconnect from Judaism is indeed possible and extant in the vast geographical and social planes of America. But it is a literal impossibility in Israel. It is practically impossible for any Jewish person (and most non-Jews too) to be ignorant of Judaism and disconnected from it in Israel.

Both of us wake up every morning, living our daily lives by the ancient Hebrew calendar. Shabbat is our day of rest. It is a day of national rest. Sunday is a day of work. Friday nights our respective families get together for dinner. Our holidays are the Jewish and Zionist holidays, and our families' arguments are about who will host which Jewish holiday, or whether it is better to flee abroad to avoid the arguments.

Our children go to public state kindergartens and schools, where Jewish holidays are a major part of their curriculum. With every approaching Jewish holiday (and there are many more than American Jews suspect), our children learn songs, write essays, discuss meanings, go on excursions, and make papier-mâché structures related to that holiday. In fact, we have to wonder what kindergarten teachers teach children in other parts of the world without Jewish holidays.

Throughout their school years, our children learn the Hebrew Bible, medieval Hebrew poetry, ancient and modern history of the Jewish people (they always

добрый — в Израиль.

Нет большей медвежьей услуги, которую американские либеральные евреи могут оказать израильским либеральным евреям, чем импортировать свою версию религии в Израиль. Это явный пример того, как благие намерения приводят к плохим результатам, и именно на это мы стремимся обратить внимание. Ведь правда в том, что в израильском контексте больше религии – любой её формы – ведёт к большему антилиберализму. Возможно, необходимо отметить, что израильские евреи, даже самые светские и воинствующие атеисты среди них, не нуждаются в большем иудаизме ни в каком виде. И всё же трудно не заметить миссионерский тон некоторых эссе, написанных в ответ на наше, в которых сетовали на то, что мы «культивируем невежество и разобщённость в ответ на религиозный фанатизм». По сути, этот аргумент ничем не отличается от аргумента самых фанатичных ультраортодоксов о сионистском секуляризме. А правда в том, что это снова попытка использовать американскую парадигму для намеренного искажения израильского контекста.

Невежество и оторванность от иудаизма действительно возможны и существуют на обширных географических и социальных просторах Америки. Но в Израиле это буквально невозможно. Практически невозможно, чтобы еврей (и большинство неевреев тоже) не знал иудаизма и был оторван от него в Израиле.

Мы оба просыпаемся каждое утро, живя по древнееврейскому календарю. Шаббат — наш день отдыха. Это день национального отдыха. Воскресенье — рабочий день. В пятницу вечером наши семьи собираются вместе за ужином. Наши праздники — еврейские и сионистские, и наши семьи спорят о том, кто будет проводить тот или иной еврейский праздник, или лучше бежать за границу, чтобы избежать ссор.

Наши дети ходят в государственные детские сады и школы, где еврейские праздники занимают важное место в их программе. С приближением каждого еврейского праздника (а их гораздо больше, чем предполагают американские евреи) наши дети разучивают песни, пишут сочинения, обсуждают значение этих праздников, ходят на экскурсии и мастерят поделки из папье-маше, связанные с ними. На самом деле, нам остаётся только гадать, чему воспитатели детских садов учат детей в других частях света, где нет еврейских праздников.

На протяжении школьных лет наши дети изучают еврейскую Библию, средневековую еврейскую поэзию, древнюю и современную историю еврейского народа (они всегда

tried to kill us, even when they didn't...), modern Zionist thought and history and Hebrew literature. When our children attend their after-school activities, their soccer team is called Maccabbi, and their youth movement discussions are about the essence and dilemmas of living in the Jewish state. Even if Israelis wanted to, and they indeed don't, they could not send "their kids to schools devoid of Jewish culture and spirit", as one response essay argues.

Indeed, while our children go to their public schools and kindergartens and after school activities, we browse the news, read our Twitter and Facebook feeds and engage in daily heated debates about the current iteration of what it means to be the Jewish state.

We debate the Nation State Bill, the boycott, divestment and sanctions movement against Israel, the closure of public construction on Shabbat. We ask whether the ultra-Orthodox should serve in the army, whether Israeli soldiers be allowed to use their cell phones on Shabbat, whether the occupation is justified if it's in defense of Jewish life, or whether it's an occupation at all, or the end of the Jewish state. We debate whether the new natural history museum in Israel should have exhibits about evolution.

And when we take a break from the news to entertain ourselves, we watch Fauda, a TV show about Israeli soldiers undercover as Arabs, or Autonomia, a series about a future where Israel splits into a Haredi autonomy and a Zionist state, or Shababnikim, a show about young Haredi Jews. Or we go out to see the film "Unorthodox", about the rise of the Mizrahi Haredi movement Shas.

And, miracles of miracles, we do all that in Hebrew – reading, writing and speaking the modern iteration of the ancient language of our people. All this is even without mentioning that in our professional lives we both spend all our time on Zionist and Jewish issues. In truth, ***even if we wanted to have "more Judaism" in our lives, as all of the response writers seem to imply we are lacking, we would hardly know when and where to insert it.***

This is the essential difference between Jewish life in America and in Israel. In America, Jewish life has to be actively pursued, if it is to exist at all. If it is not actively pursued, the baseline is indeed one of "ignorance and disconnect."

For Jews in Israel, Judaism is woven into the very fabric of our lives, in

пытались убить нас, даже когда не убили...), современная сионистская мысль, история и ивритская литература. Когда наши дети посещают внеклассные занятия, их футбольная команда называется «Маккаби», а обсуждения в молодёжном движении посвящены сути и дилеммам жизни в еврейском государстве. Даже если бы израильтяне хотели (а они действительно этого не хотят), они не смогли бы отправить «своих детей в школы, лишённые еврейской культуры и духа», как утверждается в одном из ответных эссе.

Действительно, пока наши дети ходят в государственные школы и детские сады, а также посещают внеклассные мероприятия, мы просматриваем новости, читаем наши ленты в Twitter и Facebook и участвуем в ежедневных жарких дебатах о нынешнем понимании того, что значит быть еврейским государством.

Мы обсуждаем законопроект о национальном государстве, движение бойкота, изъятия инвестиций и санкций против Израиля, закрытие общественного строительства в Шаббат. Мы задаёмся вопросом, должны ли ультраортодоксы служить в армии, разрешено ли израильским солдатам пользоваться мобильными телефонами в Шаббат, оправдана ли оккупация, если она направлена на защиту еврейской жизни, и является ли она оккупацией вообще, или же речь идёт о конце еврейского государства. Мы обсуждаем, должны ли в новом музее естественной истории в Израиле быть экспозиции, посвящённые эволюции.

А когда мы отвлекаемся от новостей, чтобы развлечься, мы смотрим «Фауду» – сериал об израильских солдатах, работающих под видом арабов, или «Автономию» – сериал о будущем, в котором Израиль разделится на автономию харедим и сионистское государство, или «Шабабниким» – сериал о молодых евреях-харедим. Или идём смотреть фильм «Неортодоксальная» о становлении движения мизрахи-харедим ШАС.

И, о чудо из чудес, мы делаем всё это на иврите – читаем, пишем и говорим на современном варианте древнего языка нашего народа. И это не говоря уже о том, что в нашей профессиональной жизни мы оба уделяем много времени сионистским и еврейским вопросам. По правде говоря, **даже если бы мы хотели иметь «больше иудаизма» в своей жизни, как, по-видимому, подразумевают все авторы ответов, нам бы вряд ли удалось понять, когда и куда его вставить.**

В этом и заключается принципиальное различие между еврейской жизнью в Америке и в Израиле. В Америке еврейская жизнь должна активно поддерживаться, чтобы вообще существовать. Если же она не поддерживается активно, то её исходным условием становится «невежество и оторванность».

Для евреев в Израиле иудаизм вплетен в самую ткань нашей жизни, в

every second and every act. The fact that it may not resemble what Americans call Judaism doesn't make it any less so; it just makes it different. As a colleague in Israel who made Aliyah from Canada likes to say, the day that he moved to Israel, he stopped keeping kosher. In the Israeli context, it became superfluous.

Liberal American Jews need exhibit no concern whatsoever for Judaism in Israel. What they need to do is exhibit substantial concern for liberalism in Israel. Israelis don't need more Judaism, cultural, religious, historical, lingual, ritual or otherwise. What many Israelis need and want is more liberalism, and in the Israeli context more liberalism can only come with greater secularism.

And in the Israeli Zionist context greater liberalism will be secured only through greater secularism. Greater secularism doesn't mean less Judaism, but rather, pushing back on the expansionist policies of illiberal Jewish Orthodoxy. It is a matter of power – not a matter of ritual or culture.

Once American Jews accept that the Israeli Zionist operating system is fundamentally different than the American one, and that they should abandon their proselytizing project of injecting more religion, in any form, into the Israeli public space, they will finally be able to tap into the most important resource of power that exists in Israel to oppose Orthodox illiberalism: Zionist secularism.

Despite the efforts of the response writers to depict a rise in Reform and Conservative Judaism in Israel, absent an Aliyah of millions of American Jews, those are and will remain marginal phenomena. It's true that there's a growing number of Israelis who support these movements. But it is mostly because secular Israelis view Reform and Conservative Judaism as doing battle against a shared enemy: illiberal Orthodoxy and the Chief Rabbinate.

Indeed, this affection for the liberal streams of Judaism should not be mistaken for adherence. For this sympathy and affection end when the religious aspects of these movements come into play. Take, for example, a school in Tel Aviv which was always on the secular forefront, and threw out the Orthodox organization that used to teach Judaism in the school back in 2016, a full year before all the other schools in Tel Aviv did so. The school replaced the Orthodox teachers with an organization belonging to the Reform movement. But rather than solving the problem, this resulted in complaints

Каждая секунда, каждый поступок. То, что это может не походить на то, что американцы называют иудаизмом, не делает его менее таковым; это просто делает его другим. Как любит говорить мой коллега в Израиле, совершивший алию из Канады, в тот день, когда он переехал в Израиль, он перестал соблюдать кашрут. В израильском контексте это стало излишним.

Либеральным американским евреям не нужно проявлять никакого интереса к иудаизму в Израиле. Им нужно проявлять серьёзную заботу о либерализме в Израиле. Израильтянам не нужно больше иудаизма – ни культурного, ни религиозного, ни исторического, ни языкового, ни ритуального, ни какого-либо ещё. Многие израильтяне нуждаются и хотят большего либерализма, а в израильском контексте большой либерализм может прийти только с большей секуляризацией.

А в контексте израильского сионизма большего либерализма можно добиться только посредством большего секуляризма. Усиление секуляризма не означает уменьшения иудаизма, а, скорее, противодействие экспансионистской политике нелиберальной еврейской ортодоксальности. Это вопрос власти, а не ритуала или культуры.

Как только американские евреи признают, что израильская сионистская операционная система принципиально отличается от американской, и что им следует отказаться от своего прозелитического проекта по внедрению религии в любой форме в израильское публичное пространство, они, наконец, смогут воспользоваться самым важным ресурсом власти, который существует в Израиле, чтобы противостоять ортодоксальному нелиберализму: сионистским секуляризмом.

Несмотря на попытки авторов ответов изобразить рост числа реформистского и консервативного иудаизма в Израиле, без алии миллионов американских евреев эти течения остаются и будут оставаться маргинальными явлениями. Действительно, число израильтян, поддерживающих эти движения, растёт. Но это в основном потому, что светские израильтяне рассматривают реформистский и консервативный иудаизм как борьбу с общим врагом: нелиберальной ортодоксальностью и Главным раввином.

Действительно, эту привязанность к либеральным течениям иудаизма не следует путать с приверженностью. Ведь эта симпатия и привязанность заканчиваются, когда в игру вступают религиозные аспекты этих движений. Возьмём, к примеру, школу в Тель-Авиве, которая всегда была на переднем крае светской жизни и в 2016 году, на целый год раньше, чем все остальные школы Тель-Авива, исключила из состава школы ортодоксальную организацию, преподававшую иудаизм. Школа заменила ортодоксальных учителей организацией, принадлежащей к реформистскому движению. Но вместо того, чтобы решить проблему, это привело к жалобам.

by parents that the new solution was all too similar to the old one. It, too, highlighted religious, and even missionary, content. After another year, the Reform organization was shown the door.

Only Zionist secularism can muster the numbers, intensity, and local historical resonance needed for a successful political struggle for liberal values. In independent polls, secular Israelis still represent over 40% of Israeli society. The fact that this plurality has been silent is the outcome of the fact that for many decades, secular Zionism was indeed the politically hegemonic force in Israel. With the growing realization that this is no longer the case, and that secular Zionists need to actively fight again for their way of life and values, secular Zionists are speaking up and acting.

Finally, the writers of the response essays suggest that we are ignoring the vast middle of Mizrahi Jews and Israeli Jews of Russian background, as if those groups could somehow be a resource of support for the Conservative and Reform brand of Judaism. One should not make the mistake of taking the tolerance of Mizrahi Jews towards mild levels of Jewish ritual practice as any form of sympathy for Reform and Conservative Judaism. Quite the opposite: Traditional Mizrahi Jews, as a rule, are sometimes more vigorous than the strictly religious in sanctifying Orthodox Judaism and opposing pluralist movements, which they see as “left wing.” And Israeli Jews of Russian background are first and foremost Israeli. They do not identify with forms of Judaism that are not identifiably Israeli and will therefore operate within the Israeli Jewish Orthodox/secular dichotomy. They tend to be either firm atheists or worshippers of Orthodox Judaism, due to political reasons. Neither group is interested in the American import of liberal Judaism, which is as distant from them as Christianity.

In America, American Jews can be whatever kind of Jews they want. But when American Jews seek to have an impact in Israel, in a direction of greater liberal values, and especially greater acceptance and recognition of their own form of Jewish life and practice, their best political allies are secular Israelis.

Родители считали, что новое решение слишком похоже на старое. Оно также подчёркивало религиозный и даже миссионерский смысл. Ещё через год организации «Реформ» указали на дверь.

Только сионистский секуляризм способен обеспечить численность, интенсивность и местный исторический резонанс, необходимые для успешной политической борьбы за либеральные ценности. Согласно независимым опросам, светские израильтяне по-прежнему составляют более 40% израильского общества. Тот факт, что эта многочисленность сохраняется в тайне, является следствием того, что на протяжении многих десятилетий светский сионизм действительно был политической гегемонией в Израиле. По мере растущего осознания того, что это уже не так и что светским сионистам необходимо снова активно бороться за свой образ жизни и ценности, светские сионисты начинают открыто говорить и действовать.

Наконец, авторы ответных эссе предполагают, что мы игнорируем обширную середину евреев-мизрахи и израильских евреев русского происхождения, как будто эти группы могут каким-то образом служить источником поддержки консервативного и реформистского иудаизма. Не следует ошибочно принимать терпимость евреев-мизрахи к умеренному проявлению еврейской ритуальной практики за какую-либо форму симпатии к реформистскому и консервативному иудаизму. Наоборот: традиционные евреи-мизрахи, как правило, порой более энергично, чем строго религиозные люди, освящены ортодоксальным иудаизмом и противостоят плюралистическим движениям, которые они считают «левыми». А израильские евреи русского происхождения – это прежде всего израильтяне. Они не идентифицируют себя с формами иудаизма, которые не являются однозначно израильскими, и поэтому действуют в рамках дихотомии израильских евреев – ортодоксальных/светских. По политическим причинам они, как правило, либо убеждённые атеисты, либо приверженцы ортодоксального иудаизма. Ни одна из групп не заинтересована в американском импорте либерального иудаизма, который так же далек от них, как и христианство.

В Америке американские евреи могут быть кем угодно. Но когда американские евреи стремятся повлиять на Израиль, продвигая более либеральные ценности и, в особенности, более широкое принятие и признание их собственного образа еврейской жизни и практики, их лучшими политическими союзниками становятся светские израильтяне.

HERE IS WHY SO MANY ARE OUTRAGED BY ISRAEL'S NATION-STATE LAW

Essay co-authored with Shany Mor for Mosaic Magazine, October 2018

Why all the outrage over Israel's nation-state law?," [ask](#), innocently, Moshe Koppel and Eugene Kontorovich in *Mosaic*. The answer is: context. Just as Koppel and Kontorovich don't trust Israel's "activist and politically-biased [Supreme] Court" to interpret properly any law that would enshrine the broad concept of "equality"—thereby admitting that context matters immensely to them, too—we don't trust this Israeli government and this law's political promoters to interpret Zionism properly.

Only one article in the nation-state law truly matters and entails clear political consequences. It is article 1(c): "The exercise of the right to national self-determination in the state of Israel is *unique*[our emphasis] to the Jewish people." All other articles flow from this one.

In one context, this statement embodies the essence of Zionism and the state of Israel. As a proposal for enshrining the Jewishness of the state *in part of* the historic Land of Israel, with an overwhelming Jewish majority and an unimpeachably democratic regime, the text of the Basic Law: Nation-State is generally acceptable and reflects the broad consensus of Israel's Jewish Zionist majority. Indeed, nothing about Jewish self-determination is especially unique or uniquely bad. In another context, however—the one envisioned by the law's recent promoters—the law becomes a proposal for entrenching, against any possible democratic challenge, Jewish supremacy in a regime covering the entire Land of Israel with a bare 50-percent Jewish majority, if that. In this context, the law is entirely unacceptable.

The text may be the same text, but the context is radically different, and so would be its application. In effect, the declarative import of the law will have moved from affirming one people's liberation to endeavoring to preserve another's subjugation. Hence the outrage.

ВОТ ПОЧЕМУ ТАК МНОГИЕ ВОЗМУЩЕНЫ ЗАКОНОМ ИЗРАИЛЯ О НАЦИОНАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ

Эссе, написанное в соавторстве с Шани Мор для журнала Mosaic Magazine, октябрь 2018 г.

Почему столько возмущения по поводу закона о национальном государстве Израиль? [просить](#), невинно, Моше Коппель и Юджин Конторович в *Мозаика*. Ответ: контекст. Так же, как Коппель и Конторович не доверяют «активистскому и политически ангажированному [Верховному] суду» Израиля в правильном толковании любого закона, закрепляющего широкое понятие «равенства», тем самым признавая, что контекст для них тоже имеет огромное значение, мы не доверяем израильскому правительству и политическим сторонникам этого закона в правильном толковании сионизма.

Только одна статья в законе о национальном государстве действительно имеет значение и влечёт за собой очевидные политические последствия. Это статья 1(с): «Осуществление права на национальное самоопределение в Государстве Израиль является *уникальный* [наш акцент] на еврейском народе». Все остальные статьи вытекают из этой.

В одном контексте это утверждение воплощает суть сионизма и государства Израиль. Как предложение о закреплении еврейской самобытности государства *в части В* исторической Земли Израиля, с подавляющим еврейским большинством и безупречно демократическим режимом, текст Основного закона о национальном государстве в целом приемлем и отражает широкий консенсус еврейского сионистского большинства Израиля. Действительно, в еврейском самоопределении нет ничего уникального или однозначно плохого. Однако в другом контексте — том, который представляют себе недавние сторонники закона — закон превращается в предложение о закреплении, вопреки любому возможному демократическому вызову, еврейского господства в режиме, охватывающем всю Землю Израиля с едва ли 50-процентным еврейским большинством, если не меньше. В этом контексте закон совершенно неприемлем. Текст может быть тем же самым, но контекст радикально отличается, как и его применение. По сути, декларативный смысл закона сместился с утверждения освобождения одного народа на стремление сохранить подчинение другого. Отсюда и возмущение.

Between the Jordan River and the Mediterranean Sea live millions of people who belong, broadly, to two collectives. Whatever either one thinks about the other, and however “invented” either one deems the other’s nature, they rather violently agree that one is not the other. We ourselves believe, and it is the general global spirit of the last century, that these millions of people have the universal right to be sovereign masters of their fate. They can do so in one polity or more.

We, proud members of the Jewish collective, who believe that the purpose of Zionism was not to create a concentrated Jewish minority in a majority-Arab Muslim state, prefer that the Jewish people be sovereign in a state of their own, and that the Arab Palestinians exercise sovereignty in a state of their own as well. As the numbers stand, this means partition: dividing the land between the two collectives so that each enjoys a solid and overwhelming majority in a state of its own. This is the only path that enables *all* the millions of people living between the River and the Sea to exercise sovereignty.

In this context, the context of partition, article 1(c) is perfectly fine. It is even necessary. It makes it clear that the very purpose of the painful act of partition is indeed to secure, for generations to come, the one state in the world where “the right to self-determination is unique to the Jewish people” while also adhering to the founding vision of a state based, in the words of its Declaration of Independence, “on freedom, justice, and peace as envisaged by the prophets of Israel.”

But if in the state of Israel the Jewish collective is uniquely entitled to exercise its right to self-determination, as is proper, it follows that the only way the Arab Palestinians, the members of the other collective, can exercise their own universal right to be sovereign in some polity is to have self-determination in a state of their own.

This is why one of us, Einat Wilf, while a member of the Knesset, and in the wake of Prime Minister Benjamin Netanyahu’s 2009 speech at Bar Ilan University in support of the two-state solution, signed and defended the then-proposed bill in its early round; indeed, as much as Netanyahu now denies it, his government was at that time actively negotiating partition. And this is also why Wilf [continues to defend](#) the same text in the now-passed law—on the condition, however, that Israel simultaneously and publicly delineate its

Между рекой Иордан и Средиземным морем живут миллионы людей, принадлежащих, в общем и целом, к двум сообществам. Что бы ни думали они друг о друге, и какой бы «изобретённой» ни считали природу друг друга, они довольно яростно соглашались, что одно – не другое. Мы сами верим, и это общий мировой дух прошлого века, что эти миллионы людей имеют всеобщее право быть суверенными хозяевами своей судьбы. Они могут делать это в рамках одного или нескольких политических систем.

Мы, гордые члены еврейского сообщества, считаем, что целью сионизма не было создание концентрированного еврейского меньшинства в государстве с преобладанием арабского мусульманского населения, и предпочитаем, чтобы еврейский народ обладал суверенитетом в собственном государстве, а арабы-палестинцы также осуществляли суверенитет в собственном государстве. Судя по имеющимся данным, это означает раздел: Раздел земли между двумя коллективами таким образом, чтобы каждый из них обладал солидным и подавляющим большинством в своем штате. Это единственный путь, который позволяет все миллионы людей, живущих между Рекой и Морем, осуществлять суверенитет.

В этом контексте, в контексте раздела, статья 1(с) совершенно уместна. Она даже необходима. Она ясно показывает, что сама цель болезненного акта раздела — обеспечить для будущих поколений единственное государство в мире, где «право на самоопределение принадлежит исключительно еврейскому народу», при этом придерживаясь основополагающего видения государства, основанного, как сказано в Декларации независимости, «на свободе, справедливости и мире, как предвидели пророки Израиля».

Но если в государстве Израиль еврейский коллектив имеет уникальное право реализовать свое право на самоопределение, как и положено, то из этого следует, что единственный способ, которым арабы-палестинцы, члены другого коллектива, могут реализовать свое всеобщее право на суверенитет в каком-либо государственном устройстве, — это иметь самоопределение в своем собственном государстве.

Именно поэтому одна из нас, Эйнат Вильф, будучи депутатом Кнессета, после выступления премьер-министра Биньямина Нетаньяху в Университете Бар-Илан в 2009 году в поддержку решения о создании двух государств, подписала и защищала тогдашний законопроект на раннем этапе его рассмотрения. Действительно, как бы Нетаньяху сейчас это ни отрицал, его правительство в то время активно вело переговоры о разделе. И именно поэтому Вильф [продолжает защищать](#) тот же текст в ныне принятом законе — при условии, однако, что Израиль одновременно и публично определит свои границы

final eastern border along a mildly altered 1967 line—and why Shany Mor has likewise [defended](#) the text against its more hysterical critics. But this is emphatically not the vision of the law’s promoters. They—most notably, Justice Minister Ayelet Shaked, Tourism Minister Yariv Levin, and Environment Minister Zeev Elkin—are vocal opponents of Arab-Palestinian self-determination. They are on record, frequently and repeatedly, rejecting any division of sovereignty in the land between the River and the Sea. Worse, they are known promoters of plans to annex the entire West Bank while permanently denying any path by which the Arab Palestinians living there could ever gain sovereignty and become masters of their fate. (Yes, the rejectionists’ plans do speak of annexing “only” 60 percent of the West Bank, known in the Oslo Agreements as Area C. But that is a fraud. There is no such thing as a single “Area C.” Instead, there are numerous small areas bearing the designation “C”; in practice, annexing them would mean annexing the entire West Bank while excluding the Arab Palestinians living in dozens of enclaves there from participation in the rights of the annexing power. Calling this “autonomy on steroids,” as some have done, is no help; unlike the situation in autonomous regions elsewhere, the inhabitants would still be denied participation in the sovereign polity that determines their fate.)

In this context, it becomes clear why annexationists like Shaked, Levin, and Elkin cannot abide a guarantee of “equality” in any basic law: given the numbers, equal citizenship for all Arab Palestinians living between the River and the Sea would spell the end of sovereignty for the Jewish people. For our part, we, too, like most Israeli Jews, fear equality under conditions of annexation—again, however, not because we distrust Israel’s “activist and politically-biased [Supreme] Court” but because it would spell the literal end of Zionism.

The reason that Israeli Jewish annexationists must oppose equality is that their plan can be carried out only through the denial of Arab Palestinian rights, either to self-determination in a state of their own or as equal citizens in the state of Israel. From this perspective, the constitutional victory heralded by the law’s promoters has little to do with the Supreme Court itself; after all, none other than Ayelet Shaked recently told the *Atlantic* that Israel’s “conservative camp can no longer whine about being underrepresented” in the courts. Instead, it has almost everything to do with the West Bank settler movement, which has gradually redefined Zionism from a movement for the

окончательная восточная граница вдоль слегка измененной линии 1967 года — и почему Шани Мор также защищал текст против его наиболее истеричных критиков. Но это категорически не соответствует видению сторонников закона. Они, в частности, министр юстиции Айелет Шакед, министр туризма Ярив Левин и министр окружающей среды Зеэв Элькин, являются яркими противниками арабо-палестинского самоопределения. Они открыто, неоднократно и открыто отвергают любое разделение суверенитета на территории между Рекой и Морем. Хуже того, они известны тем, что поддерживают планы аннексии всего Западного берега, навсегда отрицая любой путь, по которому проживающие там арабы-палестинцы могли бы когда-либо обрести суверенитет и стать хозяевами своей судьбы. (Да, в планах отвергающих действительно говорится об аннексии «только» 60 процентов Западного берега, известного в соглашениях Осло как Зона С. Но это обман. Единой «Зоны С» не существует. Вместо этого есть множество небольших территорий, имеющих обозначение «С»; на практике их аннексия означала бы аннексию всего Западного берега и одновременное исключение арабов-палестинцев, проживающих в десятках анклавов, из участия в правах аннексирующей державы. Называть это «автономией на стероидах», как это делают некоторые, бесполезно; в отличие от ситуации в автономных регионах в других местах, жителям по-прежнему будет отказано в участии в суверенном государственном устройстве, которое определяет их судьбу.)

В этом контексте становится ясно, почему сторонники аннексии, такие как Шакед, Левин и Элькин, не могут согласиться с гарантией «равенства» в каком-либо основополагающем законе: учитывая численность населения, равное гражданство для всех арабов-палестинцев, проживающих между Рекой и Морем, означало бы конец суверенитета еврейского народа. Мы, со своей стороны, как и большинство израильских евреев, боимся равенства в условиях аннексии — опять же, не потому, что не доверяем «активистскому и политически ангажированному [Верховному] суду» Израиля, а потому, что это означало бы буквально конец сионизма.

Причина, по которой израильские еврейские аннексионисты должны выступать против равенства, заключается в том, что их план может быть реализован только через отрицание прав палестинских арабов – как на самоопределение в собственном государстве, так и на право быть равноправными гражданами в государстве Израиль. С этой точки зрения, конституционная победа, о которой возвещают сторонники закона, имеет мало общего с самим Верховным судом; в конце концов, не кто иной, как Айелет Шакед, недавно заявила...*Атлантический* что израильский «консервативный лагерь» больше не может жаловаться на недостаточное представительство в судах. Вместо этого, это почти полностью связано с движением поселенцев на Западном берегу, которое постепенно переосмыслило сионизм, превратив его из движения за

self-determination of the Jewish people in its historic homeland to an affirmation of a theocratically based regime lording it over a non-Jewish majority. There is a name for this, and the name is supremacism: specifically, Jewish supremacism.

Koppel and Kontorovich might seek to allay our fears and mitigate our resistance by saying, as they have done in conversation, that the issue of annexation is a separate matter and we should fight for partition regardless of the nation-state law. ***But we have no intention of legitimizing the explosive legal foundation that the law provides for promoting the annexationist position.*** The supremacists' Zionism is not ours, and the Israel they are busy preparing is so distant from the ideals of Israel's founders that we vow to fight it every step of the way. Hence the outrage.

самоопределения еврейского народа на его исторической родине, к утверждению теократического режима, господствующего над нееврейским большинством. У этого есть название, и это название — супрематизм, а именно, еврейский супрематизм.

Коппель и Конторович, возможно, попытаются успокоить наши страхи и смягчить наше сопротивление, заявив, как они это сделали в разговоре, что вопрос аннексии — это отдельный вопрос, и мы должны бороться за раздел независимо от законов о национальном государстве. ***Но мы не собираемся легитимировать взрывоопасную правовую основу, которую закон предоставляет для продвижения аннексионистской позиции.*** Сионизм супремасистов — не наш, и тот Израиль, который они так усердно готовят, настолько далёк от идеалов отцов-основателей Израиля, что мы клянёмся бороться с ним на каждом шагу. Отсюда и возмущение.

THE FIGHTING BETWEEN ARABS AND JEWS REMINDS US WE ARE STILL A MINORITY IN THE REGION

Op-Ed for Newsweek, May 2021

Israel and Hamas have agreed to a cease-fire. As of Friday morning, Israelis can now emerge from safe rooms and communal shelters across the country. But while this round of fighting was short by some standards, lasting just 11 days, its impact could last much longer. For the barrage of attacks from Gaza was accompanied by intense Arab violence *within* Israel, for the first time in decades.

Throughout this latest round of fighting, Arab Israelis [pillaged and vandalized](#) Jewish property in what are known as "mixed" Arab and Jewish towns such as Akko, Haifa, Lod, and Ramle. In some cases, they engaged in brutal and deadly lynching. While there were also attacks by Jewish Israeli mobs, the overwhelming number of attacks were carried out by Arab youths.

Far more than the attacks from Gaza, ***these attacks within Israel's borders touched the deepest historical fears of Israel's Jews and enforced our sense of being under siege. And they reminded us of something that few outside of Israel seem to understand: Despite representing the majority of the citizens living within the sovereign territory of Israel Jews, many Jewish Israelis view themselves as a minority amidst an Arab majority.***

These mental frames are the result of both history and geography. Historically, Jews have been shaped as a people by the experience of being a minority—a persecuted one—while Arabs have been shaped by the experience of being a dominant majority across the Middle East.

It's hard to overestimate the depth of the impact this has had. Much of what is considered typical of Jewish life, from holiday rituals to culture to humor, has been shaped by the persistent historical experience of being a minority in danger. Jews are deeply cognizant of their numerical vulnerability, which is no theoretical matter. Precisely because Jews are so few, they have

БОРЬБА МЕЖДУ АРАБАМИ И ЕВРЕЯМИ НАПОМИНАЕТ НАМ, ЧТО МЫ ВСЕ ЕЩЕ ЯВЛЯЕМСЯ МЕНЬШИНСТВОМ В РЕГИОНЕ

Редакционная статья для Newsweek, май 2021 г.

Израиль и ХАМАС договорились о прекращении огня. С утра пятницы израильтяне могут покинуть безопасные комнаты и места временного размещения по всей стране. Однако, хотя этот раунд боевых действий был коротким по некоторым меркам, всего 11 дней, его последствия могут ощущаться гораздо дольше. Шквал атак из Газы сопровождался интенсивным арабским насилием. *в пределах* Израиль, впервые за десятилетия.

В ходе этого последнего раунда боевых действий израильские арабы [разграблен и изуродован](#) Еврейская собственность в так называемых «смешанных» арабо-еврейских городах, таких как Акко, Хайфа, Лод и Рамле. В некоторых случаях они устраивали жестокие и смертоносные линчевания. Хотя нападения совершались и толпами израильских евреев, подавляющее большинство нападений совершали молодые арабы.

Гораздо больше, чем нападения из Газы, ***Эти нападения на территории Израиля затронули самые глубокие исторические страхи израильских евреев и усилили наше ощущение осады. И они напомнили нам о том, что, похоже, мало кто за пределами Израиля понимает: несмотря на то, что евреи представляют большинство граждан, проживающих на суверенной территории Израиля, многие израильтяне-евреи считают себя меньшинством среди арабского большинства.***

Эти ментальные установки – результат как истории, так и географии. Исторически евреи формировались как народ под влиянием опыта меньшинства, подвергавшегося преследованиям, в то время как арабы формировались под влиянием опыта доминирующего большинства на Ближнем Востоке.

Трудно переоценить глубину этого влияния. Многое из того, что считается типичным для еврейской жизни, от праздничных ритуалов до культуры и юмора, сформировалось под влиянием постоянного исторического опыта пребывания в меньшинстве, находящемся в опасности. Евреи глубоко осознают свою численную уязвимость, и это не теоретический вопрос. Именно потому, что евреев так мало, они...

historically existed at the mercy of the majority peoples among whom they've resided. When that numerical majority was kind to the Jews, Jews prospered, and when the numerical majority no longer has an interest in having Jews in its midst, expulsions, pogroms and genocide followed.

The Nazi Final Solution to the Jewish Question put this numerical vulnerability of the Jewish people in its most stark—and literal—form: When Nazi leaders gathered in the serene Villa Wannsee to develop the Final Solution, they methodically listed the number of Jews living in each of the territories controlled by the Nazis across Europe and in the recently invaded Soviet Union. Even territories that were still unconquered by Nazis like England were listed. 48,000 Jews in Bulgaria were listed with the 1,300 Jews of Norway and the 2,994,684 Jews of The Ukraine. And in a neat column, the numbers of all the Jews were added up to yield 11,000,000. It was a number that clearly appeared doable to the Nazis. They were able to conceive of a Final Solution to the Jewish Question in the form of industrial mass extermination precisely because to them, the total number of Jews was such that the operation could be carried out. And indeed, within three short years, the Nazis had efficiently completed more than half their goal.

This sense of historical vulnerability is enhanced by geography. While Jews are the numerical majority within the State of Israel, zooming out into the region reveals they are a tiny minority in a predominantly Arab and Islamic region, in which generally unarmed minorities are doomed to expulsion or massacres.

Again, this has not been a theoretical concept for Jews. Despite taking no part in war, Jews were completely expelled from across the Arab and Islamic Middle East and North Africa when the Arab failure to strangle a nascent Israel in 1948 created the risk that Jews might become uppity and no longer "know their place" as the Dhimmi subservient peoples as they were for centuries under Islam. Within a decade, Jewish communities, which predated the conquests of Islam, were gone.

And this experience is something Arabs just do not have, at least not in the Middle East. Ever since the Arab conquests turned the region and North Africa into Muslim and Arab, Arabs and Muslims have been the dominant and even exclusive majority across the region. And while there have been conflicts between the Sunni and Shiite sects, these are a far cry from a tiny

Исторически они существовали во власти большинства народов, среди которых проживали. Когда это численное большинство было благосклонно к евреям, евреи процветали, а когда численное большинство перестало быть заинтересованным в присутствии евреев в своей среде, последовали изгнания, погромы и геноцид.

Нацистское «Окончательное решение еврейского вопроса» выразило эту численную уязвимость еврейского народа в самой вопиющей — и буквальной — форме: когда нацистские лидеры собрались на безмятежной вилле Ванзее, чтобы разработать «Окончательное решение», они методично перечислили число евреев, проживавших на каждой из территорий, контролируемых нацистами по всей Европе, и в недавно захваченном Советском Союзе. Были перечислены даже территории, ещё не захваченные нацистами, такие как Англия. 48 000 евреев Болгарии были перечислены вместе с 1300 евреями Норвегии и 2 994 684 евреями Украины. И в аккуратном столбце число всех евреев было сложено, и в результате получилось 11 000 000. Это число, которое явно казалось нацистам достижимым. Они смогли представить себе «Окончательное решение еврейского вопроса» в форме массового массового истребления именно потому, что, по их мнению, общая численность евреев была такова, что эта операция была осуществима. И действительно, за три коротких года нацисты успешно выполнили более половины своей цели.

Это чувство исторической уязвимости усиливается географией. Хотя евреи составляют численное большинство в Государстве Израиль, при более детальном рассмотрении региона становится ясно, что они представляют собой крошечное меньшинство в преимущественно арабском и исламском регионе, где, как правило, безоружные меньшинства обречены на изгнание или резню.

Опять же, для евреев это не было теоретической концепцией. Несмотря на то, что евреи не участвовали в войне, они были полностью изгнаны со всего арабского и исламского Ближнего Востока и Северной Африки, когда неспособность арабов задушить зарождающийся Израиль в 1948 году создала риск того, что евреи могут возгордиться и перестать «знать своё место» в качестве покорного народа зимми, каким они были на протяжении веков под властью ислама. В течение десятилетия еврейские общины, существовавшие до исламских завоеваний, исчезли.

И такого опыта у арабов просто нет, по крайней мере, на Ближнем Востоке. С тех пор, как арабские завоевания превратили регион и Северную Африку в мусульманское и арабское, арабы и мусульмане стали доминирующим и даже исключительным большинством в регионе. И хотя между суннитами и шиитами случались конфликты, они были далеко не крошечными.

minority living amongst another alien religion.

This makes Israel unique, in that it's a country where Arabs live as a minority. It thus represents the "natural" order of things upended, and so it does not matter that Arabs are full citizens of Israel in a country that meets the [European Union](#) standards for the equal treatment of national minorities (language, education, holidays); the natural order must be restored. But Israel is unique in another way: It remains one of the few countries in the world that is home to a national minority that belongs to a regional majority at war with the country in which they live.

Just consider how Western countries treated their citizens of Japanese and German descent during WWII, or how they treated Communists during the Cold War, to get a sense of what it means for Israel's Jews to live with a substantial Arab minority over decades of never-ending war and conflict with the Arab world.

Understanding this minority-majority inversion is critical to grasping the paradox that stumps many observers of Israel, even the sympathetic ones, of what appears like a massive gap between Israel's military and economic power and the overwhelming sense of vulnerability that pervades Israeli Jewish thinking. Zooming out resolves this tension: It is our numerical vulnerability in the region that we feel so deeply, that demands we build our military and economic might to prevent the overwhelming majority in the region from successfully acting on its numerical dominance, as it has on multiple occasions.

In recent months, The Trump-brokered Abraham Accords, the quiet on all fronts and the prospect of Arab-Jewish political cooperation created a palpable sense that Israel's Jews might finally be emerging from decades of siege and could finally live in the region while maintaining sovereignty, rather than as a minority at the mercy of others. But the events of the past few weeks have pierced that sense that Israeli Jews could leave behind their existence as a besieged minority in a hostile region. Israeli Jews were forced to confront the reality that it is still possible to unite large parts of the Arab and Islamic world (and their allies) against the fundamental grievance of Jewish power and self-determination, of which all other stated grievances are but symptoms.

Perhaps with time and with exhaustion, Arab acceptance of Jewish self-determination in the region will finally enable Jews in Israel to exhibit the confidence and openness of a comfortable majority in their own state and free Arabs to become a truly integrated minority in a Jewish state. Until that time, we may ponder the particular majority-minority aspects of Jewish-Arab relations in Israel and the region and marvel that the situation is not far far worse.

меньшинство, живущее среди другой чуждой религии.

Это делает Израиль уникальным, поскольку это страна, где арабы живут как меньшинство. Таким образом, это представляет собой перевернутый с ног на голову «естественный» порядок вещей, и поэтому не имеет значения, что арабы являются полноправными гражданами Израиля в стране, которая соответствует [Евросоюз](#) Стандарты равного обращения с национальными меньшинствами (язык, образование, праздники); естественный порядок должен быть восстановлен. Но Израиль уникален и в другом: он остаётся одной из немногих стран мира, где проживает национальное меньшинство, принадлежащее к региональному большинству, находящемуся в состоянии войны со страной своего проживания.

Достаточно вспомнить, как западные страны относились к своим гражданам японского и немецкого происхождения во время Второй мировой войны, или как они относились к коммунистам во время Холодной войны, чтобы понять, что означает для израильских евреев жить рядом с существенным арабским меньшинством на протяжении десятилетий непрекращающейся войны и конфликта с арабским миром.

Понимание этой инверсии меньшинства и большинства имеет решающее значение для понимания парадокса, который ставит в тупик многих наблюдателей за Израилем, даже сочувствующих ему, заключающегося в том, что существует огромный разрыв между военной и экономической мощью Израиля и подавляющим чувством уязвимости, которое пронизывает мышление израильских евреев. Уменьшение масштаба снимает эту напряженность: именно наша численная уязвимость в регионе, которую мы так глубоко ощущаем, требует от нас наращивания нашей военной и экономической мощи, чтобы не дать подавляющему большинству в регионе успешно действовать, используя своё численное превосходство, как это уже случалось неоднократно.

В последние месяцы Авраамовы соглашения, достигнутые при посредничестве Трампа, затишье на всех фронтах и перспектива арабо-еврейского политического сотрудничества создали ощутимое ощущение того, что израильские евреи, наконец, могут выйти из десятилетий осады и жить в регионе, сохраняя суверенитет, а не как меньшинство, находящееся во власти других. Однако события последних нескольких недель подорвали это ощущение того, что израильские евреи могут оставить позади своё существование в качестве осаждённого меньшинства во враждебном регионе. Израильские евреи были вынуждены признать реальность того, что всё ещё возможно объединить значительную часть арабского и исламского мира (и их союзников) в борьбе с фундаментальным недовольством еврейской властью и самоопределением, симптомы которого – все остальные заявленные недовольства.

Возможно, со временем, когда арабы исчерпают свои ресурсы, принятие арабами права евреев на самоопределение в регионе наконец позволит евреям в Израиле продемонстрировать уверенность и открытость, присущие комфортному большинству в их собственном государстве, и позволит арабам стать по-настоящему интегрированным меньшинством в еврейском государстве. До тех пор мы можем размышлять об особых аспектах отношений между большинством и меньшинством в еврейско-арабских отношениях в Израиле и регионе и удивляться тому, что ситуация не намного хуже.

ISRAELI-ARAB MK MANSOUR ABBAS IS WHAT ZIONISM INTENDED

Essay for The State of Tel Aviv with research by Samuel Hyde, June 2022

In June 2021 for the first time ever, an Arab political party, Ra'am, joined a governing coalition in Israel. Equally extraordinary is the fact that Ra'am, led by Mansour Abbas, is a conservative, Islamic party aligned with the Muslim Brotherhood. Supporters of the coalition, mainly from the Center and Left, praised what they saw as the fuller realization of a liberal Jewish state. Yesh Atid leader and newly minted Foreign Minister Yair Lapid spoke of a "change to the history books." "The Arab public," affirmed Labor party leader Merav Michaeli, "is part of Israeli society." And Naftali Bennett, the new prime minister and head of the right-wing Yamina party, called Abbas a "unifier."

In stark contrast, the right-wing opposition issued warnings of impending doom for the Jewish state. They assailed Abbas as a sly politician working to destroy the Jewish state from within. Benjamin Netanyahu (who had also courted Abbas when trying to cobble together a government) declared that the new coalition "will be celebrated in Tehran, Ramallah, and in Gaza, just as they celebrate every terror attack. But," he warned, "this will be a national historic terror attack on the State of Israel from within."

According to Netanyahu and his supporters, Ra'am and Abbas had not "accepted" the Jewish state, but merely changed tactics. Having failed to defeat Israel through decades of wars, terrorism, violence and global propaganda campaigns, Netanyahu asserted, Ra'am was spearheading an effort on behalf of Arabs and Muslims to subvert the Jewish state.

So – which is it? Real change as heralded by the Left? Or a sinister masquerade as characterized by the Right? This question, clearly, is acutely important.

ИЗРАИЛЬСКО-АРАБСКИЙ ДЕПУТАТ КНЕССА МАНСУР АББАС — ЭТО ТО, ЧТО ЗАДУМЫВАЛ СИОНИЗМ

Эссе для журнала «Состояние Тель-Авива» с исследованием Сэмюэля Хайда, июнь 2022 г.

В июне 2021 года впервые в истории арабская политическая партия «Раам» вошла в правящую коалицию Израиля. Не менее необычайным является и тот факт, что «Раам», возглавляемая Мансуром Аббасом, является консервативной исламской партией, связанной с «Братьями-мусульманами». Сторонники коалиции, в основном из центристского и левого фланга, приветствовали то, что они считали более полной реализацией либерального еврейского государства. Лидер партии «Еш Атид» и новоиспеченный министр иностранных дел Яир Лапид говорил о «переменах в исторических книгах». «Арабская общественность, — подтвердила лидер партии «Авода» Мерав Михаэли, — является частью израильского общества». А Нафтали Беннетт, новый премьер-министр и глава правой партии «Ямина», назвал Аббаса «объединителем».

В противоположность этому, правая оппозиция выступила с предупреждениями о надвигающейся гибели еврейского государства. Они критиковали Аббаса, называя его хитрым политиком, стремящимся разрушить еврейское государство изнутри. Биньямин Нетаньяху (который также обхаживал Аббаса, пытаясь сформировать правительство) заявил, что создание новой коалиции «будут праздновать в Тегеране, Рамалле и Газе так же, как они празднуют каждый теракт. Но, — предупредил он, — это будет национальная историческая террористическая атака на Государство Израиль изнутри».

По словам Нетаньяху и его сторонников, Раам и Аббас не «признали» еврейское государство, а лишь сменили тактику. Не сумев победить Израиль десятилетиями войн, терроризма, насилия и глобальных пропагандистских кампаний, заявил Нетаньяху, Раам возглавил усилия арабов и мусульман по подрыву еврейского государства.

Так что же это? Реальные перемены, как их провозглашают левые? Или зловещий маскарад, как его характеризуют правые? Этот вопрос, безусловно, крайне важен.

Abbas represents a radical break with decades of Israeli-Arab refusal to join an Israeli government coalition. Yet, his party is also loyal to the Muslim Brotherhood, which is the parent movement of Hamas and other sworn enemies of Israel.

Either way, the stakes could hardly be higher. The dilemma puts in sharp relief the two dichotomous possibilities: that Abbas's politics represent the realization of the vision of pre-state Zionist thinkers or that the survival of the Jewish state is gravely threatened.

I. MANSOUR ABBAS: “ISRAEL IS A JEWISH STATE”

Unlike his predecessors, Mansour Abbas skillfully and genuinely dealt with challenges that made it otherwise impossible for Arab politicians to participate in governing coalitions. He openly acknowledged and accepted Israel as a Jewish state.

Faced with a wave of terror attacks this past spring, some of which were carried out by Arab citizens of Israel, Abbas' repeated condemnations of these attacks contrasted starkly with signs carried by protesters at a Likud rally reading: “Abbas is a terrorist and supports terrorism against the Jewish state.”

In the immediate aftermath of a terror attack on civilians in Hadera, Abbas said it was “a despicable display of ISIS terrorism that does not represent Arab society within Israel.” Israeli-Arabs, he said, “seek a dignified life within the rule of law and a value system that sanctifies human life. Arab and Jewish co-existence, and the values of peace and tolerance.”

As tensions and violence between Israeli soldiers and Palestinians escalated on the highly sensitive location of the Temple Mount and Al-Aqsa Mosque, Abbas very soberly addressed the situation, saying that while “the scenes at Al-Aqsa were very difficult, it doesn't matter how it started or how it ended.” He added that he “put out a call for calm and to give [the mosque] its respect, to allow people to pray in peace.” Again, he wasted no time in making his statement.

Аббас олицетворяет собой радикальный разрыв с десятилетиями израильско-арабского нежелания вступать в правительственную коалицию. Однако его партия также лояльна «Братьям-мусульманам», движению, породившему ХАМАС и других заклятых врагов Израиля.

В любом случае, ставки вряд ли могли быть выше. Дилемма остро ставит две дихотомические возможности: политика Аббаса представляет собой реализацию идей сионистских мыслителей до создания государства или существование еврейского государства находится под серьёзной угрозой.

И. МАНСУР АББАС: «ИЗРАИЛЬ — ЭТО ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО»

В отличие от своих предшественников, Мансур Аббас умело и искренне справлялся с вызовами, которые в противном случае делали участие арабских политиков в правящих коалициях невозможным. Он открыто признал и принял Израиль как еврейское государство.

Столкнувшись с волной терактов прошлой весной, некоторые из которых были совершены арабскими гражданами Израиля, неоднократное осуждение этих атак Аббасом резко контрастировало с плакатами, которые несли протестующие на митинге «Ликуда»: «Аббас — террорист и поддерживает терроризм против еврейского государства».

Сразу после теракта против мирных жителей в Хадере Аббас заявил, что это «отвратительное проявление терроризма ИГИЛ, которое не отражает сути арабского общества в Израиле». Израильские арабы, по его словам, «стремятся к достойной жизни в условиях верховенства закона и к системе ценностей, которая освящает человеческую жизнь. К сосуществованию арабов и евреев, к ценностям мира и терпимости».

В связи с обострением напряжённости и насилия между израильскими солдатами и палестинцами в крайне уязвимом месте — Храмовой горе и мечети Аль-Акса — Аббас весьма трезво оценил ситуацию, заявив, что, хотя «событие в Аль-Аксе было очень тяжёлым, неважно, как оно началось и чем закончилось». Он добавил, что «призвал к спокойствию и уважению к [мечети], чтобы люди могли спокойно молиться». И снова он не стал терять времени, сделав своё заявление.

Abbas was bold enough to raise the *ante* yet again when he stated clearly in December 2021 that: "Israel was born as a Jewish state. It was born that way and that's how it will remain... the question is how we integrate Arab society into it." Such unqualified acceptance of Israel by an Arab political leader is unprecedented.

Nor was this statement a “one-off.” Again and again, Abbas made it clear that his goal was to deliver tangible results for his voters. “I want to maintain the hope for Arab society,” he said, “[that] we'll achieve our goals of full social equality and a society that is prosperous and a partner in decision making.” Indeed, during the one year of this government’s existence, substantial funds were allocated to many issues of particular concern to Israel’s Arab citizens, including infrastructure, education, and a significant reduction in violent crime.

II. ZE’EV JABOTINSKY PREDICTED MANSOUR ABBAS AND THE IRON WALL

The Zionist leader who most directly considered the issue as to whether Jews and Arabs could be true partners in a liberal democracy was Ze’ev Jabotinsky in his 1923 essay, “The Iron Wall.”

Jabotinsky was one of the foremost thinkers and leaders of early Zionism. He is perhaps best known for having founded the right-wing Revisionist movement which considered the exercise of Jewish power – militarily and politically – to be imperative if a nation was to be built. Jabotinsky was revered both by his political opponents, such as Israel's first prime minister, David Ben-Gurion, and by fiercely loyal followers, including his protégé and future prime minister, Menachem Begin.

Contrary to the caricature of early Zionist thought by its detractors, their vision for a Jewish state was never one of Jewish exclusivity. Whether it was Theodor Herzl, Jabotinsky, or the leaders of Labor Zionism, they all understood that ever since the Arab and Islamic conquests of the land in the

Аббас был достаточно смел, чтобы поднять этот вопрос. *анте* В очередной раз он ясно заявил в декабре 2021 года: «Израиль родился как еврейское государство. Он родился таким и таким останется... вопрос в том, как мы интегрируем в него арабское общество». Такое безоговорочное признание Израиля арабским политическим лидером беспрецедентно.

И это заявление не было «разовым». Аббас снова и снова давал понять, что его цель — добиться ощутимых результатов для своих избирателей. «Я хочу сохранить надежду для арабского общества, — сказал он, — что мы достигнем наших целей — полного социального равенства и процветающего общества, где все будут принимать решения на равных». Действительно, за год существования этого правительства были выделены значительные средства на решение многих вопросов, представляющих особый интерес для арабских граждан Израиля, включая инфраструктуру, образование и значительное снижение уровня насильственных преступлений.

II. ЗЕЕВ ЖАБОТИНСКИЙ ПРЕДСКАЗАННЫЙ МАНСУР АББАС И ЖЕЛЕЗНАЯ СТЕНА

Лидером сионистов, который наиболее непосредственно рассматривал вопрос о том, могут ли евреи и арабы быть истинными партнерами в либеральной демократии, был Зеэв Жаботинский в своем эссе 1923 года «Железная стена».

Жаботинский был одним из выдающихся мыслителей и лидеров раннего сионизма. Он, пожалуй, наиболее известен как основатель правого ревизионистского движения, считавшего, что использование еврейской власти – как военной, так и политической – необходимо для построения государства. Жаботинского уважали как его политические оппоненты, такие как первый премьер-министр Израиля Давид Бен-Гурион, так и преданные ему последователи, включая его протеже и будущего премьер-министра Менахема Бегина.

Вопреки карикатурному изображению ранних сионистских идей их противниками, их видение еврейского государства никогда не предполагало исключительность евреев. Будь то Теодор Герцль, Жаботинский или лидеры «Лейбористского сионизма», все они понимали, что с момента арабского и исламского завоевания земель в

seventh century, a large cohort of the local population was Muslim or Christian by religion and Arab by language and culture. All visions of the Jewish state included the Arabs of the land as equal citizens and governors of the Jewish state.

To the extent they differed, it was on how this vision would be realized. Herzl assumed, given that the Zionists' intentions were to work and develop the land rather than exploit it, that the Arabs who lived in the sparsely populated and underdeveloped region would enthusiastically welcome the Jews.

Jabotinsky, however, recognized that regardless of the good intentions of the Zionists, the local population would resist a growing Jewish presence. Countering Arab resistance necessitated Jewish power. He questioned whether "peaceful aims could be achieved by peaceful means." Only if the Zionists had the capability to repel such resistance – erecting an "Iron Wall" – would the Arabs of the land finally come to accept them.

While Herzl's naïve assessment of "no resistance" was probably essential to mobilize the youthful optimism of the early Zionists, Jabotinsky articulated the practical imperatives for the movement to succeed. The establishment of a Jewish state, he maintained, necessitated the exercise of Jewish power.

Israel's commitment to military, economic and diplomatic power derived from the Iron Wall theory. Herzl envisioned the path to a Jewish state. Jabotinsky envisioned the path to Arab acceptance of that state.

But even the more hard-headed *Jabotinsky did not believe that the Zionists were destined to always live by the sword. Once the Arabs truly accepted the existence of the Jewish state, Jews and Arabs would govern together. On the other side of the Iron Wall, he believed in a highly liberal vision for the emergent state where "in every Cabinet where the prime minister is a Jew, the vice-premiership shall be offered to an Arab, and vice-versa."*

But Jabotinsky underestimated the magnitude, ferocity, and persistence of the Arabs' violent rejection of Zionism. When he first called for the mounting of an Iron Wall, there were about 10 million Jews in Europe and Asia and several hundred thousand Arabs in the land itself. Through immigration, he believed, the Jews would ultimately constitute the overwhelming majority in

В VII веке значительная часть местного населения была мусульманами или христианами по вероисповеданию и арабами по языку и культуре. Все концепции еврейского государства рассматривали арабов как равноправных граждан и правителей еврейского государства.

Их разногласия касались лишь способа реализации этого видения. Герцль предполагал, что, учитывая намерение сионистов обрабатывать и развивать землю, а не эксплуатировать её, арабы, жившие в этом малонаселённом и слаборазвитом регионе, с энтузиазмом примут евреев.

Однако Жаботинский признавал, что, несмотря на благие намерения сионистов, местное население будет сопротивляться растущему еврейскому присутствию. Противодействие арабскому сопротивлению требовало еврейской власти. Он сомневался, что «мирные цели могут быть достигнуты мирными средствами». Только в том случае, если сионисты будут способны отразить это сопротивление, воздвигнув «Железную стену».

– примут ли их наконец арабы этой земли.

В то время как наивная оценка Герцля «отсутствия сопротивления», вероятно, была необходима для мобилизации юношеского оптимизма ранних сионистов, Жаботинский сформулировал практические императивы успеха движения. Создание еврейского государства, утверждал он, требовало осуществления еврейской власти.

Приверженность Израиля военной, экономической и дипломатической мощи происходила из теории «железной стены». Герцль видел путь к созданию еврейского государства. Жаботинский видел путь к признанию этого государства арабами.

Но даже самые упрямые **Жаботинский не верил, что сионисты обречены вечно жить мечом. Как только арабы по-настоящему признают существование еврейского государства, евреи и арабы будут править вместе. По другую сторону Железной стены он верил в крайне либеральное видение будущего государства, где «в каждом кабинете министров, где премьер-министр — еврей, пост вице-премьера будет предложен арабу, и наоборот».**

Но Жаботинский недооценил масштаб, ярость и упорство арабского яростного неприятия сионизма. Когда он впервые призвал к возведению Железной стены, в Европе и Азии проживало около 10 миллионов евреев, а в самой стране – несколько сотен тысяч арабов. Он считал, что благодаря иммиграции евреи в конечном итоге составят подавляющее большинство в

the fledgling state. (For this reason, Jabotinsky's liberal vision of an alternating Jewish and Arab Prime Minister was not a vision of binationalism based on numerical parity. It was still a vision of a Jewish state, just a liberal one.)

Jabotinsky could not have foreseen that the devastating convergence of the rise of Nazism, World War II and Arab violence in Mandatory Palestine would cause the British to choke off Jewish migration, at the most desperate time. This meant that millions of Jews, who could have otherwise immigrated to the embryonic Jewish state, were left to perish in Europe. The possibility of a Jewish majority in the entire territory allocated to the future Jewish state by the League of Nations Mandate, as envisioned by Jabotinsky and other Zionists, would be deferred, perhaps indefinitely. As a result, the Iron Wall would have to persist much longer than he had hoped.

Nearly a century after Jabotinsky wrote "The Iron Wall," does Mansour Abbas herald its success? Has Israel's continuous display of power finally caused its Arab population to accept its core identity as a Jewish state?

There is a parallel development in Israel's relations with neighboring Arab states. The 2020 *Abraham Accords* certainly suggest that Jabotinsky's model worked. This was the view set out by the Israeli Ambassador to the United States, Mike Herzog, speaking at a JINSA event (Jewish Institute for National Security of America) in January 2021, stating:

It was only due to the uncompromising willpower behind the Iron Wall and Israel's refusal to bend the knee to its neighboring enemies that it later became an appealing partner for others in the Arab world against the mutual threat of Iran.

But does the same rationale also guide Israel's Arab citizens and their political representatives?

III. THE CURIOUS POLITICAL PARALLELS OF ISRAELI-

молодого государства. (По этой причине либеральное видение Жаботинского о попеременном еврейском и арабском премьер-министрах не было видением двунациональности, основанным на численном паритете. Это было всё ещё видение еврейского государства, просто либеральное.)

Жаботинский не мог предвидеть, что разрушительное сочетание роста нацизма, Второй мировой войны и арабского насилия в Подмандатной Палестине заставит британцев в самый отчаянный момент пресечь еврейскую миграцию. Это означало, что миллионы евреев, которые в противном случае могли бы иммигрировать в зарождающееся еврейское государство, были брошены на произвол судьбы в Европе. Возможность еврейского большинства на всей территории, отведённой будущему еврейскому государству по мандату Лиги Наций, как это представлялось Жаботинскому и другим сионистам, была бы отложена, возможно, на неопределённый срок. В результате Железной стене пришлось бы существовать гораздо дольше, чем он надеялся.

Спустя почти столетие после того, как Жаботинский написал «Железную стену», возвещает ли Мансур Аббас о её успехе? Неужели постоянная демонстрация силы Израилем наконец заставила арабское население принять его основную идентичность как еврейского государства?

Параллельно развиваются отношения Израиля с соседними арабскими государствами. 2020 год *Авраамовы соглашения* Безусловно, это свидетельствует о том, что модель Жаботинского сработала. Эту точку зрения изложил посол Израиля в США Майк Герцог, выступая на мероприятии JINSA (Еврейского института национальной безопасности Америки) в январе 2021 года. Он заявил:

Только благодаря непреклонной воле, стоявшей за Железной стеной, и отказу Израиля преклонить колени перед соседними врагами, он впоследствии стал привлекательным партнером для других стран арабского мира в борьбе с общей угрозой со стороны Ирана.

Но руководствуются ли арабские граждане Израиля и их политические представители теми же соображениями?

III. ЛЮБОПЫТНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ ИЗРАИЛЯ

ARABS AND THE ULTRA-ORTHODOX

Upon Israel's founding, two groups which did not share its Zionist vision became part of the state of Israel: the Haredi Ultra-Orthodox Jews and the Arabs living in Mandatory Palestine. Arab and Haredi political parties, nevertheless, were quick to grasp the importance of ensuring that they had political representation in Israel's Parliament, the Knesset, and became active participants in the democratic life of the Zionist Jewish state.

But while both Haredim and Arabs opposed Zionism, the relationship between Israel's Jewish majority and its Arab minority was even more fraught. Following their defeat in the 1948 war against the establishment of Israel, Arabs were suddenly citizens of the new state they had just fought violently to destroy. Moreover, while Jews established themselves as a majority within Israel's sovereign territory, they remained a miniscule ethnic, national, religious and linguistic minority in a region overwhelmingly dominated by Arab culture and Islam. Israeli-Arabs shared a sense of identity, belonging and cultural affiliation with the dominant Arab and Muslim nations of the region – which collectively remained sworn enemies of the Jewish state.

And so, while Israel's Arab citizens had the right to vote and be elected to the Knesset from the outset, the continued ideological opposition of the Israeli-Arab population to the existence and legitimacy of a Jewish state and their identification with Israel's mortal enemies, meant that for more than seven decades Arab political parties were not part of any governing coalition.

Haredi parties, like Israeli-Arabs, were ideologically opposed to Zionism, but because their opposition was never violent they were able to chart a different course to political participation, joining governing coalitions, serving as deputy ministers with ministerial authority (but not serving officially as ministers in the government until a recent legal ruling compelled one of them to do so). They were thus able to leverage their political representation in the Knesset to secure policies and legislation beneficial to their voters, without

Арабы И ТО УЛЬТРА-ПРАВОСЛАВНЫЙ

После основания Израиля две группы, не разделявшие его сионистских взглядов, вошли в состав государства Израиль: ультраортодоксальные евреи-харедим и арабы, проживающие в подмандатной Палестине. Тем не менее, арабские и харедимские политические партии быстро осознали важность обеспечения своего политического представительства в израильском парламенте, Кнессете, и стали активными участниками демократической жизни сионистского еврейского государства.

Но в то время как и харедим, и арабы выступали против сионизма, отношения между еврейским большинством Израиля и его арабским меньшинством были ещё более напряжёнными. После поражения в войне 1948 года против создания Израиля арабы внезапно стали гражданами нового государства, которое они только что яростно боролись за уничтожение. Более того, хотя евреи утвердились в качестве большинства на суверенной территории Израиля, они оставались ничтожным этническим, национальным, религиозным и языковым меньшинством в регионе, где доминировали арабская культура и ислам. Израильские арабы разделяли чувство идентичности, принадлежности и культурной связи с доминирующими арабскими и мусульманскими странами региона, которые в совокупности оставались заклятыми врагами еврейского государства.

Таким образом, хотя арабские граждане Израиля с самого начала имели право голосовать и быть избранными в Кнессет, продолжающееся идеологическое неприятие израильско-арабского населения существования и легитимности еврейского государства и их отождествление со смертельными врагами Израиля привело к тому, что на протяжении более семи десятилетий арабские политические партии не входили ни в одну правящую коалицию.

Партии харедим, как и израильские арабы, идеологически противостояли сионизму, но, поскольку их оппозиция никогда не была насильственной, они смогли выбрать другой курс, нежели участие в политической жизни, вступив в правящие коалиции, занимая посты заместителей министров с министерскими полномочиями (но не занимая официально посты министров в правительстве, пока недавнее судебное решение не вынудило одного из них сделать это). Таким образом, они смогли использовать своё политическое представительство в Кнессете для проведения политики и принятия законов, выгодных их избирателям, без

officially compromising their ideological opposition to Zionism.

It would take Israel's Arab citizens more than seven decades to produce a political party that would follow the Haredi path of balancing politics and ideology. That party is Ra'am.

IV. A NEW TYPE OF ISRAELI ARAB LEADER

In March 2021, Mansour Abbas broke with more than 70 years of Israeli-Arab political parties' rejection of open political cooperation with Zionism. Instead, he ran on a platform echoing the traditional Haredi formula of seeking participation in Israel's ruling coalition, if not its government. Abbas declared that he is "a man of the Islamic Movement, a proud Arab and Muslim, a citizen of the State of Israel who heads the leading, biggest political movement in Arab society. What we have in common is greater than what divides us."

Abbas' unprecedented political gamble paid off. He was able to clear the parliamentary threshold to command four seats in Israel's 120-member Knesset. While that may not sound like much, Abbas had already announced before the final election results were in that he was willing to join any governing coalition – Left or Right. His party, he said, "was not obligated to any bloc or any candidate. We are not in anyone's pocket, not on the Right and not on the Left."

Abbas repeatedly made it clear that his goal – like that of the Haredi parties – was to deliver tangible achievements to his constituency. "I want to maintain the hope for Arab society," he said, "[that] we'll achieve our goals of full social equality and a society that is prosperous and a partner in decision making."

Abbas cemented his kingmaker position when he was seriously courted by Benjamin Netanyahu in the latter's fourth, failed effort in two years to establish a governing coalition. This may have seemed counterintuitive – it was traditionally the position of the Left to support inclusion for Arab representatives. But Netanyahu's signal that Likud also endorsed this

официально поставив под сомнение свою идеологическую оппозицию сионизму.

Арабским гражданам Израиля потребовалось более семи десятилетий, чтобы создать политическую партию, которая следовала бы принципу харедим, балансируя между политикой и идеологией. Эта партия — «Раам».

IV. НОВЫЙ ТИП ИЗРАИЛЬСКО-АРАБСКОГО ЛИДЕРА

В марте 2021 года Мансур Аббас порвал с более чем 70-летним нежеланием израильских арабских политических партий открыто сотрудничать с сионизмом. Вместо этого он баллотировался с платформой, отражающей традиционную формулу харедим, стремящихся к участию в правящей коалиции Израиля, если не в правительстве. Аббас заявил, что он «человек Исламского движения, гордый араб и мусульманин, гражданин Государства Израиль, возглавляющий ведущее, крупнейшее политическое движение в арабском обществе. То, что нас объединяет, больше того, что нас разделяет».

Беспрецедентная политическая авантюра Аббаса окупилась. Он смог преодолеть парламентский барьер и получить четыре места в 120-местном Кнессете Израиля. Хотя это может показаться не таким уж значительным, Аббас ещё до объявления окончательных результатов выборов заявил о своей готовности присоединиться к любой правящей коалиции – левой или правой. Его партия, по его словам, «не связана обязательствами с каким-либо блоком или кандидатом. Мы не находимся ни у кого в кармане – ни справа, ни слева».

Аббас неоднократно давал понять, что его цель, как и цель партий харедим, — добиться ощутимых результатов для своего округа. «Я хочу сохранить надежду для арабского общества, — сказал он, — что мы достигнем наших целей — полного социального равенства и процветающего общества, где все будут принимать решения».

Аббас укрепил свои позиции влиятельного лидера, когда Биньямин Нетаньяху начал активно добиваться его расположения в ходе его четвёртой, но безуспешной попытки сформировать правящую коалицию за два года. Это могло показаться нелогичным – левые традиционно поддерживали включение арабских представителей в правящую коалицию. Но Нетаньяху дал понять, что «Ликуд» также поддерживает эту идею.

approach was a game changer, opening the way to an unprecedented Right-Center-Left coalition that included Ra'am – and not Netanyahu.

Ironically, Abbas indicated that his party and constituents felt more comfortable with the conservative and religious coalition of Netanyahu than with the secular, LGBTQ+ supporters of the Left. "What have I to do with the Left?" he asked, pointedly. "In foreign policy we support the two-state solution, but in religious matters, I'm right-wing."

Abbas further facilitated the process of Ra'am's entry into the coalition by abandoning the traditional militant anti-Zionist stance of Israel's Arab parties. Immediately after being elected to parliament, he quoted verses from the Quran in Hebrew, calling for the creation of "an opportunity for a shared life, in the holy and blessed land for the followers of the three religions and both peoples. Now is the time for change." He adopted the Haredi message of caring for his constituents, leaving aside the conflict with the Palestinians.

All of which begs the question: Does Mansour Abbas' personal conduct and the partial acceptance of Ra'am's message among Israel's Arab citizens confirm the success of Jabotinsky's Iron Wall?

V. IS THE IRON WALL NEEDED FOREVER?

Israel is closer today than it has ever been in its history to realizing the goal of full acceptance in a predominantly Arab and Islamic region. The Abraham Accords present a compelling alternative Arab-Muslim narrative, one that embraces the Jewish state as an integral part of the region rather than a foreign implant.

Similarly, Mansour Abbas has given political voice to the Arab citizens of Israel who seek true integration into the Jewish state. Those are the Arab citizens who are volunteering in increasing numbers to serve in Israel's Defense Forces. Those are the Arab citizens who defend Israel in diplomatic forums and on social media against its detractors.

These developments reflect very real achievements of Jabotinsky's Iron Wall.

Этот подход стал переломным моментом, открыв путь к беспрецедентной правоцентристско-левой коалиции, в которую вошел Раам, а не Нетаньяху.

По иронии судьбы, Аббас дал понять, что его партия и избиратели чувствуют себя более комфортно с консервативно-религиозной коалицией Нетаньяху, чем со светскими сторонниками ЛГБТК+ из числа левых. «Какое мне дело до левых?» — многозначительно спросил он. «Во внешней политике мы поддерживаем решение о создании двух государств, но в религиозных вопросах я правый».

Аббас ещё больше облегчил процесс вступления Раама в коалицию, отказавшись от традиционной воинствующей антисиионистской позиции арабских партий Израиля. Сразу после избрания в парламент он процитировал стихи из Корана на иврите, призывая к созданию «возможности для совместной жизни», на святой и благословенной земле для последователей трёх религий и обоих народов. Сейчас настало время перемен». Он принял послание харедим о заботе о своих избирателях, оставив в стороне конфликт с палестинцами.

Все это наводит на вопрос: подтверждают ли личное поведение Мансура Аббаса и частичное принятие послания Раама арабскими гражданами Израиля успех Железной стены Жаботинского?

V. НУЖНА ЛИ ЖЕЛЕЗНАЯ СТЕНА НАВСЕГДА?

Сегодня Израиль как никогда близок к достижению цели полного признания в преимущественно арабском и исламском регионе. Авраамовы соглашения представляют собой убедительную альтернативную арабо-мусульманскую интерпретацию, которая рассматривает еврейское государство как неотъемлемую часть региона, а не как иностранное вторжение.

Аналогичным образом, Мансур Аббас дал политический голос арабским гражданам Израиля, стремящимся к подлинной интеграции в еврейское государство. Именно эти арабские граждане всё чаще добровольно служат в Армии обороны Израиля. Именно эти арабские граждане защищают Израиль от его противников на дипломатических форумах и в социальных сетях.

Эти события отражают вполне реальные достижения Железной стены Жаботинского.

Many Arab Israelis do not seek the country's destruction. They support and participate in its success.

But these achievements remain fragile. Abbas' political rival among Israel's Arab political leaders, Ayman Odeh, leader of the Joint List (an alignment of Arab parties), recently told young Israeli-Arabs not to join the "occupation forces." Odeh described Abbas' conduct as being "insulting and humiliating" and called on those who already serve in the security forces to "throw the weapons in their (the Israelis') face and tell them that our place is not with you."

Odeh represents a substantial number of Israel's Arab citizens, if not its majority. This complex situation is best summed up by Abbas himself who, criticizing his colleagues, called on them "to not look at the half-empty cup but at what we have achieved so far."

The Iron Wall, as applied through a century of the Zionist movement, has led to great achievements, but the process continues. The IDF will be needed for the foreseeable future, and the Jewish state must continue to be vigilant regarding those who would celebrate its demise, from without and within. Israel must insist that it be embraced as the Jewish state, rather than allow for the negation of this core principle of its nationhood. While positive signs of acceptance need to be celebrated, it would be unwise to ignore or explain away indications to the contrary.

Ultimately, Jabotinsky best combined the realism of necessary strength with a hopeful vision of peace based on Arab acceptance of the Jewish state. Those two goals – strength and peace – remain the twin pillars grounding the reality and vision of the Jewish state.

Многие израильские арабы не стремятся к разрушению страны. Они поддерживают её успех и участвуют в нём.

Но эти достижения остаются хрупкими. Политический соперник Аббаса среди арабских политических лидеров Израиля, Айман Уда, лидер «Объединённого арабского списка» (объединения арабских партий), недавно призвал молодых израильских арабов не вступать в «оккупационные силы». Уда назвал поведение Аббаса «оскорбительным и унижительным» и призвал тех, кто уже служит в силах безопасности, «бросить оружие им (израильтянам) в лицо и сказать, что наше место не с вами».

Уда представляет значительную часть арабских граждан Израиля, если не большинство. Эту сложную ситуацию лучше всего характеризует сам Аббас, который, критикуя своих коллег, призвал их «не смотреть на полупустой стакан, а смотреть на то, чего мы уже достигли».

Железная стена, применявшаяся на протяжении столетия сионистского движения, привела к великим достижениям, но процесс продолжается. Армия обороны Израиля (ЦАХАЛ) будет необходима в обозримом будущем, и еврейское государство должно продолжать проявлять бдительность в отношении тех, кто праздновал бы его крах, как извне, так и изнутри. Израиль должен настаивать на том, чтобы его приняли как еврейское государство, а не допускать отрицания этого основополагающего принципа своей государственности. Хотя позитивные признаки принятия следует приветствовать, было бы неразумно игнорировать или оправдывать признаки обратного.

В конечном счёте, Жаботинский наилучшим образом соединил реализм необходимой силы с обнадеживающим видением мира, основанного на признании арабами еврейского государства. Эти две цели – сила и мир – остаются двумя столпами, на которых зиждутся реальность и видение еврейского государства.

What do the Palestinians Really Want?

Что на самом деле делают палестинцы?

Хотеть?

THE FATAL FLAW THAT DOOMED THE OSLO ACCORDS

Op-Ed for The Atlantic, September 2018

The very feature of the agreement that was supposed to ensure its success was its undoing.

It hardly seems possible that it's been 25 years since the signing of the Oslo Accords, that hopeful moment when peace between Palestinians and Israelis seemed at hand. In retrospect, the Accords seem less a triumph than an abject failure. Most observers, trying to understand what went wrong, fight over who to blame. The more constructive question is not who, but rather what, to blame. ***What doomed the Oslo Accords is also what made them possible in the first place: constructive ambiguity.***

Given decades of war and bloodshed, the theory went, the two sides could not be expected to immediately settle their core disputes; an interim period of trust-building was required. It was better to remain ambiguous about the core issues which needed to be resolved, the negotiators assumed, rather than force the sides to adopt positions and make concessions which they might not be ready to make.

This constructive ambiguity, imbued in each element of the Accords, proved to be utterly destructive. Instead of building trust and allowing the parties to adjust to the reality of the inevitable compromises which were necessary for peace, it merely allowed each side to persist in its own self-serving interpretation of what the Accords implied and to continue the very behavior which destroyed trust on the other side. And so, when the time came, a few short years later, to settle the core issues, the ensuing failure was all but inevitable. Throughout the interim years of the Oslo Accords, Israeli settlement activity was allowed to continue unhampered, with the number of settlers increasing from 110,000 on the eve of the Accords in 1993 to 185,000 in 2000, during the negotiations over a final status, to 430,000 today. That increase seriously undermined the notion that Israel was sincere about

Роковая ошибка, обрекшая на провал соглашения в Осло

Редакционная статья для *The Atlantic*, сентябрь 2018 г.

Именно та особенность соглашения, которая должна была обеспечить его успех, была его гибелью.

Трудно поверить, что прошло уже 25 лет с момента подписания Соглашений в Осло, того обнадеживающего момента, когда мир между палестинцами и израильтянами казался близким. Оглядываясь назад, Соглашения кажутся скорее полным провалом, чем триумфом. Большинство наблюдателей, пытаясь понять, что пошло не так, спорят о том, кто виноват. Более конструктивный вопрос заключается не в том, кто виноват, а в чём. ***То, что обрекли соглашения в Осло на провал, в первую очередь сделало их возможным: конструктивная двусмысленность.***

Учитывая десятилетия войны и кровопролития, согласно этой теории, нельзя ожидать, что обе стороны немедленно урегулируют свои основные споры; требовался промежуточный период для укрепления доверия. Переговорщики полагали, что лучше сохранять неопределённость в отношении ключевых вопросов, требующих решения, чем заставлять стороны занимать определённые позиции и идти на уступки, на которые они, возможно, не готовы.

Эта конструктивная двусмысленность, пронизывающая каждый элемент Соглашений, оказалась крайне разрушительной. Вместо того чтобы укреплять доверие и позволить сторонам приспособиться к реальности неизбежных компромиссов, необходимых для мира, она лишь позволила каждой стороне упорствовать в собственной корыстной интерпретации того, что подразумевали Соглашения, и продолжать то самое поведение, которое подрывало доверие другой стороны. И поэтому, когда спустя всего несколько лет пришло время урегулировать ключевые вопросы, последующий провал был практически неизбежен. В течение переходного периода, действовавшего в рамках Соглашений в Осло, израильская поселенческая деятельность беспрепятственно продолжалась, и число поселенцев увеличилось со 110 000 накануне Соглашений в 1993 году до 185 000 в 2000 году, во время переговоров об окончательном статусе, и до 430 000 сегодня. Этот рост серьёзно подорвал представление об искренности намерений Израиля.

making way for a Palestinian state in the West Bank and Gaza.

Palestinian leaders, meanwhile, continued pursuing what they referred to as the “Right of Return,” their demand that ever-growing numbers of Palestinians be allowed to settle within the territory of pre-1967 Israel, which would render Jews a minority in an Arab state. There were nearly 3 million Palestinians registered with UNRWA as refugees in 1993, a number that increased to 3.8 million in 2000, and which stands at 5.3 million today. Palestinian leaders never dared face their people to tell them that as part of a final peace agreement, just as Jews would be expected to vacate their settlements east of the pre-1967 lines, Arab Palestinians be expected to renounce their claim to settle west of those lines. Like settlement building, this undermined the notion that Arab Palestinians had finally made their peace with the presence of a sovereign Jewish people in any part of the land. These two grand obstacles to peace—Israeli settlements and the Right of Return—each representing a form of territorial maximalism and the ideological negation of the other people’s right to self-determination in the land, grew ever larger under the umbrella of constructive ambiguity.

Jerusalem, too, fell prey to destructive ambiguity. Israeli leaders continued to peddle the lie of a “united Jerusalem,” failing to prepare Israelis for the necessary partition of Jerusalem into an Israeli capital and a Palestinian one, and Palestinian leaders extended their decades-long rejection of the idea that Jews have any historical, cultural, national, or religious connection to Jerusalem. Twenty-five years after that hopeful Oslo moment, there is no need to rethink the end goal—but we need a new path to get there. The two-state solution remains the only option that recognizes the national rights of both peoples and provides a measure of justice to each. Whatever each side thinks about the invented nature of the other, both sides can agree that they each are equally deserving of living in a state where they can be masters of their own fate.

To get there, the parties need to approach the negotiations not as a marriage, but as a divorce. Serious peacemakers need to let go of vague and nebulous concepts such as “trust” and “confidence building,” and behave more like harsh divorce attorneys who spell out every detail. In place of destructive ambiguity, we need constructive specificity. President Trump, for example,

открывая путь для палестинского государства на Западном берегу и в секторе Газа.

Тем временем палестинские лидеры продолжали добиваться того, что они называли «Правом на возвращение», – своего требования разрешить постоянно растущему числу палестинцев селиться на территории Израиля до 1967 года, что сделало бы евреев меньшинством в арабском государстве. В 1993 году в БАПОР было зарегистрировано почти 3 миллиона палестинцев в качестве беженцев, в 2000 году это число увеличилось до 3,8 миллиона, а сегодня составляет 5,3 миллиона. Палестинские лидеры так и не осмелились сказать своему народу, что в рамках окончательного мирного соглашения, так же как от евреев ожидается освобождение их поселений к востоку от границ, существовавших до 1967 года, от арабов-палестинцев ожидается отказ от своих притязаний на поселения к западу от этих линий. Как и строительство поселений, это подрывало представление о том, что арабы-палестинцы наконец-то смирились с присутствием суверенного еврейского народа в какой-либо части страны. Эти два главных препятствия на пути к миру — израильские поселения и право на возвращение — каждое из которых представляет собой форму территориального максимализма и идеологического отрицания права другого народа на самоопределение на этой земле, становились все больше под прикрытием конструктивной двусмысленности.

Иерусалим также пал жертвой разрушительной двусмысленности. Израильские лидеры продолжали распространять ложь о «едином Иерусалиме», не подготавливая израильтян к необходимому разделу Иерусалима на израильскую и палестинскую столицы, а палестинские лидеры продолжали своё многолетнее отрицание идеи о том, что евреи имеют какую-либо историческую, культурную, национальную или религиозную связь с Иерусалимом. Спустя двадцать пять лет после того обнадеживающего момента Осло нет необходимости переосмысливать конечную цель, но нам нужен новый путь к её достижению. Решение о двух государствах остаётся единственным вариантом, признающим национальные права обоих народов и обеспечивающим каждому определённую степень справедливости. Что бы ни думала каждая из сторон о вымышленной природе другой, обе стороны могут согласиться, что каждый из них в равной степени заслуживает жить в государстве, где он может быть хозяином своей судьбы.

Чтобы добиться этого, сторонам необходимо подходить к переговорам не как к браку, а как к разводу. Серьёзным миротворцам следует отказаться от таких расплывчатых и туманных понятий, как «доверие» и «укрепление доверия», и вести себя скорее как суровые адвокаты по бракоразводным процессам, которые подробно описывают каждую деталь. Вместо разрушительной двусмысленности нам нужна конструктивная конкретность. Президент Трамп, например,

would have done Israelis, Palestinians, and the cause of peace a greater favor if, rather than using the ambiguous term “Jerusalem,” he had recognized only *west* Jerusalem as the capital of Israel, while making it clear that he is open to recognizing Arab *east* Jerusalem as the capital of Palestine. President Obama would actually have served the cause of peace if he had coupled his promotion of the UN Security Council Resolution 2334, which made it clear that Jews should not settle *east* of the pre-1967 line, with an equally stringent resolution that made it clear that Palestinians could not settle *west* of the pre-1967 line through the demand of return, condemning both forms of maximalism as illegitimate and harmful to a negotiated and just peace.

Repeated rounds of negotiations for a final-status agreement, especially in 2000, with the Clinton parameters, and in 2008, under Israeli Prime Minister Ehud Olmert, have served to specify parameters of a peace agreement between Israel and the Palestinians. It would require both parties to make considerable compromises, but offer both of them a viable sovereign state and the right of self-determination: a Palestinian state in the West Bank and Gaza, Jewish Jerusalem as the capital of Israel, Arab Jerusalem as the capital of Palestine, and a special arrangement in the Holy Basin to secure freedom of worship for all; annexation of major Jewish settlement blocs adjacent to the Green Line in exchange for swaps of equivalent land; removal of all other settlements from the West Bank; and enabling Palestinians living in Jordan, Syria, and Lebanon, to settle into a new State of Palestine—not into Israel. Had the Palestinians not walked away from those offers in 2000 and in 2008, there would today be two peoples settled in their homelands behind secure borders.

Ultimately, sooner or later, all wars and all conflicts end, with a bang or with a whimper. There is no reason to assume that the Israeli-Palestinian conflict is more intractable than others. But ***if we have learnt anything over the past 25 years, it is that being ambiguous about the simple fact that neither side is going to have the entirety of the land does no one any favors. Israelis will have to accept the fact that they cannot build settlements all over the West Bank, and Palestinians will have to accept the fact that they cannot settle inside Israel in the name of return.*** The sooner both sides hear and internalize these simple, cold, hard truths, the sooner we will be able to speak of hope again

Он оказал бы израильтянам, палестинцам и делу мира большую услугу, если бы вместо двусмысленного термина «Иерусалим» он признал только *запад* Иерусалим как столицу Израиля, давая ясно понять, что он открыт для признания арабских *восток* Иерусалим как столица Палестины. Президент Обама действительно послужил бы делу мира, если бы он присоединился к своей поддержке резолюции 2334 Совета Безопасности ООН, которая ясно гласила, что евреи не должны селиться *восток* линии, существовавшей до 1967 года, с такой же жесткой резолюцией, которая ясно дала понять, что палестинцы не могут поселиться *запад* линии, существовавшей до 1967 года, через требование возвращения, осуждая обе формы максимализма как незаконные и вредные для согласованного и справедливого мира.

Неоднократные раунды переговоров по соглашению об окончательном статусе, особенно в 2000 году с параметрами Клинтона и в 2008 году при премьер-министре Израиля Эхуде Ольмерте, способствовали уточнению параметров мирного соглашения между Израилем и палестинцами. Оно потребовало бы от обеих сторон значительных компромиссов, но при этом предоставило бы обеим сторонам жизнеспособное суверенное государство и право на самоопределение: палестинское государство на Западном берегу и в секторе Газа, еврейский Иерусалим как столица Израиля, арабский Иерусалим как столица Палестины и особое соглашение в Священном бассейне, обеспечивающее свободу вероисповедания для всех; аннексию крупных еврейских поселений, прилегающих к «зелёной линии», в обмен на равноценные земельные участки; ликвидацию всех других поселений с Западного берега; и предоставление палестинцам, проживающим в Иордании, Сирии и Ливане, возможности поселиться в новом государстве Палестина, а не в Израиле. Если бы палестинцы не отказались от этих предложений в 2000 и 2008 годах, сегодня два народа обосновались бы на своих родных землях за безопасными границами.

В конечном счёте, рано или поздно, все войны и конфликты заканчиваются, с грохотом или с плачем. Нет оснований полагать, что израильско-палестинский конфликт более неразрешим, чем другие. Но ***Если мы чему-то и научились за последние 25 лет, так это тому, что двусмысленность в отношении простого факта, что ни одна из сторон не получит всю территорию, не приносит никому никакой пользы. Израильтянам придётся смириться с тем, что они не могут строить поселения по всему Западному берегу, а палестинцам придётся смириться с тем, что они не могут селиться внутри Израиля под предлогом возвращения.*** Чем раньше обе стороны услышат и усвоят эти простые, холодные и суровые истины, тем скорее мы снова сможем говорить о надежде.

THE GAZA PROTESTS ARE ABOUT ENDING ISRAEL

Op-Ed for Forward, May 2018

In the past few days, we have come closer than we have in some time to touching the core issues that drive the conflict between Israelis, Palestinians, and the wider Arab and Islamic world.

After decades of discussing “territories,” “borders,” “settlements,” “two states” and “occupation,” and lamenting the lack of trust between the sides and the absence of leadership, ***we are finally discussing the key question, which is: Is the Arab and Islamic world, and the Palestinians among them, ready to acknowledge that the Jewish people, as a people, have the equal right to self-determination and sovereignty in their ancestral homeland?***

Put another way, is Israel a temporary aberration in what should be properly an Arab and Islamic region?

The twin images of the clashes on the 1967 border of Palestinian Gaza with Israel, and the inauguration of the American Embassy in Jerusalem, both serve to highlight the two dominant issues in the conflict that directly touch upon the question of the right of the Jewish people to the land: Jerusalem, and the Palestinian demand for “return” into the state of Israel within its pre 1967 lines.

No other two issues expose so clearly the extent to which the dominant Islamic, Arab and Palestinian narrative remains still one in which Israel is a colonial enterprise of a foreign, invented people who came out of nowhere to a place to which they have no connection.

Jerusalem, or as it is also known, Zion, is the city that gave birth to the modern movement for national liberation of the Jewish people: Zionism. It is the continuous cultural and historical connection of the Jewish people to Zion over millennia, and the history of the Judean sovereign presence there that underpins the claim of the Jewish people to be an indigenous people with a legitimate right to the land.

ПРОТЕСТЫ В ГАЗЕ НАПРАВЛЕННЫ НА ПОКОНЧАНИЕ С ИЗРАИЛЕМ

Редакционная статья для журнала Forward, май 2018 г.

За последние несколько дней мы подошли ближе, чем когда-либо за последнее время, к решению основных проблем, лежащих в основе конфликта между израильтянами, палестинцами и всем арабским и исламским миром.

После десятилетий обсуждения «территорий», «границ», «поселений», «двух государств» и «оккупации», а также сетований на отсутствие доверия между сторонами и отсутствие руководства, ***Мы наконец обсуждаем ключевой вопрос: готовы ли арабский и исламский мир, и палестинцы в их числе, признать, что еврейский народ как народ имеет равное право на самоопределение и суверенитет на своей исконной родине?***

Иными словами, является ли Израиль временным отклонением от нормы в регионе, который по сути должен быть арабским и исламским?

Двойные кадры столкновений на границе палестинского сектора Газа с Израилем в 1967 году и открытия американского посольства в Иерусалиме служат для того, чтобы подчеркнуть две доминирующие проблемы в конфликте, которые напрямую затрагивают вопрос права еврейского народа на землю: Иерусалим и требование палестинцев о «возвращении» в государство Израиль в пределах его границ до 1967 года.

Никакие другие два вопроса не демонстрируют так ясно, в какой степени доминирующая исламская, арабская и палестинская точка зрения по-прежнему остается той, в которой Израиль является колониальным предприятием чужого, вымышленного народа, пришедшего из ниоткуда в место, с которым у него нет никакой связи.

Иерусалим, или, как его ещё называют, Сион, — город, где зародилось современное движение за национальное освобождение еврейского народа: сионизм. Именно непрерывная культурная и историческая связь еврейского народа с Сионом на протяжении тысячелетий, а также история суверенного присутствия Иудеи там, лежат в основе притязаний еврейского народа на статус коренного народа, имеющего законное право на эту землю.

The denial of that connection of the Jewish people to Zion therefore stands at the heart of the Palestinian, Arab and Islamic denial of the right of the Jewish people to the city, and by extension, to the entirety of the land. It forms the basis for repeated efforts in UNESCO, international bodies, and repeated Palestinians declarations and speeches that refuse to acknowledge the longstanding Jewish connection to the city, and by extension, the Jewish rights to at least some of it.

In parallel, for several weeks, people in Gaza have been marching on its borders with Israel, a march that included armed attacks on the border, with the declared intent of marching into Israel and exercising what the Palestinians consider their absolute and superior “Right of Return.”

While many of the west, in a manner typical of a phenomenon I have come to term Westplaining, have explained away the Palestinian statement about “return” and “taking back” Israel as expressions of anger at the deteriorating conditions in Gaza and the maritime blockade, the Palestinians have not marched for any of these issues. If they had, they would have stormed the Gaza border with Egypt.

The Palestinians were very clear: What they demand is “return.”

The Palestinian demand for “return” has been shaped in the wake of the 1949 failure to prevent the establishment of the state of Israel. Having failed to prevent the UN partition vote diplomatically, and having failed to prevent Israel’s emergence militarily, the demand for “return” was shaped as a continuation of the war against Israel by other means, a war that continues to this day.

It is precisely the reason why ***despite Israel retreating fully to the 1967 lines between Gaza and Israel, the people of Gaza are demanding to take what is beyond those lines, which they still believe is very much theirs.***

If the war is ever to end with true peace, the Palestinians as well as the Arab and Islamic world at large have to come to accept the Jewish people as an indigenous people who have come home and who have an equal and legitimate right to their ancestral land.

As much as it seems counterintuitive, peace becomes more possible to achieve the more it becomes clear that the “hope” of Israel’s temporariness is a costly delusion. This is the core issue, and the closer we come to touching it, with all the pain it entails, the closer we will come to peace.

Отрицание этой связи еврейского народа с Сионом, таким образом, лежит в основе отрицания палестинцами, арабами и исламистами права еврейского народа на город и, как следствие, на всю его территорию. Это лежит в основе неоднократных усилий в ЮНЕСКО и других международных организациях, а также неоднократных заявлений и выступлений палестинцев, отказывающихся признать давнюю связь евреев с городом и, как следствие, права евреев хотя бы на часть его территории.

Параллельно с этим в течение нескольких недель жители Газы маршируют вдоль границы с Израилем, в ходе которого совершаются вооруженные нападения на границу, при этом заявлено о намерении войти в Израиль и осуществить то, что палестинцы считают своим абсолютным и высшим «правом на возвращение».

В то время как многие на Западе, в манере, типичной для явления, которое я называю «вестплейнингом», объясняли палестинские заявления о «возвращении» и «возвращении» Израиля выражением гнева по поводу ухудшения ситуации в Газе и морской блокады, палестинцы не выходили на демонстрации по этим вопросам. Иначе они бы штурмовали границу Газы с Египтом.

Палестинцы были предельно ясны: они требуют «возвращения».

Требование палестинцев о «возвращении» сформировалось после провала попыток предотвратить создание государства Израиль в 1949 году. Не сумев предотвратить голосование ООН по разделу дипломатическим путём и не предотвратив военного усиления Израиля, требование о «возвращении» было сформировано как продолжение войны против Израиля другими средствами, войны, которая продолжается и по сей день.

Именно по этой причине ***Несмотря на то, что Израиль полностью отступил к границам 1967 года между Газой и Израилем, жители Газы требуют взять то, что находится за этими границами, и что они по-прежнему считают своей собственностью.***

Если война когда-либо закончится настоящим миром, палестинцы, а также арабский и исламский мир в целом должны признать еврейский народ как коренной народ, вернувшийся домой и имеющий равное и законное право на свою исконную землю.

Как бы это ни казалось противоречащим здравому смыслу, достижение мира становится тем более возможным, чем яснее становится, что «надежда» на временное существование Израиля Дорогостоящее заблуждение. Это ключевая проблема, и чем ближе мы к ней подходим, со всей болью, которую она влечет, тем ближе мы к миру.

HOW UNRWA PREVENTS GAZA FROM THRIVING

Op-Ed Co-Authored with Adi Schwartz for Haaretz, June 2018

It's the same old tune – renewed discussion about “reconstructing and redeveloping” the [Gaza](#) Strip. Again people are talking about some kind of “arrangement” for managing [Gaza's reconstruction](#), whether under Egyptian, Qatari or American auspices. There's more talk of huge investments in a [port](#) and in water and power infrastructures, and about creating jobs.

Wasted efforts, all. They're doomed to fail, the same as all the other reconstruction attempts in recent years. As long as the political landmine at the heart of the matter – the perpetuation of the status of Gaza's residents as refugees from “Palestine” – is not defused, there's no real possibility for rebuilding and developing the Gaza Strip.

The problem is that Gaza's inhabitants do not view that piece of land as their home, but rather as a transit camp they will inhabit until the day they can return to what they believe is their home. Because of this, they will far prefer to invest their efforts and resources in returning to their “true” home – by force if necessary – than in cultivating the temporary one where they currently reside.

Of the 1.8 million people living in Gaza, 1.3 million are registered as refugees with the United Nations Relief and Works Agency for Palestine Refugees (UNRWA). In other words, three-quarters of the people in the Strip possess a status that is by definition temporary in character – one granted to someone who is between permanent residence in one locale and permanent habitation in a second place.

When UNRWA was established, in the wake of the 1947-1949 war, it spent its first few years in an earnest effort to assist the Arab refugees from the war (the Jewish ones were taken care of by the newly established State of Israel) in rebuilding their lives in their new locations, whether in the West Bank and Gaza, Jordan, Lebanon or Syria. But within a few short years, it became painfully clear that neither the Palestinians themselves, nor the Arab host

КАК БАПОР МЕШАЕТ ПРОЦВЕТАНИЮ ГАЗЫ

Статья в соавторстве с Ади Шварцем для Haaretz, июнь 2018 г.

Это все та же старая мелодия – возобновление дискуссий о «реконструкции и перестройке» [Газа](#) Стрипа. Люди снова говорят о каком-то «соглашении» по управлению [Восстановление Газы](#), будь то под эгидой Египта, Катар или Америки. Всё больше говорят о крупных инвестициях в [порт](#) и в сфере водо- и электроснабжения, а также в вопросах создания рабочих мест.

Все усилия напрасны. Они обречены на провал, как и все остальные попытки восстановления в последние годы. Пока политическая мина, лежащая в основе проблемы – сохранение статуса жителей Газы как беженцев из «Палестины» – не будет обезврежена, реальной возможности восстановления и развития сектора Газа не существует.

Проблема в том, что жители Газы не считают этот участок земли своим домом, а скорее транзитным лагерем, в котором им предстоит жить до того дня, когда они смогут вернуться в то, что они считают своим домом. Поэтому они предпочтут вложить свои силы и ресурсы в возвращение в свой «настоящий» дом – если потребуется, силой – чем в обустройство временного дома, где они сейчас проживают.

Из 1,8 миллиона человек, проживающих в секторе Газа, 1,3 миллиона зарегистрированы как беженцы в Ближневосточном агентстве ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР). Другими словами, три четверти жителей сектора обладают статусом, который по определению является временным – статусом, предоставляемым человеку, находящемуся между постоянным местом жительства в одном месте и постоянным местом жительства в другом.

Когда после войны 1947–1949 годов было создано БАПОР, первые несколько лет своей деятельности оно посвятило серьёзным усилиям по оказанию помощи арабским беженцам (о евреях позаботилось недавно созданное Государство Израиль) в восстановлении их жизни на новых местах, будь то на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа, в Иордании, Ливане или Сирии. Но уже через несколько лет стало до боли ясно, что ни сами палестинцы, ни арабское население, принявшее их,

countries were willing to let this process take place, as it would legitimize the outcome of the war in the form of the establishment of the State of Israel.

Having failed to prevent the vote on partition in the UN General Assembly, or prevent partition itself and the birth of Israel through war and military invasions, the Palestinians and the Arab host states mobilized to turn the demand for “return” to Israel into one of the central means by which the outcome of the war, in the form of a sovereign state for the Jewish people, could be undone. To that end, UNRWA then was taken over by the Palestinians, becoming an organization that would grant them the official status of “refugees” until that day of “return.”

These 1.3 million refugees, some of whom are the fifth generation of Palestinian families who arrived in the Strip in 1948, long for the moment when they will be able to return to their ancestral homes (most of which do not exist anymore) in Ashdod, Ashkelon and Be’er Sheva, and believe that this moment is possible and close at hand. Their dream – and that of their brethren in the West Bank, Jordan, Lebanon and Syria – has coalesced into a collective demand whose import was and continues to be a continuing war on Israel by other means. Clinging to the dream of return makes it possible for the Palestinians not to accept the consequences of their defeat, and to believe that even if they lost a few battles, the overall war against Zionism still isn’t over.

Still, there’s a tangible difference between dreams and the demands that are nurtured by international support under UN sanction. The State of Israel cannot exert a direct influence on the Palestinian dream of return, but it can definitely act to deny the dream the fuel that sustains it, and that fuel comes from the West.

Under the influence of various interests in the Arab world, the international community became complicit in the process of leaving so many Palestinians in a legal, social and economic limbo, awaiting “return.” The West in particular, providing the bulk of the funds for UNRWA’s operations, unwittingly became the central source of sustenance for the Palestinian idea that it is better to continue to struggle for “return” rather than come to terms with the legitimacy of Israel and build a new life of prosperity in the West Bank and Gaza.

Страны были готовы позволить этому процессу состояться, поскольку он легитимировал бы результат войны в виде создания Государства Израиль.

Не сумев предотвратить голосование по разделу в Генеральной Ассамблее ООН, а также сам раздел и рождение Израиля путём войны и военных вторжений, палестинцы и арабские государства, принявшие их, мобилизовались, чтобы превратить требование «возвращения» в Израиль в одно из центральных средств, с помощью которых можно было бы изменить исход войны, создав суверенное государство для еврейского народа. С этой целью БАПОР перешло под контроль палестинцев, превратившись в организацию, которая предоставляла им официальный статус «беженцев» до дня «возвращения».

Эти 1,3 миллиона беженцев, некоторые из которых представляют пятое поколение палестинских семей, прибывших в сектор Газа в 1948 году, жаждут момента, когда смогут вернуться в свои родовые дома (большинства из которых уже не существует) в Ашдоде, Ашкелоне и Беэр-Шеве, и верят, что этот момент возможен и близок. Их мечта – и мечта их собратьев на Западном берегу, в Иордании, Ливане и Сирии – слилась в коллективное требование, суть которого заключалась и остаётся в продолжении войны с Израилем другими средствами. Мечта о возвращении позволяет палестинцам не мириться с последствиями своего поражения и верить, что, даже если они и проиграли несколько сражений, общая война с сионизмом ещё не окончена.

Тем не менее, существует ощутимая разница между мечтами и требованиями, подпитываемыми международной поддержкой и санкциями ООН. Государство Израиль не может напрямую влиять на палестинскую мечту о возвращении, но оно, безусловно, может лишить эту мечту топлива, которое её питает, а это топливо поступает с Запада.

Под влиянием различных интересов в арабском мире международное сообщество стало соучастником процесса, в результате которого столь многие палестинцы оказались в правовой, социальной и экономической неопределённости, ожидая «возвращения». Запад, в частности, предоставляя основную часть средств для деятельности БАПОР, невольно стал главным источником поддержки палестинской идеи о том, что лучше продолжать бороться за «возвращение», чем смириться с легитимностью Израиля и построить новую, процветающую жизнь на Западном берегу и в секторе Газа.

This has to change. Israel can and should intervene with UNRWA's donor countries – the United States, Australia, Britain and the European Union – and insist that they cease and desist from supporting the Palestinian demand to annihilate Israel, by way of their support for UNRWA. Countries that officially support the two-state solution cannot underwrite an organization whose aim is to ensure that the Jewish people, as a people, will not have a sovereign state.

UNRWA's essence involves making it clear to the more than 70 percent of Gaza inhabitants registered as refugees, that Gaza is not their true home. It does so by providing the political infrastructure that grants Palestinians the status of "refugees," which they would not otherwise merit if international standards were applied to them; by passing this status on to their descendants automatically and in perpetuity, while opposing any effort to find solutions for those registered as "refugees," other than in the context of the collective demand for "return." It is this that UNRWA often refers to by the code words "just solution" and "legitimate rights," of which it calls itself the protector. UNRWA makes it clear to the "refugees" in Gaza (and in all of its other areas of operations) that their "true home," wrested from them by force, lies across the border. People who grow up with that belief will assuredly use cement, when given it, not to build permanent homes, but to dig tunnels to the place which, as far as they are concerned, is their real home.

It is not only parents and grandparents who cultivate this dream. Every day, residents go into the streets of Gaza and see UNRWA signs on the schools and clinics that the organization operates. They read those signs to mean that the UN – that is, the world community – recognizes them as refugees and encourages their "return" to Israel.

The chances of reconstructing and developing the Gaza Strip will be greater without UNRWA, and even if some benefit accrues to cooperation with the UN organization in Gaza, it is far outweighed by the damage the agency has wrought. Ever since 1967, when Israel's security establishment chose to cooperate with UNRWA and enable its ongoing operations in the West Bank and Gaza, it has argued that UNRWA is a moderating force, without whose education and healthcare services greater violence would prevail. But given that in Gaza and Lebanon, where UNRWA's operations are most extensive, and the ratio of Palestinians served by UNRWA who still live in refugee

Это необходимо изменить. Израиль может и должен вмешаться в дела стран-доноров БАПОР – США, Австралии, Великобритании и Европейского союза – и потребовать от них прекратить поддержку палестинского требования уничтожить Израиль посредством поддержки БАПОР. Страны, официально поддерживающие решение о создании двух государств, не могут поддерживать организацию, цель которой – гарантировать, что еврейский народ как народ не будет иметь суверенного государства.

Суть деятельности БАПОР заключается в том, чтобы дать понять более чем 70% жителей Газы, зарегистрированных в качестве беженцев, что Газа не является их настоящим домом. Агентство делает это, предоставляя политическую инфраструктуру, предоставляющую палестинцам статус «беженцев», которого они не заслужили бы, если бы к ним применялись международные стандарты.;

передавая этот статус своим потомкам автоматически и бессрочно, одновременно противодействуя любым попыткам найти решения для тех, кто зарегистрирован как «беженец», кроме как в контексте коллективного требования «возвращения». Именно это БАПОР часто называет кодовыми словами «справедливое решение» и «законные права», защитником которых оно себя называет. БАПОР ясно даёт понять «беженцам» в Газе (и во всех других районах своей деятельности), что их «истинный дом», отнятый у них силой, находится по ту сторону границы. Люди, которые вырастают с этой верой, несомненно, будут использовать цемент, если его им предоставят, не для строительства постоянных домов, а для рытья туннелей к месту, которое, по их мнению, является их настоящим домом.

Эту мечту лелеют не только родители и бабушки с дедушками. Каждый день жители Газы выходят на улицы и видят вывески БАПОР на школах и клиниках, где работает эта организация. Они воспринимают эти вывески как знак того, что ООН, то есть мировое сообщество, признаёт их беженцами и призывает их «вернуться» в Израиль.

Шансы на восстановление и развитие сектора Газа будут выше без БАПОР, и даже если сотрудничество с организацией ООН в Газе и принесёт некоторую пользу, она значительно перевешивается ущербом, нанесённым агентством. С 1967 года, когда израильские силовые структуры решили сотрудничать с БАПОР и обеспечить его текущие операции на Западном берегу и в секторе Газа, они утверждали, что БАПОР является сдерживающей силой, без чьих образовательных и медицинских услуг насилие было бы ещё более частым. Но, учитывая, что в Газе и Ливане, где деятельность БАПОР наиболее масштабна, и доля палестинцев, обслуживаемых БАПОР, которые всё ещё живут в лагерях беженцев,

camps is the greatest (50 percent as compared to 25 percent in the West Bank, and 18 percent in Jordan) – the time has come to ask how many Israeli soldiers and civilians have been killed in the rounds of fighting in Gaza and Lebanon because of the extreme terrorist elements that the refugee-camp culture there has spawned.

Israel has declared preventing aggravation of the situation in Gaza as a security interest, and it still operates on the assumption that it is not possible to aid the Strip without UNRWA, which is helping to prevent a humanitarian disaster there. Indeed, because UNRWA has succeeded in concealing its political *raison d'être* of sustaining the Palestinian demand for “return” designed to undo Israel, and it has done so under a humanitarian guise – it enjoys cooperation from Israel as well as international funding. In Gaza the organization has also become, in good part thanks to Israel, the principal conduit for the international aid that is supposed to be used to rebuild the Gaza Strip.

That is a mistake: UNRWA cannot be a true and sincere partner in Gaza's reconstruction. On the contrary: The fact that UNRWA is a major actor in the attempts to rebuild Gaza plays a decisive part in the repeated failure of those efforts.

Perhaps Israel cannot take away the Palestinians' dream to return to Ashkelon, Ashdod and Be'er Sheva, but at the very least it can and should take action to terminate international support for the agency that stokes that dream. As such, it is necessary first and foremost to recognize the fact that the damage caused to Israel by UNRWA's continued existence dwarfs any tactical advantage it may offer.

No place for cooperation

It is possible, however, to preserve Israel's security interests while aiding in the development of Gaza and preventing further deterioration of living conditions and growing extremism.

First, Israel must demand that every international move to rebuild and develop the Gaza Strip be accompanied by clear declarations on the part of the donor countries, certainly the Western ones, that they do not recognize the claim that the residents of Gaza are refugees from Palestine. On the contrary, ***Israel must demand that the donor countries assert that, because***

лагерях беженцев является самым большим (50 процентов по сравнению с 25 процентами на Западном берегу и 18 процентами в Иордании) — пришло время спросить, сколько израильских солдат и мирных жителей было убито в ходе боевых действий в секторе Газа и Ливане из-за крайних террористических элементов, порожденных культурой лагерей беженцев там.

Израиль заявил, что предотвращение обострения ситуации в Газе является его интересом безопасности, и по-прежнему исходит из того, что помощь сектору невозможна без БАПОР, которое помогает предотвратить там гуманитарную катастрофу. Именно потому, что БАПОР удалось скрыть свою политическую подоплеку – поддержание палестинского требования «возвращения», призванного свергнуть Израиль, и оно делало это под гуманитарным прикрытием, – оно пользуется сотрудничеством Израиля и международным финансированием. В Газе организация также стала, во многом благодаря Израилю, основным каналом международной помощи, которая должна быть использована для восстановления сектора Газа.

Это ошибка: БАПОР не может быть настоящим и искренним партнёром в деле восстановления Газы. Напротив, тот факт, что БАПОР играет ключевую роль в попытках восстановить Газу, играет решающую роль в повторяющихся провалах этих усилий.

Возможно, Израиль не может лишить палестинцев мечты вернуться в Ашкелон, Ашдод и Беэр-Шеву, но, по крайней мере, он может и должен прекратить международную поддержку агентства, которое поддерживает эту мечту. Поэтому необходимо прежде всего признать, что ущерб, наносимый Израилю продолжающимся существованием БАПОР, затмевает любые тактические преимущества, которые оно может предложить.

Нет места сотрудничеству

Однако можно сохранить интересы безопасности Израиля, одновременно способствуя развитию Газы и предотвращая дальнейшее ухудшение условий жизни и рост экстремизма.

Во-первых, Израиль должен потребовать, чтобы любые международные шаги по восстановлению и развитию сектора Газа сопровождались чёткими заявлениями со стороны стран-доноров, прежде всего западных, о том, что они не признают утверждения о том, что жители Газы являются беженцами из Палестины. Напротив, ***Израиль должен потребовать, чтобы страны-доноры подтвердили, что, поскольку***

Gaza is part of Palestine, and because Israel has no territorial claims on it – all residents of Gaza are Palestinian Gazans and they have no right to make claims to the sovereign territory of the State of Israel, or demand “return” by virtue of their being registered as “refugees” from Palestine. They already live in Palestine.

It is time to tell the Palestinians loud and clear: There is no “right” of “return” and there never will be. The future of the Gazans is in Gaza. There will be no Arab Palestine from the sea to the river. There can be an Arab Palestine in Gaza and the West Bank, but certainly not one that supersedes Israel. In fact, the price of a Palestinian state in the West Bank and Gaza is forgoing any claims to an Arab Palestine in the rest of the territory where Israel exists.

Second, Israel itself must announce the termination of its voluntary cooperation with UNRWA in the Gaza Strip. The fact that Israel did cooperate for so long stems from decades of short-sightedness, during which such cooperation seemed to be providing quiet. But that “quiet” was ultimately bought at a bloody cost, due to the conflict’s prolongation and exacerbation.

If an arrangement becomes possible in which the Palestinian Authority is once more the main administrative factor in Gaza, it can become the principal channel for aid. The countries that donate to UNRWA will be able to transfer the hundreds of millions of dollars they now give to UNRWA annually directly to the PA to benefit UNRWA hospitals and schools. Nothing will change in terms of the actual provision of services – only the sign outside the buildings. The UNRWA school will become the school of the PA, but students, teachers and curriculum will remain the same. Likewise for the hospitals. The Palestinians are likely to continue teaching in those schools that all of Palestine is exclusively theirs, but they would no longer do so under the aegis of the UN.

Such steps will show that Israel does not object to the services being provided in a manner that helps build an infrastructure for a functioning Palestinian state, but does object to their provision through an organization that is actively preserving the dream of Israel’s destruction.

If the PA is unable to operate in Gaza, aid should be transferred through a new and apolitical umbrella organization whose only purpose would be the

Газа является частью Палестины, и поскольку Израиль не имеет территориальных претензий к ней, – все жители Газы являются палестинскими жителями Газы, и они не имеют права претендовать на суверенную территорию Государства Израиль или требовать «возвращения» в силу того, что они зарегистрированы как «беженцы» из Палестины. Они уже живут в Палестине.

Пора громко и чётко заявить палестинцам: «Права на возвращение» нет и никогда не будет. Будущее жителей Газы — в Газе. Не будет арабской Палестины от моря до реки. Арабская Палестина может быть в Газе и на Западном берегу, но, конечно, не такая, которая заменит Израиль. Фактически, цена палестинского государства на Западном берегу и в Газе — это отказ от любых претензий на арабскую Палестину на остальной территории, где существует Израиль.

Во-вторых, Израиль должен сам объявить о прекращении добровольного сотрудничества с БАПОР в секторе Газа. Тот факт, что Израиль сотрудничал так долго, является следствием десятилетий недальновидности, в течение которых такое сотрудничество, казалось, обеспечивало тишину. Но эта «тишина» в конечном итоге была куплена кровавой ценой из-за затягивания и обострения конфликта.

Если станет возможным соглашение, в котором Палестинская администрация вновь станет главным административным фактором в секторе Газа, она может стать основным каналом помощи. Страны, жертвующие средства БАПОР, смогут переводить сотни миллионов долларов, которые они сейчас ежегодно выделяют БАПОР, непосредственно Палестинской администрации на нужды больниц и школ БАПОР. В плане предоставления услуг ничего не изменится – изменится только вывеска на зданиях. Школа БАПОР станет школой Палестинской администрации, но ученики, учителя и учебная программа останутся прежними. То же самое касается и больниц. Палестинцы, вероятно, продолжат преподавать в этих школах, что вся Палестина принадлежит исключительно им, но они больше не будут делать это под эгидой ООН.

Подобные шаги покажут, что Израиль не возражает против предоставления услуг способом, способствующим созданию инфраструктуры для функционирующего палестинского государства, но возражает против их предоставления через организацию, которая активно поддерживает мечту об уничтожении Израйля.

Если ПА не сможет действовать в секторе Газа, помощь должна быть передана через новую и аполитичную зонтичную организацию, единственной целью которой будет

reconstruction and development of the Strip. Israel would declare its willingness to take far-reaching actions on behalf of this effort, but make them conditional on the establishment of the new organization and transfer of all of UNRWA's activity to this organization, whose operations would not involve granting refugee status to its clients.

If the United Nations is capable of acting instantaneously to dispatch rescue operations to disaster areas around the world, and to assist earthquake victims in Haiti or tsunami victims in Southeast Asia without necessarily classifying them as refugees, it is also capable of doing so in Gaza.

Another possibility is for the Western donor countries to act in conjunction with other humanitarian organizations already operating in Gaza, such as USAID, UNICEF and others. Every one of these groups is preferable to UNRWA, because UNRWA links the humanitarian aid that Gaza needs to its own political support for the idea of "return," and this only precludes the possibility of any future conciliation between the peoples.

The rebuilding process must be based on the simple insight that those who live in the Gaza Strip will themselves invest their efforts and resources in the Strip only if they believe that their future lies there. Therefore, it is out of the question to entrust rebuilding efforts to those who are subverting that message. It's not by chance that over time, significantly larger sums per capita have been funneled into the efforts to develop Gaza and into UNRWA than went into the Marshall Plan. ***As long as the ostensible reconstruction efforts are implemented by those who do not truly wish to build a new future for the residents in question, this will be a bottomless pit.***

Only a decision to stop fuelling the idea of return completely will create a true chance to rehabilitate Gaza so that its inhabitants will transform it into a worthy place, and in the long run perhaps achieve something else: coming to terms with the legitimacy of the State of Israel as the sovereign state of the Jewish people, on the path to peace.

Восстановление и развитие сектора Газа. Израиль заявит о своей готовности предпринять далеко идущие действия в этом направлении, но обусловит их созданием новой организации и передачей всей деятельности БАПОР этой организации, деятельность которой не будет связана с предоставлением статуса беженца своим клиентам.

Если Организация Объединенных Наций способна мгновенно направлять спасательные операции в районы бедствий по всему миру и оказывать помощь жертвам землетрясений на Гаити или жертвам цунами в Юго-Восточной Азии, не обязательно классифицируя их как беженцев, то она способна сделать то же самое и в секторе Газа.

Другая возможность заключается в том, что западные страны-доноры будут действовать совместно с другими гуманитарными организациями, уже работающими в Газе, такими как USAID, ЮНИСЕФ и другими. Каждая из этих организаций предпочтительнее БАПОР, поскольку БАПОР связывает гуманитарную помощь, необходимую Газе, со своей политической поддержкой идеи «возвращения», а это лишь исключает возможность какого-либо будущего примирения между народами.

Процесс восстановления должен основываться на простом понимании того, что жители сектора Газа сами вложат в него свои силы и ресурсы только в том случае, если будут верить, что там их будущее. Поэтому недопустимо доверять восстановление тем, кто подрывает эту идею. Неслучайно, что со временем на развитие Газы и в БАПОР на душу населения было выделено значительно больше средств, чем на реализацию плана Маршалла. ***Пока показательные усилия по реконструкции будут осуществляться теми, кто на самом деле не желает строить новое будущее для жителей, это будет бездонная яма.***

Только решение полностью прекратить подпитывать идею возвращения создаст реальный шанс восстановить Газу, чтобы ее жители превратили ее в достойное место, и в долгосрочной перспективе, возможно, достигнут чего-то еще: примирятся с легитимностью Государства Израиль как суверенного государства еврейского народа на пути к миру.

LET'S LAY THE MYTH TO REST: RABIN WOULD HAVE NOT BROUGHT PEACE

Op-Ed for Forward, November 2020

There is a reigning myth that when Yigal Amir assassinated Israeli Prime Minister Yitzhak Rabin on November 4, 1995, he also assassinated peace. It is, like many myths, at once comforting and entirely wrong.

This myth is comforting because it reinforces the kind of foundational story that Western civilization is based on, from Christ to the modern superhero. In these stories, a savior figure or leader shapes history through sheer force of will and against all odds. Transplanted to the Middle East, this foundational myth sets the stage by casting peace between Israelis and Palestinians as requiring an end-of-times salvation. And Yitzhak Rabin is the savior who could have brought about salvation and peace on earth had he not been martyred.

But this myth also reinforces another foundational Western trope, in which Jews are always cast as having an outsized role in shaping human affairs. This is why Jewish agency is always elevated over Palestinian agency in the context of the Middle East. Had Rabin been alive there would have been peace, the myth goes, and since Rabin was assassinated by a Jew, there is no peace. Thanks to the addition of the Jewish trope, the actions, goals and world view of Palestinians have no bearing on the possibility or impossibility of the attainment of peace.

But the reason to be suspicious of the myth of the Rabin assassination killing peace is not just because of how neatly it fits into the wishful thinking of Western storytelling. The myth has persisted for another reason, too: because it rests on the belief that we cannot know what would have happened had he lived.

But we actually do: When he died, Rabin was already on his way to being trounced in direct elections by the up and coming [Benjamin Netanyahu](#). Rabin was going to lose because there was a cavernous gulf between the handshakes on manicured lawns following elevated speeches about peace on

ДАВАЙТЕ РАЗВЕЕМ МИФ: РАБИН НЕ ПРИНЕС БЫ МИР

Редакционная статья для журнала Forward, ноябрь 2020 г.

Существует распространённый миф о том, что, убив премьер-министра Израиля Ицхака Рабина 4 ноября 1995 года, Игаль Амир убил и мир. Этот миф, как и многие другие, одновременно утешителен и совершенно неверен.

Этот миф утешителен, поскольку он укрепляет основополагающую историю, на которой основана западная цивилизация, от Христа до современного супергероя. В этих историях спаситель или лидер формирует историю исключительно силой воли и вопреки всем препятствиям. Перенесенный на Ближний Восток, этот основополагающий миф задает тон, представляя мир между израильянами и палестинцами как необходимость спасения в конце времён. И Ицхак Рабин — тот спаситель, который мог бы принести спасение и мир на землю, если бы не принял мученическую смерть.

Но этот миф также подкрепляет другой основополагающий западный троп, в котором евреям всегда приписывается непомерно значимая роль в формировании человеческих судеб. Именно поэтому в контексте Ближнего Востока еврейская деятельность всегда превозносится над палестинской. Согласно мифу, если бы Рабин был жив, наступил бы мир, а поскольку Рабин был убит евреем, мира нет. Благодаря добавлению еврейского тропа, действия, цели и мировоззрение палестинцев не имеют никакого отношения к возможности или невозможности достижения мира.

Но повод для подозрения к мифу об убийстве Рабина, погубившем мир, заключается не только в том, насколько точно он вписывается в западную риторику, выдающую желаемое за действительное. Этот миф сохранился и по другой причине: он основан на убеждении, что мы не можем знать, что случилось бы, если бы он был жив.

Но на самом деле мы знаем: когда он умер, Рабин уже был на пути к поражению на прямых выборах от перспективных и перспективных [Биньямин Нетаньяху](#). Рабин должен был проиграть, потому что между рукопожатиями на ухоженных газонах после возвышенных речей о мире лежала глубокая пропасть.

the one hand, and the bloody massacres carried out by Palestinian suicide bombers against Israeli civilians on the other. And this gulf did not endear Israelis to the cause of peace. In the highly unlikely case that Rabin would have won the elections, the Israeli public would have pressured him to put the brakes on the so-called peace process, and there is evidence that he was already planning to do so.

Moreover, the shock of the assassination actually swung Israelis to the left, nearly preventing what was a secure Netanyahu victory. Israelis swung so much to the left that a few short years later, [Ehud Barak was elected](#) on a platform for peace more far reaching than anything imagined by Rabin. Ehud Barak [said yes to the Clinton Parameters](#) that would have created an independent Palestinian state in the West Bank and Gaza, with its capital in east Jerusalem, including the Old City. It was Arafat who walked away from this opportunity with no criticism from his people.

If Arafat walked away from a proposal that was far more ambitious than anything Rabin would have put on the table, what reason is there to believe that Rabin would have brought peace?

It brings us back to that phantom, Palestinian agency. Palestinians are agents of history no more and no less than all other human beings. As such, they have made it clear in the past century that if the price of Palestinian independence is the establishment of a Jewish state in the other part of the land, they are not interested. It is a goal that the Palestinian leadership has pursued consistently, as agents of history do.

Twenty-five years after Rabin's assassination, it's time to part with comforting but erroneous myths. Rabin was a human, Israeli leader who tried to make peace and would have failed, as did Barak and Olmert after him. He ultimately represented the Zionist idea, with which Palestinians are still at war.

Leaders, elected or not, cannot stray much from the foundational ethos of their people and survive. Israelis and Palestinians will only make peace when one of two things happen: Either Jews, as a people, will forgo their commitment to Zionism, or Palestinians, as a people, will forgo their war against Zionism.

When one of these two things happen, hopefully the second, the leaders who reflect this change will make themselves known.

С одной стороны, и кровавые расправы, учинённые палестинскими террористами-смертниками над мирным населением Израиля, с другой. И эта пропасть не способствовала любви израильтян к делу мира. В крайне маловероятном случае победы Рабина на выборах израильская общественность оказала бы на него давление, вынудив его затормозить так называемый мирный процесс, и есть доказательства того, что он уже планировал это сделать.

Более того, шок от убийства фактически качнул израильтян влево, едва не предотвратив, казалось бы, гарантированную победу Нетаньяху. Израильтяне качнулись влево настолько, что всего несколько лет спустя [Эхуд Барак был избран](#) на платформе мира, более далеко идущей, чем всё, что мог себе представить Рабин. Эхуд Барак [сказал «да» параметрам Клинтона](#). Это привело бы к созданию независимого палестинского государства на Западном берегу и в секторе Газа со столицей в Восточном Иерусалиме, включая Старый город. Именно Арафат отказался от этой возможности, не вызвав никакой критики со стороны своего народа.

Если Арафат отказался от предложения, которое было гораздо более амбициозным, чем все, что мог выдвинуть Рабин, какие основания полагать, что Рабин смог бы установить мир?

Это возвращает нас к этому фантому – палестинскому агентству. Палестинцы – агенты истории не в большей и не в меньшей степени, чем все остальные люди. Поэтому в прошлом веке они ясно дали понять, что если ценой палестинской независимости является создание еврейского государства на остальной части страны, то их это не интересует. Палестинское руководство последовательно преследовало эту цель, как и все агенты истории.

Спустя двадцать пять лет после убийства Рабина пора расстаться с утешительными, но ошибочными мифами. Рабин был человеком, израильским лидером, который пытался заключить мир, но потерпел бы неудачу, как и Барак с Ольмертом после него. В конечном счёте, он представлял сионистскую идею, с которой палестинцы до сих пор воюют.

Лидеры, избранные или нет, не могут сильно отклониться от основополагающих принципов своего народа и выжить. Израильтяне и палестинцы заключат мир только тогда, когда произойдёт одно из двух: либо евреи как народ откажутся от своей приверженности сионизму, либо палестинцы как народ откажутся от войны против сионизма.

Когда произойдет одно из этих двух событий, желательно второе, лидеры, которые отражают это изменение дадут о себе знать.

THE REAL KILLER OF THE TWO STATE SOLUTION

Op-Ed for Forward, July 2020

Twenty years ago, in July 2000, we were filled with hope as Ehud Barak, Israel's Prime Minister and leader of the Labor Party, left for Camp David to negotiate a final peace agreement with the Palestinians. After more than a decade of previously unimaginable historical breakthroughs – the collapse of the Soviet Union, the fall of the Berlin Wall, the end of Apartheid in South Africa and the Good Friday Agreement in Northern Ireland – we believed we had arrived at the historical moment when peace with the Palestinians might finally be at hand.

Barak placed a bold proposal on the negotiating table that would have provided the Palestinians with an independent sovereign state in almost all of the West Bank and Gaza, without a single settlement in sight, and a capital in east Jerusalem, including holy sites. And we were certain the Palestinians would say yes. After all, for decades we had been told that the key to peace in the Middle East was for Israel to hand over land – “land for peace” – and Barak had just agreed to hand over the land to the Palestinians.

Moreover, ***we made the straightforward assumption that when a people who seek to govern themselves in their own state are presented with the opportunity to do so, they say yes. We were wrong.***

There was no yes. Yasser Arafat, the leader of the Palestine Liberation Organization, walked away. He walked away from Barak's proposal at Camp David, and he walked away from President Clinton's proposal which set the parameters for peace. Had he not walked away, the state of Palestine would have celebrated twenty years of independence this year, in its capital in Jerusalem.

So why did he walk away? Why did Arafat not say a resounding yes when presented with the opportunity to give his people the liberty and dignity of political independence? And why did he face no criticism whatsoever from his people for doing so? ***What did the Palestinians actually want if not an***

НАСТОЯЩИЙ УБИЙЦА РЕШЕНИЯ ДВУХ ГОСУДАРСТВ

Редакционная статья для журнала Forward, июль 2020 г.

Двадцать лет назад, в июле 2000 года, мы были полны надежды, когда Эхуд Барак, премьер-министр Израиля и лидер партии «Авода», отправился в Кэмп-Дэвид для переговоров о заключении окончательного мирного соглашения с палестинцами. После более чем десятилетия ранее немыслимых исторических прорывов – распада Советского Союза, падения Берлинской стены, окончания апартеида в Южной Африке и заключения Соглашения Страстной пятницы в Северной Ирландии – мы верили, что наступил исторический момент, когда мир с палестинцами, наконец, может быть близок.

Барак выдвинул на стол переговоров смелое предложение, которое обеспечило бы палестинцам независимое суверенное государство практически на всей территории Западного берега и сектора Газа, без единого поселения на горизонте, и столицу в Восточном Иерусалиме, включая святыне места. И мы были уверены, что палестинцы ответят «да». В конце концов, десятилетиями нам твердили, что ключ к миру на Ближнем Востоке — это передача Израилем земель — «земля в обмен на мир», — и Барак только что согласился передать эти земли палестинцам.

Более того, ***Мы просто предположили, что когда народ, стремящийся к самоуправлению в своём государстве, получает такую возможность, он соглашается. Мы ошибались..***

Никакого «да» не было. Ясир Арафат, лидер Организации освобождения Палестины, ушёл. Он ушёл и с предложения Барака в Кэмп-Дэвиде, и с предложения президента Клинтона, определявшего параметры мира. Если бы он не ушёл, государство Палестина отметило бы в этом году двадцатилетие своей независимости в своей столице, Иерусалиме.

Так почему же он ушёл? Почему Арафат не сказал решительное «да», когда ему представилась возможность дать своему народу свободу и достоинство политической независимости? И почему он не столкнулся ни с какой критикой со стороны своего народа за это? ***Чего на самом деле хотели палестинцы, если не***

independent state in the West Bank and Gaza with its capital in east Jerusalem?

The answer was hiding in plain sight: the right of return.

The overriding Palestinian demand, more important than the explicit demand of statehood, has always been the innocuous sounding right of return — the demand for millions of Palestinians, descendants of those who fled or were expelled in the 1948 war, to be recognized as possessing each a “right” to settle inside the state of Israel. This right, not sanctioned by international law, crucially overrules Israeli sovereignty; since the number of these Palestinians is between five and nine million, and since Israel’s Jewish population is about seven million, the meaning of such a demand is the transformation of Israel into an Arab state.

And this demand for a massive collective right to enter Israel has been inseparable from the larger negotiations from the Palestinian side. What this means is that when Arafat and Mahmoud Abbas, the head of the Palestinian Authority, spoke of their support for a two-state solution, they actually envisioned two Arab states: one in the West Bank and Gaza, and another one to replace Israel.

This is the only two-state solution Palestinians have ever agreed to. ***There has never been a Palestinian vision of peace where the sovereign state of the Jewish people is allowed to remain as is, because there has never been a Palestinian vision that didn’t include the right of return for millions of Palestinians.***

This is why Arafat walked away in 2000. “Recognition of the right of return,” said [an internal PLO memo](#) written a short time after the Camp David summit, “is a prerequisite for the closure of the conflict.” The same week, an official magazine of Arafat’s faction within the PLO wrote that the mass return of Palestinian refugees to Israel would “help Jews get rid of racist Zionism.”

Eight years later, When Secretary of State Condoleezza Rice sketched out the details of Israeli Prime Minister Ehud Olmert’s peace proposal to Abbas in May 2008, his telling response, quoted in her memoir “No Higher Honor,”

независимое государство на Западном берегу и в секторе Газа со столицей в Восточном Иерусалиме?

Ответ был на виду: право на возвращение.

Главным требованием палестинцев, более важным, чем прямое требование государственности, всегда было безобидное на первый взгляд право на возвращение — требование о признании за миллионами палестинцев, потомков тех, кто бежал или был изгнан во время войны 1948 года, «права» поселиться в государстве Израиль. Это право, не подкреплённое международным правом, принципиально превалирует над суверенитетом Израиля; поскольку численность этих палестинцев составляет от пяти до девяти миллионов человек, а еврейское население Израиля — около семи миллионов, смысл такого требования заключается в преобразовании Израиля в арабское государство.

И это требование о предоставлении массового коллективного права на въезд в Израиль было неотделимо от более масштабных переговоров с палестинской стороны. Это означает, что когда Арафат и Махмуд Аббас, глава Палестинской администрации, говорили о своей поддержке решения о создании двух государств, они на самом деле имели в виду два арабских государства: одно на Западном берегу и в секторе Газа, а другое — на смену Израилю.

Это единственное решение о создании двух государств, на которое когда-либо согласились палестинцы.

Никогда не существовало палестинского видения мира, в котором суверенному государству еврейского народа было бы позволено оставаться таким, какой оно есть, потому что никогда не существовало палестинского видения, которое не включало бы право на возвращение для миллионов палестинцев.

Вот почему Арафат ушел в 2000 году. «Признание права на возвращение», — сказал [внутренний меморандум ООП](#) Написанное вскоре после саммита в Кэмп-Дэвиде, «является предпосылкой для прекращения конфликта». На той же неделе официальный журнал фракции Арафата в ООП написал, что массовое возвращение палестинских беженцев в Израиль «поможет евреям избавиться от расистского сионизма».

Восемь лет спустя, когда в мае 2008 года госсекретарь Кондолиза Райс вкратце изложила Аббасу детали мирного предложения премьер-министра Израиля Эхуда Ольмерта, его красноречивый ответ, процитированный в ее мемуарах «Нет высшей чести»,

was, “I can’t tell four million Palestinian [refugees] that only five thousand of them can go home.”

And as in 2000, there was no criticism of Abbas for depriving Palestinians of a state, no Op-Eds saying that this was a great opportunity that should have been grabbed with both hands, and no NGOs calling on Palestinians to move on from the fixation on return.

One thing Abbas might have told these Palestinian refugees was that the twentieth century saw many empires collapsing and nation-states established, often in a bloody and painful process of land division and border drawings that caused the death and displacement of tens of millions of human beings. Many of them, just like the Palestinians, wanted to return to the places where they had lived before. But it was only the Palestinian demand to resettle inside the State of Israel that was indulged and sustained in such a way by the international community. The fact is, no other refugee population exists from the 1940s. They have all moved on to build their lives in the places to which they fled or in other countries.

The refusal on the part of the international community to engage these simple truths is telling. ***In 1947, British Foreign Minister Ernst Bevin summarized the essence of the conflict in the British Mandate territory as boiling down to the fact that the Jews want a state in the land, and the Arabs want the Jews not to have a state in the land. He has only been proven right ever since.*** More than the Palestinians wanted a state for themselves, they still want the Jewish people not to have their own state in the land, in any borders.

And as long as the price of having a Palestinian Arab state in the land was going to be that the Jewish people would have their own state in the land as well, the answer was going to be no, no and — to quote Abu Mazen — “a thousand times no.”

The Palestine Liberation Organization did undergo a shift at the end of the 1980s. The collapse of the Soviet Union, the PLO’s military, diplomatic and economic patron for decades, forced the Palestinian organization to look for support in the West. That in turn forced the PLO to change its tone, while not its core position: the total rejection of the State of Israel. Gone were the days of the revolutionary violent rhetoric; the need to solve the conflict in peaceful means came to the front.

было: «Я не могу сказать четырем миллионам палестинских [беженцев], что только пять тысяч из них смогут вернуться домой».

И как и в 2000 году, не было никакой критики в адрес Аббаса за лишение палестинцев государства, не было никаких статей, в которых говорилось бы, что это прекрасная возможность, за которую следовало ухватиться обеими руками, и не было НПО, призывающих палестинцев отказаться от идеи возвращения.

Аббас, возможно, сказал бы палестинским беженцам, что в XX веке рухнули многие империи и образовались национальные государства, зачастую в ходе кровавого и мучительного процесса раздела земель и установления границ, приведшего к гибели и перемещению десятков миллионов людей. Многие из них, как и палестинцы, хотели вернуться в места своего прежнего проживания. Но только требование палестинцев переселиться в Государство Израиль было так потакаемо и поддержано международным сообществом. Дело в том, что других беженцев с 1940-х годов не существует. Все они продолжили строить свою жизнь в местах своего бегства или в других странах.

Нежелание международного сообщества принять эти простые истины весьма показательны. ***В 1947 году министр иностранных дел Великобритании Эрнст Бевин сформулировал суть конфликта на территории Британского мандата следующим образом: евреи хотят иметь государство на этой территории, а арабы не хотят, чтобы у евреев было государство на этой территории. С тех пор его правота лишь подтвердилась.*** Больше, чем палестинцы хотят иметь свое государство, они по-прежнему хотят, чтобы у еврейского народа не было своего государства на этой земле, в каких бы то ни было границах.

И пока ценой существования палестинского арабского государства на этой земле будет то, что еврейский народ также будет иметь свое собственное государство на этой земле, ответ будет «нет», «нет» и — как цитирует Абу Мазена — «тысячу раз нет».

В конце 1980-х годов Организация освобождения Палестины претерпела изменения. Распад Советского Союза, десятилетиями являвшегося военным, дипломатическим и экономическим покровителем ООП, вынудил палестинскую организацию искать поддержки на Западе. Это, в свою очередь, заставило ООП изменить тон, хотя и не изменило её основную позицию: полное неприятие Государства Израиль. Времена революционной агрессивной риторики прошли; на первый план вышла необходимость мирного разрешения конфликта.

But this was only tactical, and has not as yet done anything to put a dent in the maximalist vision of Arab rule over the entire land manifested in the demand for a “right of return,” which has never been taken off the table, and to which the goal of two-states was always subordinate.

Further evidence for how much the Palestinian leadership was willing to sacrifice the two-state solution to the right of return came in 2011, when [some 1,700 original](#) documents were leaked from the office of chief Palestinian negotiator Saeb Erekat and published online by Al Jazeera. The documents, known as the Palestine Papers, were internal PA memos and other papers, which document a decade of peace negotiations with Israel.

The papers reveal that the Palestinian leadership was so serious about the “right of return” that they were unwilling to countenance phrases and formulations that might jeopardize it – including “two states for two peoples,” which was viewed as a threat to the realization of the demand to return. In a memorandum for Saeb Erekat on May 3, 2009, for example, the negotiating team writes, “Reference to the right of the two peoples to self-determination in two states may have an adverse impact on refugee rights, namely the right of return... Further, a recognition of the principle of two states for two peoples as a solution to the Israeli-Palestinian conflict confirms that the PLO no longer envisages Palestinian self-determination within the territory of the state of Israel.”

In another memorandum dated November 2007, the Palestinian negotiating team explained that recognizing Israel as a Jewish state “would likely be treated as ... an implicit waiver of the right of return” and “would undermine the legal rights of the refugees.”

Another document from June 2008, which makes recommendations on the refugee issue, notes that the formulation “‘two states for two peoples’ implies no return... to Israel.” And a document from May 2009 states that as far as refugee rights and Israel’s responsibility for the creation of the Palestinian refugee problem, “referring to ‘two states for two peoples’ embodies similar risks to those associated with the recognition of Israel as the state of the Jewish people.”

These documents reveal not just efforts to undermine the two-state solution; they reveal that it was never an option in the first place. One hears a lot these

Но это было лишь тактикой и пока не повлияло на максималистское видение арабского правления на всей территории, выраженное в требовании «права на возвращение», которое никогда не снималось с повестки дня и которому всегда подчинялась цель создания двух государств.

Еще одним доказательством того, насколько палестинское руководство было готово пожертвовать решением о двух государствах ради права на возвращение, стал случай в 2011 году, когда [около 1700 оригинальных](#) Документов, известные как «Палестинские документы», были опубликованы в интернете телеканалом «Аль-Джазира» из офиса главного палестинского переговорщика Саиба Эреката. Эти документы, известные как «Палестинские документы», представляли собой внутренние меморандумы и другие документы ПА, документирующие десятилетие мирных переговоров с Израилем.

Документы показывают, что палестинское руководство настолько серьезно относилось к «праву на возвращение», что не желало допускать фраз и формулировок, которые могли бы поставить его под угрозу, включая концепцию «два государства для двух народов», которая рассматривалась как угроза реализации требования о возвращении. Например, в меморандуме Саибу Эрекату от 3 мая 2009 года переговорная группа пишет: «Упоминание права двух народов на самоопределение в двух государствах может оказать негативное влияние на права беженцев, а именно на право на возвращение... Более того, признание принципа «два государства для двух народов» в качестве решения израильско-палестинского конфликта подтверждает, что ООП больше не рассматривает самоопределение палестинцев на территории Государства Израиль».

В другом меморандуме от ноября 2007 года палестинская переговорная группа объяснила, что признание Израиля как еврейского государства «скорее всего, будет рассматриваться как... неявный отказ от права на возвращение» и «подорвет законные права беженцев».

В другом документе от июня 2008 года, содержащем рекомендации по вопросу беженцев, отмечается, что формулировка «„два государства для двух народов“ подразумевает отсутствие возврата... в Израиль». А в документе от мая 2009 года говорится, что в отношении прав беженцев и ответственности Израиля за создание проблемы палестинских беженцев «упоминание о „двух государствах для двух народов“ несет в себе риски, аналогичные тем, которые связаны с признанием Израиля государством еврейского народа».

Эти документы раскрывают не только попытки подорвать решение о создании двух государств; они показывают, что изначально такой вариант никогда не рассматривался. Часто можно услышать подобные заявления.

days about the death of the two-state solution. Israel, we are told, killed it off with settlement expansion. Or it was the U.S. who killed it by moving the embassy to Jerusalem.

The truth is, the two-state solution was never killed — not by Israel or the U.S. — because in the Palestinian vision, it was never conceived. Jews and Arabs have the right to live in freedom and dignity, and to possess the political power to secure both their individual and collective rights. But for that to happen, the biggest obstacle must be recognized right now and addressed upfront.

The demand of massive Palestinian entry into Israel, uniquely indulged by the west for generations, should be rejected. As long as Palestinians reject the equal right of the Jewish people to political power and self-governance in any part of the land and seek to undo it through “return,” no political solution will bring peace.

Несколько дней о смерти решения о создании двух государств. Израиль, как нам говорят, положил конец этому решению расширением поселений. Или же это сделали США, перенеся посольство в Иерусалим.

Правда в том, что решение о создании двух государств никогда не было отвергнуто — ни Израилем, ни США — потому что в палестинском видении оно никогда не было задумано. Евреи и арабы имеют право жить свободно и достойно, а также обладать политической властью для обеспечения своих индивидуальных и коллективных прав. Но для этого необходимо прямо сейчас признать главное препятствие и немедленно его устранить.

Требование массового въезда палестинцев в Израиль, которому Запад потакал на протяжении поколений, должно быть отвергнуто. Пока палестинцы отвергают равное право еврейского народа на политическую власть и самоуправление в любой части страны и пытаются отменить его посредством «возвращения», никакое политическое решение не принесёт мира.

THERE IS NO SILENCE TO BE BROKEN ON THE OCCUPATION

Book Review for the Tel Aviv Review of Books, Spring 2022

The publication of the book [*Who Do You Think You Are?*](#) by Yuli Novak is evidence, once more, that the artistic bar for anti-Zionist creation is low. The book is badly written. The metaphors worn out. Descriptions of nature as stand-ins for emotional turmoil (comparing volcanic eruptions to her turmoil, geological changes to social ones, comparing getting lost and found while traveling to getting lost and found emotionally), present throughout, would barely cut it as a high school writing exercise. But because the book tells the story of how Zionism is so irredeemable that it must be scrapped altogether, the low literary value of the book is ignored. Given that the book peddles a recent incarnation of the ancient idea that no amount of reform could make the collective Jew palatable, there is a thriving and stable market for material that caters to it.

Who Do You Think You Are? is part biography, part political reflection, part coming-of-age story. Unfortunately, though, there is no coming of age. The protagonist begins and ends the story as the same petulant child whose so-called reflections lead her to realize that the world is to blame, and everyone but her is “blind, numb, fearful and angry.” A vein of irresponsibility runs through the book. The protagonist just happens to do things. By her own description, Novak became director of [*Breaking the Silence*](#), an organization devoted to ending Israel’s military occupation of the West Bank, on a lark. She was studying to be a lawyer but didn’t want to be one and hadn’t yet figured out what she wanted to do. She came across a job ad for director of *Breaking the Silence* and thought it was “something worth trying.” Why? Not clear.

Once at the job she doesn’t understand why people get angry. Israeli Jews who respond to Palestinian attacks with “hysteria” and are manipulated by politicians into “fear and hatred” are at fault. She and her colleagues merely want to highlight the “inherent immorality” of the Occupation. The fury

НЕТ МОЛЧАНИЯ, КОТОРОЕ МОЖНО НАРУШИТЬ ПО ПОВОДУ ОККУПАЦИИ

Обзор книги для Тель-Авивского книжного журнала, весна 2022 г.

Публикация книги [Кем вы себя возомнили?](#) Произведение Юли Новак в очередной раз свидетельствует о низкой художественной планке для антиссионистского творчества. Книга написана плохо. Метафоры избиты. Описания природы как символа эмоциональных потрясений (сравнение извержений вулканов с её потрясениями, геологических изменений с социальными, сравнение потери и находки во время путешествий с потерей и находкой в эмоциональном плане), присутствующие на протяжении всей книги, едва ли сгодились бы для школьного упражнения по письму. Но поскольку книга рассказывает о том, насколько безнадежно сионизм, что от него необходимо полностью отказаться, её низкая литературная ценность игнорируется. Учитывая, что книга продвигает недавнее воплощение древней идеи о том, что никакие реформы не сделают коллективного еврея приемлемым, существует процветающий и стабильный рынок для материалов, которые удовлетворяют эту потребность.

Кем вы себя возомнили? Это отчасти биография, отчасти политические размышления, отчасти история взросления. К сожалению, взросления здесь нет. Главная героиня начинает и заканчивает историю всё тем же капризным ребёнком, чьи так называемые размышления приводят её к пониманию, что виноват весь мир, а все, кроме неё, «слепы, оцепенели, напуганы и злы». Всю книгу пронизывает безответственность. Главная героиня просто делает то, что ей вздумается. По её собственному признанию, Новак стала директором [Нарушая тишину](#), организации, стремящейся положить конец израильской военной оккупации Западного берега, ради развлечения. Она училась на юриста, но не хотела им быть и ещё не решила, чем хочет заниматься. Она наткнулась на объявление о вакансии режиссёра Breaking the Silence и подумала, что «стоит попробовать». Почему? Неясно.

Приступив к работе, она не понимает, почему люди злятся. Виноваты израильские евреи, которые реагируют на нападения палестинцев «истерией» и поддаются манипуляциям политиков, вызывая у них «страх и ненависть». Она и её коллеги просто хотят подчеркнуть «врожденную безнравственность» оккупации. Ярость

against her is because she “stood up against the regime.” The forces that oppose her are nefarious and anti-democratic. They target Breaking the Silence to promote an “illiberal order” and “concentration of powers by the government.”

Her intentions have always been nothing but good. Oh, and the media is at fault.

Theoretically, bad writing and childish protagonists could still make smart arguments. Alas, not in this book. Even if judging only on substance, each of the author’s premises is wrong. The first is that Jewish citizens of Israel do not know what is involved in exercising military control over Palestinians in the West Bank, the Occupation. If they knew, they would end it. Therefore, there is a need to “break the silence” surrounding the Occupation. This is a tantalizing idea. It appeals to the human desire to uncover dark secrets lurking beneath the surface. It lures people with the promise that they will hear something they have not heard before. It also confers a halo of martyrdom on those willing to break the so-called silence.

If only. *The last thing surrounding Israel’s military control of the West Bank since 1967 is silence. From the moment Israel’s military has come to control the West Bank area captured from the Kingdom of Jordan, following King Hussein’s ill-fated decision to follow the charismatic Nasser into that disastrous war, there has been nothing but noise about it. Articles, interviews, reports, commentaries, documentaries, photos, video footage, movies, political debates, UN resolutions, international pronouncements, NGOs, movements, posts, tweets, memes. Jews, Arabs, Muslim, Israelis, Palestinians, Westerners, non-Westerners, academics, celebrities. All weighed in. Perhaps in a small village in China there is a person who has not had something to say about Israel’s Occupation of the West Bank. There is no silence to be broken.*

The Occupation does not take place in a distant location. Israelis encounter it in numerous ways, not least of which is service in the military. Almost all of Israel’s non-Haredi Jewish citizens serve in the military. Almost all of those who serve or have served in Israel’s military had to contribute to maintaining that military control, from intelligence gathering to incarceration to boots on

Её преследуют за то, что она «выступила против режима». Силы, которые ей противостоят, порочны и антидемократичны. Они преследуют «Breaking the Silence» за пропаганду «нелиберального порядка» и «концентрации власти в руках правительства».

Её намерения всегда были исключительно благими. Ах да, и СМИ в этом виноваты.

Теоретически, даже плохой язык и инфантильные герои всё ещё могли бы приводить разумные аргументы. Увы, не в этой книге. Даже если судить только по существу, каждая из посылок автора неверна. Первая заключается в том, что еврейские граждане Израиля не знают, что подразумевается под военным контролем над палестинцами на Западном берегу, под оккупацией. Если бы они знали, они бы её прекратили. Следовательно, необходимо «нарушить молчание», окружающее оккупацию. Это заманчивая идея. Она взывает к человеческому желанию раскрыть тёмные тайны, скрывающиеся под поверхностью. Она соблазняет людей обещанием услышать то, чего они раньше не слышали. Она также возносит ореол мученичества на тех, кто готов нарушить так называемое молчание.

Если бы только. *Последнее, что окружает военный контроль Израиля над Западным берегом с 1967 года, — это тишина. С того момента, как израильские военные взяли под контроль территорию Западного берега, отвоеванную у Королевства Иордания, после злополучного решения короля Хусейна последовать за харизматичным Насером в этой катастрофической войне, вокруг этого только и было шума. Статьи, интервью, репортажи, комментарии, документальные фильмы, фотографии, видеоматериалы, киноленты, политические дебаты, резолюции ООН, международные заявления, НПО, движения, посты, твиты, мемы. Евреи, арабы, мусульмане, израильтяне, палестинцы, жители Запада, не-западные жители, учёные, знаменитости. Все высказались. Возможно, в маленькой деревне в Китае найдётся человек, которому нечего сказать об израильской оккупации Западного берега. Нет ничего, что можно было бы нарушить.*

Оккупация не происходит где-то вдали. Израильтяне сталкиваются с ней различными способами, не в последнюю очередь через службу в армии. Почти все граждане Израиля, не являющиеся харедим, служат в армии. Почти все, кто служит или служил в израильской армии, внесли свой вклад в поддержание этого военного контроля, от сбора разведданных до тюремного заключения и ношения сапог.

the ground. Israelis who serve in the military talk. Israeli Jews, (and Arabs), are not known for their reticence in use of words. Israelis know what is involved in maintaining the Occupation. Israeli ignorance is not the problem. The first and major premise of *Who Do You Think You Are?* and of the entire efforts of Breaking the Silence's effort is that "what allows the Occupation to persist is the public silence around how it's carried out and its ethical and moral implications." This, by virtue of simple observation, is wrong.

Well then, if Israelis know about the Occupation and what is involved in its maintenance, and there is no need to break a non-existing silence around it, why do don't they just end it? And "if not now," when are they going to end it? According to the "political rationale" of Breaking the Silence, as explained by Novak, a straight line goes from Israelis hearing the stories of soldiers serving in the West Bank to realizing the "inherent immorality" of the Occupation and wanting to end it. There are two binary alternatives: the immoral choice of continuing the Occupation or the moral choice of ending it.

Like her colleagues across the Atlantic at [If Not Now](#), an American organization nominally calling for ending Israel's military occupation, Novak wants Israel to "just end the occupation." Sure, how? Unfortunately, missing from the entire book is any serious consideration of policy alternatives and their attendant risks. Could it just be that, given all the bad choices, Israeli Jews understand that maintaining the Occupation is a dirty business, but rationally consider it (oh, the horror) the least bad of their real-world alternatives? But no, not for Novak this worldly business of choosing among several bad real-world alternatives. Presenting choices that are not black and white, good and evil, moral and immoral seems to be outside Novak's interests. Whether ideas like Goodman's "reduction of conflict" or decoupling the necessity of the military occupation as long as the Palestinian war with the state of Israel continues, from the question of unnecessary settlements, which this author champions, is not even discussed. Most problematic, the possibility that, despite multiple efforts, Israel has not been able to end its military control of the West Bank through an agreement is because Palestinians refuse to sign any agreement that is not effectively "From the River to the Sea" is never even considered.

на земле. Израильтяне, служащие в армии, разговаривают. Израильские евреи (и арабы) не славятся своей сдержанностью в словах. Израильтяне знают, что подразумевает под собой сохранение оккупации. Проблема не в невежестве израильтян. Первая и главная предпосылка *Кем ты себя возомнил??* и суть всех усилий Breaking the Silence заключается в том, что «сохранению оккупации способствует молчание общественности о том, как она осуществляется, а также о её этических и моральных последствиях». Это, в силу простого наблюдения, неверно. Итак, если израильтяне знают об оккупации и о том, что связано с её поддержанием, и нет необходимости нарушать несуществующее молчание вокруг неё, почему бы им просто не положить ей конец? И «если не сейчас», то когда же они это сделают? Согласно «политическому обоснованию» книги «Нарушая молчание», как объясняет Новак, израильтяне, услышавшие истории солдат, несущих службу на Западном берегу, осознают «врожденную безнравственность» оккупации и хотят её положить конец, что напрямую связано с израильтянами. Существует две бинарные альтернативы: аморальный выбор продолжения оккупации или моральный выбор её прекращения.

Как и ее коллеги по ту сторону Атлантики, [Если не сейчас](#), американской организации, номинально призывающей к прекращению военной оккупации Израиля, Новак хочет, чтобы Израиль «просто прекратил оккупацию». Конечно, как? К сожалению, во всей книге отсутствует какое-либо серьёзное рассмотрение альтернатив политики и связанных с ними рисков. Может быть, просто, учитывая все плохие варианты, израильские евреи понимают, что сохранение оккупации — грязное дело, но рационально считают его (о, ужас) наименее плохим из реальных альтернатив? Но нет, не для Новака этот мирской вопрос выбора между несколькими плохими реальными альтернативами. Представление вариантов, которые не являются чёрно-белыми, хорошими и злыми, моральными и безнравственными, похоже, не входит в интересы Новака. Будь то идеи вроде «сокращения конфликта» Гудмана или отделения необходимости военной оккупации до тех пор, пока продолжается палестинская война с государством Израиль, от вопроса ненужных поселений, который отстаивает этот автор, даже не обсуждаются. Самая большая проблема заключается в том, что вероятность того, что, несмотря на многочисленные усилия, Израиль не смог прекратить свой военный контроль над Западным берегом посредством соглашения, заключается в том, что палестинцы отказываются подписывать любое соглашение, которое фактически не является соглашением «От реки до моря», и оно даже не рассматривается.

Novak continues a long tradition of viewing the conflict through the prism of Jewish agency and Palestinian passivity. Jews are perpetrators. Palestinians are victims. Jews act. Palestinians respond. Jews provoke. Palestinians are provoked. The notion that Palestinians carry out deliberate acts against Jews in Israel to realize a clearly articulated vision of “From the River to the Sea” is nowhere to be found, except, ironically, in Palestinian expressions, available everywhere, except in Novak’s book. *Who Do You Think You Are?* partakes in this neo-colonial vision that deprives Palestinians of agency. The entire conversation takes place in the author’s head between different Israeli points of view. Worse, the entire book centers around the author’s feelings about morality. She felt “Breaking the Silence” was the moral thing to do. And then “it didn’t work out anymore,” “it was too difficult,” “it was in my head,” “something was broken inside me and I didn’t know what,” “I couldn’t anymore,” “It was too much responsibility,” “too much fear,” “too much loneliness.” It just didn’t “feel” right.

To Novak, everything is binary. She believed lies. Now she knows the truth. Zionists favor the state. She favors the individual. There is nothing in between. No nuance. No sophistication of thought. She was part of a matrix of Zionism that could only be sustained by “denial and avoidance.” Now she clearly sees that it is a “lie” that a sovereign Jewish state could exist without the Occupation. Why? She just feels it. When Novak fought “only” against the Occupation and not against Jewish self-determination altogether she was part of the system, and she bears responsibility for its “inherent immorality.” Novak mindlessly adopts fashionable ideas about whiteness and colonialism that could only take place when one is deprived of any historical understanding of the Jewish people. She claims Israel is not like South Africa only to immediately make that comparison. Novak’s ahistorical attitude is obvious throughout as she speaks of fighting the occupation because it’s happening “now” and who cares how we got here.

The desire for moral purity and resolution of the “inherent contradictions of Zionism” is another aspect of the petulance of the protagonist. It is a desire, present as much among Western Jews as among some Israeli Jews of the left, to achieve moral purity through powerlessness. It is the Jewish idea that my colleague Shany Mor calls “the last time Jews behaved morally was at the

Новак продолжает давнюю традицию рассматривать конфликт через призму еврейской активности и пассивности палестинцев. Евреи — преступники. Палестинцы — жертвы. Евреи действуют. Палестинцы отвечают. Евреи провоцируют. Палестинцев провоцируют. Мысль о том, что палестинцы совершают преднамеренные действия против евреев в Израиле, чтобы реализовать чётко сформулированную концепцию «От реки до моря», нигде не встречается, кроме, как ни парадоксально, палестинских высказываний, встречающихся повсюду, за исключением книги Новака. *Кем вы себя возомнили?* разделяет это неоколониальное видение, лишаящее палестинцев свободы воли. Весь диалог происходит в голове автора, где обсуждаются различные точки зрения израильтян. Хуже того, вся книга вращается вокруг моральных воззрений автора. Она считала, что «Нарушить тишину» — это моральный поступок. А потом «это больше не получалось», «это было слишком сложно», «это было в моей голове», «что-то сломалось внутри меня, и я не знала, что именно», «я больше не могла», «это было слишком много ответственности», «слишком много страха», «слишком много одиночества». Это просто «не казалось» правильным.

Для Новак всё бинарно. Она верила в ложь. Теперь она знает правду. Сионисты отдают предпочтение государству. Она отдаёт предпочтение личности. Нет ничего промежуточного. Никаких нюансов. Никакой утончённости мысли. Она была частью сионистской матрицы, которая могла существовать только благодаря «отрицанию и избеганию». Теперь она ясно видит, что это «ложь» – утверждение, что суверенное еврейское государство может существовать без оккупации. Почему? Она просто чувствует это. Когда Новак боролась «только» против оккупации, а не против еврейского самоопределения в целом, она была частью системы и несёт ответственность за её «врожденную аморальность». Новак бездумно перенимает модные идеи о белой расе и колониализме, которые возможны только при полном отсутствии исторического понимания еврейского народа. Она утверждает, что Израиль не похож на Южную Африку, и тут же проводит это сравнение. Аисторический подход Новак очевиден на протяжении всего текста: она говорит о борьбе с оккупацией, потому что она происходит «сейчас», и кого волнует, как мы к этому пришли.

Стремление к моральной чистоте и разрешению «внутренних противоречий сионизма» — ещё один аспект раздражительности главного героя. Это стремление, присущее как западным евреям, так и некоторым израильским евреям левого толка, достичь моральной чистоты через бессилие. Именно еврейскую идею мой коллега Шани Мор называет «последним разом, когда евреи вели себя нравственно,

lines to the gas showers at Auschwitz.” It is a desire to free the Jewish soul from the Jewish body. To forgo the messy moral earthy life of Zionism for the moral purity of Jewish powerlessness. For some Jews, like Novak, the “inherent contradiction” they cannot sustain is not left-wing Zionism or even Zionism itself, but the very idea of Jewish power. What Novak seeks is “rebirth on a different soil.”

Novak travels around the world, clearly running away from something. Towards the end of the book her answer is that she ran away from coming to terms with the fact that she could no longer be a Zionist. She struggled because she couldn’t know who she is without Zionism. It is a supremely self-centered position. The most important thing for Novak is to feel good about who she is, everyone else be damned. In Novak’s world there is no history and there are no others. It is all about her, how she feels, and what is happening now.

By the end of the book Novak has left behind her earthy Zionism with all its contradictions. Like a spiritual born-again she is ready to embrace some vague utopia of individual equality and democracy unmoored from any sense of history and people. Like many utopians before her Novak is very good at the noble task of destroying what exists and clueless at building something new. There is probably no more anti-Zionist mindset, not in the sense of being opposed to Zionism, but in negating its very spirit. The genius of Zionism was that it had a vision for building something and went about realizing it. Zionism didn’t just tear down, although its thinkers had plenty of harsh criticism, not least of which about Jewish life in the diaspora. Zionism was very specific about what it sought to build and how it planned to go about building it and had the ruthless determination that came with it.

From inception, Zionism had thoughtful and fierce detractors who mounted thoughtful critiques. With Novak, we now have soft naval gazers whose only concern is how anything makes them feel. One could only be nostalgic for the days when Zionism had more formidable foes...

Очереди к газовым душам в Освенциме». Это желание освободить еврейскую душу от еврейского тела. Отказаться от грязной, морально-земной жизни сионизма ради моральной чистоты еврейского бессилия. Для некоторых евреев, таких как Новак, «внутреннее противоречие», которое они не могут вынести, — это не левый сионизм и даже не сам сионизм, а сама идея еврейской власти. Новак стремится к «возрождению на иной почве».

Новак путешествует по миру, явно убегая от чего-то. Ближе к концу книги она отвечает, что убегала от осознания того, что больше не может быть сионисткой. Она боролась, потому что не могла понять, кто она без сионизма. Это крайне эгоцентричная позиция. Самое главное для Новак — чувствовать себя хорошо, независимо от всех остальных. В мире Новак нет истории и нет других. Всё дело в ней, в её чувствах и в том, что происходит сейчас.

К концу книги Новак оставляет позади свой приземлённый сионизм со всеми его противоречиями. Словно возрождённая духовно, она готова принять некую смутную утопию индивидуального равенства и демократии, оторванную от какого-либо понимания истории и народа. Как и многие утописты до неё, Новак прекрасно справляется с благородной задачей разрушения существующего и совершенно не умеет строить новое. Пожалуй, нет более антиссионистского мышления, не в смысле противостояния сионизму, а в смысле отрицания самого его духа. Гениальность сионизма заключалась в том, что у него было видение построения чего-то и он приступил к его реализации. Сионизм не просто разрушал, хотя его мыслители высказывали немало жёсткой критики, в том числе и в адрес еврейской жизни в диаспоре. Сионизм был очень конкретен в том, что он стремился построить и как он планировал это сделать, и обладал безжалостной решимостью, которая этому сопутствовала.

С самого начала у сионизма были вдумчивые и яростные противники, выступавшие с вдумчивой критикой. С появлением Новака у нас появились мягкотелые наблюдатели, которых волнует только то, как они себя чувствуют. Можно лишь ностальгировать по тем временам, когда у сионизма были более грозные враги...

PALESTINIAN REFUGEE ‘RETURN’: A CRITIQUE

Essay Co-Authored with Adi Schwartz for Fathom Journal, June 2021

Peter Beinart is close. He is slowly inching towards understanding the core of the conflict. He finally realises that the conflict is clearly not about all those things that we were told for decades. It is not about the military occupation of lands controlled as a result of the 1967 war. It is not about the settlements built in those lands. It is not even about Israeli control of East Jerusalem. While obviously Palestinian Arabs want all of these to end, Beinart understands that ending those would not bring an end to the conflict. Perhaps having read our book *The War of Return*, as he describes (*The Guardian*, May 18), Beinart finally understands that Palestinians have always wanted something more. ***He understands that the Palestinian demand to settle inside the sovereign territory of the state of Israel in the name of ‘return’ — known as ‘The Right of Return’ — is far more important to Palestinians than those issues related to the ‘occupation’, ‘settlements’, and even Jerusalem.***

So Beinart proposes that Israel accept that demand to settle millions of Palestinians inside Israel, arguing that it is both doable, desirable, and above all — a deep realisation of Jewish values. Doing so, he believes, would redress decades-old Palestinian

«ВОЗВРАЩЕНИЕ» ПАЛЕСТИНСКИХ БЕЖЕНЦЕВ: КРИТИКА

Эссе, написанное в соавторстве с Ади Шварц для журнала Fathom Journal, июнь 2021 г.

Питер Бейнарт близок к разгадке. Он постепенно приближается к пониманию сути конфликта. Он наконец осознаёт, что конфликт явно не связан со всем тем, о чём нам твердили десятилетиями. Речь идёт не о военной оккупации территорий, контролируемых в результате войны 1967 года. Речь не о поселениях, построенных на этих землях. Речь даже не об израильском контроле над Восточным Иерусалимом. Хотя палестинские арабы, очевидно, хотят, чтобы всё это прекратилось, Бейнарт понимает, что прекращение всего этого не положит конец конфликту. Возможно, прочитав нашу книгу, *Война за возвращение*, как он описывает (*The Guardian*, 18 мая) Бейнарт наконец понимает, что палестинцы всегда хотели чего-то большего. **Он понимает, что требование палестинцев поселиться на суверенной территории государства Израиль под предлогом «возвращения» — известное как «Право на возвращение» — гораздо важнее для палестинцев, чем вопросы, связанные с «оккупацией», «поселениями» и даже Иерусалимом.**

Итак, Бейнарт предлагает Израилю принять это требование о расселении миллионов палестинцев на территории Израиля, утверждая, что это одновременно осуществимо, желательно и, прежде всего, является глубоким воплощением еврейских ценностей. Он считает, что это позволит устранить многолетние палестинские проблемы.

grievances, which would in turn allow peace and prosperity to prevail.

But Beinart's proposal misses entirely what the 'Right of Return' was designed to achieve. As we discuss in depth in our book, *this idea of a 'Right' of all Palestinians to settle en masse in Israel, in breach of its sovereignty, which was never recognised as a right under international law, was developed by the Arabs after their defeat in the war of 1948, purposefully as a means of continuing that war by other means*. Demanding 'return' was never meant to achieve peace, but to obtain the same goal that escaped the Arabs in the war of 1948 — the prevention of Jewish self-determination.

Settling the original refugees and their millions of descendants in the State of Israel was not, and is still not, a humanitarian gesture, as Beinart seems to believe, but a political action, aimed at restoring Arab and Muslim dominance to a land that the Palestinians view as exclusively theirs. In that, the 'Right of Return' was never an innocent idea, divorced from the broader Arab political rejection of Jewish self-determination. It was never about simply returning Arabs to the entirety of the land — but about returning the entirety of the land to the Arabs.

This is the reason why, despite many Palestinian refugees wanting to return to their homes in the course of the war or immediately thereafter, the Palestinian leadership opposed it, arguing that doing so at that particular moment would mean effective recognition of Israel's existence. It was clear that the issue of the return of the refugees was subsidiary to the greater question of denying Israel's legitimacy. As long as the refugees' return was considered to reflect favorably on Israel's legitimacy, it was rejected. In the summer of 1948, the Jerusalem Mufti Haj Amin al-Husseini, the leader of the Palestinian Arabs, signed a decree in the name of the Arab Higher Committee, assailing the willingness of Arab states to return the refugees to Israel on the grounds that this would require negotiations with the newborn

обида, что, в свою очередь, позволило бы
восторжествовать миру и процветанию.

Однако предложение Бейнарта совершенно не отражает цели, ради которой было разработано «Право на возвращение». Как мы подробно обсуждаем в нашей книге, ***Эта идея «права» всех палестинцев массово селиться в Израиле, нарушая его суверенитет, который никогда не признавался как право в соответствии с международным правом, была разработана арабами после их поражения в войне 1948 года, намеренно как средство продолжения этой войны другими средствами.*** Требование «возвращения» никогда не подразумевало достижение мира, а скорее достижение той же цели, которой не удалось достичь арабам в войне 1948 года — недопущение самоопределения евреев.

Расселение первых беженцев и миллионов их потомков в Государстве Израиль не было и не остаётся гуманитарным жестом, как, по-видимому, считает Бейнарт, а политическим действием, направленным на восстановление арабского и мусульманского господства на земле, которую палестинцы считают исключительно своей. В этом смысле «право на возвращение» никогда не было невинной идеей, оторванной от более широкого политического неприятия арабами еврейского самоопределения. Речь шла не просто о возвращении арабов на всю территорию, а о возвращении всей этой земли арабам.

Именно поэтому, несмотря на то, что многие палестинские беженцы хотели вернуться в свои дома во время войны или сразу после неё, палестинское руководство выступило против этого, утверждая, что это в данный момент означало бы фактическое признание существования Израиля. Было ясно, что вопрос о возвращении беженцев был второстепенным по сравнению с более важным вопросом отрицания легитимности Израиля. Пока возвращение беженцев считалось благоприятным для легитимности Израиля, оно было отклонено. Летом 1948 года муфтий Иерусалима Хадж Амин аль-Хусейни, лидер палестинских арабов, подписал указ от имени Высшего арабского комитета, в котором подверг критике готовность арабских государств вернуть беженцев в Израиль на том основании, что это потребует переговоров с новорождённым

state and would thus grant it effective recognition and legitimacy.

In the same spirit, another Arab Higher Committee official, Emil Ghury, rejected any possibility of returning the refugees home, since this would ‘serve as the first step towards Arab recognition of the State of Israel and of partition.’ The solution, in his words, ‘was only possible through the renewed conquest of the territory that was captured by the Jews and the return of its inhabitants.’ The return was part and parcel of the reconquest of the territory. He explicitly warned against seeing the problem through too small a lens, as if it were a purely humanitarian question. He lamented that ‘they have turned a matter of *jihad* into a problem of refugees. Looking to the future, Ghury was clear, resolving: ‘We are concerned to return and turn the question into a question of *jihad*. We are concerned to harvest hatred of the Jews in the heart of every Arab.’

This was the beginning of a linkage that exists to this day between the refugee problem and the broader aims of the Arab world in the conflict. Palestinian leaders demonstrated that they considered the plight of the refugees secondary to the main political question—the elimination of Israel, the reversal of the outcome of the war, and the prevention of territorial partition. Return, therefore, was not and is still not, merely a matter of geography, but also of time. It is not merely about moving ten or twenty miles to homes left behind, but primarily about returning to a time before the establishment of Israel and The Disaster, *The Nakba*. At the time, the disaster was meant to refer not just to the displacement Palestinian Arabs, but to humiliating experience of defeat to the Jews. In the Arab conception, then, ‘Return’ is not only about physically moving from one place to another but about reversing all prior events.

The Palestinian historian Walid Khalidi elaborated in the 1950s that return was not an end in itself. In words that sound like a direct response to Beinart’s misguided aspirations, he wrote: ‘It is sometimes suggested that the way to solve the Palestine problem is to approach it in a piecemeal fashion . . . Settle the refugees and the biggest obstacle to the solution will be removed. But the Palestine problem will remain as acute as ever with every Palestine refugee settled. The refugees may be the outward evidence of the crime which must be tidied out of sight but nothing will remove the scar of

государство и, таким образом, предоставит ему эффективное признание и легитимность.

В том же духе другой представитель Высшего арабского комитета, Эмиль Гури, отверг любую возможность возвращения беженцев домой, поскольку это «стало бы первым шагом к признанию арабами Государства Израиль и разделу». Решение, по его словам, «было возможно только через повторное завоевание территории, захваченной евреями, и возвращение её жителей». Возвращение было неотъемлемой частью реконкисты территории. Он прямо предостерег от рассмотрения проблемы слишком узко, как если бы это был чисто гуманитарный вопрос. Он посетовал, что «они превратили вопрос *джихад* в проблему беженцев. Глядя в будущее, Гури ясно дал понять: «Мы стремимся вернуться и превратить этот вопрос в вопрос *джихад*». «Мы стремимся заронить ненависть к евреям в сердце каждого араба».

Это положило начало связи, которая существует и по сей день между проблемой беженцев и более широкими целями арабского мира в этом конфликте. Палестинские лидеры продемонстрировали, что считают бедственное положение беженцев второстепенным по сравнению с главным политическим вопросом — уничтожением Израиля, изменением исхода войны и предотвращением территориального раздела. Поэтому возвращение было и остаётся не только вопросом географии, но и времени. Речь идёт не просто о перемещении на десять-двадцать миль к оставленным домам, а, прежде всего, о возвращении во времена до создания Израиля и Катастрофы. *Накба*. В то время под катастрофой подразумевалось не только перемещение палестинских арабов, но и унижительный опыт поражения евреев. Таким образом, в арабском понимании «возвращение» означает не только физическое перемещение из одного места в другое, но и обращение вспять всех предыдущих событий.

Палестинский историк Валид Халиди в 1950-х годах разъяснял, что возвращение не является самоцелью. Словами, которые звучат как прямой ответ на ошибочные устремления Бейнарта, он писал: «Иногда высказывается предположение, что способ решения палестинской проблемы — это подход к ней по частям... Расселите беженцев, и главное препятствие к решению будет устранено. Но палестинская проблема останется такой же острой, как и прежде, с каждым расселённым палестинским беженцем. Беженцы могут быть внешним свидетельством преступления, которое необходимо скрыть, но ничто не снимет шрам...

Palestine from Arab hearts . . . The solution to the Palestine problem cannot be found in the settlement of the refugees. This admission is the heart of the matter: instead of being a legal or humanitarian issue, then and now, the refugee problem is first and foremost a political problem, reflecting the Arab desire to dominate the entire land and to deny Jews sovereignty in any part of it whatsoever.

Shortly after the war, as the consequences of it became more evident and Israel's establishment more difficult to ignore, the Palestinian leadership radically changed its position. Palestinian leaders realised that demanding refugee return could actually upset the new status quo and undermine the existence of the state of Israel. The demand for return, wrote Palestinian historian Rashid Khalidi in analysing the Arab mood of the time, 'was clearly premised on the liberation of Palestine, i.e., the dissolution of Israel.'

Some Arab politicians and media explicitly linked the demand for return to the elimination of the state of Israel. In October 1949 Egyptian foreign minister Muhammad Salah al-Din said, 'It is well known and understood that the Arabs, in demanding the return of the refugees to Palestine, mean their return as masters of the Homeland and not as its slaves. With greater clarity, they mean the liquidation of the State of Israel'. The Palestinian journalist and historian Nasir al-Din Nashashibi also explained, 'We do not want to return with the flag of Israel flying on a single square metre of our country, and if indeed we wish to return, this is an honoured and honourable return and not a degrading return, not a return that will make us citizens in the State of Israel'.

An article in the Lebanese weekly newspaper *Al-Sayyad* declared in February 1949, as the war ended: 'We are unable to return [the refugees] honorably. Let us therefore try to make them a fifth column in the struggle yet before us. One year later, an article in the same newspaper claimed that the Palestinians' return would 'create a large Arab majority that would serve as the most effective means of reviving the Arab character to Palestine while forming a powerful fifth column for the day of revenge and reckoning'.

'Having lost the war,' wrote historian Avi Shlaim, 'Arab governments used whatever weapons they could find to continue the struggle against Israel, and

Палестина из арабских сердец... Решение палестинской проблемы не может быть найдено в расселении беженцев. Это признание и есть суть проблемы: вместо того, чтобы быть юридической или гуманитарной проблемой, проблема беженцев и тогда, и сейчас, прежде всего, является политической проблемой, отражающей стремление арабов к господству над всей территорией и отрицанию суверенитета евреев над какой-либо её частью.

Вскоре после войны, когда её последствия стали более очевидными, а игнорировать создание Израиля стало сложнее, палестинское руководство радикально изменило свою позицию. Палестинские лидеры осознали, что требование возвращения беженцев может фактически нарушить новый статус-кво и подорвать существование государства Израиль. Требование возвращения, как писал палестинский историк Рашид Халиди, анализируя арабские настроения того времени, «явно предполагало освобождение Палестины, то есть роспуск Израиля».

Некоторые арабские политики и СМИ открыто связывали требование возвращения с ликвидацией государства Израиль. В октябре 1949 года министр иностранных дел Египта Мухаммад Салах ад-Дин заявил: «Хорошо известно и понятно, что арабы, требуя возвращения беженцев в Палестину, подразумевают их возвращение в качестве хозяев Родины, а не её рабов. Ещё яснее, они имеют в виду ликвидацию Государства Израиль». Палестинский журналист и историк Насир ад-Дин Нашашиби также пояснил: «Мы не хотим возвращаться с флагом Израиля, развевающимся на одном квадратном метре нашей страны, и если мы действительно хотим вернуться, это будет достойное и достойное возвращение, а не унижительное возвращение, не возвращение, которое сделает нас гражданами Государства Израиль».

Статья в ливанской еженедельной газете *Аль-Сайяд* в феврале 1949 года, после окончания войны, было заявлено: «Мы не можем вернуть [беженцев] с честью. Поэтому давайте попытаемся сделать их пятой колонной в предстоящей нам борьбе». Год спустя в статье той же газеты утверждалось, что возвращение палестинцев «создаст значительное арабское большинство, которое послужит наиболее эффективным средством возрождения арабского характера Палестины, одновременно формируя мощную пятую колонну ко дню возмездия и расплаты».

«Проиграв войну, — писал историк Ави Шлайм, — арабские правительства использовали любое оружие, которое они могли найти, чтобы продолжить борьбу против Израиля, и

the refugee problem was a particularly effective weapon for putting Israel on the defensive in the court of international public opinion'. As Benny Morris wrote, 'the refugees had been, and remained, a political problem,' and Arab states reasoned that their return to Israel 'could help undermine the Jewish State, to whose continued existence they objected'.

This is how the Palestinian demand to return was born, and this is the reason for its perpetuation for more than 70 years. Its purpose is to serve the goal of undoing Israel. Therefore, whenever an opportunity arose to solve the humanitarian aspect of the problem, without fulfilling the political goal of Arab dominance in the land, it was rejected. For example, Palestinians rejected Israeli offers to resettle some of the refugees in Israel right after the war as Israeli citizens. They also rejected compensation offers by Israel for the loss of property in the war, if it meant having to sign a comprehensive peace agreement that would legitimise Israel's existence. Even when a Palestinian notable tried to build new houses and livelihoods for the Palestinian refugees in an experimental village in the beginning of the 1950s, thus improving their conditions of life and restoring their human dignity, the Palestinian reaction was to burn down the village. The purpose was not, and still is not, to rectify a moral or humanitarian injustice, as Beinart believes, but to undo Jewish independence. That, in Palestinian and Arab eyes, is the gravest injustice of all — that Jews are sovereign and masters of their fate in an area that Arabs believe should be exclusively theirs.

In January 2001, Fatah's official magazine reiterated this idea arguing that the mass return of refugees would 'help Jews get rid of the racist Zionism that wants to impose their permanent isolation from the rest of the world'. The exercise of the right of return was clearly not about humanitarian issues, but was designed to serve the political purpose of changing Israel's character, terminating its nature as the nation-state of the Jewish people, transforming it into one more Arab-dominated state. In that, the Palestinians were presenting themselves as the kind doctors offering euthanasia for a patient who still very much wishes to live.

This underlying worldview explains why the Nakba is commemorated to this day on May 15th, the day after the establishment of the State of Israel. If the

«Проблема беженцев была особенно эффективным оружием, позволяющим заставить Израиль занять оборонительную позицию перед международным общественным мнением». Как писал Бенни Моррис, «беженцы были и остаются политической проблемой», и арабские государства рассуждали, что их возвращение в Израиль «может способствовать подрыву еврейского государства, против дальнейшего существования которого они возражали».

Так зародилось палестинское требование о возвращении, и именно поэтому оно сохраняется уже более 70 лет. Его цель — свергнуть Израиль. Поэтому всякий раз, когда появлялась возможность решить гуманитарный аспект проблемы, не стремясь к достижению политической цели — арабского господства на этой земле, она отвергалась.. Например, палестинцы отклонили предложения Израиля переселить часть беженцев в Израиль сразу после войны в качестве израильских граждан. Они также отклонили предложения Израиля о компенсации за потерю имущества во время войны, если это означало бы необходимость подписать всеобъемлющее мирное соглашение, которое легитимировало бы существование Израиля. Даже когда палестинская знать пыталась построить новые дома и средства к существованию для палестинских беженцев в экспериментальной деревне в начале 1950-х годов, тем самым улучшая их условия жизни и восстанавливая их человеческое достоинство, палестинцы отреагировали на это тем, что сожгли деревню дотла. Целью было не исправление моральной или гуманитарной несправедливости, как считает Бейнарт, а отмена еврейской независимости. Это, в глазах палестинцев и арабов, является самой большой несправедливостью из всех — то, что евреи являются суверенными и хозяевами своей судьбы на территории, которая, по мнению арабов, должна принадлежать исключительно им.

В январе 2001 года официальный журнал ФАТХ вновь озвучил эту идею, утверждая, что массовое возвращение беженцев «поможет евреям избавиться от расистского сионизма, который стремится навязать им постоянную изоляцию от остального мира». Реализация права на возвращение явно не имела гуманитарного значения, а была призвана служить политической цели – изменению характера Израиля, прекращению его существования как национального государства еврейского народа и превращению его в очередное государство с арабским доминированием. Тем самым палестинцы выставляли себя добрыми врачами, предлагающими эвтаназию пациенту, который всё ещё очень хочет жить.

Это основополагающее мировоззрение объясняет, почему Накба по сей день отмечается 15 мая, на следующий день после создания Государства Израиль. Если

Nakba had meant the memory of Arab Palestinian dispossession or suffering, it could have been marked on the day that Haifa or Jaffa, two of the most important Arab cities prior to the war, fell to Jewish hands. It could have also been observed on the day the village of Deir Yessin was lost — a significant milestone that led to greater Arab flight in the war. But the Nakba does not represent the humanitarian loss of lives, or the fact that some Palestinians became refugees, but the political loss of dominance in any part of the land to the Jews and the humiliating defeat to their forces. ***The Nakba therefore continues to this day in Palestinian eyes, not because of possible evictions in Sheikh Jarrah, but because the Nakba is synonymous with the very existence of Israel: it will go on as long as Israel exists, and only Israel's disappearance would put an end to it.*** To Palestinians, marking the Nakba is not about memories of the past, but about imagining a future when that past is reversed, Israel is gone and the land in its entirety is Arab.

There is no escaping the simple fact that the conflict persists because the goals of both sides are irreconcilable. Jews want to have a sovereign state in at least part of the land and Palestinian Arabs want for the Jews to not have a sovereign state in any part of the land. As pithily articulated by British Foreign Minister Ernest Bevin on the eve of partition: ‘His Majesty’s Government have thus been faced with an irreconcilable conflict of principles ... For the Jews the essential point of principle is the creation of a sovereign Jewish State. For the Arabs, the essential point of principle is to resist to the last the establishment of Jewish sovereignty *in any part of Palestine*’ (our emphasis). Bevin understood quite well that this was not a conflict between two national movements, each seeking first and foremost its own independence, but rather about one group (the Arabs) seeking first and foremost to foil the independence of another (the Jews). Only a clear choice between these irreconcilable goals could therefore solve the conflict once and for all.

Beinart’s answer to this question seems clear: the Jews are the ones who should forfeit their state. This is the long-term project Beinart has been engaging in and to do so he seeks to convince Jews that forfeiting their state and their sovereignty and their self-defense is in fact the true realisation of Jewish values. It is an echo of an ancient dark desire lurking always in Jewish life — to escape the historical weight of being Jewish by disappearing

Накба означала память о лишениях и страданиях арабов Палестины. Её могли отмечать в день, когда Хайфа или Яффа, два важнейших арабских города до войны, пали под гнетом евреев. Её также можно было отметить в день потери деревни Дейр-Йесин — важной вехи, приведшей к ещё большему бегству арабов во время войны. Но Накба символизирует не гуманитарные потери или превращение некоторых палестинцев в беженцев, а политическую утрату евреями своего господства в какой-либо части страны и унижительное поражение их войск. ***Таким образом, Накба продолжается в глазах палестинцев по сей день не из-за возможных выселений в Шейх-Джарре, а потому, что Накба является синонимом самого существования Израиля: она будет продолжаться до тех пор, пока существует Израиль, и только исчезновение Израиля положит ей конец.*** Для палестинцев празднование Накбы связано не с воспоминаниями о прошлом, а с представлением будущего, когда прошлое будет изменено, Израиль исчезнет, а вся земля станет арабской.

Невозможно игнорировать тот простой факт, что конфликт сохраняется, поскольку цели обеих сторон непримиримы. Евреи хотят иметь суверенное государство хотя бы на части территории, а палестинские арабы хотят, чтобы у евреев не было суверенного государства ни на одной из её частей. Как лаконично выразился министр иностранных дел Великобритании Эрнест Бевин накануне раздела: «Правительство Его Величества столкнулось с непримиримым конфликтом принципов... Для евреев важнейшим принципом является создание суверенного еврейского государства. Для арабов важнейшим принципом является сопротивление до последнего установлению еврейского суверенитета». *в любой части Палестины* (выделено нами). Бевин прекрасно понимал, что это был конфликт не между двумя национальными движениями, каждое из которых стремилось прежде всего к собственной независимости, а скорее между одной группой (арабами), стремящейся прежде всего помешать независимости другой (евреев). Поэтому только чёткий выбор между этими непримиримыми целями мог разрешить конфликт раз и навсегда.

Ответ Бейнарта на этот вопрос кажется очевидным: именно евреи должны лишиться своего государства. Это долгосрочный проект, которым занимается Бейнарт, и для достижения этой цели он стремится убедить евреев, что потеря своего государства, своего суверенитета и самозащиты — это и есть истинное воплощение еврейских ценностей. Это отголосок древнего тёмного желания, всегда таящегося в еврейской жизни, — избавиться от исторического бремени еврейства, исчезнув.

completely, by ceasing to be Jewish, and at the very least by no longer being so visibly and obviously Jewish — as Israel and Zionism so clearly are. At the very least it preserves Jewish morality as a powerless people with no choices, known also as the view that the last time the Jews were truly moral was as they waited to enter the showers at Auschwitz.

In this attempt to portray the dissolution of Jewish sovereignty as a Jewish value Beinart posits an equivalence between Jewish and Palestinian ‘return’. But the conceptions of ‘return’ of each side are merely the reflections of their mutually exclusive goals — of Jewish self-determination versus its denial.

Given that at the birth of Zionism, the vast majority of Jews, having been dispersed for millennia, lived outside the Land of Israel, self-determination in the land could only be fully realised through Jewish immigration — ‘returning’ — to the land. Jewish return to the land in of itself was never a goal of Zionism — self-determination was. Jews could return to the Land of Israel, study Torah, live there and be buried for much of their time in exile. That in itself was not a goal of Zionism. The issue was that the land was ruled by others and Jews could not rule themselves. Zionism introduced the possibility that Jews could rule themselves in the land, and to that end called upon them to return to the land and help build their third sovereignty.

Since the premier goal of Zionism was sovereignty in the land rather than return to each and every square metre where their Hebrew, Israelite and Judean ancestors ever stepped, Zionist leaders agreed to various partition plans at every historical juncture. It is not that Jews didn’t dream initially of being sovereign in the entire land. The [map](#) that Chaim Weizmann presented to the 1919 Paris peace conference included not only the current state of Israel, Judea, Samaria and Gaza, but also parts of today’s southern Lebanon and the eastern bank of the River Jordan, today in the Kingdom of Jordan. However, when this plan met with reality, and first and foremost the presence of a large Arab population that resisted Zionist ambitions, Zionism was pragmatic enough to adjust its romantic and spiritual desires to that reality. Since the goal was self-determination, borders were negotiable.

Comparing Weizmann’s map with David Ben Gurion’s [proposal](#) for the

Полностью перестав быть евреями, или, по крайней мере, перестав быть так явно и очевидно еврейскими, как Израиль и сионизм, столь явно. Как минимум, это сохраняет еврейскую мораль как бесправного народа без выбора, что также известно как точка зрения, согласно которой последний раз евреи были по-настоящему нравственны, когда ждали своей очереди в душевую в Освенциме.

В этой попытке представить разрушение еврейского суверенитета как еврейскую ценность, Бейнарт утверждает эквивалентность еврейского и палестинского «возвращения». Однако концепции «возвращения» каждой из сторон — это лишь отражение их взаимоисключающих целей — еврейского самоопределения или его отрицания.

Учитывая, что на момент зарождения сионизма подавляющее большинство евреев, будучи рассеянными на протяжении тысячелетий, проживало за пределами Земли Израиля, самоопределение на этой земле могло быть полностью реализовано только посредством еврейской иммиграции – «возвращения» – на эту землю. Возвращение евреев на свою землю само по себе никогда не было целью сионизма – целью было самоопределение. Евреи могли вернуться на Землю Израиля, изучать Тору, жить там и быть погребенными большую часть времени своего изгнания. Это само по себе не было целью сионизма. Проблема заключалась в том, что этой землей правили другие, и евреи не могли управлять собой. Сионизм представил возможность для евреев самостоятельно управлять своей землей и с этой целью призвал их вернуться на свою землю и помочь построить свой третий суверенитет.

Поскольку главной целью сионизма был суверенитет над территорией, а не возвращение к каждому квадратному метру земли, где когда-либо ступали их еврейские, израильские и иудейские предки, лидеры сионизма на каждом историческом этапе соглашались на различные планы раздела. Нельзя сказать, что изначально евреи не мечтали о суверенитете над всей территорией. [карта](#) Представленный Хаимом Вейцманом на Парижской мирной конференции 1919 года план охватывал не только нынешнее государство Израиль, Иудею, Самарию и Газу, но и части современного южного Ливана и восточного берега реки Иордан, ныне входящего в состав Королевства Иордания. Однако, когда этот план столкнулся с реальностью, и прежде всего с наличием многочисленного арабского населения, сопротивлявшегося сионистским амбициям, сионизм проявил достаточно прагматизма, чтобы приспособить свои романтические и духовные устремления к этой реальности. Поскольку целью было самоопределение, границы могли быть предметом переговоров.

Сравнение карты Вейцмана с картой Давида Бен-Гуриона [предложение](#) для

partition of the British Mandate in 1946, one can clearly see how pragmatic Zionism was. In this map, submitted by the Jewish Agency to the Anglo-American Committee of Inquiry, one can clearly see the concessions that Zionism made, proposing that an Arab state would be established in the most historic areas of the Holy Land. In some 25 years, Zionism moved from demanding a large piece of the land, to partitioning and settling for what they could reasonably get.

When the United Nations voted in favor of partition in November 1947, it left Jerusalem – Zion in Hebrew, the origin of the word Zionism – in international hands as a *corpus separatum*. It also left the area known as Judea, just south of Jerusalem – from which the word Jew is derived – in Arab hands. Still, when news broke out that the UN voted in favor of a Jewish state on about half of the territory of the Mandate, thousands of Jews took to the streets and celebrated the coming attainment of sovereignty in even a small part of the land. Even though the Jewish state was to have a substantial Arab population, it was clear that once the state could finally open its doors to Jews from all over the world, the Jewish state would have a solid Jewish majority with all existing inhabitants remaining in place. That, and not the expulsion of Palestinian Arabs, as Beinart falsely claims, was how the Jewish state was to be established.

Contrary to this Jewish goal of self-determination, even in much reduced territory, the overarching Arab goal was to prevent Jewish sovereignty in any part of the land. This was the goal that animated multiple outbursts of violence against early Jewish Zionist presence in the land, under the Ottomans, and later under the British, as well as the blanket rejection of various partition plans, culminating in the war waged from 1947-1949 by Arabs from all across the region to prevent partition and the establishment of a Jewish state in any borders. It cannot not be emphasised enough that had Arabs accepted any of the partition plans, there would have been two states — one Jewish, one Arab — living side by side in peace and no-one would have been displaced.

If Jews had mimicked the Palestinian version of ‘return’, which insists on settling in all specific sites where their ancestors had lived, then Jews would have resisted partition again and again, insisting that only the full return to

Раздел Британского мандата в 1946 году наглядно демонстрирует прагматизм сионизма. На этой карте, представленной Еврейским агентством Англо-американскому следственному комитету, отчётливо видны уступки, на которые пошёл сионизм, предложив создать арабское государство на наиболее исторических территориях Святой Земли. Примерно за 25 лет сионизм перешёл от требования обширного участка земли к разделу и заселению того, что он мог получить в разумных пределах.

Когда Организация Объединённых Наций проголосовала за раздел в ноябре 1947 года, она оставила Иерусалим – Сион на иврите, откуда и произошло слово «сионизм» – в руках международного сообщества как *corpus separatum*. Она также оставила в руках арабов территорию, известную как Иудея, к югу от Иерусалима – откуда и произошло слово «еврей». Тем не менее, когда появились новости о том, что ООН проголосовала за создание еврейского государства примерно на половине территории Мандата, тысячи евреев вышли на улицы и праздновали грядущее обретение суверенитета даже на небольшой части этой земли. Несмотря на то, что еврейское государство должно было иметь значительное арабское население, было ясно, что как только государство наконец сможет открыть свои двери для евреев со всего мира, в нем будет прочное еврейское большинство, и все нынешнее население останется на своих местах. Именно так, а не путем изгнания палестинских арабов, как ложно утверждает Бейнарт, должно было быть создано еврейское государство.

В отличие от еврейской цели самоопределения, даже на значительно сократившейся территории, главной целью арабов было недопущение еврейского суверенитета в какой-либо части страны. Именно эта цель привела к многочисленным вспышкам насилия против раннего еврейского сионистского присутствия в стране, как при османах, так и при британцах, а также к тотальному неприятию различных планов раздела, кульминацией чего стала война, которую вели в 1947–1949 годах арабы со всего региона, чтобы предотвратить раздел и создание еврейского государства в любых границах. Нельзя не подчеркнуть, что если бы арабы приняли любой из планов раздела, существовало бы два государства.

— один еврей, один араб — жили бы бок о бок в мире, и никто бы не был перемещен.

Если бы евреи подражали палестинской версии «возвращения», которая настаивает на поселении во всех конкретных местах, где жили их предки, тогда евреи снова и снова сопротивлялись бы разделу, настаивая на том, что только полное возвращение

the Temple Mount, Shiloh and Beit El, Hebron and Jericho, and all biblical historical sites where Israel was shaped as a nation, is acceptable and anything less than that is cause for total war. But Zionist Jews were pragmatic enough and realistic enough to understand that to insist on return to the specific places of their ancestors' disregarding changes that occurred on the ground, and ignoring the rights of their neighbors, would mean perpetual war.

In fact, ***Palestinian refugees and their descendants had multiple opportunities to mimic the Jewish Zionist version of return into a sovereign state of their own.*** Palestinians could have returned to a Palestinian state, that, like the Jewish state, would not encompass each and every place to which they have a historical and emotional connection. This was offered to them by Bill Clinton in 2000 and by Ehud Olmert in 2008. ***But Palestinians repeatedly rejected these offers, making it clear that return to an independent sovereign Palestinian state in part of the land was simply not what they wanted.***

Beinart and many others want us to believe that there was once a time when Palestinians supported a two-state solution, but since Israel took steps to prevent it, the only remaining moral choice currently is to settle the Palestinian refugees and their descendants inside Israel. But the two-state solution was never alive, not because of Israeli actions, but due to the Palestinian insistence on settling inside Israel in the name of 'return'. This was the reason for the repeated breakdown of multiple rounds of negotiations.

In this effort to paint the dissolution of Jewish sovereignty as a supreme Jewish value, Beinart hopes to shame Jews into becoming willing participants in stripping themselves of their sovereignty by overwhelming them with gruesome details of Israeli actions in the 1948 war. In doing so, he seems to suggest, as many Palestinians do, that supporting their 'return' would be the minimum expected of Jews to atone for their actions in the past. But the horrors of the war itself could not possibly be the reason that Palestinians demand 'return'. If anything, it is the exact reverse. Arab grievance against Zionist Jews predated the war. The war itself was the outcome of the culmination of Arab violent rejection of Zionism that started as soon as the

Храмовая гора, Шило и Бейт-Эль, Хеврон и Иерихон, а также все библейские исторические места, где Израиль формировался как государство, приемлемы, а всё, что меньше, – повод для тотальной войны. Но евреи-сионисты были достаточно прагматичны и реалистичны, чтобы понимать: настаивать на возвращении в конкретные места проживания своих предков, игнорируя произошедшие на местах изменения и права соседей, означало бы бесконечную войну.

Фактически, ***У палестинских беженцев и их потомков было множество возможностей повторить еврейско-сионистский вариант возвращения в собственное суверенное государство.*** Палестинцы могли бы вернуться в палестинское государство, которое, как и еврейское, не охватывало бы все места, с которыми у них есть историческая и эмоциональная связь. Это им предложили Билл Клинтон в 2000 году и Эхуд Ольмерт в 2008 году. ***Однако палестинцы неоднократно отвергали эти предложения, давая понять, что возвращение части территории независимому суверенному палестинскому государству — это не то, чего они хотят.***

Бейнарт и многие другие хотят, чтобы мы поверили, что когда-то палестинцы поддерживали решение о создании двух государств, но поскольку Израиль предпринял шаги, чтобы помешать этому, единственный оставшийся моральный выбор — это расселить палестинских беженцев и их потомков в Израиле. Однако решение о создании двух государств так и не было реализовано не из-за действий Израиля, а из-за настойчивого желания палестинцев селиться в Израиле под предлогом «возвращения». Это стало причиной неоднократного срыва многочисленных раундов переговоров.

В этой попытке представить разрушение еврейского суверенитета как высшую еврейскую ценность, Бейнарт надеется пристыдить евреев, заставив их добровольно участвовать в лишении себя своего суверенитета, перегружая их ужасающими подробностями действий Израиля во время войны 1948 года. Поступая так, он, как и многие палестинцы, полагает, что поддержка их «возвращения» была бы минимальным требованием от евреев для искупления их прошлых действий. Но ужасы самой войны никак не могут быть причиной требования палестинцами «возвращения». Скорее, всё с точностью до наоборот. Арабское недовольство сионистскими евреями предшествовало войне. Сама война стала результатом кульминации арабского яростного неприятия сионизма, начавшегося сразу после...

Jews had started building their national home in their ancestral land at the end of the 19th century. The war, the casualties, and the atrocities committed are not the real source of Palestinian grievances: rather, it is losing some of the land — any part of it — to Jewish sovereign control. Palestinian Arabs and Arab armies committed gruesome atrocities throughout the war, which was not necessarily had they only accepted partition. Other conflicts in the world, which took place at the same time, were much bloodier and resulted in many, many more deaths and refugees. Still, no one even imagines Germans returning to the Czech Republic from where they were brutally expelled in 1946, with some hurled into cattle cars with their eyes gouged out as they were sent over the border. Also, no one suggests Pakistanis and Indians returning to their previous homes after the bloody population transfer that took place during the Indian subcontinent's division, when packed train wagons carrying only dead corpses of fleeing refugees crossed the new border.

There is no averting one's eyes from the simple realisation that ***the conflict between Jews and Arabs ends and is fully resolved under one of only two stark outcomes: either anti-Zionism renders the Jews no longer in possession of self-determination in the land, as Beinart seems to suggest, or Zionism is finally accepted by the Arab world, and Jewish self-determination is allowed to stand. Short of these two outcomes, the conflict continues, with violence ebbing and flowing and changing forms and means.***

The land between the Jordan River and the Mediterranean Sea can be divided, and so can the water, air, and the natural resources. Security arrangements could be made. Settlements could and have been uprooted. But the thing that could not be reconciled is Zionism with anti-Zionism. Resolution of the conflict, in the sense of it being fully and completely over, means that either Zionism stands, or anti-Zionism stands. Both cannot. There is no 'middle of the road' between Zionism and anti-Zionism. The middle of the road is the conflict we've had for the past 150 years.

Peacemakers must choose which path to peace they favor to resolve the conflict. There are those who seek to end the conflict by ending Zionism, as Beinart does, and so they advocate a wide variety of means for stripping Jews

Евреи начали строить свой национальный дом на земле своих предков в конце XIX века. Война, жертвы и совершённые зверства – не истинный источник недовольства палестинцев: скорее, они теряют часть земли – любую её часть – под суверенным контролем евреев. Палестинские арабы и арабские армии совершали чудовищные зверства на протяжении всей войны, что было бы необязательно, если бы они согласились только на раздел. Другие конфликты в мире, происходившие в то же время, были гораздо более кровавыми и привели к гораздо большему числу смертей и беженцев. Тем не менее, никто даже не представляет себе немцев, которые вернутся в Чехию, откуда их жестоко изгнали в 1946 году, а некоторых бросали в вагоны для скота с выколотыми глазами при переправе через границу. Кроме того, никто не предполагает возвращения пакистанцев и индийцев в свои прежние дома после кровавого переселения, произошедшего во время раздела Индийского субконтинента, когда переполненные железнодорожные вагоны, перевозившие лишь трупы беглецов, пересекали новую границу.

Невозможно отвести взгляд от простого осознания того, что ***Конфликт между евреями и арабами заканчивается и полностью разрешается при одном из двух суровых исходов: либо антисионизм лишит евреев возможности самоопределения на своей земле, как, по-видимому, предполагает Бейнарт, либо сионизм будет окончательно принят арабским миром, и еврейское самоопределение будет признано. В противном случае конфликт будет продолжаться, насилие будет то усиливаться, то ослабевать, меняя формы и средства.***

Территорию между рекой Иордан и Средиземным морем можно разделить, как и воду, воздух и природные ресурсы. Можно было бы принять меры безопасности. Поселения могли быть и были выселены. Но сионизм и антисионизм несовместимы. Разрешение конфликта, в смысле его полного и окончательного завершения, означает, что либо сионизм останется, либо антисионизм останется. Ни то, ни другое невозможно. Между сионизмом и антисионизмом нет «золотой середины». Середина — это конфликт, который мы ведем уже 150 лет.

Миротворцы должны выбрать, какой путь к миру они предпочитают для разрешения конфликта. Есть те, кто стремится положить конец конфликту, положив конец сионизму, как, например, Бейнарт, и поэтому они предлагают широкий спектр средств для лишения евреев.

of their sovereignty. Whether they call for ‘one state’ or ‘two states and “return”’ or ‘justice and rights for Palestinians’, these are all formulations that unfortunately still mean that nowhere and in no borders will the Jews govern themselves and exercise power. But we firmly believe that there is yet to appear a viable alternative to Jewish self-determination as a means of securing the safety, dignity and thriving of the Jewish people, and we refuse to be placated by empty promises that Jews would be just fine as a minority living among others, even when there is no more Israel. We do wonder where the people who wave aside concerns about the fate of Jews without sovereignty will be once they are proven wrong. Our path to peace then is that of Arab acceptance of Zionism. Arab acceptance of Zionism is an achievable goal, and the Abraham Accords pointed to what such a future might look like. Yet, it is not likely to become the prevalent position across the Arab world before most Arabs and Palestinians have exhausted all means of ridding the region of the Jewish sovereignty – from wars to terrorism to international condemnation – and found them wanting. This will not happen as long as Palestinian idea of ‘return’ is indulged by the West.

The West once used to understand a basic truth: that for there to be peace, the war must end. When Palestinians finally come to terms with the fact that their long war against Jewish sovereignty is over and that they can build a future for themselves next to Israel, but not instead of it, there will be peace.

своего суверенитета. Призывают ли они к «одному государству», «двум государствам и возвращению» или к «справедливости и правам палестинцев», все эти формулировки, к сожалению, по-прежнему означают, что нигде и ни при каких границах евреи не будут управлять собой и осуществлять свою власть. Но мы твёрдо убеждены, что пока не появилось жизнеспособной альтернативы еврейскому самоопределению как средства обеспечения безопасности, достоинства и процветания еврейского народа, и мы отказываемся поддаваться пустым обещаниям о том, что евреи будут прекрасно жить как меньшинство среди других, даже когда Израиль больше не будет. Нам интересно, где окажутся те люди, которые отмахиваются от беспокойства о судьбе евреев без суверенитета, когда окажется, что они ошибаются. Таким образом, наш путь к миру — это принятие арабами сионизма. Принятие арабами сионизма — достижимая цель, и Соглашения Авраама указали на возможное будущее. Однако эта позиция вряд ли станет преобладающей в арабском мире, пока большинство арабов и палестинцев не исчерпают все средства избавления региона от еврейского суверенитета – от войн и терроризма до международного осуждения – и не найдут их полностью соответствующими. Этого не произойдёт, пока Запад будет потакать палестинской идее «возвращения».

Когда-то Запад понимал простую истину: для мира война должна прекратиться. Когда палестинцы наконец смирятся с тем, что их долгая война против еврейского суверенитета окончена и что они могут строить своё будущее рядом с Израилем, а не вместо него, наступит мир.

THERE IS A PATH TO PEACE, IT IS NOT SHORT

ЕСТЬ ПУТЬ К МИРУ, ОН НЕ КОРОТКИЙ

CONSTRUCTIVE AMBIGUITY HAS NOT WORKED - PEACE NEEDS CONSTRUCTIVE SPECIFICITY

Essay for Fathom Journal, June 2017

FROM AMBIGUITY TO SPECIFICITY

I am going to reflect on something central to the thinking of many policy-makers working to achieve peace. It is the notion that given the animosity, the distrust and the competing understandings of history, the way to make peace is through ‘constructive ambiguity’. Shimon Peres, with whom I had a chance to work for a few years, used to say that ‘in love-making, as in with peace-making, you need to close your eyes’. I’m not going to discuss people’s preferences in the bedroom, but with respect to peace-making, I think that this perspective is not very helpful. The idea that we can close our eyes a little bit, that we can fudge the issues, that we can use words knowing that we understand those words one way and that the other side understands those same words in a completely different way – I think by now we have enough experience to know that this method is anything but constructive.

We now have two decades of experience with constructive ambiguity and it’s clear that we should really call it *destructive* ambiguity. ***If we are to move forward what we need is constructive specificity. We need to be very clear about what we mean on the key components, on what makes peace possible and what it means to divide the land between the Jordan River and Mediterranean sea into (to use the words of the UN) ‘a Jewish state and an Arab state’. If we are to finally complete the partition, I believe that what is***

КОНСТРУКТИВНАЯ НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ НЕ СРАБОТАЛА - МИРУ НУЖНА КОНСТРУКТИВНАЯ КОНКРЕТНОСТЬ

Эссе для журнала Fathom, июнь 2017 г.

ОТ НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ К СПЕЦИФИЧНОСТЬ

Я собираюсь поразмышлять над центральной темой мышления многих политиков, работающих над достижением мира. Речь идёт о представлении о том, что, учитывая враждебность, недоверие и противоречивое понимание истории, путь к миру лежит через «конструктивную двусмысленность». Шимон Перес, с которым мне довелось работать несколько лет, говорил, что «в любви, как и в миротворчестве, нужно закрывать глаза». Я не собираюсь обсуждать предпочтения людей в спальне, но в отношении миротворчества, на мой взгляд, такая точка зрения не очень полезна. Идея о том, что мы можем немного закрыть глаза, что мы можем уклониться от ответа на вопросы, что мы можем использовать слова, зная, что мы понимаем их по-разному, а другая сторона понимает их совершенно иначе, – думаю, к настоящему моменту мы накопили достаточно опыта, чтобы понять, что этот метод совсем не конструктивен.

Теперь у нас есть двадцатилетний опыт работы с конструктивной неоднозначностью, и совершенно ясно, что мы должны называть ее *разрушительной* неоднозначностью. ***Если мы хотим двигаться вперёд, нам нужна конструктивная конкретика. Нам нужно предельно чётко понимать, что мы имеем в виду, говоря о ключевых компонентах, что делает мир возможным и что означает раздел территории между рекой Иордан и Средиземным морем (используя терминологию ООН) на «еврейское государство и арабское государство». Если мы хотим окончательно завершить раздел, я считаю, что...***

needed is for us to be very specific.

CONSTRUCTIVE SPECIFICITY ABOUT THE BORDER

What does constructive specificity mean? The first issue is the line of partition. Here we have a lot of words that are being used, such as ‘the 1967 lines’, ‘pre-1967 lines’, and in Israel talk of ‘settlement blocs’ and ‘the barrier’. These kinds of words are, in the context of an agreement, used to describe where the border would be. But the time has come to be very specific about what we mean about the line of partition. When we say something like ‘the 1967 lines with swaps’, it is a good headline but it encourages both sides to continue to

нам необходимо быть очень конкретными.

КОНСТРУКТИВНАЯ СПЕЦИФИКА ГРАНИЦЫ

Что означает конструктивная конкретика? Первый вопрос — это линия раздела. Здесь используется множество терминов, таких как «линии 1967 года», «линии до 1967 года», а в Израиле говорят о «поселенческих блоках» и «барьере». Подобные термины в контексте соглашения используются для описания того, где будет проходить граница. Но пришло время очень конкретно определить, что мы имеем в виду под линией раздела. Когда мы говорим что-то вроде «линии 1967 года с обменами», это хороший заголовок, но он побуждает обе стороны продолжать...

be unclear about where that line is. Everyone knows where the pre-1967 lines are, but once we introduce the idea of blocs and swaps it gets muddied.

The one thing that needs to happen, both in Israel and abroad – and this is something I am campaigning for, writing about and proposing that politicians take it as their agenda – is to actually put on the table a very clear delineation of Israel's final eastern border. I have published articles which list the settlements that Israel needs to include within its final eastern border and the ones it needs to exclude. The foreign ministries of Western countries interested in the conflict should do the same thing. Put a map on the table and begin to base a policy on this map. Say 'this is our working map of what we find acceptable'. We know what has undermined both American and EU foreign policy in the eyes of Israelis is that by failing to make a distinction between settlements that will be part of the state of Israel in a future agreement and those which will likely not be, the US and EU have not helped anyone's ability to fully understand what is needed to reach a final agreement.

I propose that the main blocs, except Ariel, should be part of Israel. Ariel goes too deep into the West Bank to be included. I propose that Ma'ale Adumim and Givat Zeev be connected to Israel only with a road. I propose four per cent of the territory of the West Bank, home to about 75 per cent of Israeli settlers, be annexed, with compensating swaps when a peace deal is agreed. Drawing a map would finally end the ambiguity. Once foreign offices in the West have a working map, they can begin to have a policy that is based on this map: much stricter on everything east of this line, but accepting of what is within the line, where building can continue. Policy would become wiser and more credible.

Неясно, где проходит эта граница. Все знают, где проходили границы до 1967 года, но как только мы вводим идею блоков и обменов, всё становится неясным.

Единственное, что необходимо сделать как в Израиле, так и за рубежом – и именно за это я выступаю, пишу об этом и предлагаю политикам взять это на заметку – это действительно вынести на стол очень чёткое определение окончательной восточной границы Израиля. Я опубликовал статьи, в которых перечислил поселения, которые Израилю необходимо включить в свою окончательную восточную границу, и те, которые необходимо исключить. Министерства иностранных дел западных стран, заинтересованных в конфликте, должны сделать то же самое. Положите карту на стол и начните выстраивать политику на её основе. Скажите: «Это наша рабочая карта того, что мы считаем приемлемым». Мы знаем, что подрывает внешнюю политику как США, так и ЕС в глазах израильтян то, что, не проводя различия между поселениями, которые станут частью Государства Израиль в будущем соглашении, и теми, которые, вероятно, не будут ею, США и ЕС не помогли никому в полной мере понять, что необходимо для достижения окончательного соглашения.

Я предлагаю, чтобы основные блоки, за исключением Ариэля, были частью Израиля. Ариэль слишком глубоко заходит на Западный берег, чтобы быть включенным. Я предлагаю соединить Маале-Адумим и Гиват-Зеев с Израилем только дорогой. Я предлагаю аннексировать четыре процента территории Западного берега, где проживает около 75 процентов израильских поселенцев, с компенсационными обменах после заключения мирного соглашения. Составление карты наконец положит конец этой неопределенности. Как только у иностранных ведомств на Западе появится рабочая карта, они смогут начать проводить политику, основанную на этой карте: гораздо более строгую ко всему, что находится к востоку от этой линии, но признающую то, что находится внутри нее, где можно продолжать строительство. Политика станет более разумной и убедительной.

CONSTRUCTIVE SPECIFICITY ABOUT JERUSALEM

The second issue is Jerusalem. People mean different things when they speak of Jerusalem so, again, we need to be very clear. Jerusalem includes:

(a) The Jewish neighbourhoods west of the 1967 lines. Having grown up there I can assure you there is nothing holy or anything to get excited about in that part of Jerusalem. It is time for the world to be very clear that there is no question about the status of this part of Jerusalem. Moving western embassies to this part of Jerusalem should not be a big deal. It is time for the world to end the fiction that Jerusalem is an international protectorate to be governed by the world. It was an idea at the time of partition that, because of the war that followed, was never implemented. The time has come to stop toying with that fiction and to say instead 'we recognise that the Jerusalem West of the 1967 line is Israel'.

(b) The Jewish neighbourhoods built east of the 1967-line surrounding Jerusalem should be part of the map that would be put forward. For me, the Jewish neighbourhoods are part of the four per cent of territory, and 75 per cent of the population, that should be annexed to Israel, done in a way that would be minimalistic.

(c) The Arab villages which were not part of Jordanian East Jerusalem but were annexed to Jerusalem or included into the municipal boundaries after 1968. There is no question in my mind that these areas belong to the future Arab state. Again, the world should be very clear that they do not recognise those areas as part of Israel, or Jerusalem, and that they should not be part of united Jerusalem.

(d) Finally, there is the Old City. When people speak of Jerusalem they immediately think of the Western Wall, Temple Mount and al-Aqsa Mosque. However, that amounts to about 1 sq km; everything I have just discussed is nearly 100 sq km. So, we have to be specific. About the Old City, we need to

КОНСТРУКТИВНАЯ СПЕЦИФИКА О ИЕРУСАЛИМЕ

Второй вопрос — Иерусалим. Люди имеют в виду разные вещи, когда говорят об Иерусалиме, поэтому, опять же, нам нужно быть предельно ясными. Иерусалим включает в себя:

(а) Еврейские кварталы к западу от границ 1967 года. Выросши там, могу вас заверить, что в этой части Иерусалима нет ничего святого или чего-то, что могло бы вызывать восторг. Миру пора ясно заявить, что статус этой части Иерусалима не вызывает никаких сомнений. Перенос западных посольств в эту часть Иерусалима не должен стать серьёзным событием. Миру пора положить конец фикции о том, что Иерусалим — это международный протекторат, управляемый всем миром. Эта идея существовала во время раздела, но из-за последовавшей войны так и не была реализована. Пришло время перестать играть с этой фикцией и вместо этого заявить: «Мы признаём, что Иерусалим к западу от линии 1967 года — это Израиль».

(b) Еврейские кварталы, построенные к востоку от границы Иерусалима 1967 года, должны быть частью карты, которая будет представлена. Я считаю, что еврейские кварталы являются частью четырёх процентов территории и 75 процентов населения, которые должны быть присоединены к Израилю, причём сделано это было бы минималистично.

с) Арабские деревни, которые не входили в состав Восточного Иерусалима Иордании, но были аннексированы Иерусалимом или включены в муниципальные границы после 1968 года. Я не сомневаюсь в принадлежности этих территорий будущему арабскому государству. Мир должен ясно заявить, что не признаёт эти территории частью Израиля или Иерусалима и что они не должны быть частью объединённого Иерусалима.

(d) Наконец, Старый город. Когда люди говорят об Иерусалиме, они сразу же вспоминают Стену Плача, Храмовую гору и мечеть Аль-Акса. Однако это составляет около 1 кв. км; всё, о чём я только что говорил, занимает почти 100 кв. км. Поэтому нам нужно быть конкретными. Что касается Старого города, нам нужно...

say that this is the only place where the controversy persists, so the status quo will continue, with an emphasis on ensuring access to the religious places until a decision is made on the final status of that square kilometre. The status of everything else can already be specified, and we would be in a much better position to agree on the status of the Old City if we do not let the ambiguity of that *part* spill over into the *whole*.

CONSTRUCTIVE SPECIFICITY ABOUT REFUGEES

And finally, I want to talk about the issue where I think there is the greatest need to be specific, and that is the refugees and the Right of Return. Amazingly, this is the core issue of the conflict from the Arab perspective, and they are still wedded to the maximalist vision that from the Mediterranean Sea to the Jordan River the state of Palestine will be free. Yet this is the area where the West is most blind. There is a term called ‘mansplaining’ – where men explain away what women have said because women are incapable of explaining something themselves – so I thought of introducing the idea of ‘Westplaining’ – the idea that Western countries explain away what Palestinians say. So, when Palestinians say ‘we will return to Jaffa’ or that they will ‘never give up the Right of Return’, that it is ‘a personal right no leader can ever negotiate’, and I have met with numerous Western diplomats whose countries donate to the authority that upholds those ideas, UNRWA, and they say to me ‘but the Palestinians know they are not coming back, it’s just a negotiating card for future talks’. This is not explaining but Westplaining.

And this is why we need to be very specific. The Palestinians and the Arab world in general, as seen in the Saudi initiative, have come to use terms such as ‘just’ and ‘agreed’ to explain the solution to ‘the refugee problem’. However, these words are interpreted very differently by Arabs, by the West and by Israel. Regarding the term ‘refugee’ itself, by no other standard apart from UNRWA’s would the five million Palestinians registered as refugees

Заявить, что это единственное место, где сохраняется спор, поэтому статус-кво сохранится, с акцентом на обеспечение доступа к религиозным местам до тех пор, пока не будет принято решение об окончательном статусе этого квадратного километра. Статус всего остального уже может быть определён, и мы будем в гораздо лучшей позиции для достижения согласия о статусе Старого города, если не позволим этой двусмысленности *часть перетекает в весь*.

КОНСТРУКТИВНАЯ СПЕЦИФИКА В ОТНОШЕНИИ БЕЖЕНЦЕВ

И наконец, я хочу поговорить о проблеме, которая, на мой взгляд, больше всего нуждается в конкретике: о беженцах и праве на возвращение. Удивительно, но именно это и является ключевой проблемой конфликта с точки зрения арабов, и они по-прежнему придерживаются максималистского представления о том, что от Средиземного моря до реки Иордан государство Палестина будет свободным. Однако именно в этой области Запад наиболее слеп. Существует термин «мэнсплейнинг» – когда мужчины оправдывают слова женщин, поскольку женщины сами неспособны что-либо объяснить. Поэтому я решил ввести понятие «вестплейнинг» – идею о том, что западные страны оправдывают слова палестинцев. Итак, когда палестинцы говорят: «Мы вернёмся в Яффо» или что они «никогда не откажутся от права на возвращение», что это «личное право, которое ни один лидер не может обсуждать», а я встречался со многими западными дипломатами, чьи страны жертвуют деньги органу, отстаивающему эти идеи, БАПОР, они говорят мне: «Но палестинцы знают, что не вернутся, это всего лишь карта для будущих переговоров». Это не объяснение, а провокация.

Именно поэтому нам необходимо быть предельно конкретными. Палестинцы и арабский мир в целом, как это видно на примере саудовской инициативы, стали использовать такие термины, как «справедливо» и «согласовано», для объяснения решения «проблемы беженцев». Однако эти слова трактуются арабами, Западом и Израилем совершенно по-разному. Что касается самого термина «беженец», то ни по каким другим стандартам, кроме БАПОР, пять миллионов палестинцев, зарегистрированных в качестве беженцев, не были бы...

today be considered refugees. 80 per cent live west of the Jordan River and have never been displaced, or they are citizens of Jordan. We have an image of refugees as people who have just escaped from war, or who have lost their homes; we don't think of them as middle-class lawyers living in Ramallah. But this is what many Palestinian refugees are. So the term itself is deeply misleading and needs to be replaced.

The expression 'just and agreed' solution to the refugee problem is understood by many in the West and in Israel to mean that the Arab Palestinians will agree to compromise. But anyone who understands the details knows that if a Palestinian leader accepts the two-state solution and recognises Israel, whilst simultaneously insisting on the demand of return, then the only two-state solution they really support is an Arab state east of the Green Line now, and another Arab state west of the Green Line in the future. It means they have yet to accept the UN Partition Plan of an Arab state and a *Jewish* state. It is important to be specific: when the Arabs say a 'just' solution, they mean return. For them, justice is return. By contrast, the West and Israel think that 'just' means several possible solutions such as citizenship in Jordan, or a home in Canada.

Again, take the notion of 'agreed'. Many people think it means that what Israel does not agree to doesn't happen. But the Palestinian think of 'agreed' completely differently. It means agreeing now to what can be got – for example Israel accepting 5,000 Palestinian refugees a year – while not dropping the demand for return. Palestinians emphasise that return is a personal right and that no leader can negotiate it away. What does this mean? It means that even if something is co-signed in an agreement, the demand will always exist. They can agree on a number today, but no agreement can end the demand for return due to the way that they have construed return.

Here, more than with any other issue, we need to be very specific. Israel and the West need to stop using terms like 'just' and 'agreed'. We have even heard officials like former US Secretary of State John Kerry use the words 'reasonable' and 'realistic'. The West and Israel think of a few thousand Palestinians returning as realistic; the Palestine papers demonstrated that the Arabs think Israel can absorb 2-3 million. The time has come to say: first, there has to be complete renunciation of the collective and individual

Сегодня их можно считать беженцами. 80% из них живут к западу от реки Иордан и никогда не были перемещены, либо являются гражданами Иордании. Мы представляем себе беженцев как людей, только что бежавших от войны или потерявших свои дома; мы не воспринимаем их как юристов среднего класса, живущих в Рамалле. Но именно такими являются многие палестинские беженцы. Поэтому сам термин глубоко вводит в заблуждение и нуждается в замене.

Выражение «справедливое и согласованное» решение проблемы беженцев многие на Западе и в Израиле понимают как согласие палестинских арабов на компромисс. Но любой, кто разбирается в деталях, знает, что если палестинский лидер примет решение о создании двух государств и признает Израиль, одновременно настаивая на требовании возвращения, то единственное решение о создании двух государств, которое они действительно поддерживают, — это арабское государство к востоку от «зелёной линии» сейчас и ещё одно арабское государство к западу от «зелёной линии» в будущем. Это означает, что им ещё предстоит принять план ООН по разделу арабского государства и... *еврейский* Государство. Важно быть конкретным: когда арабы говорят о «справедливом» решении, они имеют в виду возвращение. Для них справедливость — это возвращение. Напротив, Запад и Израиль считают, что «справедливое» означает несколько возможных решений, например, гражданство Иордании или дом в Канаде.

Опять же, возьмём понятие «согласовано». Многие думают, что это означает, что то, с чем Израиль не согласен, не происходит. Но палестинцы понимают это понятие совершенно иначе. Это означает согласие с тем, что можно получить – например, Израиль принимает 5000 палестинских беженцев в год – при этом не отказываясь от требования возвращения. Палестинцы подчёркивают, что возвращение – это личное право, и ни один лидер не может его отменить путём переговоров. Что это значит? Это означает, что даже если что-то подписано совместно в соглашении, требование всегда будет существовать. Они могут договориться о количестве сегодня, но никакое соглашение не может положить конец требованию возвращения из-за того, как они понимают возвращение.

Здесь, как и в любом другом вопросе, нам необходимо быть предельно конкретными. Израилю и Западу следует прекратить использовать такие термины, как «справедливо» и «согласовано». Мы даже слышали, как такие официальные лица, как бывший госсекретарь США Джон Керри, употребляли слова «разумный» и «реалистичный». Запад и Израиль считают реалистичным возвращение нескольких тысяч палестинцев; палестинские документы показали, что арабы считают, что Израиль способен принять 2–3 миллиона. Пришло время сказать: во-первых, необходимо полностью отказаться от коллективного и индивидуального

Palestinian demand of a return west of the 1967 line, just as Israel needs to renounce Jewish return east of that border. It could be said that Israel, as a gesture, might allow 5,000 Palestinians to enter, but the numbers should be clear, and it will not be a right. Second, it needs to be clear that there is no legitimate claim to return. I understand that Palestinians will continue to dream of Palestine from the river to the sea – as some Jews may continue to dream of Judea – but there is a difference between people dreaming and the world supporting those dreams. Today, Jews who dream of Judea find themselves isolated in the world while Palestinians who demand Israel west of the 1967 lines do not. Because of the fudging of the words ‘just,’ ‘agreed,’ ‘realistic,’ and because of the continued financial support of the West to UNRWA, the Palestinians still think that they are supported in their maximalist claims rather than isolated.

CONCLUSION

Peace will be based on the understanding that both the Jews and the Palestinians are peoples indigenous to the land. Both have a serious claim to all of it, but if both insist on the exclusive and superior claim to it, it will be war forever. Peace depends on a clear renunciation by both sides of their

Палестинцы требуют возвращения к западу от линии 1967 года, в то время как Израиль должен отказаться от возвращения евреев к востоку от этой границы. Можно сказать, что Израиль, в качестве жеста, может разрешить въезд 5000 палестинцев, но цифры должны быть чёткими, и это не будет правом. Во-вторых, необходимо чётко понимать, что законных оснований для требования возвращения нет. Я понимаю, что палестинцы будут продолжать мечтать о Палестине от реки до моря – как некоторые евреи, возможно, продолжают мечтать об Иудее – но есть разница между людьми, которые мечтают, и миром, который поддерживает эти мечты. Сегодня евреи, мечтающие об Иудее, оказываются в изоляции, в то время как палестинцы, требующие Израиля к западу от линии 1967 года, – нет. Из-за подтасовки слов «справедливо», «согласовано», «реалистично», а также из-за продолжающейся финансовой поддержки БАПОР со стороны Запада, палестинцы по-прежнему считают, что их максималистские притязания поддерживаются, а не находятся в изоляции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мир будет основан на понимании того, что и евреи, и палестинцы являются коренными народами этой земли. У обоих есть серьёзные претензии на всю её, но если оба будут настаивать на исключительном и превосходящем праве на неё, это будет вечная война. Мир зависит от чёткого отказа обеих сторон от своих

exclusive claims, and a new understanding – that the other side's existence means they will only have some of the land. And the 'some' needs to be better defined. Even if both sides continue to have dreams, they need a far better understanding of how isolated they will become when those dreams make peace impossible.

Исключительные претензии и новое понимание того, что существование другой стороны означает, что ей будет принадлежать лишь часть земли. И это «некоторое» необходимо определить чётче. Даже если обе стороны продолжают мечтать, им нужно гораздо лучше понимать, насколько изолированными они станут, когда эти мечты сделают мир невозможным.

WESTERN STATES FAIL TO UNDERSTAND PALESTINIAN ‘RIGHT OF RETURN’

Essay for The Spectator World, May 2020

The issue of Palestinian refugees, and the Arab and Palestinian demand that those refugees be allowed to exercise what they call a ‘right of return’, attracts scant attention. Neither Israel’s leaders nor its public, and certainly not the international community, spend very much time discussing it. This is in stark contrast to other core issues. For example, there is endless discussion of the settlements and the military occupation of the territories, which are indeed important; but the Palestinian refugee issue has barely been subjected to any real strategic discussion. There have been no serious attempts at a resolution, or even efforts to place it on the agenda. The problem, in spite of always being cited as one of the core issues of the conflict, has been essentially hidden from view, relegated to the sidelines, left for some vague future date when all other core issues are resolved.

Yet we discovered that perhaps of all the core issues it is the refugee issue that actually deserves to be front and center. Our research revealed that the Palestinian refugee issue is not just one more issue in the conflict; it is probably the issue. The Palestinian conception of themselves as ‘refugees from Palestine’, and their demand to exercise a so-called right of return, reflect the Palestinians’ most profound beliefs about their relationship with the land and their willingness or lack thereof to share any part of it with Jews. And the UN structural support and Western financial support for these Palestinian beliefs has led to the creation of a permanent and ever-growing population of Palestinian refugees, and what is by now a nearly insurmountable obstacle to peace.

The Palestinian demand to ‘return’ to what became the sovereign state of Israel in 1948 stands as a testament to the Palestinian rejection of the

ЗАПАДНЫЕ ГОСУДАРСТВА НЕ ПОНИМАЮТ «ПРАВО НА ВОЗВРАЩЕНИЕ» ПАЛЕСТИНЦЕВ

Эссе для The Spectator World, май 2020 г.

Проблема палестинских беженцев и требование арабов и палестинцев предоставить им возможность воспользоваться тем, что они называют «правом на возвращение», привлекают мало внимания. Ни руководство Израиля, ни общественность Израиля, ни, конечно же, международное сообщество не уделяют этому вопросу много времени. Это резко контрастирует с другими ключевыми вопросами. Например, ведутся бесконечные обсуждения поселений и военной оккупации территорий, которые действительно важны; но проблема палестинских беженцев практически не стала предметом реального стратегического обсуждения. Не было предпринято никаких серьёзных попыток её урегулирования или хотя бы попыток включить её в повестку дня. Эта проблема, несмотря на то, что её постоянно называют одной из ключевых проблем конфликта, фактически скрыта от глаз, отодвинута на второй план, отложена на неопределённое будущее, когда будут решены все остальные ключевые вопросы.

Однако мы обнаружили, что, пожалуй, из всех основных вопросов именно проблема беженцев действительно заслуживает того, чтобы быть в центре внимания. Наше исследование показало, что проблема палестинских беженцев — это не просто ещё один вопрос в конфликте; это, вероятно, главная проблема. Представление палестинцев о себе как о «беженцах из Палестины» и их требование реализовать так называемое право на возвращение отражают самые глубокие убеждения палестинцев об их связи с землёй и их готовности или нежелании делить какую-либо её часть с евреями. А структурная поддержка ООН и финансовая поддержка Западом этих палестинских убеждений привели к появлению постоянного и постоянно растущего числа палестинских беженцев, что к настоящему времени стало практически непреодолимым препятствием на пути к миру.

Требование палестинцев «вернуться» к тому, что стало суверенным государством Израиль в 1948 году, является свидетельством неприятия палестинцами

legitimacy of a state for the Jews in any part of their ancestral homeland.

Our research led us to conclude that practically nothing could be understood about the Palestinian position in the peace process and the conflict itself — and no effective steps could be taken toward its resolution — without delving deeply into this issue.

Realizing this, we resolved to research, analyze, and describe this issue from its very beginning in the war of 1948 to the present day. By following key historical figures, unearthing new documents, examining key decision points, and providing analyses, our book raises, and answers, the key questions about this overlooked, yet fundamental, issue. Why are there still Palestinian ‘refugees’ from a war that ended 70 years ago? Why do the Palestinians insist that each and every Palestinian refugee, for generations into perpetuity, has an individual and in fact ‘sacred’ right to return to the sovereign state of Israel, despite there being no actual legal basis for it? Who and what prevented the Palestinian refugees from being rehabilitated as the Jewish refugees from 1948 were? Was it a lack of interest or money, or were there other, ideological, motives? Is the ‘right of return’ a real demand or just a Palestinian bargaining chip, which can be bargained away when other demands are met? When Palestinians march for ‘return’ from Gaza in the direction of Israel, what is it they are actually marching for? What does a ‘right of return’ mean in the context of a comprehensive peace accord? And if this demand is real, can we move forward and, if so, how?

In answering these questions, we tell a tragic story of Western policy repeatedly shooting itself in the foot and working at cross- purposes. The United Nations Relief and Works Agency (UNRWA), the very agency charged with caring for the original Palestinian refugees in the immediate aftermath of the war, and that has been sustained for decades by Western funding with billions of dollars, has instead become a major obstacle to peace and a vehicle for perpetuating the conflict.

Reaching the conclusion, step by historical step, that ***UNRWA is part of the***

легитимность государства евреев в любой части их исконной родины. Наше исследование привело нас к выводу, что без глубокого изучения этого вопроса практически ничего невозможно понять о позиции Палестины в мирном процессе и в самом конфликте, а также предпринять эффективные шаги по его урегулированию.

Осознавая это, мы решили исследовать, проанализировать и описать эту проблему с самого её начала в войне 1948 года и до наших дней. Следуя за ключевыми историческими деятелями, находя новые документы, изучая ключевые моменты принятия решений и предоставляя анализ, наша книга поднимает и отвечает на ключевые вопросы об этой упускаемой из виду, но фундаментальной проблеме. Почему до сих пор существуют палестинские «беженцы» от войны, закончившейся 70 лет назад? Почему палестинцы настаивают на том, что каждый палестинский беженец на протяжении поколений и навсегда имеет индивидуальное и, по сути, «священное» право вернуться в суверенное государство Израиль, несмотря на отсутствие фактических правовых оснований для этого? Кто и что помешало палестинским беженцам получить такую же реабилитацию, как еврейским беженцам 1948 года? Было ли это отсутствие интереса или денег, или же были другие, идеологические, мотивы? Является ли «право на возвращение» реальным требованием или всего лишь разменной монетой палестинцев, которую можно разменять, когда будут выполнены другие требования? Когда палестинцы маршируют, требуя «возвращения» из Газы в сторону Израиля, за что они на самом деле выступают? Что означает «право на возвращение» в контексте всеобъемлющего мирного соглашения? И если это требование реально, можем ли мы двигаться дальше, и если да, то как?

Отвечая на эти вопросы, мы рассказываем трагическую историю западной политики, которая постоянно сама себе вредит и действует вразрез с целями. Ближневосточное агентство ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР), которое отвечало за помощь палестинским беженцам сразу после войны и десятилетиями существовало благодаря миллиардам долларов западного финансирования, вместо этого стало серьёзным препятствием на пути к миру и инструментом затягивания конфликта.

Приходя к выводу, шаг за историческим шагом, что **БАПОР является частью**

problem, and not part of the solution, we call on the international community to dismantle and replace the agency. To that end, we offer specific policy proposals on how to accomplish this without depriving Palestinians of the social services currently provided by UNRWA.

The policy of Western donor countries should therefore be to secure alternative providers of services so that UNRWA would be fully phased out. The obvious place to begin is the territory governed by the Palestinian Authority. Currently, the Palestinian Authority provides the same educational and social services as UNRWA and in the same territory. This means that in the same cities in the West Bank, PA and UNRWA schools and hospitals work side by side. The PA's services are presented as a crucial part of a state-building effort, in preparation for peace based on a two-state vision, whereas at the same time and in the same territory UNRWA operates a parallel system that preserves the dream of a 'Palestine from the River to the Sea'. If donor countries are serious about the promotion of peace, it makes no sense to preserve a parallel UNRWA system in the Palestinian Authority.

UNRWA's operations should be merged into those of the Palestinian Authority. Donor states could divert all financial support earmarked for running UNRWA schools and hospitals toward the Palestinian Authority. From a practical perspective and from the perspective of the aid dispensed, nothing would change but the sign on the door. UNRWA schools would become PA schools, but the pupils, teachers, and curricula would remain the same. The same goes for hospitals. The same quantity and quality of aid currently provided by UNRWA would continue, but it would come through the Palestinian Authority. The donor states could continue supporting these services as much as they want, but the funding would go through the Palestinian Authority.

If tensions between Hamas and the PA mean that the Palestinian Authority cannot assume responsibility for the provision of services, donor countries could push for the establishment of a new umbrella organization, or one

Поскольку это проблема, а не часть её решения, мы призываем международное сообщество расформировать и заменить агентство. С этой целью мы предлагаем конкретные политические предложения о том, как добиться этого, не лишая палестинцев социальных услуг, которые в настоящее время предоставляет БАПОР.

Поэтому политика западных стран-доноров должна заключаться в привлечении альтернативных поставщиков услуг для полного сворачивания деятельности БАПОР. Очевидным местом для начала является территория, управляемая Палестинской администрацией. В настоящее время Палестинская администрация предоставляет те же образовательные и социальные услуги, что и БАПОР, и на той же территории. Это означает, что в одних и тех же городах Западного берега реки Иордан школы и больницы ПА и БАПОР работают бок о бок. Услуги ПА представляются как важнейшая часть усилий по государственному строительству в рамках подготовки к миру, основанному на концепции двух государств, в то время как в то же время и на той же территории БАПОР действует параллельная система, которая поддерживает мечту о «Палестине от реки до моря». Если страны-доноры серьезно настроены на содействие миру, то сохранение параллельной системы БАПОР в Палестинской администрации не имеет смысла.

Деятельность БАПОР должна быть объединена с деятельностью Палестинской администрации. Государства-доноры могли бы перенаправить всю финансовую поддержку, предназначенную для содержания школ и больниц БАПОР, Палестинской администрации. С практической точки зрения и с точки зрения распределения помощи, ничего не изменится, кроме таблички на двери. Школы БАПОР станут школами Палестинской администрации, но ученики, учителя и учебные программы останутся прежними. То же самое касается и больниц. Объем и качество помощи, предоставляемой БАПОР, сохранятся, но она будет поступать через Палестинскую администрацию. Государства-доноры могли бы продолжать поддерживать эти службы в любом объеме, но финансирование будет осуществляться через Палестинскую администрацию.

Если напряженность между ХАМАС и ПА означает, что Палестинская администрация не сможет взять на себя ответственность за предоставление услуг, страны-доноры могли бы настаивать на создании новой зонтичной организации или

based on existing organizations, whose only purpose is the rehabilitation of Gaza. All international donations for rehabilitation and local needs could be funneled through this new organization, which would be charged with dealing with the entire population of Gaza and would operate schools and hospitals and dispense other forms of aid without reference to refugees and without refugee status being a determining factor in the provision of its aid.

In Jordan, the path to dismantling UNRWA is the most straight-forward. There are 2.2 million registered refugees in Jordan, nearly all of whom are also Jordanian citizens — so not actual refugees, under internationally accepted definitions. Most of them do not even use UNRWA services, and UNRWA's budget for its operations in Jordan is relatively low, compared to the number of refugees it registers there. There is therefore no actual reason for UNRWA to operate in Jordan at all.

In Jordan, however, the path to dismantling UNRWA is also the most sensitive politically, given that the issue of the Palestinian refugees is considered directly related to the stability of the Hashemite regime, a valuable Western ally. On July 21, 1951, King Abdullah of Jordan was assassinated by a Palestinian nationalist from the Husseini clan while visiting the Al-Aqsa mosque in Jerusalem because, among other things, he was willing to make peace with the young state of Israel without demanding return, and even naturalized all the refugees in the West Bank and Jordan toward that end. Given that 70 percent of Jordan's citizens are Palestinians (rather than members of the Bedouin tribes), the Hashemite kingdom has become deeply wary of addressing the Palestinian refugee issue ever since the king's assassination.

It is precisely because of the Jordanian monarchy's desire to preserve its own stability and support, certainly among the kingdom's Palestinian majority, that it sees a need to keep the status of the registered refugees on its soil ambiguous. It is difficult, bordering on impossible, to get a consistent answer from Jordanian officials to the question of how the Jordanian state sees its

на основе существующих организаций, единственной целью которых является восстановление Газы. Все международные пожертвования на восстановление и местные нужды могли бы направляться через эту новую организацию, которая будет отвечать за всё население Газы, управлять школами и больницами, а также оказывать другие виды помощи, не привязываясь к беженцам и не принимая во внимание статус беженца при оказании помощи.

В Иордании путь к роспуску БАПОР самый прямой. В Иордании зарегистрировано 2,2 миллиона беженцев, почти все из которых являются гражданами Иордании, то есть не являются беженцами в соответствии с международно признанными определениями. Большинство из них даже не пользуются услугами БАПОР, а бюджет БАПОР на его деятельность в Иордании относительно невелик по сравнению с числом зарегистрированных там беженцев. Следовательно, у БАПОР вообще нет причин работать в Иордании.

Однако в Иордании путь к роспуску БАПОР является также наиболее чувствительным в политическом плане, учитывая, что вопрос палестинских беженцев считается напрямую связанным со стабильностью режима Хашимитов, ценного союзника Запада. 21 июля 1951 года король Иордании Абдалла был убит палестинским националистом из клана Хусейни во время посещения мечети Аль-Акса в Иерусалиме. Среди прочего, он был готов заключить мир с молодым государством Израиль, не требуя возвращения, и даже натурализовал всех беженцев на Западном берегу и в Иордании с этой целью. Учитывая, что 70 процентов граждан Иордании составляют палестинцы (а не представители бедуинских племён), Хашимитское королевство стало крайне осторожно относиться к решению проблемы палестинских беженцев после убийства короля.

Именно в силу стремления иорданской монархии сохранить собственную стабильность и поддержку, безусловно, среди палестинского большинства королевства, она считает необходимым сохранять неопределённость статуса зарегистрированных беженцев на своей территории. Получить последовательный ответ от иорданских официальных лиц на вопрос о том, как иорданское государство видит свою

own citizens. Some say that they are unambiguously Jordanians while others say that they are unambiguously Palestinians, who will one day return west of the Jordan River.

The Jordanian regime sees its ability to entertain both these claims simultaneously as a condition for its own survival. For donor countries, therefore, there is a genuine fear that drawing attention to the status of the Palestinian refugees in Jordan and dismantling UNRWA's operations there would have major consequences for the stability of its regime. But the fact that some political considerations dictate the need to register Palestinians as refugees cannot conceal the basic reality that they are simply not refugees. Moreover, the long-term stability of the region would be served much better by solving the conflict and removing the greatest obstacle to its solution by ending the fiction that there are millions of Palestinian refugees with a right of return to the state of Israel.

As for registered refugees in Syria and Lebanon, a different policy is required. Whereas it is clear that Jordan's citizens are not refugees, and those living in Gaza and the West Bank are living already in the Palestine for which they seek recognition, the refugees registered in Syria and Lebanon are in a different situation.

Syria's approach to the Palestinian refugees has enabled them and their descendants to be integrated with great success over the years into the local economy and to enjoy effective residency status, albeit without official citizenship. Between 1949 and 1956, the Syrian government passed laws specific to Palestinian refugees, granting them civil rights on par with those of Syrian citizens, with the exclusion of the right to vote and the right to citizenship. This process culminated in a 1956 law that stated that Palestinians living in the Syrian Arab Republic are on equal footing with Syrian citizens 'in all the laws and valid regulations regarding the rights of employment, commerce and military service while retaining their original nationality'.

собственные граждане. Некоторые утверждают, что они однозначно иорданцы, другие — что они однозначно палестинцы, которые однажды вернутся к западу от реки Иордан.

Иорданский режим рассматривает возможность одновременного удовлетворения обоих требований как условие собственного выживания. Поэтому страны-доноры серьёзно опасаются, что привлечение внимания к статусу палестинских беженцев в Иордании и прекращение деятельности БАПОР в этой стране будут иметь серьёзные последствия для стабильности режима. Однако тот факт, что некоторые политические соображения диктуют необходимость регистрации палестинцев в качестве беженцев, не может скрыть основополагающей реальности: они просто не являются беженцами. Более того, долгосрочная стабильность в регионе была бы гораздо лучше обеспечена разрешением конфликта и устранением главного препятствия на пути к его решению – ликвидацией фикции о том, что миллионы палестинских беженцев имеют право на возвращение в Государство Израиль.

Что касается зарегистрированных беженцев в Сирии и Ливане, то здесь требуется иная политика. В то время как граждане Иордании, очевидно, не являются беженцами, а те, кто проживает в секторе Газа и на Западном берегу, уже живут в Палестине, признание которой они и добиваются, беженцы, зарегистрированные в Сирии и Ливане, находятся в иной ситуации.

Подход Сирии к палестинским беженцам позволил им и их потомкам на протяжении многих лет успешно интегрироваться в местную экономику и получить фактический статус резидента, хотя и без официального гражданства. В период с 1949 по 1956 год сирийское правительство приняло законы, предназначенные специально для палестинских беженцев, предоставив им гражданские права наравне с гражданами Сирии, за исключением права голоса и права на гражданство. Этот процесс увенчался принятием в 1956 году закона, гласившего, что палестинцы, проживающие в Сирийской Арабской Республике, имеют равные права с гражданами Сирии «во всех законах и действующих правилах, касающихся прав на трудоустройство, торговлю и военную службу, сохраняя при этом своё первоначальное гражданство».

It is worth noting that the civil war in Syria highlighted even further the paradoxes inherent in the unique manner in which Palestinian refugees are classified and treated differently from every other group of refugees in the world. The civil war has forced millions of Syrians, including Palestinian refugees living in Syria, to flee to neighboring countries, including Lebanon and Jordan, where UNRWA has official operations. In those countries, the Syrian citizens are cared for by the UNHCR, which is making efforts to find solutions to end their refugee status, whether by integration in their host countries, resettlement in third countries, or repatriation when the conflict ends and if it becomes possible.

The Palestinian refugees from Syria, however, continue to be registered as refugees from Palestine rather than Syria and cared for by UNRWA rather than UNHCR. This, despite the fact that they were habitually residents in Syria, where they had legal status and had fled their homes due to the Syrian civil war. Whereas UNHCR would happily consider Syrians who fled from Syria and gained citizenship in Germany as no longer refugees, UNRWA would still register them as Palestine refugees.

Lebanon is also a unique situation. Out of all the Arab countries to which the Palestinian refugees fled during the 1948 war, the country in which they were treated the worst is Lebanon. It neither naturalized them like Jordan, nor integrated them economically like Syria.

In reality, Lebanon created a system of extreme state-sanctioned discrimination against the Palestinian refugees. The Palestinian refugees and their descendants in Lebanon have been prohibited from employment in over 20 professions and their ability to enter and exit the country is highly limited. Around half live in refugee camps (a similar rate to Gaza) and many live in dire poverty. It is no coincidence that Lebanon hosts far worse forms of Palestinian extremism than either Syria or Jordan. This is a strong indication that the true moderating force with respect to Palestinian refugees is not UNRWA but naturalization or economic integration.

Стоит отметить, что гражданская война в Сирии ещё больше выявила парадоксы, присущие уникальному подходу к классификации и обращению с палестинскими беженцами, отличающемуся от любой другой группы беженцев в мире. Гражданская война вынудила миллионы сирийцев, включая палестинских беженцев, проживающих в Сирии, бежать в соседние страны, включая Ливан и Иорданию, где БАПОР осуществляет свою официальную деятельность. В этих странах сирийские граждане находятся под опекой УВКБ ООН, которое прилагает усилия по поиску решений, позволяющих им прекратить статус беженцев, будь то интеграция в принимающих странах, переселение в третьи страны или репатриация после окончания конфликта, если это станет возможным.

Однако палестинские беженцы из Сирии по-прежнему регистрируются как беженцы из Палестины, а не Сирии, и находятся под опекой БАПОР, а не УВКБ ООН. И это несмотря на то, что они постоянно проживали в Сирии, имели там законный статус и покинули свои дома из-за гражданской войны в Сирии. В то время как УВКБ ООН с радостью считало бы сирийцев, бежавших из Сирии и получивших гражданство в Германии, не беженцами, БАПОР по-прежнему регистрирует их как палестинских беженцев.

Ливан также представляет собой уникальную ситуацию. Из всех арабских стран, куда бежали палестинские беженцы во время войны 1948 года, именно в Ливане с ними обошлись хуже всего. Ливан не натурализовал их, как Иордания, и не интегрировал их экономически, как Сирия.

В действительности Ливан создал систему крайней, санкционированной государством дискриминации палестинских беженцев. Палестинским беженцам и их потомкам в Ливане запрещено работать по более чем 20 специальностям, а их возможности въезда и выезда из страны крайне ограничены. Около половины из них живут в лагерях беженцев (аналогично Газе), а многие живут в крайней нищете. Неслучайно, что в Ливане существуют гораздо более жестокие формы палестинского экстремизма, чем в Сирии или Иордании. Это убедительно свидетельствует о том, что истинной сдерживающей силой в отношении палестинских беженцев является не БАПОР, а натурализация или экономическая интеграция.

The policy with respect to the Palestinian refugees in Lebanon should be, as with the refugees from Syria, to transfer responsibility for Palestinian registered refugees from UNRWA in Lebanon to UNHCR, with a view to ending their refugee status by means other than return. Donor countries would transfer the funding that currently goes to UNRWA in Lebanon to UNHCR.

We must also challenge traditional thinking about the role of diplomats and negotiators in extended conflicts. Whereas the traditional view looks at diplomats and negotiators who do the work of peacemaking by shuttling between capitals, and forcing reluctant sides into one room where they are strong-armed into making concessions, *The War of Return* argues that in order to be effective, these diplomats and negotiators must first and foremost correctly analyze the root causes of the conflict, and then work continuously over time to remove the real obstacles that stand in the way of making peace.

Our book demonstrates that in the case of Israel and the Palestinians, decades of shuttling, strong-arming the sides, and endless hours of negotiations came to naught because none of the diplomats or negotiators truly understood and dealt with the root causes of the conflict, choosing instead to turn away and focus on that which appeared easier. If, as the Jewish sages say, we are not expected to complete the task, but neither are we free to avoid it, then diplomats and negotiators must move away from fruitless pursuits of sham peacemaking in favor of the hard work actually required to attain true peace.

Our interest in Israeli-Palestinian and Israeli-Arab peace is not theoretical. We both live and raise families in Israel. Being in a perpetual state of war with the Palestinians and the Arab world means that every day bears the prospect of a loved one being wounded or killed because of the conflict. It means that we raise children knowing that each one will have to join the army and certainly face war and possibly death. Peace for us is not a dinner-table discussion subject but an existential necessity. It is our fervent hope that in writing this book we contribute in a meaningful way to real and lasting peace.

Политика в отношении палестинских беженцев в Ливане, как и в случае с беженцами из Сирии, должна заключаться в передаче ответственности за зарегистрированных палестинских беженцев из БАПОР в Ливане в УВКБ ООН с целью прекращения их статуса беженца иными способами, помимо возвращения. Страны-доноры должны перевести финансирование, которое в настоящее время выделяется БАПОР в Ливане, в УВКБ ООН.

Мы также должны пересмотреть традиционное представление о роли дипломатов и переговорщиков в затяжных конфликтах. В то время как традиционный взгляд рассматривает дипломатов и переговорщиков как миротворцев, которые курсируют между столицами и загоняют сопротивляющиеся стороны в одну комнату, где их силой вынуждают идти на уступки, *Война за возвращение* утверждает, что для того, чтобы действовать эффективно, эти дипломаты и переговорщики должны в первую очередь правильно проанализировать коренные причины конфликта, а затем непрерывно работать над устранением реальных препятствий, стоящих на пути к достижению мира.

Наша книга показывает, что в случае Израиля и Палестины десятилетия челноков, давления на стороны и бесконечные часы переговоров ни к чему не привели, поскольку никто из дипломатов и переговорщиков по-настоящему не понял и не разобрался с коренными причинами конфликта, предпочтя вместо этого отвернуться и сосредоточиться на том, что казалось более лёгким. Если, как говорят еврейские мудрецы, от нас не ждут выполнения задачи, но мы также не можем её избежать, то дипломаты и переговорщики должны отказаться от бесплодных попыток показного миротворчества в пользу тяжёлой работы, действительно необходимой для достижения подлинного мира.

Наш интерес к миру между Израилем, Палестиной и Израилем, а также между арабами и Израилем не является теоретическим. Мы оба живём и растим семьи в Израиле. Постоянное состояние войны с палестинцами и арабским миром означает, что каждый день несёт в себе перспективу ранения или гибели близкого человека в результате конфликта. Это означает, что мы растим детей, зная, что каждому из них придётся пойти в армию и, безусловно, столкнуться с войной и, возможно, со смертью. Мир для нас — не тема для разговоров за обеденным столом, а экзистенциальная необходимость. Мы горячо надеемся, что Написав эту книгу, мы вносим значимый вклад в достижение настоящего и прочного мира.

TRUMP'S PEACE PLAN COULD STRENGTHEN ARAB-ISRAELI RELATIONS

Op-Ed for the Jewish Telegraphic Agency, February 2020 (prior to the Abraham Accords)

President Donald Trump's [Middle East peace plan](#) will probably not achieve its stated goal of bringing peace between Israel and the Palestinians, but it might just bring about peace between Israel and more of its Arab neighbors. Here's why.

Over the past several years, Israel has become an appealing partner to Arab states for two main reasons. Ever since the revolutions known as the Arab Spring toppled several regimes and undermined and threatened the stability of others, Israel's stability in the region has become ever more apparent.

Moreover, as Arab countries in the Gulf increasingly came to perceive Iran as a threat, Israel's stability, military power and political will to limit Iran's power became ever more attractive to those states.

So behind the scenes, Israel, Saudi Arabia and the Gulf states grew closer, sharing intelligence and cooperating on security to confront Iran. Precarious ties with Jordan and Egypt were further cemented by the joint battle against ISIS and, more long-term, by the discovery and mining of [substantial gas reserves](#) on Israel's Mediterranean coast. As all of this cooperation became more visible, these Arab countries had to find a way to do so without appearing to abandon the Palestinian cause altogether.

It is easy to dismiss the concerns of non-democratic regimes and argue that they can pursue their economic and security interests with utter disregard for how the public views them. But this opinion betrays a misunderstanding of the extent to which even non-democratic regimes have to navigate public opinion to ensure their continued survival. In fact, for many decades, the positive sentiment in the Arab world towards the Palestinians and the negative one towards Israel was actually used by many regimes to deflect anger away from their own shortcomings.

МИРНЫЙ ПЛАН ТРАМПА МОЖЕТ УКРЕПИТЬ АРАБСКО-ИЗРАИЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Редакционная статья для Еврейского телеграфного агентства, февраль 2020 г. (до Авраамовых соглашений)

президента Дональда Трампа [План мирного урегулирования на Ближнем Востоке](#) Вероятно, он не достигнет своей заявленной цели — установления мира между Израилем и палестинцами, но, возможно, поможет установить мир между Израилем и другими его арабскими соседями. И вот почему.

За последние несколько лет Израиль стал привлекательным партнёром для арабских государств по двум основным причинам. С тех пор, как революции, известные как «арабская весна», свергли несколько режимов и подорвали стабильность других, стабильность Израиля в регионе стала ещё более очевидной.

Более того, поскольку арабские страны Персидского залива все больше стали воспринимать Иран как угрозу, стабильность, военная мощь и политическая воля Израиля ограничить мощь Ирана стали для этих государств еще более привлекательными.

Таким образом, за кулисами Израиль, Саудовская Аравия и страны Персидского залива сблизились, обмениваясь разведданными и сотрудничая в сфере безопасности для противостояния Ирану. Непрочные связи с Иорданией и Египтом ещё больше укрепились благодаря совместной борьбе с ИГИЛ и, в более долгосрочной перспективе, благодаря обнаружению и добыче [значительные запасы газа](#) на средиземноморском побережье Израиля. По мере того, как это сотрудничество становилось всё более заметным, этим арабским странам пришлось искать способ сделать это, не создавая впечатления полного отказа от палестинского дела.

Легко игнорировать заботы недемократических режимов и утверждать, что они могут отстаивать свои экономические и оборонные интересы, совершенно не обращая внимания на мнение общественности. Но это мнение свидетельствует о непонимании того, в какой степени даже недемократическим режимам приходится манипулировать общественным мнением, чтобы обеспечить своё дальнейшее существование. Более того, на протяжении многих десятилетий позитивное отношение арабского мира к палестинцам и негативное к Израилю фактически использовалось многими режимами, чтобы отвлечь гнев от собственных недостатков.

The dramatic events of the Arab Spring made it ever more necessary for Arab regimes to remain attuned to public sentiment for their survival, but it also began to change that sentiment, as publics increasingly focused on domestic demands. This means that while empathy for the Palestinian cause remains strong across the Arab world, it is no longer uniform, and in some places it is fraying.

There is growing evidence of decreased willingness to place the Palestinian cause above domestic Arab interests. Voices that in the past would have never been heard in the Arab world now appear on local Arab television and social media, questioning why their countries continue to hitch their wagons to the Palestinians, who are prone to rejecting compromise. In some cases, these voices even express open support for Israel.

In the past, Palestinians could generally count on the Arab countries — not just to openly fight wars for their cause, as they did in 1948 and 1967, but to stand firmly behind them, accepting what the Palestinians accept and rejecting what the Palestinians reject. This is no longer the case.

So although the Palestinians were still able to rally the Arab League — a group of Arab countries, which is already a shadow of its former powerful self — to [join in their rejection of Trump's plan](#), their isolation in the Arab world is growing more apparent.

This is the most important aspect, and the greatest news, to come out of the plan's introduction. Not only does the plan reflect the political preferences of the vast majority of Israel's Jews — with the Likud, Blue and White and Israel Beiteinu parties endorsing the plan — but it has been cautiously welcomed by Saudi Arabia, Egypt, Oman, the United Arab Emirates and Qatar as at least a legitimate basis for negotiations. It also makes vital regional cooperation more likely to continue and strengthen over time.

Israel, for its part, must endorse and adopt the plan in its entirety if it is to serve as a framework that enables the Gulf countries to pursue ever closer cooperation with Israel. It is crucial that even if Israel ultimately annexes the territory designated for Israel in the plan, it does so while making it clear that the remaining territory, assigned in the plan to a Palestinian state, would not be annexed and will be kept for a future Palestinian state.

It is tempting to ridicule the American president's vision, but the plan does offer the prospect of greater peace and prosperity for those countries in the Arab world who accept that Israel and the sovereign Jews have come back to their ancient homeland to stay.

Драматичные события «арабской весны» ещё больше усилили необходимость для арабских режимов учитывать общественные настроения ради собственного выживания, но они также начали менять эти настроения, поскольку общественность всё больше концентрировалась на внутренних проблемах. Это означает, что, хотя сочувствие палестинскому делу остаётся сильным в арабском мире, оно уже не единообразно, а в некоторых местах даже ослабевает.

Всё больше свидетельств снижения готовности ставить палестинский вопрос выше внутренних арабских интересов. Голоса, которые раньше никогда бы не прозвучали в арабском мире, теперь звучат на местном арабском телевидении и в социальных сетях, задавая вопрос, почему их страны продолжают поддерживать палестинцев, склонных отвергать компромисс. В некоторых случаях эти голоса даже открыто поддерживают Израиль.

В прошлом палестинцы могли рассчитывать на арабские страны — не только в том, что они открыто вели войны за их дело, как это было в 1948 и 1967 годах, но и в том, что они твёрдо поддерживали их, принимая то, что принимают палестинцы, и отвергая то, что отвергают палестинцы. Теперь всё иначе.

Итак, хотя палестинцы все еще смогли сплотить Лигу арабских государств — группу арабских стран, которая уже является тенью своей прежней могущественной сущности — [присоединиться к их несогласию с планом Трампа](#), их изоляция в арабском мире становится все более очевидной.

Это самый важный аспект и самая важная новость, вытекающая из представления плана. План не только отражает политические предпочтения подавляющего большинства израильских евреев (его поддерживают партии «Ликуд», «Кахоль Лаван» и «Израэль Бейтейну»), но и был сдержанно принят Саудовской Аравией, Египтом, Оманом, Объединёнными Арабскими Эмиратами и Катаром как по крайней мере легитимная основа для переговоров. Он также повышает вероятность продолжения и укрепления жизненно важного регионального сотрудничества в долгосрочной перспективе.

Израиль, со своей стороны, должен одобрить и принять план в полном объёме, чтобы он послужил основой для дальнейшего более тесного сотрудничества стран Персидского залива с Израилем. Крайне важно, чтобы даже если Израиль в конечном итоге аннексирует территорию, предусмотренную планом, он сделал это, чётко дав понять, что оставшаяся территория, предусмотренная планом для палестинского государства, не будет аннексирована и будет сохранена для будущего палестинского государства.

Возникает соблазн высмеять видение американского президента, но план не... предложить перспективу большего мира и процветания тем странам арабского мира, которые признают, что Израиль и суверенные евреи вернулись на свою древнюю родину, чтобы остаться там.

WHY EVEN THE ISRAELI LEFT EMBRACED TRUMP'S PEACE PLAN

Op-Ed for the British Telegraph, February 2020

Much of the genuine criticism of Donald Trump's ["Peace to Prosperity" plan](#) for the Middle East emerges from the assumption that there is another plan to be found; a better, more just and fairer one, to which the Palestinians would say yes, and which would then truly bring about peace. I wish it were so, but sadly there is no evidence for such an assumption.

Like many on the Israeli Left, I would have preferred the US President's plan to [provide the Palestinians](#) with more land, greater presence in east Jerusalem (almost all of the city's Arab neighbourhoods, rather than just three of them), more of a say in the holy sites, and greater control over their future borders. However, decades of determined words and actions have made it very clear that the Palestinian leadership will say yes only to plans that bring about the end of Israel as the sovereign state of the Jewish people.

To the Palestinians' credit they have never lied nor wavered about their goal of an Arab Palestine stretching "From the River to the Sea". They have been consistent and persistent in its pursuit, whether by wars and terrorism or by seeking to isolate Israel on the international stage. To that end, they have never backed down from their claim that they possess a "right of return" into the sovereign state of Israel.

Exercising this "right of return" would effectively transform Israel into an Arab Islamic state with a Jewish minority, thereby ending Jewish self-rule. Even when negotiating with Israel over two states, Palestinians have remained adamant that this "right of return" (which is neither a right nor a return) is non-negotiable.

When some Palestinians claim to support two states, while rejecting any formulation that would deny them the "right of return", the two states which would actually result are a Palestinian state in the West Bank and Gaza and

ПОЧЕМУ ДАЖЕ ИЗРАИЛЬСКИЕ ЛЕВЫЕ ПРИНЯЛИ МИРНЫЙ ПЛАН ТРАМПА

Редакционная статья для British Telegraph, февраль 2020 г.

Большая часть искренней критики Дональда Трампа [План «Мир к процветанию»](#) Для Ближнего Востока это исходит из предположения, что существует другой план: лучший, более справедливый и честный, который палестинцы одобряют и который действительно приведёт к миру. Хотелось бы, чтобы это было так, но, к сожалению, нет никаких доказательств для такого предположения.

Как и многие левые в Израиле, я бы предпочел план президента США [предоставить палестинцам](#) с большей территорией, большим присутствием в Восточном Иерусалиме (практически во всех арабских районах города, а не только в трёх), большей свободой слова в отношении святых мест и более строгим контролем над будущими границами. Однако десятилетия решительных слов и действий ясно показали, что палестинское руководство согласится только на те планы, которые приведут к концу существования Израиля как суверенного государства еврейского народа.

К чести палестинцев, они никогда не лгали и не колебались в отношении своей цели – арабской Палестины, простирающейся «от реки до моря». Они были последовательны и настойчивы в её достижении, будь то войны и терроризм или попытки изолировать Израиль на международной арене. С этой целью они никогда не отказывались от своего заявления о «праве на возвращение» в суверенное государство Израиль.

Осуществление этого «права на возвращение» фактически превратило бы Израиль в арабское исламское государство с еврейским меньшинством, тем самым положив конец еврейскому самоуправлению. Даже ведя переговоры с Израилем о создании двух государств, палестинцы твёрдо настаивали на том, что это «право на возвращение» (которое не является ни правом, ни возвращением) не подлежит обсуждению.

Когда некоторые палестинцы заявляют о поддержке двух государств, отвергая при этом любую формулировку, которая лишает их «права на возвращение», то два государства, которые фактически возникнут, — это палестинское государство на Западном берегу и в секторе Газа и

another Palestinian state to replace Israel.

Westerners who genuinely want to believe that there is a peace plan that allows both a Jewish Israel and an Arab Palestine to live side by side in peace, have sought to square the Palestinians' decades of consistent rejectionism by engaging in a practice I have come to term "westplaining". Westplaining means that when Palestinians say "no", westerners explain it means "maybe", and that while Palestinians may insist that the "right of return" is holy and non-negotiable, in reality they "know" deep down it won't really happen.

What Westplaining has sought to mask is the Palestinian view that if the price of an Arab state of Palestine is that the Jewish people will be allowed to retain their sovereign state and self-rule in another part of the land, whichever part that is, then that is too high a price to pay.

Faced with such choices, whether early in 1937 and 1947 or later in 2000 and 2008, the Palestinians have, to date, considered it far better to keep fighting. President Trump's plan is [by no means perfect](#), but its key virtue has emerged from the simple understanding that there is no plan, short of the end of Zionism, to which the Palestinians would say yes.

This is a painful realisation [which for many](#) Left-wing Israelis, like myself, was purchased in decades of dashed hopes watching Palestinian leaders walk away from opportunity after opportunity, and in the blood of families blown to bits by suicide bombers days after Palestinians could have had a state. Yet it is the reason the Trump plan has been embraced by the vast majority of Israel's Jews, Left and Right.

Around the world, [including in Britain](#) where it was hailed by Boris Johnson in the House of Commons, it has been welcomed, too. Even a number of Arab countries have [voiced their support](#) for the plan, at the very least as a legitimate basis for [renewed negotiations](#). The UAE, Oman and Bahrain all sent ambassadors to its unveiling. Egypt, Saudi Arabia and others have also backed it. Ever since the Arab Spring and the rise of Iran, these Arab countries have been slowly moving away from decades of virulent anti-Zionism, increasingly assessing Israel as a stable and reliable ally.

The plan of the current administration will bring neither peace nor prosperity for the Palestinians, as they will continue consistently and predictably to say no – but it could just bring greater peace between Israel and the Arab world, who hopefully will come one day to recognise Israel and the sovereign Jews as a legitimate presence in the region.

еще одно палестинское государство, которое заменит Израиль.

Западные граждане, искренне желающие верить в существование мирного плана, позволяющего еврейскому Израилю и арабской Палестине мирно жить бок о бок, пытаются компенсировать десятилетия последовательного неприятия палестинцев, прибегая к практике, которую я называю «вестплейнингом». Вестплейнинг означает, что когда палестинцы говорят «нет», западные граждане объясняют это как «возможно», и что, хотя палестинцы могут настаивать на том, что «право на возвращение» свято и не подлежит обсуждению, на самом деле в глубине души они «знают», что этого не произойдет.

Вестплейнинг пытается скрыть точку зрения палестинцев о том, что если ценой создания арабского государства Палестина является предоставление еврейскому народу возможности сохранить свое суверенное государство и самоуправление в другой части страны, какой бы она ни была, то это слишком высокая цена.

Столкнувшись с таким выбором, будь то в начале 1937 и 1947 годов или позднее, в 2000 и 2008 годах, палестинцы до сих пор считали, что гораздо лучше продолжать борьбу. План президента Трампа в коем случае не идеален, но его главное достоинство заключается в простом понимании того, что нет такого плана, за исключением конца сионизма, на который палестинцы сказали бы «да».

Это болезненное осознание, которое для многих израильтян левого толка, таких как я, было приобретено десятилетиями несбывшихся надежд, наблюдая, как палестинские лидеры упускают одну за другой возможности, и кровью семей, разорванных на части террористами-смертниками спустя несколько дней после того, как у палестинцев могло бы появиться собственное государство. И всё же именно поэтому план Трампа был принят подавляющим большинством израильских евреев, как левых, так и правых.

По всему миру, в том числе в Великобритании Там, где Борис Джонсон приветствовал этот план в Палате общин, он также был встречен с одобрением. Даже ряд арабских стран выразили свою поддержку плану, по крайней мере, как легитимной основе для возобновления переговоров. ОАЭ, Оман и Бахрейн направили своих послов на его презентацию. Египет, Саудовская Аравия и другие также поддержали его. После Арабской весны и усиления Ирана эти арабские страны постепенно отходят от десятилетий яростного антисионизма, всё больше считая Израиль стабильным и надёжным союзником.

План нынешней администрации не принесет ни мира, ни процветания для палестинцев, поскольку они будут продолжать последовательно и предсказуемо сказать «нет» — но это могло бы просто принести больший мир между Израилем и арабским миром, который, как мы надеемся, однажды признает Израиль и суверенных евреев в качестве законного присутствия в регионе.

BIDEN JUST THREW ISRAELI-PALESTINIAN PEACE UNDER THE BUS

Op-Ed for Newsweek, April 2021

The Biden Administration announced last week that it is resuming funding for UNRWA, the UN Relief and Works Agency for Palestine Refugees, allocating \$150 Million a year as "a means to advance a negotiated two-state solution." Whatever the Administration's true intentions are, advancing a two-state solution cannot seriously be the goal. ***The Administration is consciously choosing to fund an agency that is institutionally committed to ensuring that peace will never be possible.***

UNRWA, under the cover of providing social services to Palestinians, is in effect giving political cover to the dream of undoing Israel by nurturing and legitimizing the demand to settle millions of Palestinians inside Israel, within its pre-1967 lines, in the name of "return."

Unless the Administration is keen to extend the Palestinian conflict with Israel, in the hope that one day Israel shall cease to exist as the sovereign state of the Jewish People, it is unclear why it has made such a disastrous policy choice.

UNRWA is one of the greatest, if not *the* greatest obstacle to peace between Israelis and Palestinians. In contrast with normal international standards, UNRWA has its' own distinct definition for Palestinian refugees, which automatically includes all the descendants of the original refugees from the 1948 and 1967 wars.

Today, the majority of UNRWA refugees worldwide are grandchildren and great-grandchildren of the original refugees. Moreover, the vast majority of them are also citizens of other countries or living within territories governed by Palestinians in Palestine, and so are not actually refugees and in no need of resettlement.

UNRWA's definition inflates the number of those who should properly be

БАЙДЕН ПРОСТО БРОСИЛ ПОД АВТОБУС МИР МЕЖДУ ИЗРАИЛЬЮ И ПАЛЕСТИНОЙ

Редакционная статья для Newsweek, апрель 2021 г.

На прошлой неделе администрация Байдена объявила о возобновлении финансирования БАПОР (Ближневосточного агентства ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ), выделяя 150 миллионов долларов в год в качестве «средства для продвижения согласованного решения о двух государствах». Каковы бы ни были истинные намерения администрации, продвижение решения о двух государствах не может быть её целью. **Администрация сознательно принимает решение финансировать агентство, которое институционально стремится обеспечить невозможность установления мира.**

БАПОР, под прикрытием предоставления социальных услуг палестинцам, фактически предоставляет политическое прикрытие мечте об уничтожении Израиля, поддерживая и легитимируя требование расселить миллионы палестинцев внутри Израиля, в пределах границ, существовавших до 1967 года, под названием «возвращение».

Если администрация не стремится продлить палестинский конфликт с Израилем в надежде, что однажды Израиль перестанет существовать как суверенное государство еврейского народа, непонятно, почему она сделала столь катастрофический политический выбор.

БАПОР является одним из крупнейших, если не самым крупным то главным препятствием на пути к миру между израильянами и палестинцами является БАПОР. В отличие от общепринятых международных стандартов, у БАПОР есть своё собственное определение палестинских беженцев, которое автоматически включает всех потомков беженцев, бежавших в результате войн 1948 и 1967 годов.

Сегодня большинство беженцев БАПОР по всему миру — внуки и правнуки первых беженцев. Более того, подавляющее большинство из них также являются гражданами других стран или проживают на территориях, управляемых палестинцами в Палестине, и, следовательно, фактически не являются беженцами и не нуждаются в переселении.

Определение БАПОР преувеличивает число тех, кто должен быть

considered refugees, 20-100 fold. Only a small share of those registered on UNRWA's rosters—those who still live stateless and discriminated against in Syria and Lebanon—are in need of resettlement. But rather than working to resettle them, UNRWA sustains many of them in perpetual limbo, together with their millions of long-settled brethren, in the elusive promise that they will one day be able to settle within Israel and claim Israel itself, rather than the West Bank and Gaza, as Palestine.

The Trump Administration had it right when it decided to defund UNRWA. And the Biden Administration is making a huge mistake upending that decision. To understand the magnitude of this error, imagine if the U.S. took the position that the entire West Bank is disputed, and then allocated funds towards building West Bank settlements and encouraging settlers to live there, while constantly reminding settlers that by legal "right" the entire West Bank is theirs and only theirs. Imagine if the U.S. refrained from ever saying anything that might be construed as implying that the settlers do not have the full right to settle all across the West Bank, and that someday they might be expected to forgo territory, so as not to anger them or hurt their feelings. Finally, after all that, imagine if the U.S. expressed confidence that when the time comes to settle the territorial dispute with the Palestinians, the settlers would somehow accept and support the need for such compromise.

This would be non-sensical to anyone supporting peace by means of two states. And yet, this is exactly how UNRWA operates, maintaining the fiction that one day, the descendants of refugees will be able to "return" to Israel.

Any U.S. intention to refund UNRWA without demanding deep structural changes is equally nonsensical to the hypothetical we laid out. There are perfectly rational, humane and effective ways to provide public healthcare and education services to Palestinians without fueling the conflict with Israel—in other words, without UNRWA.

For there to be peace, the war must end. This might sound banal, but it is the most important step on the path to making peace between Palestinians and Israel.

As long as Palestinians are indulged by the West in their belief that the war of 1948 remains an open case and that they can undo their failure in that war to prevent Israel's establishment as a sovereign state for the Jewish

Число беженцев, считающихся беженцами, увеличивается в 20–100 раз. Лишь небольшая доля зарегистрированных в реестрах БАПОР — тех, кто до сих пор живёт без гражданства и подвергается дискриминации в Сирии и Ливане, — нуждается в переселении. Но вместо того, чтобы заниматься их переселением, БАПОР держит многих из них в вечном подвешенном состоянии вместе с миллионами их давно обосновавшихся собратьев, в надежде на то, что однажды они смогут поселиться в Израиле и объявить Палестиной сам Израиль, а не Западный берег и Газу.

Администрация Трампа поступила правильно, решив прекратить финансирование БАПОР. А администрация Байдена совершает огромную ошибку, перечеркивая это решение. Чтобы понять масштаб этой ошибки, представьте, что США заняли позицию, согласно которой весь Западный берег является спорным, а затем выделили средства на строительство поселений на Западном берегу и поощрение поселенцев жить там, постоянно напоминая поселенцам, что по закону весь Западный берег принадлежит им и только им. Представьте, что США воздержались бы от любых заявлений, которые могли бы быть истолкованы как намек на то, что поселенцы не имеют полного права селиться по всему Западному берегу и что когда-нибудь от них, возможно, придется отказаться от территории, чтобы не разозлить палестинцев и не задеть их чувства. Наконец, после всего этого представьте, что США выразили бы уверенность в том, что, когда придет время урегулировать территориальный спор с палестинцами, поселенцы каким-то образом примут и поддержат необходимость такого компромисса.

Это было бы абсурдно для любого, кто поддерживает мир посредством двух государств. И всё же именно так действует БАПОР, поддерживая иллюзию, что однажды потомки беженцев смогут «вернуться» в Израиль.

Любое намерение США возместить средства БАПОР без требования глубоких структурных изменений столь же бессмысленно, как и предложенная нами гипотеза. Существуют совершенно рациональные, гуманные и эффективные способы предоставления палестинцам услуг здравоохранения и образования, не разжигая конфликт с Израилем.
— другими словами, без БАПОР.

Чтобы наступил мир, война должна прекратиться. Это может показаться банальным, но это важнейший шаг на пути к миру между палестинцами и Израилем.

Пока Запад потакает палестинцам в их вере в то, что война 1948 года остается открытым делом и что они могут исправить свою ошибку в той войне, чтобы не допустить создания Израиля как суверенного государства для еврейского народа,

people by means of mass "refugee return," there is zero possibility that peace will be achieved. Unless the war is clearly understood to have ended, that Israel is here to stay as the sovereign state of the Jewish people, and that millions of Palestinians are not "refugees" from that war and do not possess a "right" to continue the war through "return," peace will remain elusive, and the conflict will continue.

At a time when the Abraham Accords finally mark acceptance by some Arabs of Israel's belonging and permanence in the region, the Biden administration is refinancing an agency that provides international legitimacy to the Palestinian view that Israel is a temporary and illegitimate creation.

It is hard to imagine a more anti-peace U.S. policy choice.

людей путем массового «возвращения беженцев», нет никакой возможности достижения мира. Пока не будет ясно осознано, что война закончилась, что Израиль останется суверенным государством еврейского народа и что миллионы палестинцев не являются «беженцами» от этой войны и не имеют «права» продолжать войну через «возвращение», мир останется недостижимым, а конфликт продолжится.

В то время, когда Соглашения Авраама наконец знаменуют собой признание некоторыми арабами принадлежности и постоянного присутствия Израиля в регионе, администрация Байдена рефинансирует агентство, которое обеспечивает международную легитимность палестинской точке зрения, что Израиль является временным и незаконным образованием.

Трудно представить себе более антимирный выбор политики США.

AN AMERICAN CONSULATE IN EAST JERUSALEM COULD PRESERVE A TWO-STATE SOLUTION

Op-Ed for The Hill, November 2021

As tensions grow over the Biden administration's decision to [reopen the U.S. Consulate](#) in Jerusalem, there is a simple solution that, unusual for this conflict, could be a win-win all around. That solution is to reopen an American consulate located deep in East Jerusalem. This would satisfy the goal of reopening the consulate as a means of re-engaging with the Palestinians. It also sends an important message about America's commitment to preserving a two-state solution, including in Jerusalem. And, if done well, it might be a solution that the Israeli government could swallow — and even embrace.

Carving out a solution to the consulate issue — and for the conflict, in general — requires abandoning decades of constructive ambiguity that has proved to be destructive. It is time to inject some constructive specificity into policymaking, such as acknowledging that the American consulate and the consulates of other countries represent de facto embassies to the Palestinians. The problem is that all these countries maintain these consulates in direct contradiction to their professed policy of supporting a two-state solution to the conflict.

The U.S. is the only country that could point to consistent policymaking in reopening its consulate in East Jerusalem. The reason is that the other countries with consulates in Jerusalem continue to place their embassies to the State of Israel in Tel Aviv — a wonderful city but decidedly not Israel's capital. By maintaining their embassies in Tel Aviv, these countries refuse to recognize Jerusalem as Israel's capital. They maintain the fiction that Jerusalem forms a separate body — a *Corpus Separatum* — under no one's sovereignty, as [proposed by](#) the United Nations General Assembly in its 1947 partition proposal.

Yet these countries pursue an entirely incoherent foreign policy. They profess

АМЕРИКАНСКОЕ КОНСУЛЬСТВО В ВОСТОЧНОМ ИЕРУСАЛИМЕ МОЖЕТ СОХРАНИТЬ РЕШЕНИЕ О ДВУХ ГОСУДАРСТВАХ

Редакционная статья для The Hill, ноябрь 2021 г.

Поскольку напряженность растет из-за решения администрации Байдена [вновь открыть консульство США](#) в Иерусалиме есть простое решение, которое, что необычно для этого конфликта, может быть выгодным для всех. Это решение заключается в возобновлении работы американского консульства, расположенного в глубине Восточного Иерусалима. Это позволило бы достичь цели возобновления работы консульства как средства возобновления взаимодействия с палестинцами. Это также посылает важный сигнал о приверженности Америки сохранению принципа двух государств, включая Иерусалим. И, если оно будет реализовано успешно, это может стать решением, которое израильское правительство сможет принять.
— и даже обниматься.

Для решения вопроса о консульствах – и конфликта в целом – необходимо отказаться от десятилетий конструктивной двусмысленности, которая оказалась деструктивной. Пора внести конструктивную конкретику в политику, например, признать, что американское консульство и консульства других стран фактически являются посольствами для палестинцев. Проблема в том, что все эти страны сохраняют эти консульства, что прямо противоречит их заявленной политике поддержки решения конфликта по принципу двух государств.

США — единственная страна, которая может похвастаться последовательной политикой в вопросе открытия своего консульства в Восточном Иерусалиме. Причина в том, что другие страны, имеющие консульства в Иерусалиме, продолжают размещать свои посольства в Государстве Израиль в Тель-Авиве — прекрасном городе, но, безусловно, не столице Израиля. Сохраняя свои посольства в Тель-Авиве, эти страны отказываются признавать Иерусалим столицей Израиля. Они поддерживают фикцию о том, что Иерусалим представляет собой отдельное образование — *Corpus Separatum* — не находящееся под чьим-либо суверенитетом, поскольку [предложено](#) Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций в своем предложении о разделе в 1947 году.

Однако эти страны проводят совершенно непоследовательную внешнюю политику. Они заявляют,

to support a two-state solution. They call East Jerusalem “Occupied Palestinian Territory.” Some of them, such as Sweden, even bilaterally recognize Palestine as an already existing state. But if the eastern part of Jerusalem is Palestinian, then surely the western part — which no one contests and is home to no holy sites — is Israeli.

To have any coherence in pursuit of a two-state solution, the policy of foreign countries toward Jerusalem should be determined either by the 1947 proposal or by [1967, the “Green Line.”](#) If it is 1947, neither Israelis nor Palestinians have any claim to Jerusalem. Jerusalem is then not Israel’s capital to these countries, but also no part of it is “Occupied Palestinian Territory.” It means no country should have consulates, representations or de facto embassies anywhere in Jerusalem. If the 1949 ceasefire guides policy, then the western part is recognized as Israel’s capital and all embassies should be moved there, and the eastern part as Occupied Palestinian Territory and de facto embassies to Palestine could be stationed there.

What makes no sense is the policy pursued by most countries, whereby Israel is judged by 1947 and Palestinians by 1967. Most countries deny recognition of Israel’s capital in any part of Jerusalem — but they effectively recognize Palestinian claims to the eastern part by positioning de facto embassies to Palestine in Jerusalem.

Only the U.S. could claim to pursue a coherent policy in Jerusalem if it reopens the consulate, given that it has [recognized Jerusalem as Israel’s capital](#) and [placed its embassy there](#). The only caveat — and it is a big one — is that the U.S. should absolutely not reopen the consulate in its [old Agron Road location](#), well within west Jerusalem. Reopening a de facto American embassy to Palestine in western Jerusalem would send a terrible message that this part of Jerusalem is somehow contested. That is a view held only by those who want the State of Israel to disappear. No Israeli government, on the left or the right, could consent to such an act. No one truly seeking peace would knowingly pursue it.

In recognizing Jerusalem as Israel’s capital, the Trump administration made it clear that this does not mean recognizing the municipal boundaries of Jerusalem and that the final borders of Jerusalem are to be negotiated in a conflict-ending agreement. All genuine supporters of two states understand

поддержать решение о создании двух государств. Они называют Восточный Иерусалим «оккупированной палестинской территорией». Некоторые из них, например, Швеция, даже на двусторонней основе признают Палестину как уже существующее государство. Но если восточная часть Иерусалима принадлежит Палестине, то западная часть, которую никто не оспаривает и где нет никаких святых мест, несомненно, принадлежит Израилю.

Чтобы иметь хоть какую-то последовательность в достижении решения о двух государствах, политика иностранных государств в отношении Иерусалима должна определяться либо предложением 1947 года, либо [1967 год, «Зеленая линия»](#). Если это 1947 год, ни израильтяне, ни палестинцы не имеют никаких претензий на Иерусалим. Тогда Иерусалим не является столицей Израиля для этих стран, но и никакая его часть не является «оккупированной палестинской территорией». Это означает, что ни одна страна не должна иметь консульств, представительств или фактических посольств где-либо в Иерусалиме. Если политика основана на соглашении о прекращении огня 1949 года, то западная часть признается столицей Израиля, и все посольства должны быть перенесены туда, а восточная часть считается оккупированной палестинской территорией, и там могут быть размещены фактические посольства в Палестине.

Что не имеет смысла, так это политика, проводимая большинством стран, в рамках которой Израиль судят по 1947 году, а палестинцев — по 1967 году. Большинство стран отрицают признание столицы Израиля в какой-либо части Иерусалима, но фактически признают претензии палестинцев на восточную часть, размещая фактические посольства Палестины в Иерусалиме.

Только США могут утверждать, что проводят последовательную политику в Иерусалиме, если вновь откроют консульство, учитывая, что у них есть [признал Иерусалим столицей Израиля и разместила там свое посольство](#). Единственное предостережение — и оно очень важное — заключается в том, что США ни в коем случае не должны открывать консульство в своей стране. [старое местоположение Агрон-роуд](#), в западной части Иерусалима. Открытие де-факто американского посольства в Палестине в западной части Иерусалима стало бы ужасным сигналом о том, что эта часть Иерусалима каким-то образом оспаривается. Такого мнения придерживаются только те, кто желает исчезновения Государства Израиль. Ни одно израильское правительство, ни левое, ни правое, не согласилось бы на такой акт. Никто, действительно стремящийся к миру, не стал бы сознательно стремиться к нему.

Признав Иерусалим столицей Израиля, администрация Трампа ясно дала понять, что это не означает признания муниципальных границ Иерусалима и что окончательные границы Иерусалима должны быть определены в соглашении, положившем конец конфликту. Все истинные сторонники двух государств понимают,

that a large part of the territory that is East Jerusalem today would be part of the State of Palestine and would form its capital. [East Jerusalem](#) is a vast territory that consists of approximately 70 square miles of Arab villages annexed to the city in 1968 to surround and buffer the emotionally, historically and religiously significant 1 square mile of the Old City of Jerusalem and its immediate environs. The Jewish people, whether in Israel or around the world, have no emotional connection to the Arab villages that have become East Jerusalem through this massive annexation.

By opening a consulate deep in East Jerusalem in one of the Arab villages that are now city neighborhoods, the U.S. could make a serious, thoughtful contribution to delineating the contours of a two-state solution. It would make it clear that specific borders should be negotiated, and that Palestine should have a capital in the Arab neighborhoods that are within Jerusalem's municipal borders. Of course, the deeper in East Jerusalem the location, the more palatable it would be to the Israeli government. And the U.S. could make this even more agreeable to the Israeli government by calling on other countries to move their embassies from Tel Aviv to Jerusalem.

Reopening the consulate at Agron would undermine these goals. It would bring into question the U.S. recognition of Jerusalem as Israel's capital, because what kind of country opens a de facto embassy to another country in the middle of one country's capital? It would undermine any notion that future borders should be negotiated, because if even non-holy, pre-1967 West Jerusalem is contested, then the issue is not borders but Israel's very existence.

It is a rare thing that, in matters involving Jerusalem and the Israeli-Palestinian conflict, there is a solution that could work for all. Reopening the U.S. Consulate deep in East Jerusalem meets the American goal of re-engaging with the Palestinians and reinforces the contours of the two-state solution. It affords the Israeli government a win by moving the American consulate from its previous location in West Jerusalem to the east and calling on other countries to follow suit by moving their embassies to Jerusalem.

Most importantly, it allows the U.S. to demonstrate policy leadership by highlighting a consistent, logical foreign policy in Jerusalem that truly promotes a two-state solution. Such opportunities for foreign policymaking in the pursuit of peace do not come along often.

что значительная часть территории, которая сегодня является Восточным Иерусалимом, станет частью Государства Палестина и станет его столицей. [Восточный Иерусалим](#) Это обширная территория, состоящая примерно из 70 квадратных миль арабских деревень, присоединенных к городу в 1968 году, чтобы окружить и защитить эмоционально, исторически и религиозно значимую часть Старого города Иерусалима площадью 1 квадратную милю и его ближайшие окрестности. Еврейский народ, будь то в Израиле или во всем мире, не имеет эмоциональной связи с арабскими деревнями, которые стали Восточным Иерусалимом в результате этой масштабной аннексии.

Открыв консульство в глубине Восточного Иерусалима, в одной из арабских деревень, которые сейчас являются городскими кварталами, США могли бы внести серьёзный и продуманный вклад в определение контуров решения о создании двух государств. Это дало бы чёткое представление о необходимости согласования конкретных границ и о том, что столица Палестины должна находиться в арабских кварталах, находящихся в пределах муниципальных границ Иерусалима. Конечно, чем глубже в Восточный Иерусалим будет расположено это место, тем оно будет более приемлемым для израильского правительства. И США могли бы сделать это ещё более приемлемым для израильского правительства, призвав другие страны перенести свои посольства из Тель-Авива в Иерусалим.

Открытие консульства в Агроне подрвет эти цели. Это поставит под вопрос признание США Иерусалима столицей Израиля, ведь какая страна откроет фактическое посольство другой страны прямо в центре столицы? Это подрвет саму идею о том, что будущие границы должны быть предметом переговоров, ведь если даже несвященный Западный Иерусалим, существовавший до 1967 года, оспаривается, то речь идёт не о границах, а о самом существовании Израиля.

Редко бывает, чтобы в вопросах, связанных с Иерусалимом и израильско-палестинским конфликтом, существовало решение, устраивающее всех. Возобновление работы консульства США в самом сердце Восточного Иерусалима отвечает американской цели возобновления взаимодействия с палестинцами и укрепляет принципы решения о двух государствах. Это даёт израильскому правительству преимущество, перенося американское консульство из Западного Иерусалима на восток, и призывает другие страны последовать его примеру и перенести свои посольства в Иерусалим.

Самое главное, это позволяет США продемонстрировать политическое лидерство, подчёркивая последовательную и логичную внешнюю политику в отношении Иерусалима, которая действительно способствует решению проблемы двух государств. Такие возможности для проведения внешней политики в интересах достижения мира выпадают нечасто.

ISRAEL'S FINAL BORDER

Essay for Mosaic, June 2020

Israel is near the end of a long journey to set its permanent borders. That's what the annexation debate is really about.

Israel is near the end of a long-term journey to set its final borders. The current discussion about a possible Israeli decision to extend its sovereignty over some territories west of the Jordan River—also known as annexation of parts of the West Bank—should be understood in this context. What's going on now is less about the grand reckoning between competing visions of the Jewish state that some portray it as; it's really more about the setting of Israel's last frontier.

At its birth in 1948, Israel did not have a single settled border, except perhaps with the non-belligerent Mediterranean Sea. Having failed in war to prevent the Jews of the land from attaining independence in the land, Israel's Arab neighbors refused to accept their failure. Rather than peace, the most they were willing to concede was a cease-fire in an ongoing war.

Thus ***the agreements negotiated to end the Arab-Israeli war of 1948 were specifically designated cease-fire agreements, meant to provide the Arab side with an opportunity to regroup in order to resume the war against the young state at a later stage*** (which they attempted and failed to do several times in subsequent years, failing most spectacularly in 1967). After 1949, Israelis proceeded to build their country within those cease-fire lines, but acting as if they were borders did not make them so. Neither does the act of referring to the 1948 cease-fire lines as “pre-1967 borders”; Israel's Arab neighbors did not recognize them as borders.

Israel did not have an internationally recognized border for three decades until, at last, the southern border was finalized in the 1979 peace treaty with Egypt. Attaining its next internationally recognized border, to its east, with Jordan, took another fifteen years. It was in 1988 that Jordan renounced its claims to the territory on the West Bank of the Jordan River; in the context of the Oslo process, Jordan signed a peace agreement with Israel in 1994.

ПОСЛЕДНЯЯ ГРАНИЦА ИЗРАИЛЯ

Эссе для журнала Mosaic, июнь 2020 г.

Израиль приближается к завершению долгого пути к установлению своих постоянных границ. Именно в этом и заключается суть дебатов об аннексии.

Израиль приближается к завершению долгого пути к установлению своих окончательных границ. Текущее обсуждение возможного решения Израиля распространить свой суверенитет на некоторые территории к западу от реки Иордан, также известного как аннексия частей Западного берега, следует рассматривать именно в этом контексте. То, что происходит сейчас, – это не столько грандиозная свалка противоборствующих концепций еврейского государства, как это представляют некоторые, сколько установление последнего рубежа Израиля.

На момент своего создания в 1948 году Израиль не имел единой устоявшейся границы, за исключением, возможно, границы с невоюющим Средиземным морем. Не сумев в войне помешать евреям обрести независимость, арабские соседи Израиля отказались признать свою неудачу. Вместо мира они были готовы пойти максимум на прекращение огня в продолжающейся войне.

Таким образом ***соглашения, достигнутые с целью положить конец арабо-израильской войне 1948 года, были специально обозначены как соглашения о прекращении огня, призванные предоставить арабской стороне возможность перегруппироваться, чтобы возобновить войну против молодого государства на более позднем этапе*** (что они пытались сделать несколько раз в последующие годы, но потерпели неудачу, особенно в 1967 году). После 1949 года израильтяне продолжили строить свою страну в рамках этих линий прекращения огня, но, действуя так, как будто это были границы, они таковыми не стали. Не делает этого и сам факт упоминания линий прекращения огня 1948 года как «границ до 1967 года»; арабские соседи Израиля не признавали их границами.

У Израиля не было международно признанной границы в течение трёх десятилетий, пока, наконец, южная граница не была окончательно оформлена мирным договором с Египтом в 1979 году. Достижение следующей международно признанной границы, на востоке, с Иорданией, заняло ещё пятнадцать лет. В 1988 году Иордания отказалась от претензий на территорию на Западном берегу реки Иордан; в рамках процесса Осло Иордания подписала мирное соглашение с Израилем в 1994 году.

Israel's borders with Egypt and Jordan remain to date its only internationally recognized, bilaterally agreed-upon borders. But it does have some other borders that enjoy some, if lesser legitimacy and recognition. To the north, Israel's border with Lebanon reflects the old line between the British and French Mandates, as well as the 1949 cease-fire line. This ostensible border gained greater international legitimacy in 2000 when Israel ended its eighteen-year war in Lebanon by retreating to this line, and when both sides agreed that the United Nations "Blue Line" as delineated by UN cartographers, would be respected by both sides.

Another retreat, from Gaza in 2005, further contributed to setting Israel's border to the south. Although the Gaza disengagement was conducted unilaterally, Israel did take pains to fully retreat to the lines of the 1949 cease-fire, known as the Green Line. The agreement signed in November 2005 between Israel and the Palestinian Authority (which then ruled Gaza) served to place some additional international legitimacy on this line.

The last border to gain some measure of legitimacy is in the Golan Heights, where, 38 years after Israel's official annexation of the territory in 1981, it was officially recognized as Israeli territory by the U.S. in 2019.

These processes have also ended, for all intents and purposes, the domestic debate within Israel about its borders. The borders with Egypt, Jordan, and Lebanon are settled and are no longer disputed. The Gaza border has nearly the same status; however much some people still resent Israel's removal of the Jewish settlements there, or consider disengagement from Gaza a mistake, there is no constituency for re-occupying it. Likewise, Syria's descent into civil war, the Iranian presence there, and the American recognition of Israel sovereignty have all but ended the Israeli domestic debate about whether to keep the Golan Heights.

All that remains is to finalize, in one way or another, the last unresolved section of Israel's eastern border, the part that was not determined in its peace treaty with Jordan.

The Palestinians have for decades now made it clear that they will not sign a bilateral agreement with Israel to set this border, as they remain committed to an Arab Palestine "from the River to the Sea." Meanwhile, Gaza has been transformed into a Hamas-ruled rocket base. Because of these two factors,

Границы Израиля с Египтом и Иорданией на сегодняшний день остаются единственными международно признанными и согласованными на двусторонней основе границами. Но у Израиля есть и другие границы, пользующиеся, пусть и меньшей, легитимностью и признанием. На севере граница Израиля с Ливаном проходит по старой линии между британским и французским мандатами, а также по линии прекращения огня 1949 года. Эта мнимая граница приобрела большую международную легитимность в 2000 году, когда Израиль завершил восемнадцатилетнюю войну в Ливане, отступив к этой линии, и когда обе стороны согласились с тем, что «голубая линия» ООН, обозначенная картографами ООН, будет уважаться обеими сторонами.

Очередное отступление из Газы в 2005 году ещё больше способствовало установлению границы Израиля на юге. Хотя размежевание с Газой было осуществлено в одностороннем порядке, Израиль приложил все усилия для полного отхода к линии прекращения огня 1949 года, известной как «Зелёная линия». Соглашение, подписанное в ноябре 2005 года между Израилем и Палестинской администрацией (которая тогда управляла Газой), придало этой линии дополнительную международную легитимность.

Последняя граница, получившая некоторую степень легитимности, проходит по Голанским высотам, где, спустя 38 лет после официальной аннексии территории Израилем в 1981 году, она была официально признана США территорией Израиля в 2019 году.

Эти процессы фактически положили конец внутренним дебатам в Израиле о его границах. Границы с Египтом, Иорданией и Ливаном урегулированы и больше не оспариваются. Граница с Газой имеет практически тот же статус; как бы некоторые ни возмущались ликвидацией Израилем еврейских поселений или ни считали уход из Газы ошибкой, нет оснований для повторной оккупации. Аналогичным образом, скатывание Сирии к гражданской войне, присутствие Ирана в этой стране и признание США суверенитета Израиля практически положили конец внутриизраильским дебатам о том, следует ли сохранять Голанские высоты.

Осталось лишь окончательно оформить тем или иным способом последний неурегулированный участок восточной границы Израиля, ту часть, которая не была определена в мирном договоре с Иорданией.

Палестинцы уже несколько десятилетий дают ясно понять, что не подпишут двустороннее соглашение с Израилем об установлении этой границы, поскольку они по-прежнему привержены идее арабской Палестины «от реки до моря». Тем временем Газа превратилась в ракетную базу под управлением ХАМАС. Из-за этих двух факторов

certain parameters for setting this final section of the border now enjoy wide agreement within Israel: The Israel Defense Forces will remain the only military power west of the Jordan River; the Palestinians will have some form of self-rule in some part of that territory; and Israel will do its utmost to avoid removing settlers.

The reasons for each element of the consensus just articulated are also easy to understand. For most Israelis, military withdrawal from the West Bank altogether is too great a security risk; annexing the entire territory of the West Bank would bring a mass Palestinian population into the state of Israel, which would endanger Israel's future; and removing settlers *en masse* would provoke social and political turmoil that is simply not worth the exchange for anything less than full and true peace.

The current American peace plan comprehends this Israeli consensus and therefore appeals to the large Israeli center. It establishes the Israel Defense Forces as the only military force west of the Jordan River, it provides a pathway for Palestinians, with limited political self-rule, to establish a state of their own on 70 percent of the territory of the West Bank, and it does not entail the removal of settlements. For most Israelis, this is good enough, especially if it is supported by the U.S. and even provides a basis for further normalization with Arab states.

By effectively placing a ceiling on Israel's settlement project, in the form of an official map that sets aside more territory for the Palestinians than they currently control, the American plan brings Israel one step closer in the long and messy process of determining the last section of its eastern border. While this ceiling is much higher and allows more settlement than some on the left think is wise or desirable, it is much lower and allows much less than what is envisioned by some on the right.

Indeed, there are settlers who believe that the ceiling envisioned in the American plan will actually prove to be a floor, a point of departure for further settlement activity in the future. Defenders of this view believe that the current proposal to extend sovereignty to less than the totality of Area C is wise, even though doing so could mean providing hitherto unheard-of settler legitimacy to the idea a Palestinian state. Why? Because they think Palestinian rejectionism is bound to yield ever more opportunities to extend Israeli sovereignty over even more territory, while in the process ensuring

Определенные параметры установления этого последнего участка границы теперь пользуются широкой поддержкой внутри Израиля: Армия обороны Израиля останется единственной военной силой к западу от реки Иордан; палестинцы будут иметь некую форму самоуправления на некоторой части этой территории; и Израиль сделает все возможное, чтобы избежать выселения поселенцев.

Причины каждого из элементов только что сформулированного консенсуса также легко понять. Для большинства израильтян полный вывод войск с Западного берега представляет собой слишком большую угрозу безопасности; аннексия всей территории Западного берега приведет к массовому переселению палестинцев в государство Израиль, что поставит под угрозу будущее Израиля; а также выселение поселенцев. *массово* спровоцировало бы социальные и политические потрясения, которые просто не стоят того, чтобы обменивать их на что-либо меньшее, чем полный и истинный мир.

Текущий американский мирный план учитывает этот израильский консенсус и, следовательно, апеллирует к крупному израильскому центру. Он определяет Армию обороны Израиля как единственную военную силу к западу от реки Иордан, открывает палестинцам путь к созданию собственного государства на 70% территории Западного берега с ограниченным политическим самоуправлением и не предполагает ликвидации поселений. Для большинства израильтян этого достаточно, особенно если он поддержан США и даже создаёт основу для дальнейшей нормализации отношений с арабскими государствами.

Фактически устанавливая потолок для израильского поселенческого проекта в виде официальной карты, которая отводит палестинцам больше территории, чем они контролируют в настоящее время, американский план приближает Израиль на шаг к долгому и сложному процессу определения последнего участка его восточной границы. Хотя этот потолок гораздо выше и допускает больше поселений, чем некоторые левые считают разумным или желательным, он гораздо ниже и допускает гораздо меньше, чем предполагают некоторые правые.

Действительно, некоторые поселенцы считают, что потолок, предусмотренный американским планом, фактически окажется нижним пределом, отправной точкой для дальнейшей поселенческой деятельности в будущем. Сторонники этой точки зрения считают нынешнее предложение распространить суверенитет на территорию, меньшую, чем вся зона С, мудрым, хотя это может означать предоставление доселе неслыханной поселенческой легитимности идее палестинского государства. Почему? Потому что, по их мнению, палестинское несогласие неизбежно создаст ещё больше возможностей для распространения израильского суверенитета на ещё большую территорию, одновременно обеспечивая

that a Palestinian state will never emerge.

Other settlers are, on the other hand, concerned that this ceiling will actually prove less favorable to their cause, as the settler enclaves it creates inside the Palestinian state will become even less practically tenable to defend than they are today. Mainstream Israelis, this faction of settlers predicts, will therefore increasingly wonder why such isolated enclaves are necessary, and why Israel needs to extend its eastern border by hundreds of kilometers in a winding mess just to include a small number of settlers within its sovereign territory.

Though I suspect that the current range of plans will place a ceiling on Israel's settlement project, and that over time they will lead to an improved and less winding border as the settlement enclaves become untenable, there is no sure way of knowing right now which dynamic is more likely to play itself out; that lack of clarity is the main reason most Israelis prefer the current status quo and do not understand why they're being troubled by the prospect of annexation at this time.

As Israel moves a little bit closer to finalizing the last section of its eastern border, the process is bound to prove messy. It will not have the neat finality of a bilateral agreement with an established state as it did with Egypt and Jordan. It will not provide the clarity of a strategic retreat to a demarcated line as with Lebanon and Gaza. It will not offer the moral and political simplicity of annexing territory that is of clear strategic value and that lacks a civilian population as it did with the Golan Heights. But it will be an answer to a decades-long question nonetheless.

We should therefore not mistake debates over how best to answer that question for some great moral conflict over the future of Israel. What's happening is neither a descent into one-state apartheid, as some on the left contend; nor is it the beginning of salvation as some of the right argue. We are in the final stretches of a process that establishes the state of Israel as a permanent state in the region with recognized borders. Nothing more, but also nothing less.

что палестинское государство никогда не возникнет.

Другие поселенцы, с другой стороны, обеспокоены тем, что этот потолок на самом деле окажется менее благоприятным для их дела, поскольку поселенческие анклавы, создаваемые им внутри палестинского государства, станут ещё менее пригодными для защиты, чем сегодня. Эта фракция поселенцев предсказывает, что израильтяне, придерживающиеся традиционных взглядов, будут всё чаще задаваться вопросом, зачем нужны такие изолированные анклавы и почему Израилю нужно расширять свою восточную границу на сотни километров, создавая извилистую сеть, лишь для того, чтобы включить небольшое количество поселенцев в свою суверенную территорию.

Хотя я и подозреваю, что текущий спектр планов установит предел для израильского поселенческого проекта и что со временем они приведут к улучшению и смягчению извилистости границы, поскольку поселенческие анклавы станут непригодными для обороны, сейчас нет точного способа узнать, какая динамика вероятнее всего развернется; именно отсутствие ясности является главной причиной, по которой большинство израильтян предпочитают нынешний статус-кво и не понимают, почему их беспокоит перспектива аннексии именно сейчас.

По мере того, как Израиль приближается к окончательному оформлению последнего участка своей восточной границы, процесс неизбежно окажется запутанным. Он не будет иметь чёткой окончательности двустороннего соглашения с устоявшимся государством, как это было с Египтом и Иорданией. Он не обеспечит чёткости стратегического отступления к демаркированной линии, как в случае с Ливаном и Газой. Он не обеспечит моральной и политической простоты аннексии территории, имеющей очевидную стратегическую ценность и не имеющей гражданского населения, как это было с Голанскими высотами. Но, тем не менее, это будет ответом на вопрос, который мучил десятилетиями.

Поэтому нам не следует путать дебаты о том, как лучше ответить на этот вопрос, с серьёзным моральным конфликтом о будущем Израиля. Происходящее не является ни скатыванием к одногосударственному апартеиду, как утверждают некоторые левые, ни началом спасения, как утверждают некоторые правые. Мы находимся на завершающем этапе процесса создания государства Израиль как постоянного государства в регионе с признанными границами. Не больше, но и не меньше.

UAE'S ISRAEL OLIVE BRANCH PUNCHES A WALL THROUGH DECADES OF ARAB INTRANSIGENCE

Op-Ed for the British Telegraph, August 2020 (on occasion of announcement of Abraham Accords)

The [soon-to-be-signed agreement](#) between Israel and the United Arab Emirates is an Arab first. It is not the first peace deal between Israel and an Arab country. That honour belongs to Egypt. But it is the first that holds the prospect of being and feeling like true peace. Israel has had peace agreements with Egypt and Jordan for several decades now. Egypt since 1979, Jordan since 1994. But it is now clear that these were little more than mutual non-aggression pacts. This is not nothing. The Egyptian and Jordanian militaries together account for the greatest death toll exacted from Israel in multiple wars between 1948 and 1973. Egypt and Jordan have the two longest borders with Israel. These deals are important, but they are a far cry from what one imagines as “peace”.

Despite signing these agreements, Egypt and Jordan took every opportunity to make it clear that they have no interest in [friendly relations with Israel](#) and nothing beyond security co-operation. There has been no broad-based economic cooperation, no open tourism or cultural exchange. Few Israelis venture into those countries, certainly beyond the Sinai Peninsula, and no Egyptians or Jordanians visit Israel. Worse, Egypt and Jordan, in their desperate intent to signal that [they are not Israel's friends](#), have become their sworn enemies in international forums, spearheading various anti-Israel resolutions. Egypt has been for decades the number one producer and purveyor of hard-core anti-Semitic content to the Arab world.

Israelis had resigned themselves to the fact that their accords with Egypt and Jordan were the best that could be hoped for from an Arab country. Then [along comes the UAE](#), proposing a relationship with an Arab country resembling what we have always imagined peace should be. Not only does it speak of two-way tourism, direct flights, and broad-based open economic and scientific co-operation, the entire tone is one of warmth and appreciation.

Оливковая ветвь Израиля в ОАЭ пробивает стену сквозь десятилетия арабской непримиримости

Редакционная статья в British Telegraph, август 2020 г. (по случаю объявления Авраамских соглашений)

The [соглашение, которое скоро будет подписано](#) Между Израилем и Объединёнными Арабскими Эмиратами достигнуто первое мирное соглашение для арабских стран. Это не первое мирное соглашение между Израилем и арабской страной. Эта честь принадлежит Египту. Но оно первое, которое даёт возможность почувствовать себя и почувствовать настоящий мир. Израиль уже несколько десятилетий имеет мирные соглашения с Египтом и Иорданией. С Египтом — с 1979 года, с Иорданией — с 1994 года. Но теперь ясно, что это были не более чем взаимные пакты о ненападении. Это не мелочь. На египетские и иорданские вооружённые силы приходится наибольшее количество жертв, унесённых Израилем в многочисленных войнах с 1948 по 1973 год. У Египта и Иордании две самые протяжённые границы с Израилем. Эти соглашения важны, но они далеки от того, что можно представить себе как «мир».

Несмотря на подписание этих соглашений, Египет и Иордания использовали каждую возможность, чтобы дать понять, что они не заинтересованы в [дружеские отношения с Израилем](#) и ничего, кроме сотрудничества в области безопасности. Не было ни широкого экономического сотрудничества, ни открытого туризма, ни культурного обмена. Мало кто из израильтян отправляется в эти страны, особенно за пределы Синайского полуострова, и ни один египтянин или иорданец не посещает Израиль. Хуже того, Египет и Иордания в отчаянном стремлении подать сигнал о том, что [они не друзья Израиля](#), стали их заклятыми врагами на международных форумах, возглавляя различные антиизраильские резолюции. Египет на протяжении десятилетий был главным производителем и поставщиком откровенно антисемитского контента для арабского мира.

Израильтяне смирились с тем, что их соглашения с Египтом и Иорданией – лучшее, на что можно было надеяться от арабской страны. Затем [вот и ОАЭ](#), предлагая отношения с арабской страной, напоминающие то, каким мы всегда представляли себе мир. В нем не только говорится о двустороннем туризме, прямых авиарейсах и широком открытом экономическом и научном сотрудничестве, но и весь тон проникнут теплотой и признательностью.

Since the announcement, my Twitter feed has filled with Emirati accounts posting the UAE and Israeli flags with hearty wishes of peace and desire for mutual visits. Yes, ongoing relations between the UAE and Israel have been an open secret for some time, and the mutual interests are clear, but the decision to “put a ring on it” matters greatly. The fact that the [UAE is punching a massive hole](#) through the wall of decades of Arab “anti-normalisation” matters, because it goes to the heart of the Arab-Israeli conflict – the Arab and Islamic view that Israel is a foreign implant in the region that must be ejected. Hence the characterisation of Israel as a “European colonialist” and “Crusader” state established by “foreign invaders”.

Normalising relations, rather than an icy peace, is an acknowledgement that not only is Israel here to stay, but it belongs in the region. It might seem a bit much to put all this on the UAE, which is a small country, but it punches well above its weight in the Arab world and beyond. Its towering skyscrapers and ambitious architectural projects, international university campuses, glitzy shopping malls, high-class airlines and space programs, the mere names Dubai and Abu Dhabi have become symbols of a future-facing Arab world. When so many states in the region are disintegrating into bloody dysfunction, the UAE shows what Arab functionality looks like.

The fact that the UAE has chosen open warm broad-based relations with Israel thus places this choice clearly in the realm of the future, relegating those still intent on turning a cold shoulder to Israel to an alliance with the past. Those who continue to oppose “normalisation” with Israel, whether in diplomatic relations or on university campuses, will appear increasingly as curmudgeons attached to historical irrelevance.

После этого заявления моя лента в Твиттере заполнилась публикациями аккаунтов ОАЭ и Израиля с флагами ОАЭ и израильскими флагами, с сердечными пожеланиями мира и желанием взаимных визитов. Да, текущие отношения между ОАЭ и Израилем уже давно не являются секретом, и взаимные интересы очевидны, но решение «поставить точку» имеет огромное значение. Тот факт, что [ОАЭ пробивает огромную дыру](#) Прорыв сквозь стену десятилетий арабской «антинормализации» имеет значение, поскольку затрагивает самую суть арабо-израильского конфликта — арабское и исламское представление о том, что Израиль — иностранное вторжение в регион, которое необходимо изгнать. Отсюда и характеристика Израиля как «европейского колонизаторского» и «крестоносного» государства, созданного «иностранцами захватчиками».

Нормализация отношений, а не ледяной мир, – это признание того, что Израиль не только останется здесь, но и что он – часть региона. Возможно, кажется, что слишком уж возлагать всё это на ОАЭ, небольшую страну, но она играет гораздо более заметную роль в арабском мире и за его пределами. Её возвышающиеся небоскребы и амбициозные архитектурные проекты, международные университетские кампусы, роскошные торговые центры, высокочеловеческие авиакомпании и космические программы – одни только названия Дубая и Абу-Даби стали символами арабского мира, устремлённого в будущее. В то время как многие государства региона распадаются, превращаясь в кровавую развалюху, ОАЭ демонстрируют, как выглядит арабская функциональность.

Тот факт, что ОАЭ выбрали открытые теплые широкомасштабные отношения с Израилем, явно относит этот выбор в сферу будущего, обрекая тех, кто по-прежнему намерен холодно относиться к Израилю, на союз с прошлым. Те, кто продолжает выступать против «нормализации» отношений с Израилем, будь то в дипломатических отношениях или в университетских кампусах, все чаще будут выглядеть как брюзги, заикляющиеся на исторической неактуальности.

ARAB SUCCESS AND NORMALIZATION

Essay for the Harvard Journal of Middle Eastern Politics and Policy, Spring 2022

A few months ago, the following headlines appeared within a short time of each other: “UAE Welcomes Israeli Prime Minister on Official Visit,” “Dubai Becomes World’s First Paperless Government, Saves Over 336 million Papers,” “UAE Named Top Country to Live in for Arab Youth for 10th year.” These three headlines are supposedly unrelated. Yet, they tell the most hopeful story to come out of the Middle East in a generation. It is the story of Arab success and the way in which normalization with Israel is now associated with Arab success.

For decades, the story of the Arab Middle East, especially in the West, has been one of failure. Notably, in the wake of 9/11, news stories, government reports and UN papers repeatedly decried the systemic failure of the Arab world. The West argued for the need to address the Arab world’s various “deficits” such as a democratic deficit, a human rights deficit, and an economic development deficit. The common thread of these stories was of young people growing up in a hopeless society that offered them no future. One implication was that terrorism was an understandable by-product of such youth despair.

One decade after 9/11, the Arab Spring promised a New Hope. At a time when Facebook was still considered a force for good, Westerners looked on with hope as young people flocked to the main squares of Arab capitals chanting “The People Want the Fall of the Regime.” They imagined how these “Facebook Revolutions” would bring freedom, democracy, accountable government, and prosperity to the Arab world. Alarmed warnings by Middle East leaders, including Israeli leaders, that the democratic replacement for secular autocratic leaders was going to be either Islamist fundamentalist rule or chaotic breakdown, were considered the grumpy mumblings of a dying old order.

Those warnings proved prescient. The magnitude of the folly of the US going to wars in the Middle East to repair the region’s “democratic deficit” became

АРАБСКИЙ УСПЕХ И НОРМАЛИЗАЦИЯ

Эссе для Гарвардского журнала ближневосточной политики, весна 2022 г.

Несколько месяцев назад с небольшим интервалом появились следующие заголовки: «ОАЭ приветствуют премьер-министра Израиля с официальным визитом», «Дубай становится первым в мире безбумажным правительством, экономя более 336 миллионов документов», «ОАЭ названы лучшей страной для жизни арабской молодёжи уже 10-й год». Эти три заголовка, казалось бы, не связаны между собой. Тем не менее, они рассказывают самую обнадеживающую историю, какую только можно было увидеть на Ближнем Востоке за последнее поколение. Это история арабского успеха и того, как нормализация отношений с Израилем теперь ассоциируется с арабским успехом.

На протяжении десятилетий история арабского Ближнего Востока, особенно на Западе, была историей неудач. В частности, после 11 сентября новостные репортажи, правительственные доклады и документы ООН неоднократно осуждали системный провал арабского мира. Запад выступал за необходимость решения различных «дефицитов» арабского мира, таких как дефицит демократии, дефицит прав человека и дефицит экономического развития. Красной нитью всех этих историй проходила история молодых людей, взрослеющих в безнадежном обществе, которое не предлагало им будущего. Одним из выводов было то, что терроризм – вполне объяснимый побочный продукт такого отчаяния молодежи.

Спустя десятилетие после 11 сентября Арабская весна обещала новую надежду. В то время, когда Facebook всё ещё считался силой добра, жители Запада с надеждой наблюдали, как молодёжь стекалась на главные площади арабских столиц, скандируя «Народ хочет падения режима». Они представляли, как эти «фейсбукские революции» принесут арабскому миру свободу, демократию, ответственное правительство и процветание. Тревожные предупреждения лидеров Ближнего Востока, включая израильских, о том, что демократической заменой светским автократическим лидерам станет либо исламистское фундаменталистское правление, либо хаотичный развал, воспринимались как ворчливое бормотание умирающего старого порядка.

Эти предупреждения оказались пророческими. Масштабы безрассудства, с которым США начали войны на Ближнем Востоке, чтобы исправить «дефицит демократии» в регионе, стали очевидны.

all too evident. The US then declared a “Pivot to Asia,” pursuing a policy of disentangling itself from a region that seemed to offer no prospect of foreign policy success.

Yet, as the US began to reduce its footprint in the region, the Gulf states, which for decades were considered nothing more than Western client states, began to create a homegrown model of Arab success. Realizing that they would not be able to rely on oil and the West forever, local leaders began to forge a vision for their societies that would allow them to thrive even in the absence of direct Western support and unlimited oil. This model of Arab success was marked by a fusion of cultural tradition with technological modernity. It was unapologetically Arab and Muslim while fully pursuing all that modernity had to offer, gleaming skyscrapers, ambitious space programs, and branches of international universities and museums.

While the Gulf model of governance wasn’t even remotely democratic, it enjoyed widespread legitimacy among the governed. This legitimacy emerged from being rooted in tradition with effective policies in the service of the people’s prosperity. This legitimacy was further cemented by policies that combined traditional rewards for tribal loyalty with meritocracy, expanding the number of women and highly educated people in governance. Increasing numbers of young Arabs flocked to lucrative jobs in the Gulf and soon noticed the success of this model. An Arab colleague recently told me that for a very long time, even as they were flocking to the Gulf for financial gain, Arabs of Egypt and the Levant snubbed their noses at the “Bedouins of the Gulf.” But, he said, they suddenly realized that in the process of helping build the shining cities of the Gulf their own cities have been sidelined. The once great urban centers of Arab leadership and ideological ferment of Cairo, Alexandria, Beirut, and Damascus, have given way to the rising cities of the Gulf. He said that it is now clear that the center of the Arab world – culturally, ideologically, and of course economically - has shifted to the Gulf.

In the process, the Gulf states emerged as models not just of economic success, but of Arab and Islamic identity itself. Against the fundamentalist Islamism of ISIS and the chaos of the once Arab secular states, the Gulf monarchies offered a cultural model of a moderate and tolerant Islam. Throughout the decade-long turmoil of the Arab Spring and its aftermath, the Gulf monarchies, together with the monarchies of Jordan and Morocco,

Всё слишком очевидно. Затем США объявили о «повороте в сторону Азии», проводя политику выхода из региона, который, казалось, не сулил никаких перспектив внешнеполитического успеха.

Однако, по мере того как США начали сокращать своё присутствие в регионе, государства Персидского залива, которые десятилетиями считались всего лишь западными сателлитами, начали создавать собственную модель арабского успеха. Понимая, что они не смогут вечно полагаться на нефть и Запад, местные лидеры начали формировать видение развития своих обществ, которое позволило бы им процветать даже при отсутствии прямой западной поддержки и неограниченных запасов нефти. Эта модель арабского успеха характеризовалась сочетанием культурных традиций и технологической современности. Она была по-настоящему арабской и мусульманской, но при этом стремилась к полному использованию всего, что могла предложить современность: сверкающие небоскрёбы, амбициозные космические программы и филиалы международных университетов и музеев.

Хотя модель управления в странах Персидского залива даже отдалённо не была демократической, она пользовалась широкой легитимностью среди управляемых. Эта легитимность основывалась на традициях и эффективной политике, направленной на процветание народа. Эта легитимность ещё больше укреплялась политикой, сочетавшей традиционные поощрения за племенную лояльность с меритократией, что увеличивало число женщин и высокообразованных людей в органах власти. Всё больше молодых арабов устремлялось к высокооплачиваемым должностям в странах Персидского залива и вскоре осознало успех этой модели. Недавно один арабский коллега рассказал мне, что долгое время, даже приезжая в страны Персидского залива в поисках финансовой выгоды, арабы Египта и Леванта пренебрежительно относились к «бедуинам Персидского залива». Но, по его словам, они внезапно осознали, что, помогая строить сияющие города Персидского залива, их собственные города отошли на второй план. Некогда великие центры арабского руководства и идеологического брожения – Каир, Александрия, Бейрут и Дамаск – уступили место растущим городам Персидского залива. По его словам, теперь очевидно, что центр арабского мира — культурный, идеологический и, конечно, экономический — сместился в сторону Персидского залива.

В ходе этого процесса государства Персидского залива стали образцами не только экономического успеха, но и самой арабской и исламской идентичности. В противовес фундаменталистскому исламизму ИГИЛ и хаосу некогда светских арабских государств монархии Персидского залива предложили культурную модель умеренного и толерантного ислама. В течение десятилетнего периода потрясений Арабской весны и последовавших за ней событий монархии Персидского залива, наряду с монархиями Иордании и Марокко,

realized that they possessed a unique form of Arab and Islamic legitimacy that was grounded in the lineage of the monarchies themselves. They also realized that their legitimacy, a key to their survival, depended on presenting an alternative to ISIS that was unmistakably Islamic, rather than an imported system, whether democracy or secular autocracy.

The leaders of the Gulf states then, each in their own way, embarked on a process of representing a centrist Islam with special emphasis on tolerance. This Islam was grounded in known moderate interpretations of Islam and was therefore unmistakably Islamic. The tolerance expressed itself in a variety of ways, national and religious, including towards Israel and the Jews. ***Normalization with Israel thus became a form of “collateral benefit.” It is not that the Gulf states chose to normalize relations with Israel without context and against everything else they were doing. On the contrary, normalization with Israel was part and parcel of this new Arab and Islamic projection of success.***

If the Arab world were divided between Failure and Success, Past and Future, War and Peace, the Gulf states were firmly situating themselves on the side of success, future, and peace. In the vision of Gulf leaders these three ideas were intertwined. Gulf leaders were modeling Arab success. Their model represented the Arab future and peace was part of how they pursued this success and brought about this future.

In the wake of the Abraham Accords, I co-authored an op-ed with two young Emiratis, a woman and a man.^[i] They argued that “It is time to dispense with the idea that to be a proud Arab and Muslim one must be anti-Zionist.” The thing that was most important for my co-writers to include in the essay was the notion of “waste.” They wanted to emphasize the extent to which “the inculcation and dissemination of anti-Zionism in the Arab and Islamic world has resulted in a massive waste of valuable resources”. They wanted to underscore that it was not just “wasted human and financial resources and unnecessary suffering”, but especially “wasted time.” As young Emiratis they already had a sense of themselves belonging to a successful Arab future. It was clear to them that Arab hostility to Israel belonged to a past of failure, of which they were no longer part and for which they had no nostalgia.

These sentiments were echoed beyond the Gulf in a remarkable statement issued by hundreds of Iraqi leaders and activists – Sunni and Shia - that

Они осознали, что обладают уникальной формой арабской и исламской легитимности, основанной на родословной самих монархий. Они также осознали, что их легитимность, ключ к их выживанию, зависит от предложения альтернативы ИГИЛ, которая была бы однозначно исламской, а не импортированной системой, будь то демократия или светская автократия.

Затем лидеры стран Персидского залива, каждый по-своему, приступили к продвижению центристского ислама, уделяя особое внимание толерантности. Этот ислам основывался на известных умеренных толкованиях ислама и, следовательно, был несомненно исламским. Толерантность проявлялась в различных формах, как национальных, так и религиозных, в том числе по отношению к Израилю и евреям. **Таким образом, нормализация отношений с Израилем стала своего рода «сопутствующей выгодой».** Дело не в том, что государства Персидского залива решили нормализовать отношения с Израилем без какого-либо контекста и вопреки всем остальным своим действиям. Напротив, нормализация отношений с Израилем была неотъемлемой частью этой новой арабо-исламской проекции успеха.

Если арабский мир делился на Неудачи и Успехи, Прошлое и Будущее, Войну и Мир, то страны Персидского залива твёрдо стояли на стороне Успеха, Будущего и Мира. В представлении лидеров Персидского залива эти три идеи были тесно переплетены. Лидеры Персидского залива служили моделью арабского успеха. Их модель представляла арабское будущее, и мир был частью того, как они добивались этого успеха и строили это будущее.

После Авраамских соглашений я написала статью в соавторстве с двумя молодыми эмиратцами, женщина и мужчина.^[1] Они утверждали, что «пора отказаться от идеи, что для того, чтобы быть гордым арабом и мусульманином, нужно быть антисиионистом». Для моих соавторов самым важным было включить в эссе понятие «растраты». Они хотели подчеркнуть, насколько «насаждение и распространение антисиионизма в арабском и исламском мире привело к колоссальной растрате ценных ресурсов». Они хотели подчеркнуть, что это не только «трата человеческих и финансовых ресурсов и ненужные страдания», но и, прежде всего, «трата времени». Будучи молодыми жителями Эмиратов, они уже ощущали свою принадлежность к успешному арабскому будущему. Им было ясно, что враждебность арабов к Израилю – часть неудачного прошлого, частью которого они больше не были и по которому не испытывали ностальгии.

Эти настроения нашли отклик и за пределами Персидского залива в замечательном заявлении, сделанном сотнями иракских лидеров и активистов – суннитов и шиитов – о том, что

gathered in Erbil in the fall of 2021 to call for full normalization with Israel. Echoing the Gulf vision of tying normalization with Israel with moderate Islam, they emphasized in their declaration that “some of us have faced down ISIS and al-Qaeda on the battlefield,” and that “we oppose all extremists.”^[ii] Harking to the Islamic division between the “House of Islam” and the “House of War,” they described the Arab countries as divided between those of peace and those of war. They described Syria, Libya, Lebanon and Yemen as “mired in war” while pointing to the Abraham Accords as representing a hopeful trend of “peace, economic development, and brotherhood”. These local Iraqi leaders and activists made it clear that in this binary choice they were very much hoping to situate Iraq in the camp of the future – that of Islamic moderation, peace, normalization and Arab success.

The Erbil declaration also highlights the connection between Arab failure and the rejection of Jews, not just in Israel, but those who once lived for millennia across the Middle East. In the declaration, Iraqis called the mass expulsion of Iraq’s Jews “the most infamous act” and have tied it to the country’s decline. For Iraq to embark on a path to success, the declaration calls on Iraq to “reconnect with the whole of our diaspora, including these Jews” while rejecting “the hypocrisy in some quarters of Iraq that speaks kindly of Iraqi Jews while denigrating their Israeli citizenship, and the Jewish state, which granted them asylum”. The UAE, Bahrain, Morocco and even Egypt, have all demonstrated an understanding of this connection, tying their embrace of Israel with celebration of Jewish life in their midst, present and past.

It is unfortunate that some in the West still find it difficult to let go of their notion of Arab failure, discounting the relevance of the UAE and the Abraham Accords. Some in the West might find it difficult to realize that the world is diversifying its models of successful development and governance. Various countries are moving forward by themselves and for themselves. This is excellent news that points to a possible future of locally grown peace and prosperity. The poll that placed the UAE for ten consecutive years, as the country “Young Arabs Would Most Like to Live in and Have Their Own Country Emulate” did not only compare the UAE to other Arab countries. While 47% of respondents, aged 18 to 24, said they would want to live in the Emirates, only 19% chose the US, 15% Canada, 13% France and 11% Germany, as the top five. This demonstrates that, given a successful local model that is unmistakably Arab, young Arabs far prefer their own model to that of the West.

This is cause for celebration, and for a change, it’s coming out of the heart of the Arab and Islamic Middle East.

Собравшись в Эрбиле осенью 2021 года, чтобы призвать к полной нормализации отношений с Израилем. Разделяя видение стран Персидского залива, связывающее нормализацию отношений с Израилем с умеренным исламом, они подчеркнули в своей декларации, что «некоторые из нас столкнулись с ИГИЛ и «Аль-Каида» на поле боя», и что «мы выступаем против всех экстремистов».^[ii] Принимая во внимание исламское разделение на «Дом ислама» и «Дом войны», они описывали арабские страны как разделённые на страны мира и страны войны. Сирию, Ливию, Ливан и Йемен они называли «погрязшими в войне», указывая на Авраамовы соглашения как на обнадеживающую тенденцию к «миру, экономическому развитию и братству». Эти местные иракские лидеры и активисты ясно дали понять, что в этом бинарном выборе они очень надеются поместить Ирак в лагерь будущего – лагеря исламской умеренности, мира, нормализации и арабского успеха.

Эрбильская декларация также подчеркивает связь между неудачей арабов и неприятием евреев, не только в Израиле, но и тех, кто когда-то тысячелетиями жил по всему Ближнему Востоку. В декларации иракцы назвали массовое изгнание иракских евреев «самым позорным актом» и связали его с упадком страны. Чтобы Ирак встал на путь успеха, декларация призывает Ирак «воссоединиться со всей нашей диаспорой, включая этих евреев», одновременно отвергая «лицемерие в некоторых частях Ирака, которые говорят снисходительно об иракских евреях, принижая их израильское гражданство и еврейское государство, предоставившее им убежище». ОАЭ, Бахрейн, Марокко и даже Египет продемонстрировали понимание этой связи, связав свое принятие Израиля с чествованием еврейской жизни среди них, настоящего и прошлого.

К сожалению, некоторые на Западе по-прежнему не могут отказаться от идеи провала арабских стран, принижая значение ОАЭ и Авраамских соглашений. Некоторым на Западе может быть трудно осознать, что мир диверсифицирует свои модели успешного развития и управления. Различные страны движутся вперёд самостоятельно и для себя. Это отличная новость, указывающая на возможное будущее, где мир и процветание будут достигаться на местном уровне. Опрос, который десять лет подряд признавал ОАЭ страной, «в которой молодые арабы больше всего хотели бы жить и иметь свою собственную страну-образец», не только сравнивал ОАЭ с другими арабскими странами. Хотя 47% респондентов в возрасте от 18 до 24 лет заявили, что хотели бы жить в Эмиратах, только 19% выбрали США, 15% — Канаду, 13% — Францию и 11% — Германию в качестве первой пятёрки. Это показывает, что при наличии успешного местного модель, несомненно, арабская, и молодые арабы предпочитают свою собственную модель западной.

Это повод для празднования, и, на удивление, он исходит из самого сердца арабского и исламского Ближнего Востока.

ZIONISM AND ANTI-ZIONISM

(Syllabus of course taught during the 2021 Fall Semester at Georgetown University by Einat Wilf as Goldman Visiting Professor)

Zionism is one of history's most successful revolutions. Yet, since its inception, Zionism faced diplomatic and physical obstacles to implementing its vision as well as intellectual opposition to its very idea, which continued even once the idea of Zionism materialized in the form of the state of Israel.

The course will explore Zionist and anti-Zionist thought in tandem by engaging with original texts and key figures who have shaped the more than century-long debates over Zionism and its opposition. The course will do so by exploring how every type of Zionist thought (political, social, religious) was opposed by a certain brand of anti-Zionism, and reflect on how those various debates about Zionism persist to this day.

Course Materials

The following anthology includes many of the readings for this class and is available at the Georgetown University bookstore:

Troy, Gil (2018). *The Zionist Ideas: Visions for the Jewish Homeland – Then, Now, Tomorrow*. University of

СИОНИЗМ И АНТИСИОНИЗМ

(Программа курса, которую читала Эйнат Вильф в качестве приглашенного профессора Голдмана в осеннем семестре 2021 года в Джорджтаунском университете)

Сионизм — одна из самых успешных революций в истории. Однако с самого начала сионизм сталкивался с дипломатическими и физическими препятствиями на пути к воплощению своей идеи в жизнь, а также с интеллектуальным противодействием самой его идее, которое продолжалось даже после того, как идея сионизма воплотилась в жизнь в форме государства Израиль.

Курс будет изучать сионистскую и антисионистскую мысли в тандеме, обращаясь к оригинальным текстам и ключевым фигурам, которые сформировали более чем вековые дебаты о сионизме и его оппонентах. В рамках курса будет рассмотрено, как каждый тип сионистской мысли (политический, социальный, религиозный) сталкивался с определённым видом антисионизма, и будет рассмотрено, как эти разнообразные дебаты о сионизме продолжаются и по сей день.

Материалы курса

Следующая антология включает в себя многие материалы для чтения по этому предмету и доступна в книжном магазине Джорджтаунского университета:

Трой, Гил (2018). *Сионистские идеи: видение еврейской родины – тогда, сейчас, завтра*. Университет

Nebraska Press: Lincoln, NE. ISBN9780827612556.

In addition, for those wishing to read about Jewish history prior to the modern era, the following book is recommended, but not required:

Johnson, Paul (1987). *A History of The Jews*. Weidenfeld & Nicolson: London, UK. ISBN 184212479X.

COURSE STRUCTURE

Welcome and Course Introduction: Ideas in History

PAIR I - Politics: Emancipation and Political Zionism

PAIR II - Labor: Communism/Socialism/Bundism and Labor Zionism

PAIR III – Religion, Jewish: Jewish Anti-Zionism and Religious Zionism

PAIR IV – Religion, Christianity: Christian Zionism and Christian anti-Zionism

PAIR V – The Middle East: Islamic and Arab anti-Zionism and the Birth of the State of Israel

Secularism: Soviet, Anti-Imperialist, Left Wing Anti-Zionism

WEEKLY READINGS

(1) Welcome and Course Introduction: Ideas in History

Assigned Reading:

Harari, Yuval Noah. "Sapiens. A Brief History of

Nebraska Press: Линкольн, Небраска. ISBN9780827612556.

Кроме того, для тех, кто хочет почитать о еврейской истории до современной эпохи, рекомендуется, хотя и не является обязательным, следующая книга:

Джонсон, Пол (1987). *История евреев*. Вайденфельд и Николсон: Лондон, Великобритания. ISBN 184212479X.

СТРУКТУРА КУРСА

**Приветствие и введение в курс: Идеи в истории ПАРА I —
Политика: Эмансипация и политический сионизм ПАРА
II — Труд: коммунизм/социализм/бундизм и трудовой
сионизм**

**ПАРА III – Религия, иудаизм: еврейский антиссионизм и
религиозный сионизм**

**ПАРА IV – Религия, христианство: христианский сионизм и
христианский антиссионизм**

**ПАРА V – Ближний Восток: исламский и арабский
антиссионизм и рождение Государства Израиль. Секуляризм:
советский, антиимпериалистический, левый антиссионизм.**

Еженедельные чтения

(1) Приветствие и введение в курс: Идеи в истории

Назначенное чтение:

Харари, Юваль Ной. «Sapiens. Краткая история

Humankind/Yuval Noah Harari." (2014). Chapter 2: The Tree of Knowledge.

Ferguson, Niall. *Virtual history: Alternatives and counterfactuals*. Hachette UK, 2008. Introduction.

Extra Viewing/Listening:

Harari, Yuval Noah. *What Explains the Rise of Humans?* TED Talk.

Guiding questions for the reading:

On Yuval Noah Harari: What is intersubjective reality? Why are stories critical to human cooperation? How do stories change over time?

On Niall Fergusson: How do we think about ideas history from our vantage point when we already know that some ideas have won and others have lost? Could we avoid retrospective over-determinism?

Guiding questions for class discussion:

What does it mean to think of Zionism and anti-Zionism as stories? Are we capable of assessing Zionism and anti-Zionism in their historical contexts when we already know about the establishment of the State of Israel? Or about the Holocaust? Or about the end of empires and the birth of nationalism? Or about the failure of Communism?

PAIR I - Politics: Emancipation and Political Zionism

Человечество/Юваль Ной Харари. (2014). Глава 2: Древо познания.

Фергюсон, Ниалл. *Виртуальная история: альтернативы и контрфактуальности*. Hachette UK, 2008. Введение.

Дополнительный просмотр/прослушивание:

Харари, Юваль Ной. *Чем объясняется возникновение человечества?*
Выступление на TED.

Наводящие вопросы по чтению:

О Ювале Ное Харари: Что такое интерсубъективная реальность? Почему истории важны для человеческого взаимодействия? Как истории меняются со временем?

О Ниале Фергюссоне: Как нам осмыслить историю идей с нашей точки зрения, когда мы уже знаем, что одни идеи победили, а другие проиграли? Можем ли мы избежать ретроспективного сверхдетерминизма?

Направляющие вопросы для обсуждения в классе:

Что значит рассматривать сионизм и антисионизм как истории? Способны ли мы оценивать сионизм и антисионизм в их историческом контексте, когда мы уже знаем о создании Государства Израиль? Или о Холокосте? Или о конце империй и зарождении национализма? Или о крахе коммунизма?

ПАРА I — Политика: эмансипация и политический сионизм

(2) - Emancipation

Birnbaum, Pierre, and Ira Katznelson, eds. *Paths of emancipation: Jews, states, and citizenship*. Vol. 293. Princeton University Press, 2014. Chapters 1,3,4 – Emancipation and the Liberal Offer (3-36), Emancipation in Germany (59-93), Jews in France (94-127).

Mendelsohn, Moses. *Jerusalem: Religious Power and Judaism*. Section 3 Fidelity to the Mosaic religion

Clermont–Tonnerre. *Speech on Religious Minorities and Questionable Professions* (23 December 1789)

The Assembly of Jewish Notables, *Answers to Napoleon*

Yehuda Leib Gordon (1863). Poem: “Wake, My People!” (Translated by Hillel Halkin) (PDF)

Extra Viewing/Listening:

Film: Fiddler on the Roof.

Professor Ruth Wisse online course on Sholem Aleichem’s Tevye the Dairyman. (Tikvah Fund)

Guiding questions for the reading and for class discussion:

What is the dramatic promise of Emancipation? How does it change the condition of the Jews in Europe? What is the

(2) - Эмансипация

Бирнбаум, Пьер и Айра Кацнельсон, ред. *Пути эмансипации: евреи, государства и гражданство*. Том 293. Princeton University Press, 2014. Главы 1, 3, 4 – Эмансипация и либеральное предложение (3-36), Эмансипация в Германии (59-93), Евреи во Франции (94-127).

Мендельсон, Моисей. *Иерусалим: религиозная власть и иудаизм*. Раздел 3. Верность Моисеевой религии

Клермон-Тоннер. *Речь о религиозных меньшинствах и сомнительных профессиях* (23 декабря 1789 г.)

Ассамблея еврейских знатных особ, *Ответы Наполеону*

Иегуда Лейб Гордон (1863). Поэма: «Проснись, народ мой!» (Перевод Гилеля Халкина) (PDF)

Дополнительный просмотр/

прослушивание: Фильм: Скрипач на крыше.

Онлайн-курс профессора Рут Виссе по произведению Шолом-Алейхема «Тевье-молочник». (Фонд «Тиква»)

Направляющие вопросы для чтения и обсуждения в классе:

В чём заключается драматическое обещание эмансипации? Как она меняет положение евреев в Европе? В чём

price of Emancipation? What is demanded of the Jews?
What is the Jewish response to Emancipation?

(3) Political Zionism

Roshwald, Aviel. *Ethnic Nationalism and the Fall of Empires: Central Europe, the Middle East and Russia, 1914-23*. Routledge, 2002. “Introduction.”

Aberbach, David (2012). *The European Jews, Patriotism and the Liberal State 1789-1939*. Routledge. ISBN 9780203079201. Chapter 9, Love Unrequited: The Failure of Jewish Emancipation 1789-1939.

In *The Zionist Ideas* the sections on Zionism: The Prehistory and Origins of the Zionist Movement (xxxiii-xliii), Leon Pinsker (8-11), Theodor Herzl (11-18), Max Nordau (18-22) and Jacob Klatzin (22-24) and cultural Zionism Ahad Ha’am (106-112), Martin Buber (119-123)

Extra Viewing/Listening:

(The Tikvah Fund Herzl Lecture Series by Daniel Polisar
<https://tikvahfund.org/course/theodor-herzl-birth-political-zionism/Herzl>)

Guiding questions for the reading and for class discussion:

What is the broad historical background for the emergence of Zionism? What is the ideological background for the emergence of Zionism? What is the Zionist analysis of the failure of emancipation? How is Zionism a response to that

Цена эмансипации? Что требуется от евреев? Каков ответ евреев на эмансипацию?

(3) Политический сионизм

Рошвальд, Авиэль. *Этнический национализм и падение империй: Центральная Европа, Ближний Восток и Россия, 1914–1923 гг.* Routledge, 2002. «Введение».

Абербах, Дэвид (2012). *Европейские евреи, патриотизм и либеральное государство 1789-1939*. Routledge. ISBN 9780203079201. Глава 9. Безответная любовь: крах еврейской эмансипации 1789–1939.

В *Сионистские идеи* разделы о сионизме: предыстория и истоки сионистского движения (xxxiii–xliv), Леон Пинскер (8–11), Теодор Герцль (11–18), Макс Нордау (18–22) и Якоб Клатцин (22–24) и культурный сионизм Ахад Хаам (106–112), Мартин Бубер (119–123)

Дополнительный просмотр/прослушивание:

(Серия лекций Фонда Тиква Герцля, Даниэль Полисар
<https://tikvahfund.org/course/theodor-herzl-birth-politicalzionism/Herzl>)

Направляющие вопросы для чтения и обсуждения в классе:

Какова общая историческая подоплека возникновения сионизма? Какова идеологическая подоплека возникновения сионизма? Как сионисты анализируют провал эмансипации? Как сионизм отвечает на это?

perceived failure? How does political Zionism relate to Judaism? How does Zionism relate to ideas about empire, nationalism, freedom and self-determination? What does cultural Zionism assume about elitism, the masses, autonomy, sovereignty and politics? And what is the relationship between Zionism as an intellectual endeavor and antisemitism? Does Zionism need or rely on antisemitism for some of its central ideas?

PAIR II - Labor: Communism/Socialism/Bundism and Labor Zionism

(4) Communism/Socialism/Bundism

Luxemburg, Rosa. *The National Question*, Part I The Right of Nations

to Self-Determination. (Marxist.org) Lenin, Vladimir. *Excerpts on the Jews*. (Select paragraphs)

Section on Bund in the Jewish Virtual Library.

Guiding questions for the reading and for class discussion:

What is the appeal of Communism to the Jews? How does Communism relate to nationalism, peoples and self-determination? How does Bundism negotiate the universal promise of Communism with Jewish particularism? How does Bundism relate to autonomy, elitism and sovereignty?

Воспринимаемая неудача? Как политический сионизм соотносится с иудаизмом? Как сионизм соотносится с идеями империи, национализма, свободы и самоопределения? Что культурный сионизм предполагает относительно элитарности, масс, автономии, суверенитета и политики? И какова связь между сионизмом как интеллектуальным направлением и антисемитизмом? Нуждается ли сионизм в антисемитизме или опирается ли на него в своих центральных идеях?

ПАРА II — Труд: коммунизм/социализм/бундизм и трудовой сионизм

(4) Коммунизм/Социализм/Бундизм

Люксембург, Роза. *Национальный вопрос*, Часть I Право наций

к самоопределению. (Marxist.org) Ленин, Владимир. *Выдержки о евреях*. (Выбрать абзацы)

Раздел о Бунде в Еврейской виртуальной библиотеке.

Направляющие вопросы для чтения и обсуждения в классе:

Чем привлекателен коммунизм для евреев? Как коммунизм соотносится с национализмом, народами и самоопределением? Как бундизм сочетает универсальное обещание коммунизма с еврейским партикуляризмом? Как бундизм соотносится с автономией, элитарностью и суверенитетом?

(5) Labor Zionism

In *The Zionist Ideas* the sections on Labor Zionism (37-61).

Shlonsky, Avraham. *Toil. A Poem*. Guiding questions for the reading and for class discussion:

What is the appeal of Labor Zionism? How does Labor Zionism bring together the particular and the universal? What is the utopia of Labor Zionism as compared with Communism? What is the role of the land and labor in Labor Zionism? What is the relationship of Labor Zionism to Judaism? Is Labor Zionism utopian or practical? How is Labor Zionism an alternative to Communism and Socialism?

Extra Viewing/Listening:

Inventing Our Life: The Kibbutz Experiment. Film Preview.

PAIR III – Religion, Jewish: Jewish Anti-Zionism and Religious Zionism (6) Jewish Religious Anti-Zionism

Reinharz, Jehuda. *The Conflict between Zionism and Traditionalism before World War I*. Jewish History.

Grand Rabbi Yoel Teitelbaum, Satmar Rebbe, *Introduction to Sefer VaYoel Moshe*

Magid, Shaul. The Satmar are Anti-Zionist. Should We Care? (Tablet Magazine)

(5) Трудовой сионизм

В *Сионистские идеи* разделы о трудовом сионизме (37-61).

Шлёнский, Авраам. Труд. Стихотворение. Контрольные вопросы к чтению и обсуждению в классе:

В чём привлекательность лейбористского сионизма? Как лейбористский сионизм объединяет частное и всеобщее? В чём утопия лейбористского сионизма по сравнению с коммунизмом? Какова роль земли и труда в лейбористском сионизме? Каково отношение лейбористского сионизма к иудаизму? Является ли лейбористский сионизм утопией или практикой? В чём альтернатива коммунизму и социализму?

Дополнительный просмотр/прослушивание:

Изобретая нашу жизнь: Кибуцный эксперимент. Предварительный просмотр фильма.

ПАРА III – Религия, иудаизм: еврейский антисиионизм и религиозный сионизм (6) Еврейский религиозный антисиионизм

Рейнхарц, Иегуда. *Конфликт между сионизмом и традиционализмом перед Первой мировой войной*. Еврейская история.

Великий раввин Йозель Тейтельбаум, Сатмарский Ребе, *Введение в Сефер ВаЙозель Моше*

Магид, Шауль. Сатмарцы — антисиионисты. Стоит ли нам беспокоиться? (журнал Tablet)

Section on Neturei Karta in the Jewish Virtual Library.

Guiding questions for the reading and for class discussion:

What is the basic conflict between secular Zionism and religious anti-Zionism? What goals do secular Zionism and religious anti-Zionism share? What is the Jewish theological basis for religious anti-Zionism? What are the theological challenges of Zionism to Judaism?

(7) Jewish Religious Zionism

In *The Zionist Ideas* the sections on Religious Zionism: Pioneers (85-101), Ben Zion Meir Chai Uziel (234-236), Zvi Yehuda Hekohen Kook (243-244), Eliezer Berkovits (252-254), Gush Emunim (254-255).

Shemer, Naomi. *Jerusalem of Gold*. A Poem.

Extra Viewing/Listening:

End of the 1967 Six-Day War: (Brithpathe video)

Guiding questions for the reading and class discussion:

How was Jewish religion synthesized with Zionism before 1948, between 1948 and 1967, and after 1967? What role did the Six-Day War play in religious Zionism?

PAIR IV – Religion, Christianity: Christian Zionism and Christian anti-Zionism

Раздел «Нетурей Карта» в Еврейской виртуальной библиотеке.

Контрольные вопросы для чтения и обсуждения в классе:

В чём заключается основной конфликт между светским сионизмом и религиозным антисионизмом? Какие цели разделяют светский сионизм и религиозный антисионизм? Какова еврейская теологическая основа религиозного антисионизма? Какие теологические вызовы сионизм бросает иудаизму?

(7) Еврейский религиозный сионизм

В *Сионистские идеи* разделы о религиозном сионизме: Пионеры (85-101), Бен Цион Меир Хай Узиэль (234-236), Цви Йехуда Хекоэн Кук (243-244), Элиэзер Берковиц (252-254), Гуш Эмуним (254-255).

Шемер, Наоми. *Золотой Иерусалим*. Поэма.

Дополнительный просмотр/прослушивание:

Конец Шестидневной войны 1967 года: (видео Brithpathe)

Направляющие вопросы для чтения и обсуждения в классе:

Как еврейская религия синтезировалась с сионизмом до 1948 года, между 1948 и 1967 годами и после 1967 года? Какую роль Шестидневная война сыграла в религиозном сионизме?

ПАРА IV – Религия, христианство: христианский сионизм и христианский антисионизм

(8) Christian Zionism

Byron, George Gordon. *Oh! Weep for Those*. A Poem.
https://www.poetryloverspage.com/poets/byron/oh_weep_for_those

British Christian Zionism and George Eliot's *Daniel Deronda* (In Fathom Journal)

British Christian Zionism: The Work of Laurence Oliphant (In Fathom Journal)

Christian Zionism 101(ICEJ) *Christian Zionism* in Jewish Virtual Library

Extra Viewing/Listening:

Professor Ruth Wisse course on *Daniel Deronda* (Tivah Fund)

Guiding questions for the reading and class discussion:

What are the theological bases for Christian religious support for Zionism? How does Christian Zionism relate to the cultures in which it exists – especially the British and American? What role if any does antisemitism (or opposition to antisemitism) play in Christian Zionism?

(9) Christian Theological anti-Zionism

Holland, Tom (2019). *Dominion*. Chapter VII: Exodus and XVII: Religion. Little Brown, London UK. ISBN 9781408706978.

(8) Христианский сионизм

Байрон, Джордж Гордон. *О, оплакивайте тех!*. Поэма. https://www.poetryloverspage.com/poets/byron/oh_weep_fo

Британский христианский сионизм и Дэниел Деронда Джорджа Элиота (в журнале Fathom Journal)

Британский христианский сионизм: работа Лоуренса Олифанта (в журнале Fathom Journal)

Христианский сионизм 101 (ICEJ) *Христианский сионизм* в Еврейской виртуальной библиотеке

Дополнительный просмотр/прослушивание:

Курс профессора Рут Висс о Дэниеле Деронде (Фонд Тивы)

Направляющие вопросы для чтения и обсуждения в классе:

Каковы теологические основания христианской религиозной поддержки сионизма? Как христианский сионизм соотносится с культурами, в которых он существует, особенно с британской и американской? Какую роль, если таковая имеется, играет антисемитизм (или противодействие антисемитизму) в христианском сионизме?

(9) Христианский теологический антисионизм

Холланд, Том (2019). *Доминион*. Глава VII: Исход и XVII: Религия. Little Brown, Лондон, Великобритания. ISBN 9781408706978.

Christian Persecution of Jews over the Centuries in US Holocaust Museum (ushmm.org)

Blood Libel in Jewish Virtual Library

On Little Saint Hugh of Lincoln: Jacob Rader Marcus, *The Jew in the Medieval World: A Source Book, 315-1791*, Rev. ed. (Cincinnati: Hebrew Union College Press, 1999). pp. 135-140.

Kairos Document: A Moment of Truth, A Word of Faith, Hope and Love from Heart of Palestinian Suffering (2009). (Kairos Palestine)

Sandford, Michael J. "Is Jesus Palestinian? Palestinian Christian Perspectives on Judaism, Ethnicity and the New Testament." *Holy Land Studies* 13.2 (2014): 123-138.

Guiding questions for the reading and class discussion:

How does Christian theology lead to anti-Zionism? What theological challenges does Zionism pose to Christian theology? What ancient Christian anti-Jewish themes appear in Western anti-Zionism? **PAIR V – The Middle East: Islamic and Arab anti-Zionism and the Birth of the State of Israel**

(10) Arab and Islamic anti-Zionism

Zureik, Constantin. *The Meaning of the Disaster*. Beirut:

Преследование евреев христианами на протяжении веков
Музей Холокоста США (ushmm.org)

Кровавая свобода в Еврейской виртуальной библиотеке

О маленьком святом Хью из Линкольна: Джейкоб Рейдер
Маркус, *Еврей в средневековом мире: справочник, 315–1791 гг.*
, Rev. ed. (Цинциннати: Hebrew Union College Press, 1999). стр.
135-140.

*Документ Кайрос: Момент истины, слово веры, надежды и
любви из сердца страдающего палестинца* (2009). (Кайро,
Палестина)

Сэндфорд, Майкл Дж. «Является ли Иисус палестинцем? Взгляды
палестинских христиан на иудаизм, этническую принадлежность и
Новый Завет». *Исследования Святой Земли* 13.2 (2014): 123-138.

Направляющие вопросы для чтения и обсуждения в классе:

Как христианское богословие приводит к антисиионизму? Какие
богословские вызовы сиионизм бросает христианскому
богословию? Какие древние христианские антииудейские темы
проявляются в западном антисиионизме?**ПАРА V – Ближний
Восток: исламский и арабский антисиионизм и рождение
Государства Израиль**

(10) Арабский и исламский антисиионизм

Зурейк, Константин. *Значение катастрофы. Бейрут:*

Khayat's College Book Cooperative, 1956.

The Palestinian Charter

The Charter of Allah: The Platform of the Islamic Resistance Movement (Hamas).

Julius, Lyn (2018). *Uprooted: How 3000 Years of Jewish Civilisation in the Arab World Vanished Overnight.*

The Myth of Peaceful Coexistence 35-44

The Perennial Dhimmi 61

The Legacy of the Nazi Era 79-96

What Came First: Anti-Semitism or Anti-Zionism 119-133

Schwartz, Adi. *The Inconvenient Truth about Jews from Arab Lands.* In Haaretz, May 29, 2014.

In *The Zionist Ideas* the section on Albert Memmi (164-167)

Linfield, Susie. Chapter on *Albert Memmi: Zionism as National Liberation* from *The Lion's Den: Zionism and the Left* from Hannah Arendt to Noam Chomsky.

Herf, Jeffrey. "Hate Radio The Long, Toxic Afterlife of Nazi Propaganda in the Arab World."

Guiding questions for the reading and class discussion:

What is the status of Jews in Islamic and Arab lands? How is Anti-Zionism related to the history and status of Jews in

Книжный кооператив колледжа Хаята, 1956 год.

Палестинская хартия

Хартия Аллаха: Платформа Исламского движения сопротивления (ХАМАС).

Джулиус, Лин (2018). *Изгнанность: как 3000 лет еврейской цивилизации в арабском мире исчезли в одночасье.*

Миф о мирном сосуществовании

35-44 Вечный зимми 61

Наследие нацистской эпохи 79-96

Что было первым: антисемитизм или антисионизм 119-133

Шварц, Ади. *Неудобная правда о евреях из арабских стран.* В Haaretz, 29 мая 2014 г.

В Сионистские идеи раздел об Альберте Мемми (164-167)

Линфилд, Сьюзи. Глава о Альберт Мемми: *Сионизм как национальное освобождение* из книги «Логово льва: сионизм и левые» от Ханны Арендт до Ноама Хомского.

Херф, Джеффри. «Радио ненависти: долгая и токсичная судьба нацистской пропаганды в арабском мире».

Направляющие вопросы для чтения и обсуждения в классе:

Каков статус евреев в исламских и арабских странах? Как антисионизм связан с историей и статусом евреев в

Arab lands? Is Arab anti-Zionism home grown or imported from the West?

(11) Birth of the State of Israel

In *The Zionist Ideas* the sections on: Israel's Declaration of Independence (145-147) Ze'ev Zaborotinsky (67-74)

Oz, Amos. *A Tale of Love and Darkness*. Chapter 44.

Kramer, Martin. *Three Weeks in May: How the Israeli Declaration of Independence Came Together* in Mosaic, May 19, 2021.

Shavit, Ari. *My Promised Land*. Chapter on Housing Estate, 1957. Basic Law: Israel as the Nation State of the Jewish People.

Extra Viewing/Listening:

UN Partition Deliberation and Vote: YouTube

Declaration of Independence: YouTube

Guiding questions for the reading and class discussion:

What is the relationship between the dream of Zionism and its practice? What does it mean for Israel to be the Jewish state? What does it mean to be a Zionist after 1948? to be an anti-Zionist?

(12) Secularism: Soviet, Anti-Imperialist, Left Wing

Арабские земли? Является ли арабский антисионизм местным или заимствованным с Запада?

(11) Рождение государства Израиль

В Сионистские идеи разделы о: Декларации независимости Израиля (145-147) Зеев Заботинский (67-74)

Оз, Амос. *Повесть о любви и тьме*. Глава 44.

Крамер, Мартин. *Три недели в мае: как появилась Декларация независимости Израиля* в Mosaic, 19 мая 2021 г.

Шавит, Ари. *Моя обетованная земля*. Глава о жилом массиве, 1957. Основной закон: Израиль как национальное государство еврейского народа.

Дополнительный просмотр/прослушивание:

Обсуждение и голосование по вопросу о разделе ООН:

YouTube Декларация независимости: YouTube

Направляющие вопросы для чтения и обсуждения в классе:

Какова связь между мечтой о сионизме и его практикой?
Что означает для Израиля быть еврейским государством?
Что значит быть сионистом после 1948 года? Быть антисионистом?

(12) Секуляризм: советский, антиимпериалистический, левый

Anti-Zionism

UNGA Resolution 3379.

Tabarovsky, Isabella. *How Soviet Propaganda informs Contemporary Left Anti-Zionism*. In Tablet June 6, 2019.

Schoenberg, Harris O. "Demonization in Durban: The World Conference Against Racism." *The American Jewish Year Book*, vol. 102, 2002, pp. 85–111. *JSTOR*,

Anderson, Perry. "The House of Zion." *new Left review* 96 (2015): 5-37.

Mor, Shany. "On Three Anti-Zionisms." *Israel Studies*, vol. 24, no. 2, 2019, pp. 206–216. *JSTOR*,

Extra Viewing/Listening:

UNGA Debate on Resolution 3379 (including Chaim Herzog's speech):

Daniel Patrick Moynihan UNGA speech on Resolution 3379 (five-minute section)

Guiding questions for the reading and class discussion:

What is the relationship between anti-Zionism as an ideology or philosophical worldview and the Palestinian struggle or the larger Arab war against Israel? How are the three separate concepts of *anti-Zionism*, *criticism of Israel*, and *antisemitism* related? Where do Zionism and anti-Zionism fit into a larger discussion of nationalism, imperialism, liberation, and anti-racism?

Антисионизм

Резолюция ГА ООН 3379.

Табаровски, Изабелла. *Как советская пропаганда влияет на современный левый антисиионизм*. В планшете 6 июня 2019 г.

Шёнберг, Харрис О. «Демонизация в Дурбане: Всемирная конференция против расизма». *Американский еврейский ежегодник*, т. 102, 2002, стр. 85–111. *JSTOR*,

Андерсон, Перри. «Дом Сиона». *новый левый обзор* 96 (2015): 5-37.

Мор, Шани. «О трёх антисиионизмах». *Израильские исследования*, т. 24, № 2, 2019, стр. 206–216. *JSTOR*,

Дополнительный просмотр/прослушивание:

Дебаты в Генеральной Ассамблее ООН по резолюции 3379 (включая выступление Хаима Герцога):

Выступление Дэниела Патрика Мойнихана в Генеральной Ассамблее ООН по резолюции 3379 (пятиминутная часть)

Направляющие вопросы для чтения и обсуждения в классе:

Какова связь между антисиионизмом как идеологией или философским мировоззрением и борьбой палестинцев или более масштабной войной арабов против Израиля? Как соотносятся три отдельных концепции *антисиионизм, критика Израиля, и антисемитизм*? Связано ли это? Какое отношение имеют сионизм и анти-

Вписывается ли сионизм в более широкое обсуждение национализма, империализма, освобождения и антирасизма?

The cover design, by Avraham Vofsi, is based on Einat Wilf's first Labor Party Primaries campaign photo with the Israeli Half Lira Bill from the 1950's.

ABOUT THE AUTHOR

Dr Einat Wilf

Dr. Einat Wilf is a leading thinker on matters of foreign policy, economics, education, Israel and Zionism. She was a member of the Israeli Parliament from 2010-2013, where she served as Chair of the Education Committee and Member of the influential Foreign Affairs and Defense Committee.

Born and raised in Israel, Dr. Wilf served as an Intelligence Officer in the Israel Defense Forces, Foreign Policy Advisor to Vice Prime Minister Shimon Peres and a strategic consultant with McKinsey & Company.

Dr. Wilf has a BA from Harvard, an MBA from INSEAD in France, and a PhD in Political Science from the University of Cambridge. She has served as the Goldman Visiting Professor at Georgetown University.

BOOKS BY THIS AUTHOR

The War Of Return: How Western Indulgence Of The Palestinian Dream Has Obstructed The Path To Peace

Telling Our Story: Essays On Zionism, The Middle East, And The Path To Peace

Winning The War Of Words: Essays On Zionism And Israel

It's Not The Electoral System, Stupid (In Hebrew)

Back To Basics: How To Save Israeli Education At No Additional Cost (In Hebrew)

My Israel, Our Generation

Дизайн обложки, разработанный Авраамом Вофси, основан на первой фотографии Эйнат Вильф, сделанной во время предвыборной кампании партии «Авода» с израильской купюрой в поллиры 1950-х годов.

ОБ АВТОРЕ

Доктор Эйнат Вильф

Доктор Эйнат Вильф — ведущий эксперт в вопросах внешней политики, экономики, образования, Израиля и сионизма. С 2010 по 2013 год она была депутатом израильского парламента, где занимала пост председателя комитета по образованию и члена влиятельного комитета по иностранным делам и обороне.

Доктор Вильф родился и вырос в Израиле, служил офицером разведки в Армии обороны Израиля, советником по внешней политике вице-премьер-министра Шимона Переса и стратегическим консультантом в McKinsey & Company.

Доктор Уилф имеет степень бакалавра Гарвардского университета, степень магистра делового администрирования (MBA) школы INSEAD во Франции и степень доктора философии по политологии Кембриджского университета. Она работала приглашенным профессором Голдмана в Джорджтаунском университете.

КНИГИ ЭТОГО АВТОРА

Война за возвращение: как потворство Запада палестинской мечте затруднило путь к миру

Рассказывая нашу историю: очерки о сионизме, Ближнем Востоке и пути к миру

Победа в словесной войне: очерки о сионизме и Израиле

Это не избирательная система, тупица (на иврите)

Возвращение к основам: как спасти израильское образование без дополнительных затрат (на иврите)

Мой Израиль, наше поколение